

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ

Иоганн Блох

История проституции

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к электронному изданию

От издателей

Введение

Глава первая. Определение проституции

Глава вторая. Первичные корни проституции

Глава третья. Организация проституции в классической древности

Глава четвертая. Половой вопрос в древности и его значение для понимания и борьбы с проституцией

Глава пятая. Проституция в христианско-магометанском мире

Глава шестая. Проституция в средние века.
Социальная среда

Глава седьмая. Проституция в средние века.
Формы проституции

Глава восьмая. Проституция в средние века.
Надзор и борьба с нею

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭЛЕКТРОННОМУ ИЗДАНИЮ

Книга эта — одна из самых интересных, которые мне доводилось читать. Перед нашими глазами проходит не просто история проституции, нет: мы видим историю взаимоотношений полов во всём её историческом многообразии. Подобных книг мне известно не так много.

К сожалению, книга не была завершена. Да и мог ли автор предполагать, какие формы примет проституция в новом времени? Легализация проституции в некоторых европейских странах и явление «сексуального рабства», «рабов» для которых с избытком поставляют организованные преступные группировки из стран третьего мира, Восточной Европы и стран бывшего СНГ — лишь единичные события на фоне колоссальных перемен, свидетелем которых Иоганну Блоху не довелось быть. Думаю, что указанные явления находятся в прямой связи с описываемыми в книге процессами.

Оригинальный вариант книги (составление и оформление, оригинал-макет) был подготовлен фирмой «Браск». Книга была издана фирмой «РИД» в 1994 году тиражом 50 000 экземпляров (ISBN-85089-049-1).

Должен отметить, что в процессе подготовки электронного издания мне пришлось исправить большое количество орфографических и пунктуационных ошибок, существовавших в оригинальном издании. Хочется надеяться, что данный вариант книги будет свободен хотя бы от них. В книге также были нарушены правила типографики, связанные с расстановкой кавычек-елочек (которые не исправлялись) и длинными тире в числовых диапазонах, которые я по возможности заменил на короткое тире.

В данном варианте книги отсутствуют также иллюстрации, отчасти потому, что мне лень с ними возиться, отчасти оттого, что внедрение иллюстраций в этот файл привело бы к его дополнительному увеличению в размере (я полагаю, мегабайт до 20) и сделало бы затруднительным его распространение. Собственно, иллюстрации эти не несут информативной нагрузки, и являются сборником гравюр на обсуждаемые темы, фотографий различных предметов и снимками скульптур упоминаемых в книге персон.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Вопросы нравственности, в сочетании с интимной стороной жизни, с физическим и духовным здоровьем общества всегда интересовали людей. Именно этим, по-видимому, следует объяснить неизбывное любопытство широкой публики к проблемам свободной и продажной любви, к представителям этого ремесла — «самой древней профессии в мире» — и к генезису проституции как социального явления вообще.

Наше поколение, наряду с политическими катаклизмами, потрясшими общество, пережило и великую нравственную революцию, разрушившую установленную мораль, не оставившую, казалось бы, никаких недоговоренностей, никаких тайн в сфере самых сокровенных человеческих взаимоотношений. На наших глазах родилось новое отношение к сексу как к спорту, как к бизнесу, как к одной из обыкновеннейших сторон бытия, ничем не отличающейся от других... А интерес к «древнейшей профессии» не исчезает. Почему?

Чтобы попытаться ответить на такой вопрос, надо отступить назад. Окинуть взглядом историю общества и места, роли в нем интересующего явления, а потом постараться сделать самостоятельный вывод.

Сделать это современному читателю-соотечественнику непросто. Как и другие общественные пороки, проституция не может похвастаться обилием исследований и публикаций на русском языке. В социалистическом обществе она была объявлена «родимым пятном капитализма» и велено было считать, что ее не существует. Но стоило отпустить поводья цензуры, как проституция, наряду с другими «запрещенными» социальными явлениями, тут же появилась на арене общественной жизни.

Задумав издать серию книг «История нравов», мы, после «Дьявола» А. В. Амфитеатрова и «Истории сношений человека с дьяволом» М. А. Орлова, взялись за подготовку книги «История проституции» И. Блоха, переведенной с немецкого языка и изданной в Санкт-Петербурге в 1913 году, и еще одного сборника под тем же названием, объединяющим работы отечественных и зарубежных авторов и являющегося логическим продолжением труда И. Блоха.

С самого начала издатели столкнулись с целым рядом трудностей: немецкие исследователи всегда славились научной добросовестностью и дотошностью, но прошло много лет.

Изменился стиль повествования, другим стал язык произведений, предназначенных для широкого читателя. Понижился уровень образованности, и потому многие имена, термины и по-

нения оказались незнакомы современному читателю. Возникла проблема редактирования. Немецкие тексты с их фразами, длинной в полстраницы, с обстоятельными повторами каждой мысли, кажутся сегодня невероятно растянутыми, а переводы их — устаревшими и часто неуклюжими. Возникла вторая проблема — сокращения.

И все-таки мы старались относиться к тексту как можно бережнее и позволяли себе вмешиваться лишь «в букву», а не в смысл, стараясь не нарушить при этом и «аромат эпохи».

Проделанная редакторская работа, разумеется, не означает нашего стремления адаптировать текст или убрать из него нечто неудобочитаемое. В том не было нужды. Целомудрие авторов XIX века на фоне привычной уже для нас «свободы» слов, взглядов и деяний служит надежной гарантией даже для такой непростой темы, как проституция.

В качестве иллюстраций мы постарались подобрать рисунки, гравюры и фотографии произведений выдающихся художников всех времен и народов, большинство которых, как правило, мало известны русскому читателю.

О том, насколько интересной получилась наша работа, судить вам, читателям этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

Проституция представляет проблему, основа которой может быть выражена в простой и ясной формуле, но чтобы проникнуть в сущность этого явления, понять причину его тысячелетнего существования и безнадежность всех применяемых до сих пор методов борьбы с ним и найти новые средства этой борьбы, нужно представить себе, что проституция — голова Януса, одно лицо которого обращено к *природе*, а другое — к *культуре*.

Связь проституции как социального явления с культурой и цивилизацией бросается в глаза даже самому поверхностному наблюдателю. Вместе с тем, сущность ее осталась почти не затронутой прогрессом. И неизменно-примитивное в ней в течение тысячелетий стоит против культуры как нечто ей в основе чуждое и враждебное, или, во всяком случае, не слившееся с ней. Вопрос в том, не достаточно ли одного этого биологического корня проституции, чтобы объяснить ее живучесть и бесплодность борьбы с ней.

Кто рассматривает проституцию только как результат несоответствия между половым влечением и возможностью вступления в брак, тот касается лишь поверхности проблемы или видит одну ее сторону. Правильнее обозначать этот биологический фактор проституции как реакцию против подавления культурой первобытной потребности в более свободной половой жизни, как последний видимый пережиток примитивной сексуальности, оставшийся после того, как прогрессирующее развитие культуры, путем превращения энергии, поглотило и использовало для своих целей наиболее значительную часть ее в форме «половых эквивалентов» (Блох).

Но, с другой стороны, тот факт, что проституция представляет специфически *человеческое* явление, которому нет аналогии в животном мире, указывает, что она — исконный продукт культуры, в частности особого строя общественной жизни и связанного с ним порядка половых отношений. И этот социальный корень проституции точно так же можно проследить очень далеко в глубь веков, до начала формирования общественных групп.

Но в то время как биологические причины проституции по природе своей просты и элементарны и до сих пор сохранили примитивный характер, социальные причины ее, по мере возрастающей дифференциации культуры и общественной жизни, становились все разнообразнее и сложнее, чем и объясняется трудность построения действительно научной этиологии* проституции. Факторы, благоприятствующие развитию современной

проституции, представляют составную часть того, что известно под именем социального вопроса. Однако последний заключает в себе вопрос половой, то есть социальные формы проявления и социальное урегулирование полового инстинкта. А проституция представляет центральную проблему полового вопроса.

Таким образом, если проституция в глубочайшей основе своей и связана с первобытным, примитивным биологическим инстинктом, то в социальном отношении она, безусловно, представляет болезненный общественный процесс антисоциального и антигигиенического характера, словом — большое зло, которое, однако, иногда называют необходимым.

При более глубоком исследовании — как это изложено в настоящем сочинении — выясняется основное различие обоих факторов проституции, содержащихся в выражении «необходимое зло». Дело в том, что «необходимое», то есть примитивный инстинкт, проявляющийся с первобытной принудительной силой, не связано с проституцией узами естественной необходимости и могло бы найти себе удовлетворение и помимо ее. Собственно же зло проституции, то есть ее дурная, разрушительная сторона, при ближайшем изучении оказывается простым пережитком античной культуры, который совершенно не согласуется с нашей культурой, действует на нее как инородное тело и исчезнет в тот момент, когда новая культура современного человека, теперь видимая еще только в ее начатках, окончательно освободится от культуры антично-средневековой.

* Этиология — учение о причинах болезней. (Здесь и далее звездочками отмечены примечания редактора.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОСТИТУЦИИ

Трудность точного определения понятия проституции. — Проституция как человеческий феномен. Определение Солона. — Римские определения (Плавт и Ноний Марцелл). — Первое исследование свободной и бордельной проституции. — Определение Ульпиана и других римских юристов. — Отличие половых сношений за вознаграждение от проституции. — Проститутция по римскому праву. — Включение сводниц и бордельных хозяек в понятие проституции. — Строгое отделение проститутток от других представительниц свободной половой любви. — Римское право как основа позднейших определений проституции. — Особенности христианского воззрения. — Германское право как третий источник для выработки понятия проституции. — Характеристика юридических определений в XVII–XIX веках: 1. Необходимость строгого отличия проституции от остальных видов внебрачного удовлетворения полового влечения; 2. Неопределенная множественность лиц. Значение быстрой и частой смены любовников; 3. Постоянная, привычная и непрерывная отдача себя случайным клиентам; 4. Продажность по отношению ко всем, а не индивидуальное вознаграждение; 5. Публичное или достоверно известное занятие профессиональным развратом; 6. Равнодушие к личности клиента и отсутствие какой бы то ни было душевной связи с ним; 7. «Половые сношения» в более широком смысле. Решения имперского суда; 8. Принадлежность к женскому полу не является существенным признаком проституции; 9. Понятие о вполне развитой проституции предполагает постоянство в типе и образе жизни, приобретенных благодаря развратному промыслу и в меньшей степени зависящие от врожденного предрасположения. — Учение Ломброзо. — Новое определение проституции на основании приведенных выше девяти признаков. — Прямая и косвенная проституция.

Со времен древности люди делали попытки дать точное и ясное определение понятия «проституция». Но уже большое число этих попыток и тот факт, что определения юристов, медиков, социологов и моралистов частью сильно расходятся между собой, доказывает, что точное ограничение содержания слов «проституция» и «проститутка» весьма затруднительно.

Прежде всего, понятие о проституции должно быть ограничено *genus homo*. Проституция существует только у человека, творца культуры и общественного порядка. Это было известно уже древним. Так, Овидий (43 до н.э. — ок. 18 н.э.) пел:

*Шлюха готова с любым спознаться за сходные деньги,
Тело неволит она ради злосчастных богатств.
Все ж ненавистна и ей хозяйина жадного воля —
Что вы творите добром, по принуждению творит.*

*Лучше в пример для себя неразумных возьмите животных.
Стыдно, что нравы у них выше, чем нравы людей.
Платы не ждет ни корова с быка, ни с коня кобылица,
И не за плату берет ярку влюбленный баран.
Рада лишь женщина взять боевую с мужчины добычу,
За ночь платят лишь ей, можно ее лишь купить.
Торг ведет состояньем двоих, для обоих желанным, —
Вознагражденье ж она все забирает себе.
Значит, любовь, что обоим мила, от обоих исходит,
Может один продавать, должен другой покупать?
И почему же восторг, мужчине и женщине общий.
Стал бы в убыток ему, в обогащение ей?
(Любовные элегии. 1; 10. Пер.С.Шервинского)*

Первый организатор проституции, Солон (между 640 и 635 — ок. 559 до н.э.), покупал женщин и предлагал их «в общее пользование, готовых к услугам за внесение одного обола» (около 7 коп. на нынешние* деньги).

Это старейшее определение проституции уже отмечает ее главные признаки: отдача себя многим, часто меняющимся лицам («в общее пользование»), полное равнодушие к личности желающего того мужчины («готовых к услугам») и отдача себя за вознаграждение («за один обол»). Да и самое слово «проститутка», приписываемое обыкновенно римлянам, встречается уже в упомянутом сообщении о первом организованном Солонем публичном доме, причем проститутки обозначаются в этом отчете как существующие в борделе для продажи («prostasai»). Римское слово «prostate» — продаваться публично, проституироваться — так же, как и существительное «prostibulum» — образовалось, следовательно, из слов «продажная девка», «проститутка».

Но если законодательство Солона дало, таким образом, первую и самую ценную основу для точного определения проституции и проститутки, то у римлян мы находим для этого гораздо более богатый материал. Здесь продажная женщина получила различные весьма характерные названия. Это можно видеть уже в комедиях Плавта (сер. III в. до н.э. — ок. 184 до н.э.), написанных еще по греческим образцам. Он упоминает «guae-stuosa»: одна из тех, которые охотно зарабатывают (guae-stuosa), тело свое питают при помощи тела.

* 1913 год.

Кроме «*guaeustuosa*», *Плавт* употребляет еще для проституток названия «*meretrix*» (от слова «*merere*» — зарабатывать, именно непотребством), «*prostibulum*» (от «*prostare*» — стоять перед публичным домом), «*proседа*» (от «*prosedere*» — сидеть перед публичным домом).

Грамматик *Ионий Марцелл** (IV в. н.э.) определяет разницу между *meretrix*, или *menetrix*, и *prostibulum*: первая занимается своим ремеслом в более приличных местах и в более приличной форме — она остается дома и отдается только в темноте ночной, между тем как *prostibulum* день и ночь стоит перед борделем.

Здесь мы имеем первое определение свободной, или тайной проституции и проституции публичных домов, определение же *Солона* относилось только к последней. Тем самым понятие о проституции в отношении к низшей форме ее — гетеры не причислялись сюда — расширилось. *Meretrices* смотрели с презрением на *prostibula* и *proседae*, клиенты которых рекрутировались из низших слоев народа и из рабов.

Коротко, но вполне исчерпывающе определяет характер проститутки одна надпись на стене Помпеи: «*Люцилла извлекала выгоду из своего тела*».

Величайшее значение для более точного определения проституции и отличия ее от других форм внебрачных половых сношений имеют знаменитые определения и исследования римского права, прежде всего — *Ульпиана*** . Выводы его находятся в *Дигестах**** *Юстиниана***** . Они гласят:

«Публичным непотребством как ремеслом занимается не только та, которая проституируется в доме терпимости, но и та, которая бесстыдно продает себя — как это обыкновенно бывает — в увеселительном кабачке или в другом месте. Но под словом «публично» мы разумеем «всею и каждому, то есть без выбора» — следовательно, не такую женщину, которая отдалась, нарушив супружескую верность, или благодаря насилию, а такую, которая живет наподобие девки из публичного дома. А потому о женщине, которая имела половые сношения за денежное вознаграждение с одним или двумя мужчинами, нельзя еще сказать, что она публично занимается непотребством как ремес-

* Ноний Марцелл — латинский грамматик (филолог-энциклопедист).

** Ульпиан (ок.170–228) — римский юрист.

*** Дигесты — часть Кодификации Юстиниана — систематического изложения византийского права 6 в. В Дигесты включены отрывки из сочинений римских классических юристов.

**** Юстиниан (482 или 483–565) — византийский император с 527 года.

лом». С другой стороны, существует мнение, что и та женщина должна быть причислена к проституткам, которая публично отдается многим и без вознаграждения.

Весьма любопытно, что римские юристы получение платы за половой акт еще не рассматривали как проституцию. Они придерживались того мнения, что денежное вознаграждение не составляет сущность проституции, что оно не столь позорно, как эта последняя, а зависит лишь от отношений между мужчиной и женщиной. Как человек, повидавший и свет, и людей, *Ульпиан* знал, как часто женщина, занимающая зависимое общественное положение, старается получить какие-нибудь преимущества за то, что она отдается, нисколько не поступаясь при этом своей «честью» и не опасаясь, что потеряет уважение общества и что ее не будут больше считать «честной женщиной». Не существует ли у пассивной в половом отношении женщины глубокой физиологической склонности требовать от мужчины эквивалента за жертву, которую она приносит ему, неограниченно отдаваясь его любовным ласкам? Не распространена ли такая форма «продажности» женщины гораздо больше, чем проституция?

Существует характерный анекдот, прекрасно иллюстрирующий взгляды римских юристов, что половые сношения за вознаграждение не относятся обязательно к проституции, а бывают часто и помимо ее.

«Если желаешь руководить людьми, — говорил *Фридрих Великий*, — то главное — знать их вкусы, взгляды и слабости. Слабости есть у всех нас. Моя бабушка из Ганновера спросила однажды французского посланника, чем объяснить, что французку так легко соблазнить?

— Ваше Величество, — ответил он, — бриллианты!

— Но кто же продаст себя за бриллианты?

— Ну, за сто тысяч талеров!

— Отвратительно — за деньги!

— За красивое жемчужное ожерелье!

— Прошу вас, маркиз, ради Бога, перестаньте!

У моей бабушки было большое пристрастие к жемчугам. Это была ее страсть. Видите-ли, таковы все люди.»

Не считая вознаграждение само по себе существенным для понятия проституции, *Ульпиан* не причисляет к проституткам ни содержанку одного мужчины, ни галантную даму полусвета, получающую содержание, деньги и подарки от нескольких известных любовников, и не применяет к ним понятие «публичной» женщины.

Именно понятие «публичная» составляет, по римскому праву, существенный пункт в определении проститутки. Оно включает в себе указание на отсутствие индивидуальных отно-

шений между мужчиной и женщиной, и *Ульпиан* подробно разъясняет его в том смысле, что отдающая себя женщина вступает в половые сношения со всеми, кто этого желает, без всякого выбора и за вознаграждение.

Проститутка, по римскому праву, есть женщина, которая неограниченно удовлетворяет общий публичный спрос на половые наслаждения. И все женщины, вступающие в половые сношения со многими мужчинами публично или тайно, в борделе или в другом месте, за вознаграждение или без него, со сладострастием или холодно, без разбора — все они проститутки.

К категории проституток относятся, разумеется, и те женщины, которые путем соблазна или насилия побуждают других продаваться: сводницы, хозяйки домов терпимости и увеселительных кабачков и т. п.

Если собрать все эти факты воедино, то получится следующее исчерпывающее определение: *женщина, которая с целью добывания денег, а также без такой цели, публично или тайно продает себя или других женщин многим мужчинам без разбора, есть проститутка.*

Таково классическое понятие о проституции по римскому праву, признанное в общем и позднейшими юристами. Достойно внимания полное отсутствие мужской проституции в *Дигестах*. Там не говорится ни слова о тех мужчинах, которые занимаются продажей своего тела как профессией, о проституированных гомо- и гетеросексуалистах мужского пола. Станным образом исключены также сводники, хозяева борделей и увеселительных кабачков, в то время как сводницы и хозяйки названных заведений причислены к категории проституток.

Наконец, нужно еще заметить, что римское право строго отличает проститутку, «*mulier gaeesturia*», от других представительниц свободных половых сношений: от «*concupina*», «*pellex*», «*amica*» или «*delicata*».

«*Concupina*» — женщина, которая живет с неженатым мужчиной и во всех отношениях занимает положение жены, так что недостает только узаконения юридическим брачным договором.

«*Pellex*», «*paelex*» (от греческого — «наложница») — возлюбленная женатого человека и в качестве таковой пользуется гораздо меньшим уважением, чем конкубинатка.

Согласно тексту изданного царем *Нумой** закона, женщину называли «*pellex*» и считали бесчестной, если она жила в интимной связи с мужчиной, в собственной власти которого уже находится, для правомерного брачного союза, другая женщина.

Наконец, от проститутки отличали также галантную женщину, «*amica*» или «*delicata*», которая имела половые сношения лишь с немногими мужчинами по выбору и потому исключалась из определения *Ульпиана*. Это то же, что наш «полусвет» или та категория продажных женщин, которым *Овидий* посвятил свое произведение «Наука любви». Как объясняет поэт, оно не относится к проституткам. Последних он строго отличает от галантных женщин, половая жизнь которых, по его мнению, носит безусловную печать индивидуальных отношений и выбора, хотя они и отдаются почти исключительно за вознаграждение.

Римское право послужило основой для всех определений позднейшего времени вплоть до настоящего. Эти определения можно разделить на две большие группы: первая видит сущность проституции в «публичном непотребстве», вторая — в «продажности» проституированной женщины.

Христианское учение, как это выразилось в трудах отцов церкви, каноническом праве и нравоучительном богословии, больше смотрело на проституцию как на общее половое смешение, на промискуитет. Знаменитое определение *святого Иеронима* гласит: «Проститутка есть женщина, которая отдается похоти многих мужчин».

Теологи и юристы — комментаторы этого места — вдавались преимущественно в анализ понятия «много мужчин», связывая с ним самые странные вопросы. Один полагал, что нужны по крайней мере 40 мужчин, чтобы увидеть наличие проституции. Другой требовал для этого 60 мужчин. А один даже соглашался лишь в том случае применять к женщине эпитет проститутки, если она отдалась не менее чем 23000 мужчин!

В каноническом праве признаком проститутки считается доступность ее всем и продажность. А католическое нравоучительное богословие называет проституткой женщину, которая продается всякому встречному и публично предлагает себя.

Согласно христианскому учению, проституция — известная форма разврата. Любые внебрачные половые сношения оно клеймит так же, как проституцию. Римское же право, напротив,

* Нума Помпилий — второй из семи римских царей, с именем которого связывались правовые и религиозные реформы.

как мы видели, резко отличало проституцию от других форм внебрачного сожительства (конкубинатка, метресса, дама полусвета) и выражало публичное презрение только первой.

Кроме римского права и христианского учения, мы должны еще назвать, как третий источник выработки понятия проституции, германское право. Воззрение его аналогично христианскому в том смысле, что оно также не проводит строгого различия между проституцией и внебрачным распутством. Вот почему древнее немецкое слово «Hure» (блудница) равно обозначает падшую, лишенную девической чести девушку, развратную женщину, нарушительницу супружеской верности, любовницу, и, наконец, продающуюся за деньги публичную женщину. Таким образом, оно некогда охватывало все виды внебрачных половых отношений.

Особые признаки проституции впервые приняты во внимание в вестготском своде законов. Там сказано: «Если рожденная свободной девушка или замужняя женщина публично занимается в городе развратом и если дознано, что она проститутка и часто застигнута была при нарушении супружеской верности; если она, далее, как то доказано, без всякого стыда непрерывно завлекает многих мужчин своим позорным поведением, то такая женщина должна быть задержана штаттграфом и публично подвергнута тремстам ударам кнута, и т. д. И если она совершает прелюбодеяние с вехом своего отца или своей матери и зарабатывает своим позорным поведением и половыми сношениями пропитание себе или своим родителям, то и они должны быть подвергнуты ударам кнута».

Затем закон содержит дальнейшие определения относительно несвободной служанки, которая проститует ради собственных выгод или ради выгод своего господина.

Отсюда видно, что германский взгляд на проституцию подчеркивал в особенности публичность, большое число мужчин и непрерывное занятие непотребством. Далее проводилось решительное различие между свободной и несвободной проституткой и, очевидно, принималось также во внимание внешнее принуждение к проституции со стороны родителей или господина. Но и здесь также понятие «проституция» строго ограничивается только женским полом.

Влияние римского, канонического и германского права сказывается во всех новых определениях проституции от XVII до XX века. И если в знаменитом «уголовном судопроизводстве» императора *Карла V** проституция вообще не упоминается, то в юридических сочинениях XVII и XVIII веков определение проституции обыкновенно принимается в полном объеме по римскому праву, как лучшее. В XIX веке было много интересных попы-

ток дать определение проституции в юридическом, социологическом и биологическом смысле, причем особенно подчеркивали либо отдельные пункты в определении Дигест и ставили их в центре нового определения, либо старались развить и расширить понятие канонически-германского права.

Юристы, однако, сравнительно мало занимались точным определением понятия «проституция» или разъяснением его соответственно состоянию юриспруденции и социологии. Современные уголовные законы останавливаются на этом понятии частью мало, частью поверхностно. Но в этом нет ничего удивительного, поскольку вопрос этот принадлежит к самым трудным в уголовном праве.

Чтобы выяснить и научно установить понятие о проституции, необходимо все особенности ее, выступающие в новейших определениях, подвергнуть критическому анализу. Таким образом можно отделить существенные признаки от несущественных и создать объективное определение. Существенные моменты, которые должны быть приняты во внимание, следующие:

1. Необходимость строгого отличия проституции от остальных видов внебрачного удовлетворения полового влечения. Опираясь на каноническое право, многие новейшие авторы отождествляли проституцию со всеми незаконными формами удовлетворения полового инстинкта и тем самым совершенно стерли границу между ними.

Необходимо помнить, что кроме брака всегда существовали свободные половые отношения, не принадлежащие к проституции. И смешивать их не нужно.

2. Неопределенная множественность лиц, которым отдается данный субъект, имеет существенное значение для понятия проституции. Следовательно, «случайную проституцию» или жизнь на «содержании» нельзя полностью причислять к проституции. В крайнем случае, на нее можно смотреть как на ступень, предшествующую проституции. Напротив, к проституции, несомненно, принадлежит поведение страдающей нимфоманией* женщины, которая отдается неограниченному числу мужчин без

* Карл V (1500–1558) — император «Священной Римской империи». Противник Реформации и защитник идеи «Всемирной монархии», известен жестоким Кодексом уголовного права. Пользуется вниманием со стороны современных западно-европейских историографов.

* Нимфомания — патологически повышенное сексуальное влечение у женщин, проявляющееся безудержным стремлением к половому сближению с различными партнерами.

разбора, часто и скоро меняя их, хотя бы она и делала это без вознаграждения. Как мы видели выше, римское право уже относило таких женщин к категории проституток.

3. Постоянная, привычная, непрерывная отдача себя представляет существенный признак проституции. Он находится в самой тесной связи с упомянутым в п.2 моментом, с «неопределенной множественностью».

4. Продажность по отношению ко всем, а не индивидуальное вознаграждение деньгами (либо подарком или каким-нибудь преимуществом) определяет сущность проституции. Эта продажность, как существенная черта, отличает проститутку от всех других лиц, состоящих во внебрачных половых отношениях. Тем самым всякое индивидуальное денежное или всякое другое материальное вознаграждение лица, к которому неприменимо понятие о публичной продажности, исключает его принадлежность к проституции.

Систематическая продажа своего тела и профессиональный характер поступков отличает проститутку от других женщин, получающих за половые отношения деньги, подарки или другие материальные преимущества. Уже *Овидий* делает это различие:

*Сам я не скуп, не терплю, ненавижу, коль требуют платы;
Просишь — тебе откажу, брось домогаться — и дам.
(Любовные элегии. 1; 10. Пер.С.Шервинского)*

Современное уголовное право присоединилось к этому взгляду. Поэтому женщина, получающая большую или меньшую часть своих доходов от «прочной связи», не есть проститутка. Особа, отдающаяся безразлично кому, но ради собственного удовольствия, даже если она получает за это подарки (пока они не представляют платы), точно так же не может считаться проституткой. Так же мало принадлежит к этой категории женщина, отдающаяся случайно, хотя бы и за плату, и, наконец, даже та, которая за деньги отдается поочередно нескольким, но в течение продолжительного промежутка времени имеет только одного возлюбленного.

Дело в том, что во всех этих случаях отсутствует признак систематического промысла, исключительного существования благодаря разврату.

5. Существенный признак проституции представляет публичное или достоверно известное занятие профессиональным развратом. При этом безразлично, заключается ли эта публичность в прогуливании по улице, так называемом «отлете», или же она достигается посещением театров, концертов, балов, скачек, курортов, других собраний и увеселительных мест; или же клиенты привлекаются из окна, путем рекламы, раздачей

объявлений прохожим, рекомендацией отелей, или частным образом, при помощи газетных объявлений, например, под прикрытием «массажа» и т. д.

6. Равнодушие к личности субъекта, желающего вступить в половое сношение, и отсутствие всякой индивидуальной душевной связи между проституткой и ее клиентом характеризуют вполне развитую форму проституции.

Крайнее равнодушие к личности мужчины, желающего вступить в половое сношение, развивается на низших ступенях развратного промысла с течением времени. Половые сношения со многими, часто меняющимися партнерами, постепенно притупляют всякие индивидуальные чувства симпатии, внешнего расположения, даже простого сексуального желания и приводят к той безнадежной пассивности и к равнодушию, которые представляют затем характерный признак старых проституток.

7. Существенный признак проституции составляет не только совокупление, но и половые сношения в более широком смысле слова.

Уже римское право довольно ясно обозначило, что женщина отдается и в том случае, когда дело даже не дошло до совокупления, а последовало удовлетворение полового инстинкта клиента другими развратными действиями и актами. Речь идет, следовательно, не только о совокуплении, но и обо всяком другом виде полового возбуждения и полового удовлетворения.

Это прямо установлено также двумя решениями имперского суда. Первое гласит:

«Под развратом в смысле параграфа 180 уголовного уложения нужно разуметь не только совершение внебрачного соития, но и всякий другой акт в сфере половых отношений между несколькими лицами, оскорбляющий чувство скромности и нравственности. Потому под эту статью может быть подведено и установленное в основах решение, служащее для целей разврата поведение кельнерш, которые позволяли гостям сажать себя на колени и трогать себя поверх и под платьем; а в том обстоятельстве, что обвиняемый постоянно содействовал такому образу жизни, признанному судом развратным, создавая подходящий для того случай, можно усмотреть наличность сводничества».

Во втором решении сказано:

«Разврат в смысле параграфа 361 номера 6 уложения о наказаниях обнимает, наряду с совершением совокупления, такие деяния особы женского пола, которые, в противоречие с законами скромности и нравственности, имеют целью возбуждение или удовлетворение чужого полового инстинкта путем действия собственным телом.»

В случае, подавшем повод для этого определения, уголовный суд считал доказанным, что обвиняемая Б. за плату состояла со свидетелем К. в «извращенных половых отношениях» и что свидетель К. неоднократно платил обвиняемой Б. за то, что она его массировала, причем массаж производился таким образом, что у К. наступало истечение семени.

Согласно изложенному, не подлежит, следовательно, сомнению, что женщина, занимающаяся развратным массажем, флагелляцией*, мазохистскими процедурами, развратными позами и т. д. как промыслом, с целью вызвать у неопределенного количества мужчин половое возбуждение или дать им половое удовлетворение, точно так же должна считаться проституткой, как и женщина, занимающаяся совокуплением как профессией. Притворные «массажистки» и «строгие воспитательницы», следовательно, не что иное, как настоящие проститутки.

Таким образом, если всякого рода профессиональные предложения полового возбуждения и удовлетворения другим лицам составляют существенный признак проституции, то собственное половое возбуждение отдающегося субъекта несущественно для понятия «проституция». Невозможно, конечно, сомневаться — как допускало уже римское право, — что небольшая часть женщин систематически отдается неопределенному количеству мужчин из одной только чувственности и что многие отдающиеся за деньги женщины, в особенности вначале, испытывают при этом половое удовлетворение и частью действуют по мотивам полового характера.

Тем не менее, в общем остается верным то положение, что для большинства проституток половое удовлетворение при выполнении ими своего ремесла не играет роли и что в большинстве случаев они ищут его у сутенеров или у других любовников.

8. Принадлежность к женскому полу не есть существенный признак проституции.

Как мы уже указали выше, римское право применяло понятие «проституция» только к лицам женского пола, как в отношении собственно проституции, так и в отношении сводничества. К этому взгляду присоединились также каноническое и германское право. Все они не знают мужской проституции и сводничества, ни лесбийской любви между женщинами. Для них проституция возможна лишь между лицами разного пола.

* Флагелляция — половое извращение, характеризующееся возникновением полового возбуждения при избииении партнера или при избииении партнером; разновидность мазохизма или садизма.

Такой взгляд на вещи сохранился и до новейшего времени и ясно выражен в уголовном законодательстве различных стран. Определение проституции всюду распространяется только на женщин. Этот пробел еще, следовательно, предстоит заполнить в будущем.

9. Понятие о вполне развитой проституции предполагает постоянство в типе и образе жизни отдельных проституированных индивидуумов, главным образом приобретенное благодаря развратному промыслу, а в меньшей доле зависящее от врожденного предрасположения.

В дальнейшем мы познакомимся с тем фактом, что известные характерные свойства проституток типичны для них и встречаются всюду и во все времена. Эти типичные особенности проституток, совокупность которых создает известное постоянство типа каждого индивидуума в отдельности, несмотря на смену различных явлений проституции, составляют главным образом продукт развратного промысла и всей вообще среды, в которую очень скоро попадает проститутка. Благодаря общественному давлению, психическому заражению и подражанию, она все больше и больше приспосабливается к этой среде, пока совершенно не растворится в ней. Так объясняется в большинстве случаев биологический феномен проституированной женщины с удивительным постоянством ее признаков. Гораздо меньшую роль играет в этом постоянстве врожденная склонность к проституции.

Но что она существует, доказали *Ломброзо** и *Тарновский***.

В результате критического исследования отдельных признаков проституции мы получаем следующее исчерпывающее (насколько это вообще возможно) определение проституции:

Проституция есть определенная форма внебрачных половых отношений, отличающаяся тем, что вступающий на путь проституции индивидуум постоянно, несомненно и публично отдается, более или менее без разбора, неопределенно большому числу лиц; редко без вознаграждения, в большинстве случаев промышляя продажей своего тела для сокоупления или других половых деяний с этими лицами, или вообще провоцируя их по-

* Ломброзо Чезаре (1835–1909) — итальянский судебный психиатр и криминалист, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве.

** Тарновский Вениамин Михайлович (1837–1906) — русский венеролог и дерматолог.

ловое возбуждение и удовлетворяя его; причем проституированный субъект, вследствие своего развратного промысла, приобретает определенный постоянный тип.

Таково определение проституции в ее существенных чертах и в ее совершенном развитии. В этом смысле ни «связи», ни «содержанки» — как это само собой вытекает из нашего изложения — ни в юридическом и социологическом, ни в биологическом отношении не принадлежат к проституции. Эти формы внебрачных отношений должны быть выделены из понятия «проституция». Но тем самым отнюдь не исключается их тесная связь с проституцией при современных социальных условиях. Как предпосылки, предварительные ступени и переходные формы проституции, они должны приниматься во внимание в описании ее, хотя, согласно строго научному определению, и не принадлежат к ней.

С другой стороны, благодаря подбору слов «вообще доставляя им и удовлетворяя их половое возбуждение и провоцируя его», в общее понятие «проституция» включается также сводничество, к которому в известном смысле принадлежит и способствующее развитию проституции и провоцирующее ее сутенерство. Действительно, и то, и другое можно назвать косвенной проституцией. Римское право, как мы уже видели, тоже причисляло сводниц к проституткам.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПЕРВИЧНЫЕ КОРНИ ПРОСТИТУЦИИ

Проституция как пережиток свободной половой жизни первобытного человечества. — Воззрение римских поэтов. — Закон развития в половой жизни. — Периодическая «течка» у первобытного человека. — Свобода половых отношений. — Прimitивное подчеркивание красного цвета в половой жизни. — Разрумянивание лица и окрашивание волос в светлый цвет у проститутки как пережиток первобытных народов. — «Венера из Брасемпту». — «Венера из Виллендорфа». — Аналогичные находки кикладской культуры. — Сохранение примитивного вкуса в современной проституции. — Половая наивность первобытного человека. — Отношение проституции к половому промискуитету. — Доказательства существования промискуитета. — Естественные причины свободных половых отношений. — Отношение мужских союзов и возрастных классов к свободным сношениям и проституции. — Распространение домов для мужчин. — Групповой брак, полиандрия, обмен женами как пережиток промискуитета. — Проституция как возмещение промискуитета. — «Армунгул» на Каролинских островах и островах Палау. — Рекрутирование проституции на островах Меланезии. — «Девушки для мужчин» на островах Санта-Крус. — Вдовы как проститутки. — Проституция у народов Африки. — Проституция из гостеприимства и добрая проституция. — Общественное презрение к проституции у диких народов. — Связь проституции с религией. — Коренная связь между религиозным и половым оицунением. — Религиозная окраска полового акта. — Чары оплодотворения. — Культ фаллоса. — Промискуитет на религиозных празднествах. — Формы религиозной проституции у разных народов. — Пережитки религиозной проституции в средневековой и современной Европе. — Связь религиозной проституции с первобытной половой свободой. — Гомосексуальная проституция. — Связь между гомосексуальной проституцией и религией у разных народов. — Религиозное происхождение любви к мальчикам у древних греков. — Связь проституции с художественными элементами жизни. — Значение дионисиевского элемента в проституции. — Понятие художественной, эпикурейской и эстетической проституции. — Связь танцев и музыки с примитивной эротикой и промискуитетом. — Египетские проститутки-танцовщицы «гавазы», «алме». — Восточный «танец живота». — Связь восточной хореографической проституции с искусственно опьяняющими средствами. — Художественный элемент в проституции классической древности. — Проститутки-танцовщицы и музыкантши в средние века и в Новое время. — Бордели как танцевальные школы. — Гомосексуальная хореографическая проституция на Востоке. — Связь проституции с искусством в Японии. — Иошивара, квартал проститутки в Токио. — «Синие дома» и «цветочные лодки» в Китае. — Гомосексуальная театральная проституция в Китае и Японии. — Связь проституции с искус-

существенными опьяняющими средствами. — Китайские бордели с приспособлениями для курения опиума. — Связь лесбийской проституции в Париже с опийными домами. — Бетель и кока. — Кокаин и проституция. — Никотин и проституция. — Табачные лавки как бордели. — Связь чая и кофе с проституцией. — Алкоголь и проституция. — Древний Египет как родина кабачков с женской прислугой. — Восточные проститутки в увеселительных кабачках Рима. — Средневековая и современная трактирная проституция. — Связь проституции с искусственными духами. — Связь проституции с купаниями и банями. — Вода и половая жизнь. — Банная проституция в классической древности; на магометанском Востоке; в средние века; в Новое время. — Гомосексуальная банная проституция. — Вторичный характер связи экономических условий с проституцией. — Брак и проституция. — Похищение и покупка жен. — Роль денег в современном браке. — «Браки на час» и временные браки. — Обычай отдавать жен в займы и проституция из гостеприимства. — Первобытная денежная ценность женщины. — Денежный брак и индивидуальный брак. — Экономическая эксплуатация проституции.

Современная проституция по своей организации и по тем общественным формам, в которых она проявляется, представляет в общем пережиток классической древности. Но первичные корни ее уходят в первобытные времена.

Рядом с высшей культурой, с быстро прогрессирующей цивилизацией, с ростом духовного развития отдельных личностей проституция представляет архаически-примитивное явление, в котором ясно заметны остатки свободной и необузданной жизни первобытного человечества, находившейся под исключительным влиянием инстинкта — той элементарной сексуальности, которую Платон (428–348 до н.э.) обозначил как вечно живое «животное в человеке», независимое от культуры и духовного развития.

Первобытная история человека дает скудные сведения о половой жизни, в которой коренится проституция и последний пережиток которой она составляет. Главными нашими знаниями по этому вопросу мы обязаны сравнительной этнологии, объектом которой служат как культурные, так и первобытные народы.

Особенно важный материал для суждения о первобытных условиях половой жизни дает нам сравнительная история нравов и права. Она указывает остатки первобытного состояния в новейших учреждениях, обычаях и нравах и обнаруживает их преемственность в течение тысячелетий. Преемственность же эта, в свою очередь, дает возможность сделать обратные выводы относительно доисторических условий и связать их с немногими фактами, установленными для половой жизни первобытных

времен. Таким путем удастся доказать непрерывную связь явлений первобытной половой жизни от доисторического периода до наших дней.

Вопрос о первобытных половых отношениях занимал еще поэтов древности, и для нашей темы небезынтересно проследить их поэтические фантазии в этой области. Так, римский поэт *Лукреций* (I в. до н.э.) в пятой книге своего знаменитого дидактического стихотворения «О природе вещей» дает художественное изображение лишенного еще культуры первобытного человека, который бродит, подобно животным, разыскивая себе пищу, живет в пещерах и влачит свое существование, не зная ни одежды, ни огня:

*Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.
Общего блага они не блюли, и в сношениях взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.
Всякий, добыча кому попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одном постоянно заботясь.
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть обоюдная, либо
Грубая сила мужчин и ничем неумная похоть,
Или же плата такая, как желуди, ягоды, груши.
(Книга V. Пер. Ф.Петровского)*

На заре рода человеческого поэт уже допускает, кроме чисто физической любви между полами (*libido*), еще и своего рода душевную склонность (*cupido*) и отмечает также первые намеки на проституцию, продажную любовь.

По *Горацию* (65–8 до н.э.), вначале не было брака. Происходила только страстная борьба за половые наслаждения, во время которой более сильный оставался победителем и убивал остальных.

*...Но смертью те погибали безвестной, которых
При беспорядочном и скотском утолении страсти
Сильный так убивал, как бы это делает в стаде.
(Книга I, сатира 3-я. Пер. А.Фета)*

Оба поэта допускают, следовательно, первобытное состояние половой жизни, соответствующее примитивному состоянию человечества. Только с развитием культуры возникло, по их мнению, брачное сожителство. Тем самым они, несомненно, гораздо более приблизились к истине, чем третий римский поэт, высказавшийся на этот счет, — *Ювенал* (ок. 60 — ок. 127) Он верит в райскую невинность и целомудрие, в мирное брачное со-

жительность, которые выродились лишь впоследствии, под влиянием культуры. В начале своей знаменитой сатиры, описывающей это вырождение, он следующим образом изображает половую жизнь доисторических времен:

*Думаю, что при царе Сатурне долго Стыдливость
Явно жила на земле, когда в пещере холодной
Помещался и крошечный дом, и огонь, и святыня.
И скоты, и хозяева в той же сени заключались:
Как лесную постель у горца жена настилала
Из ветвей и стеблей, да шкур с окрестных животных.
Ни с тобою, о Цинтия, не сходна, ни с тобою,
Коей смерть воробья омрачила блестящие очи*!
А приносившая груди кормить детей здоровенных,
И грубее подчас желудьми пресыщенного мужа.
(Сатира VI. Пер. А.Фета)*

Далее поэт описывает постепенное исчезновение целомудрия и падение нравов позднейшего времени. В противоположность приведенным выше двум поэтам, Ювенал является, таким образом, типичным представителем сторонников «доброто старого времени» и теории вырождения, полная несостоятельность которой доказана новейшими исследованиями. А потому мы должны считать описание Лукреция и Горация более соответствующими реальной действительности, чем описание Ювенала. Однако они также представляют лишь плод фантазии, точные доказательства в них отсутствуют.

Закон развития имеет силу и для половой жизни. Насколько велико различие между современным культурным человеком и человеком ледникового периода, настолько же отличается его половая жизнь от половой жизни неандертальца.

Не подлежит сомнению, что в первых своих начинаниях человек действовал как существо, подчиняющееся только инстинкту и что его половой инстинкт еще не обнаруживал тогда никакой дифференциации, никакого разделения на телесное и духовное. Чисто животная течка соединяла оба пола и связана была с известным временем, с периодом течки, которая еще не подвергалась видоизменению под влиянием какого бы то ни было духовного элемента. В существовании периодической течки у первобытного человека тем менее можно сомневаться, что существование ее и теперь еще можно увидеть у таких диких народов, как австралийцы, которые, согласно общему мнению, стоят всего ближе к первобытному человеку.

* Цинтия — возлюбленная поэта Проперция, а оплакивающая смерть воробья Лесбия — возлюбленная поэта Катуллы. (Примечания автора).

Поскольку человек принадлежит к стадным животным, можно предположить, что и вызванные периодической течкой спаривания разыгрывались у него в пределах орды, или стада. И так как индивидуальные, душевные отношения еще отсутствовали, то нет основания сомневаться в существовании промискуитета — ничем не ограниченных половых отношений, которые предшествовали установлению в человеческом обществе норм брака и семьи. Его не нужно, разумеется, представлять себе как одновременное дикое смешение полов, а только как свободу половых отношений, естественной предпосылкой которой является недифференцированность первобытного полового инстинкта. Это не исключает, конечно, наблюдающейся у животных «борьбы за самку», которая делает понятной частую смену составляющих пары индивидуумов.

Первобытный человек принадлежит тому времени, от которого до нас не дошло никаких следов человеческой деятельности. В каменном веке он является уже носителем культуры, пережившим богатое по содержанию и объему духовное развитие. В его половой жизни уже совершилось известное разделение между телесным и духовным элементами.

Любопытна склонность человека каменного века к бросающимся в глаза пестрым предметам, которые он применял как украшения и средства для привлечения другого пола: например, разрисовывание тела красной железной охрой. Примитивный характер красного цвета и разрисовывания тела и их значение как примитивной приманки другого пола доказали впервые исследования *Германа Кляча* в Австралии. По его словам, окраска кожи охрой первоначально должна была служить известной защитой для тела и только вторично уже приобрела значение украшения, после чего сделалась и половой приманкой. Такое же значение она имеет, надо думать, и у палеолитических людей Европы.

Подобно тому, как румяна проституток произошли из первобытной раскраски кожи, такое же наследие древнейших времен представляет и весьма распространенный среди проститутток обычай красить волосы в светлый цвет или ношение белокурого шиньона. *Кляч* доказал, что волосяной покров первобытного человека был светлым. Он нашел тому доказательства среди австралийцев, наиболее близких к первобытному состоянию. Волосы на головах у их детей часто обнаруживают светлую окраску, у взрослых же в некоторых местах существует обычай посыпать голову желтой охрой, как бы для того, чтобы искусственно сохранить детский цвет волос.

Дальнейшие весьма важные факты, касающиеся половой жизни человека каменного века, стали нам известны благодаря находкам в Брассемпуи и Виллендорфе.

В 1892 году *Эдуард Пиетт* нашел в принадлежащих к четвертичной эре гротах в Брассемпуи, Ложери-Басс и Ментоне высеченные из слоновой кости женские статуэтки и рисунки на рогах оленя. Наиболее интересной из них была фигура, обозначенная как «Венера из Брассемпуи». Это был средний отломок фигуры из слоновой кости в 8 сантиметров длиной, от которой сохранились живот и правое бедро. Фигура снабжена была большим отвислым, сбоку втянутым животом, громадным бедром и ягодицами (*steatorugia**) и сильно развитыми срамными губами. Как можно заключить на основании многочисленных полос, расположенных группами, фигура была волосатой. *Пиетт* считает ее точным изображением субъекта четвертичной стеатописической человеческой расы с жирным животом, причем в ней сильно подчеркнуты были половые части.

Из других фигур, найденных *Пиеттом*, достойны внимания Брассемпуйская рукоятка кинжала из слоновой кости с торсом голой женщины, с громадными грудями, большим животом и боковыми отложениями жира на бедрах; и рисунок на роге оленя, найденный в Ложери-Басс. Живот объемист, быть может, беременный, с явно подчеркнутыми половыми частями; волосатая фигура с ожерельем и шестью кольцами на левой руке. «Фигура с поясом» из слоновой кости имеет крепко прижатые друг к другу бедра, плоский живот и сильно выпяченный лобок. Некоторые другие фигуры также обнаруживают преувеличенное изображение половых частей.

Совсем недавнего происхождения поразительная находка, так называемая «Венера из Виллендорфа», которую открыли в 1909 году в мергелевых отложениях Виллендорфа в Вахау (Нижняя Австрия). Отложения эти принадлежат четвертичному периоду и так называемому ориньякскому слою**.

Виллендорфская Венера представляет фигурку в 11 сантиметров высотой из мелкопористого известняка вполне сохранившуюся, с неправильно распределенными остатками красного окрашивания. Она изображает перезрелую толстую женщину с большими молочными железами, остроконечным животом, толстыми боками и бедрами, но без собственно стеатопигии. Все это вполне соответствует формам Брассемпуйской

* Стеатопигия — сильное развитие подкожного жирового слоя на бедрах и ягодицах человека — характерна для женщин некоторых южноафриканских народов (бушмены, готтентоты).

** 33000–19000 лет до н.э.

Венеры. Как там, так и здесь явственно изображены малые губы. Но стеатопигия, о которой заключали по громадным бедрам сильно пострадавшей французской фигуры, здесь не оправдывается. Волосы головы изображены в виде валика, расположенного спирально вокруг большей части головы. Лицо абсолютно не отделано. Нет ни намека ни на одну из его частей (глаза, рот, нос, уши, подбородок). Руки уменьшены, предплечия и кисти изображены только в виде плоских рельефных полос, положенных над грудями. Колени развиты хорошо, но сильно укорочены, голени снабжены икрами, но сильно укорочены, передняя часть ноги совсем не изображена.

Вся фигурка показывает, что ее автор хорошо владел искусством изображения человеческого тела, но поставил себе целью выдвинуть вперед только те части тела, которые служат деторождению, и части, расположенные с ними в непосредственном соседстве. Все же остальное он старался подавить. Особенную ценность находки составляет то, что это намерение так удалось художнику.

Как и в других фигурах, речь здесь идет о таком сильном подчеркивании половых признаков женщины, что это не может быть простой случайностью, а должно служить выражением определенного характера половых ощущений мужчины. Несомненно, что фигуры эти сделаны мужчинами. Так как другие художественные изображения того времени касаются животных, которыми тогда питался человек, то справедливо, что мужчины-художники диллювиального периода* избирали объектами для своих изображений именно те предметы, которые должны были больше всего интересовать их как мужчин и охотников, то есть женщину и дичь. Половой инстинкт и потребность в пище были гениями этого примитивного искусства.

Изображение и подчеркивание половых признаков женщины не носит в этом случае религиозного характера, а представляет только верное действительности отражение чисто физической привлекательности для мужчины половых органов женщины. Аналогия между различными фигурами показывает, что художники рисовали с натуры, что женщины ледникового периода отличались полнотой тела и покрыты были большим количеством волос. Кроме того, у них наблюдалось чрезмерное развитее малых половых губ. По *Вирхову*** , такая стеатопигия и

* Диллювиальный период, дилловий — устаревший термин, употреблявшийся в геологии для обозначения первой, наиболее длительной эпохи четвертичного периода.

** Вирхов Рудольф (1821–1902) — немецкий патолог, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук (1881).

разращение малых губ указывают на бушменскую расу. Во всяком случае, толстые женщины считались тогда идеалом и объектом чувственной страсти. Факт этот подтверждается аналогичными находками из древнейших времен так называемой кикладской культуры*. В могилах неолитической эпохи в Италии, Египте и на греческих островах найдены были женские фигуры из мрамора, от самых маленьких до размера почти в половину натуральной величины, которые изображали чудовищно *толстых* женщин — признак «материалистического» вкуса мужчин.

Примитивные еще по сравнению с высшими классами, низшие классы Германии и других европейских стран по сей день видят в полноте тела идеал. Центральное место занимают сильно развитые груди и ягодицы. В Неймарке, когда хвалят добротность свиней, говорят: «Жирна, как городская блядь». 78-я глава Корана (стих 31) также славит «женщин с роскошным телом и полными грудями» как идеал жителей Востока.

Красное окрашивание Виллендорфской Венеры показывает, что уже в ледниковом периоде мужчинам нравились накрашенные, румяные женщины. Как известно, по мере развития одежды раскрашивание тела все более и более сокращалось, пока его не стали употреблять для одного только лица. Намеки на прежнее полное раскрашивание мы еще находим среди креолок, дам полусвета, у которых применение румян распространяется и на грудь, и в восточном обычае окрашивания в красный цвет ногтей на пальцах рук и ног посредством алканны**.

Подчеркивание женских половых признаков в примитивном искусстве четвертичной эпохи возникло под влиянием естественных мотивов и абсолютно не носит религиозного характера, подобно позднему культу фаллоса. Мужчина ледникового периода рассматривал женщину исключительно как существо известного пола. *Рейтценштейн* верно замечает, как много времени нужно было тогда человеку, при его несовершенных орудиях, чтобы сделать такую фигурку. Очевидно, интенсивность мыслей полового характера и влияла, главным образом, на его выдержку.

* Кикладская культура — культура эпохи бронзы (III–II тысячелетие до н.э.) на островах Киклады в Эгейском море.

** Алканна — многолетний кустарник (*Alcanna tinctoriae*), дико растущий в Южной Европе и Малой Азии, корень которого содержит красное красящее вещество. Долгое время свойства алканны ошибочно приписывались другому растению — (*Zawsonia inermis*), которое содержит в своих листьях желтое, а не красное красящее вещество; на востоке женщины красят им ногти в желтый цвет.

Реализм человека ледникового периода служит выражением, я бы сказал, наивной радости чисто полового характера, на которую еще не оказывали влияния никакие духовные, в частности религиозные мотивы. Первобытный человек, как сын природы, не знает «тайных частей тела». Мужчина и женщина признают себя производителями детей и с самыми непроизвольными и естественными пояснениями смотрят на органы, которые порождают жизнь.

Доказательством верности этого положения служат и другие находки доисторического времени: например, мужская бронзовая фигура из Марии-Чалад (Венгрия), с рукой на половых органах; женские глиняные фигуры более позднего каменного периода из фракийских курганов, троянские свинцовые фигуры с чрезвычайным подчеркиванием половых частей. Кольцами и поясами, приделанными к лобку, примитивное искусство прямо указывает на половые органы. Старейшим примером в этом отношении может служить упомянутая выше «Венера с поясом». Такой же пояс, очевидно, служащий для подчеркивания половых органов, имеется и на бронзовой фигуре из Клейн-Застрова, близ Грейфсвальда.

С прогрессом духовного развития человека чисто физическое влечение полов уже в доисторические времена оказалось связанным с примитивной духовной жизнью, с религией и искусством. На этом базисе возникла свободная половая жизнь, которая сохранилась и до наших дней и которая распространена была на земном шаре в самых разнообразных формах и обнаруживает элементы, которых нет в несвободной форме половой жизни, в браке.

Как показывают этнология и фольклор, такая вольная, ничем не связанная половая жизнь первоначально, вероятно, была совместима с браком или даже считалась необходимой предпосылкой его, потому что давала примитивным инстинктам удовлетворение, которое не мог и не должен был давать брак. И вот всюду, где ригоризм* принудительного брака ограничивал и подавлял свободу половых отношений, эту потребность «перебеситься», появляется проституция как плохой суррогат ее. *Проституция* — как показывает вся ее история — *есть пережиток, эквивалент первоначально свободной половой жизни человечества*. В ней заключаются те же элементы примитивной жизни, подчиненной лишь инстинкту. Она представляет, особенно у культурных народов, возмещение половой необузданности, полового разгула, которые мы и теперь еще встречаем

* Ригоризм — суровое, непреклонное соблюдение каких-либо принципов, правил нравственности, предписаний.

у дикарей, находящихся в первобытном состоянии. История развития человечества показывает, что такая вольная половая жизнь всюду предшествовала или же сопутствовала браку и давала возможность свободно проявлять примитивный половой инстинкт, подавляемый браком.

В несвободных формах половой жизни половой инстинкт не занимает первого места. Они служат скорее социальным целям другого характера, прежде всего — экономического. Главная форма несвободной половой жизни, брак, является продуктом потребности в уходе, в общежитии, вообще результатом экономических нужд, так что половая потребность не может более играть первой и решающей роли, как при свободной любовной жизни.

*Бахофен** первый высказался в том смысле, что «гетеризм» — ничем не ограниченные, внебрачные половые сношения — составлял первоначальную форму отношений мужчины и женщины. Вслед за ним *Льюис Морган***, соответственно построенным им ступеням развития — дикому состоянию, варварству и цивилизации, — допускал известные формы развития гетеризма: не ограниченные никакими социальными условиями половые отношения без различия со всеми и промискуитет внутри социальной группы (например, групповой брак). Он указал также, что гетеризм продолжал существовать и впоследствии, наряду с парным и моногамным браком. *Энгельс* называет это дополнением к моногамии путем прелюбодеяния и проституции***.

Половые сношения без всякого разбора скрываются, по мнению Моргана, в туманной древности человеческого рода, за пределами положительного знания. О существовании такого состояния можно заключить из дальнейшего развития, так как матриархат и семья, основанная на кровном родстве, предполагают такие половые отношения, а всякая форма социального брака (групповой брак) обнаруживает следы первобытного промискуитета. Еще и теперь у диких народов промискуитет существует как предварительная ступень индивидуального брака, а у культурных народов он продолжает существовать, наряду с браком, в виде проституции или дикой любви****.

* Бахофен Иоганн Якоб (1815–1887) — швейцарский историк права. Положил начало изучению истории семьи и проблемы матриархата.

** Морган Левис-Генри (1818–1881) — известный американский этнолог и социолог.

*** См.: Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Чувство стыда как приобретенное качество никогда не препятствовало промискуитету и вообще свободной половой жизни. Удовлетворение половой потребности вначале производилось без всяких стеснений, как еда и питье. На это указывают такие факты, как публичное совершение полового акта, которому не препятствовали суеверия и религиозные причины (чары оплодотворения). Такое же непринужденное понимание половых отношений замечается и в воззрениях многих дикарей.

Любопытно, что первоначально на мужчину и женщину смотрели в этом отношении одинаково. Женщина обнаруживала те же примитивные полигамные инстинкты, и даже в более поздние времена еще предавалась свободным половым отношениям до брака. Во время кормления, продолжавшегося несколько лет, женщины отказывались от половой жизни, а мужчины вынуждены были удовлетворять половой инстинкт с другими женщинами. Это может считаться одной из естественных причин более свободных половых отношений.

Ниже мы приводим несколько фактов, доказывающих существование свободной, ничем не связанной половой жизни при первобытных условиях, чтобы впоследствии исследовать ее отношение к проституции.

Во время праздника «нанга» на островах Фиджи всякая женщина добровольно становится жертвой того, кто поймал ее во время состязаний в бегах. В это время отменяется табу на различные пищевые средства, так что «не было больше собственности на женщин и свиней».

На острове Формоза, если муж и жена воздерживаются от половых сношений — все равно, есть ли у них дети, или нет, — они предаются разврату со всеми и повсюду. В жаркое время года можно видеть мужчин и женщин, лежащих нагишом парами и совершающих половой акт. Взрослые стараются, однако, не показываться тогда детям.

Древнебирманское законодательство признавало, что для холостых молодых людей старше 16 лет внебрачные половые сношения не должны считаться проступком.

Миклухо-Маклай (1846–1888), сообщает об оранг-сакаи на малайском материке: «Девушка через несколько дней или недель после замужества с согласия мужа добровольно отправляется к другому, с которым тоже живет более короткое или более долгое время. Таким образом она совершает круг, обходя всех

**** «Дикой любовью» доктор Блох называет внебрачные половые сношения, в основе которых нет любви, в противоположность «свободной любви», сторонником которой он является. (Прим.пер.)

мужчин данного общества, пока не дойдет очередь до ее первого мужа, у которого она, однако, опять не остается, а продолжает заключать такие регулируемые случаем и ее желанием браки».

Лубу, племя, живущее на соседнем острове Суматра, смешивается даже с матерями и сестрами, в зависимости от настроения минуты. Такому же обычаю следуют и островитяне Погги, племя даяков, оло-от и жители острова Палинг, к востоку от Целебеса.

У сибирских бурят до вступления в брак господствуют беспорядочные половые отношения между мужчинами и девушками, как это можно наблюдать во время бурятских празднеств. Они совершаются по вечерам и с полным правом могут быть названы «ночами любви». Близ деревень горят костры, вокруг которых мужчины и женщины танцуют однообразный танец «надан». Время от времени танцующие пары удаляются и исчезают в темноте. Вскоре они возвращаются и снова принимают участие в танцах, а через некоторое время опять скрываются во тьме. Но это не всегда одни и те же пары — составляющие их лица меняются.

В абиссинских провинциях Вогара и Бегемедер «семья» еще почти не существует. Люди сходятся по влечению и расходятся, когда им вздумается. Женщина пользуется большой свободой.

У племени яунде в Камеруне муж тем больше уважает жену, чем больше у нее было любовников. Негры Того с пренебрежением говорят о невинных девушках, которые до замужества не имели любовников: «Будь она красива, мужчины пришли бы к ней».

В старом Никарагуа до брака господствовала свобода половых отношений. Чтобы расположить к себе девушку, ей давали несколько зерен какао. Эти отношения существовали с ведома отцов, были дозволены и не являлись проституцией. Там бывали празднества, на которых свободные сношения разрешались даже замужним женщинам.

При строгом соблюдении чистоты брака, у колумбийских шибша дозволены были свободные добрачные половые отношения. Во время некоторых празднеств мужчина мог вступить в половое сношение с первой встретившейся ему женщиной. До вступления в брак девушки ходили нагишом.

В Перу на всех празднествах господствовали свободные половые сношения, которые нередко совершались публично. Кроме того, всякая императорская мумия имела целый придворный штат мужчин и женщин, которые, под предлогом, что это делается по ее распоряжению, предавались промискуитету.

Большое значение для сохранения и дальнейшего развития необузданной половой жизни имели так называемые возрастные классы и мужские союзы.

Так как женатые мужчины тесно связаны с семьей и при матриархате, то настоящими носителями родственных связей в возрастных классах и союзах мужчин должны быть — как показал Генрих Шурц* — молодые, зрелые в половом отношении, но не женатые мужчины и, параллельно им, — менее важная для общественной жизни группа незамужних девушек. Свободная, необузданная половая жизнь связана главным образом с институтом «мужских домов», которые отнюдь не представляют особенности известной расы или культурного течения. Напротив, учреждение это в различных формах и видах распространено было — распространено и теперь — по всему земному шару.

Большинство первоначальных типов домов для мужчин мы находим в малайско-полинезийской области.

«Баи» у островитян Палау служит приютом для молодых людей, которые здесь спят, едят и ведут свободную в любовном отношении жизнь с молодыми девушками и женщинами, увезенными из других деревень или же пришедшими добровольно.

В «фебай» на Яве всегда живет несколько девушек, похищенных из соседних деревень, впрочем, с тайного согласия их родителей.

«Хатар» на островах Нукуор, в которых спят холостые мужчины, недоступны для женщин, за исключением больших праздников, когда господствуют свободные половые сношения.

На Ладронских и Марианских островах клуб мужского союза племени улитаос служит местом для свободной любви и известных празднеств. Все улитаосы состояли в свободных половых отношениях с девушками из самых знатных фамилий, для которых такие отношения считаются почетными.

«Варе маторо» называлось в Новой Зеландии здание для танцев и игр, отделение дома для мужчин, в котором молодежь обоего пола собиралась, чтобы веселиться и предаваться свободной любви. Быть может, оно в то же время служило и для ночевки холостяков. Его называли также «дом для любви», «дом для удовольствий», «дом для холостяков». Значение этого дома понятно из песни, которая поется во время татуировки достигшей половой зрелости девушки:

Ложись спокойно, дочь моя,

Скоро свершится.

Чтобы губы твои можно было хорошо татуировать —

* Шурц Генрих (1836–1903) — известный немецкий этнограф.

Скоро будет все кончено.

Чтобы ты могла посещать дом молодых мужчин,

И чтобы никто не мог сказать:

Откуда пришла эта безобразная женщина,

Обратившаяся сюда?

На связь с возрастными классами и промискуитетом указывает также странный обычай, относящийся к древним временам одного из североафриканских племен: все мужчины одинакового возраста должны были жениться в один и тот же день, причем каждый из них должен был в темноте поймать одну из девушек, которая и становилась его женой.

То, что брак, особенно моногамный, представлял первоначально скорее экономический, чем половой интерес, доказывает факт разрешенных в то время свободных половых отношений до брака и равнодушие дикарей к целомудрию девушек. Например, у некоторых племен папуасов в Британской Гвинее даже невеста имеет право поддерживать половые отношения с другими мужчинами, пока жених еще не внес за нее всей выкупной суммы сполна и она не перешла в его полное владение. Зато нарушение супружеской верности со стороны замужней женщины наказывается здесь смертной казнью.

Однако повсюду, где вводятся ограничения или стеснения свободных половых отношений, у диких народов появляется проституция. Она представляет не что иное, как возмещение, или новую форму первобытного промискуитета.

Возникновение проституции тесно связано у диких народов с развитием домов для мужчин и свободной любовью. Отныне уже не все, а только некоторые девушки предаются свободным половым отношениям с обитателями этих домов. В большинстве случаев они живут здесь и неоднократно получают вознаграждение за доставляемые ими половые наслаждения. Достоянием домов для мужчин часто становятся вдовы или покинутые жены. Проститутки готовы также к услугам чужих и проезжих людей, что может расцениваться как первобытная форма проституции с целью гостеприимства. Кроме того, ими пользуются для целей всего племени, поэтому они часто рекрутируются из женщин чужого племени. У диких народов встречаются уже и дома терпимости.

В нижеследующем кратком обзоре мы познакомимся с разнообразными формами первобытной проституции.

На островах Палау не только девушки, но и замужние женщины отправляются в «баи» холостяков, чтобы пожить там некоторое время. «Когда жена рассердится у нас на своего мужа, — рассказывала одна островитянка путешественнику *Семперу*, — она убегает в ближайший бай. Тогда муж должен,

если он желает снова помириться с ней, выкупить ее за деньги у клеббергела (мужского союза), которому принадлежит баи и все в нем находящееся. Если он не может заплатить, то не имеет больше никаких прав на нее. В таком случае она останется у мужчин до тех пор, пока другой муж, более могущественный, чем прежний, не выкупит ее. Я уже раз убежала от своего мужа и очень хорошо провела время в баи. Сестра из Инарратбака также недавно ушла в Орокол в баи за то, что муж изменил ей. Теперь она останется там как армунгул (проститутка) три месяца».

Шури расценивает такой побег жен как отзыв свободной любви, полный расцвет которой уже позади, в прошлом. На островах Палау нисколько не считается позором для девушки то, что она жила в баи в качестве армунгул. Напротив, ее тогда охотно берут в жены.

На Каролинских островах (Палау, Яп), если девушка впервые вступила в половые отношения с мужчиной, который в состоянии заплатить ей, она может затем отправиться в качестве армунгул на чужбину, выйти замуж или же принять участие в «блолобол». Как армунгул она получает плату от известного мужчины, но сохраняет при этом право свободных отношений с другими. «Блолобол» заключается в том, что все молодые женщины одной общины отправляются в другое место и становятся там проститутками. За это они получают значительное вознаграждение, которое распределяется на их родине начальниками.

Связь между проституцией и домами для мужчин замечается и на Меланезийских островах. Распущенность женской молодежи местами очень велика.

В других местах для возмещения свободной любви служат проститутки. На Флориде, например, начальники приговаривают замужних женщин дурного поведения, чтобы они служили публичными женщинами (ремби). Они обязаны жить в одном из домов начальника и отдавать ему большую часть своего заработка.

В мужских клубах островов Санта-Крус всегда живет несколько публичных женщин, которые в большинстве случаев уже детьми были куплены каким-нибудь холостяком и просто проданы им с молотка, когда они ему надоели. Остальные девушки и женщины держатся очень строго вдали от мужских клубов. Девушки, живущие в них, уже носят название проститутток («овладее» — девушки для мужчин).

На островах Новопомерания и Новолауенбург вдовы считаются общим достоянием всех мужчин. В Ниссау также вдовы считаются в половом отношении принадлежностью всех сво-

их односельчан, причем начальник имеет преимущество перед другими. Нередко такую женщину потом искусственно откармливают, убивают и съедают.

На архипелаге Бисмарка и на Соломоновых островах проституция существует во время известных празднеств. Во время праздника «уну» начальник нанимает нескольких девушек для своих гостей. Во время австралийского праздника «корроборее» половые акты совершаются публично, и проститутки предоставляются в распоряжение чужих мужчин.

Как урегулированное учреждение, проституция встречается в Западной Африке. В Африке на проституцию существенное влияние оказало рабство. Известно, что большинство проституток — рабыни. Но и здесь нельзя отрицать происхождения проституции из свободных половых отношений. Так, прежде на Золотом Берегу молодым людям время от времени покупали девушку и помещали ее в особую хижину, где она обязана была отдаваться каждому желающему за небольшой подарок по его собственному усмотрению. Покупатели рабынь-проституток — последних в каждой деревне было несколько (или по крайней мере одна) — получали их доходы и заботились об их содержании. Особые хижины, предназначенные для проституток, можно уже рассматривать как первоначальную форму борделя. Торговлей девушками часто занимались богатые женщины.

Тесную связь между проституцией и домами для мужчин доказывают условия, существующие в северном Марокко у племени: дьебала. Общественный дом («бейт-ес-софа») является здесь настоящим домом для холостых мужчин и в то же время служит ареной диких половых оргий, в которых принимают участие проституированные мужчины и женщины. Женщин-проституток покупают, и они находятся в общем владении нескольких холостяков.

В Древнем Египте светская проституция рекрутировалась из отверженных и покинутых женщин, которые бродили по стране и отдавались каждому желающему. Такие бродячие проститутки встречаются у арабов и израильтян.

Проституция с *целями гостеприимства* очень распространена в Экваториальной Африке, так как здесь смотрят на женщину как на доходную статью, прелести которой должны приносить еще большую прибыль, чем работа рабов. Поэтому мужья охотно предлагают своих жен богатым чужестранцам и умеют изгонять, в случае надобности, их скромность с «кассинго» в руках.

Аналогичный вид проституции существует у даяков на острове Борнео и у тенгерезов на Яве.

Связь между проституцией и свободной половой жизнью молодежи в давние времена доказывается также древним обычаем добрачной проституции с целью скопить себе приданое, засвидетельствованным не только у дикарей, но и у ливийцев и этрусков. Если незамужние девушки, как об этом сообщает, например, *Геродот* (между 490 и 480 — ок.425 до н.э.) о фракийцах, могли вступать в половые отношения с кем хотели, в то время как замужних женщин строго охраняли, то эта добрачная распущенность могла привести к проституции, так как для вступления в брак обыкновенно требовалось приданое. Так, *Геродот* сообщает (книга I, глава 93): «Дочери лидийцев проституируются ради денег и накаплиют себе таким образом приданое. Они занимаются этим, пока свободны, и сами отыскивают себе мужей». Точно так же продавали себя, чтобы заработать приданое, девушки на берегу Кипра. У этрусков, представляющих, как полагают, потомков лидийцев, также существовал этот обычай.

Известен он и у некоторых арабских племен Северной Африки. Но такая форма проституции не накладывает на девушку ни малейшего пятна, напротив, неоднократно сообщалось о том, что именно эти девушки являются особенно желанными женами, очевидно, не только ради их приданого.

Тот же вольный взгляд наблюдается и в низших классах европейской культурных народов, в среде которых проститутки отнюдь не пользуются таким презрением, как в средних и высших классах.

С другой стороны, у диких народов нередко клеймят презрением постоянное занятие проституцией. Так, в Арие, на Суматре, к проституткам относятся с презрением, и они могут заниматься своим ремеслом только тайно. Проституцией занимаются обыкновенно лишь немолодые девушки и молодые вдовы, для которых брак уже невозможен. Они пользуются услугами какой-нибудь старухи-посредницы, которая и находит для них нужное помещение. Но если дело предается огласке, то главный начальник обыкновенно высылает этих женщин из деревни. Иногда несколько таких проституток под руководством старой сводницы бродят с места на место. Если молодой человек, встретив эту компанию, желает вступить в сношения с какой-нибудь из девушек, он обращается к старухе со следующими словами: «Я испытываю жажду, но не хочу воды, я голоден, но не хочу рису. Не можете ли вы, матушка, удовлетворить мое желание?» Старуха отвечает: «Ну, это я могу». Следующее затем свидание, происходит обычно в какой-нибудь покинутой сторожке, на одном из соседних рисовых полей. Выговоренная сумма должна быть наполовину уплачена вперед.

Если проституция произошла первоначально из ничем не ограниченной свободы половых отношений и до настоящего времени является последним свидетельствующим о них пережитком, то нет ничего удивительного, что она впитала в себя те элементы свободной половой жизни, которые придают ей антииндивидуальный, общий характер. Это религиозные и художественные элементы примитивного гетеризма. Они оказывали и до сих пор оказывают свое действие в проституции, чем опять-таки подтверждается связь обеих форм свободных половых отношений.

Как религиозное, так и половое ощущение есть прежде всего общее неясное томление. То, что составляет безграничную, вечную черту в нем, не поддается никакой индивидуализации. Поэтому неудивительно, что половое сношение как чисто чувственный, безличный акт связано с религиозным чувством — это ясно видно у первобытных народов, для которых половая жизнь не представляла ничего нечистого, грешного. Напротив, они считали ее чем-то естественным, как еда и питье, чем-то необходимым, даже благородным, хорошим и угодным богам.

Поэтому свободные, необузданные половые отношения не безнравственны и не заслуживают наказания, с точки зрения божества, а, напротив, в высшей степени моральны и похвальны. В противоположность современным взглядам, девушка, предающаяся свободной половой жизни, не только не подвергается за это презрению, а пользуется даже особым уважением, как существо, посвященное первобытным богам. Неограниченное проявление полового инстинкта в честь богов считается даже особой привилегией, которая у некоторых народов принадлежит высшей аристократии, например, старшей дочери короля у дравидийского племени бунтар в Ост-Индии, женщинам царской крови у племени тишты на Золотом Берегу Африки, женщинам господствующих фамилий в Западной Африке, знатным девушкам на Маршалловых островах.

Удовлетворение полового инстинкта является здесь обязанностью по отношению к божеству, заповедью божьей. Так, в древнеиндийском эпосе «Махабхарата» король Йаиати говорит по этому поводу: «Мужчину, к которому обращается с просьбой зрелая женщина, если он не исполняет ее просьбы, знатоки Веды называют убийцей зарождающегося существа. Кто не пойдет к вожделеющей зрелой женщине, обратившейся к нему тайно с просьбой, тот теряет добродетель и называется у белых убийцей зарождающегося существа». Еще и теперь в низших классах Индии девушка должна в известном возрасте выбирать между браком и свободной любовью, и если она выбрала последнюю, ее

венчают фиктивным браком с изображением божества. Свободная половая любовь посвящается здесь, следовательно, богу как защитнику древних обычаев.

В связи с этим оплодотворение рассматривается как священный акт, которому приписывается божественное действие. Это доказывает вера в чары оплодотворения путем совершения полового акта на открытом месте, на полях, для возбуждения роста растений. Так поступают, например, на Яве, на Молуккских островах, у кая-кая на Новой Гвинее, где половой акт совершается только на открытом месте (большей частью среди растений); у южных славян. Ту же цель преследует вырезание изображений женских половых органов на плодовых деревьях, встречающееся на Амбоне и на других островах.

Сюда же относится и почитание половых органов как божественного символа в так называемом культе фаллоса, который распространен как повсеместное явление по всему земному шару и привел к удивительным обычаям, многие из которых сохранились до настоящего времени. Тот факт, что искусственные половые органы представляют собой божество и ими пользуются, например, для дефлорирования девушек, ясно доказывает религиозный взгляд на половую жизнь. О лишении невинности посредством божественного символа, искусственного фаллоса, нам сообщают, например, из Ост-Индии.

Этническая элементарная мысль, что божеству угодно господство ничем не ограниченного полового инстинкта, находит себе наиболее полное выражение в религиозной проституции. Мы видим здесь служение необузданному естественному началу, которому противны тесные оковы брака и которое воплощается только в неограниченной никакими правилами свободной половой жизни. Отдача себя является «сладострастной жертвой», приносимой этому естественному началу, половым отправлением, которое совершается в форме проституции, в форме неограниченных половых сношений с любым желающим, без всякой индивидуальной любви, только как акт грубой чувственности и за вознаграждение. Здесь имеются все те признаки, совокупность которых мы называем теперь «проституцией», хотя моральная оценка их совсем другая, и в этом смысле нельзя было бы говорить о проституции. Однако внутреннюю связь между этими двумя явлениями обнаруживает происхождение религиозной проституции из первобытного промискуитета и частый переход ее в светскую проституцию. Подобно тому, как служащие религиозной проституции храмы часто происходили из домов для мужчин и долгое время сохраняли некоторые их особенности, сами они были прообразами позднейших борделей и часто даже выступали в качестве таковых.

Религиозную проституцию можно разделить на две категории:

1) однократную проституцию в честь божества; 2) постоянную религиозную проституцию. При первой речь идет о принесении в жертву целомудрия девушки или об однократной отдаче себя уже дефлорированной женщины. В обоих случаях, если роль мужчины не исполняет какой-нибудь божественный символ (искусственный фаллос и т. п.), то женщина отдается одному или нескольким мужчинам, которых нужно рассматривать как заместителей божества. Такая временная религиозная проституция является своего рода замещением, или искуплением за ограничение первоначальной половой разнузданности, которую из религиозного страха перед старым обычаем не осмеливаются совершенно устранить, но по возможности временно ограничивают.

Постоянная проституция есть дальнейший шаг в этом направлении, так как отныне все другие девушки исключаются, и одни только проститутки поддерживают принцип ничем не ограниченных половых сношений, исполняя тем самым большую задачу, которая в глазах их земляков не только не заслуживает презрения, но достойна благодарности и приобретает ореол святости. Этим объясняются религиозные празднества при посещении публичных женщин, известные у первобытных народов.

Наряду с этими очевидными социальными причинами религиозной проституции могут играть роль индивидуальные моменты в отношении божества к половой жизни. Признавая социальные причины при замещении промискуитета проституцией первичным фактором, я думаю, однако, что имеет основное и нижеследующий взгляд.

Когда женщина отдается в честь божества, этот акт связан с религиозным чувством. Сочетание жгучей чувственности с религиозным ощущением может послужить для женщины поводом всецело посвятить себя богу и во имя его всегда отдавать свое тело. Или в храмовой проституции, при которой божество пользуется многими женщинами через посредство мужчин, нашла земное осуществление идея о божественном гареме. Или же этот обряд мог, наконец, явиться последствием обычая совершать совокупление — которое считалось религиозным актом — в храме или в священных местах дома. За это говорит замечание столь сведущего в этнологии *Геродота*. В то время как он сообщает о египтянах, что совокупление в храме у них строго запрещено, он говорит далее: «А все другие народы, кроме египтян и греков, совокупаются в святилищах или после совокупления, не совершив омовения, отправляются в святили-

ща. Они думают, что люди подобны животным. Ведь мы видим, говорят они, что животные и птицы сокопляются в храмах богов и священных рощах. Если бы это было неприятно богу, так и животные не делали бы этого. Так они поступают и такое приводят основание для своих поступков. Мне это, однако, не нравится.» (Геродот, кн. II, гл. 64.).

Обычай сокопления в храме возник из религиозного чувства, из желания, оставаясь в храме во время акта, вступить в непосредственную связь с божеством. Когда божество получило впоследствии своих собственных жриц, не было больше надобности приводить с собой в храм жену или другую женщину, так как можно было сношаться с божеством при посредстве его жриц.

Блудницы-жрицы, благодаря своей красоте и выдающимся умственным дарованиям, часто считались изображениями богинь. Этим объясняется греческий обычай, по которому красивые гетеры, например, *Фрина*^{*}, служили моделью для изваяния статуй богинь.

Религиозный первоначально, священный характер храмовой проституции доказывает и многозначительное изречение из Книги Притчей Соломоновых (14; 12):

«Начало блуда есть обращение к идолам».

Явления половой жизни были угодны божеству, они изначально божественны, чисты и благородны, потому что вытекают из той же страсти, что и религия. Еще в настоящее время у многих людей с глубоко религиозным чувством можно заметить указанное тождество. Отрицать — это значит противоречить всем наблюдениям истории культуры и индивидуальной жизни.

* Фрина считается одной из знаменитейших гетер древности. Профессией этой она занималась в Афинах с таким успехом, что испросила разрешения вновь отстроить за свой счет разрушенные Александром стены города Фив, а знаменитый «Эрос» Праксителя подарила своему родному городу Веспии. Этот великий художник сделал ее статую, которая стояла рядом с его «Афродитой» в храме Весты. В Дельфах стояла ее статуя из золота — жертвенный подарок «эллинской разнузданности», как выразился киник Кратес. Во время одного из празднеств Посейдона в Элевзине она пред всем народом вошла голая в море, послужив таким образом Аполлону прообразом для его «Афродиты Анадиоменской», а Праксителю — для «Афродиты из Книдоса». Обычно она тщательно закрывала свои прелести и, в противоположность другим гетерам, не пользовалась белилами и румянами, так что сохранила до старости свежий цвет лица и многочисленных любовников, которым, как она выражалась, она «продавала отстой дороже, чем вино». Только один упорно противостоял ласкам Фрины, несмотря на то, что она ночью пришла к нему, — платоник Ксенократ. «Он не мужчина, — сказала Фрина, — а только изображение мужчины».

Какое обилие сексуального во всех религиозных явлениях и учреждениях от древнего до нашего времени, во множестве религиозных церемоний и обычаев (культ Марии и т. д.), в религиозном способе выражений, в церковных песнях, вере в ведъм, сектантстве, в «черных мессах» и прежде всего в аскетизме! Его нужно рассматривать как реакцию против примитивной религии, покоившейся первоначально на половом базисе, для которой обречение женщины на половой акт в честь божества казалось чем-то вполне естественным.

Религиозная проституция как пережиток необузданной половой жизни является повсеместным явлением, которое мы и теперь еще находим у дикарей, но которое продолжает существовать как остаток древнего гетеризма и у культурных народов. Ниже мы приводим главные относящиеся сюда факты.

В знаменитом змеином храме в Аюда, в Дагомее, девушки занимаются религиозной проституцией во имя служения боже-ству.

Отголосок религиозной проституции обнаруживает западно-африканский обычай «*casa das tintas*», который напоминает «хижины для девушек» из Библии (II Кн. Царств, 17, 30). На берегу Лоанго девушки, достигшие половой зрелости, выставляются публично в «*kumbeh*» или «*casa das tintas*». Исключение составляют лишь девушки, уже с детства избранные для себя каким-нибудь принцем. Постановление о запрещении девушкам выходить замуж прежде, чем они будут предложены для продажи в общую собственность, напоминает об условиях, существовавших во времена необузданных половых отношений и коммунального брака. Связь этого обычая с религиозными представлениями видна из того, что созревшую для этого девушку прежде всего ведут к идолу божества, потом в «*casa das tintas*», празднично убранную хижину, где под звуки кастаньет и песню женщин — «уже она молода, уже ей нужен мужчина» — какая-нибудь старуха раскрашивает ее тело в красный цвет (отсюда название «*casa das tintas*»), а затем она принимает многих мужчин, но может совершать с ними половые сношения лишь при закрытых дверях, открыто же дозволены только «игры». Во время этих церемоний произносятся святыя молитвы и изречения, обращенные к богу. Пребывание в хижине продолжается до пяти месяцев, пока ее обитательница не выйдет замуж. Взрослая дочь принца, если она еще не нашла себе мужа, точно так же выставляется, с разрисованным телом в «*casa das tintas*» — не найдется ли кто-нибудь, кто бы заплатил родителям за первое пользование ею. Если охотника нет, то девушка преда-

ется рабу, который сам должен исполнить обязанность, возложенную раньше в Арракане на жрецов (как заместителей божества), а потом должен жениться на ней или отпустить ее.

Классической страной религиозной проституции в пределах культуры старого Света считался Вавилон, из которого, как из центра, обычай этот распространился по Передней и Западной Азии. Мы сталкиваемся здесь с древним обычаем, существование которого можно доказать вплоть до времен *Константина Великого**.

Наиболее обстоятельным и наглядным сообщением о нем мы обязаны *Геродоту* (кн.1, гл.199). Он говорит:

«Каждая женщина в стране должна раз в жизни сесть у храма Афродиты и отдаться какому-нибудь чужеземцу. Многие женщины, не желающие смешиваться с другими потому, что, имея деньги, много воображают о себе, приезжают в святилище в закрытом экипаже, и их сопровождает многочисленная прислуга. Но большинство поступает следующим образом: они сидят в священной роще Афродиты, с венками из веревки на голове — их много, потому что одни уходят, а другие приходят. Из круга образуемого женщинами, по всем направлениям расходятся прямые дороги, по которым проходят чужеземцы, чтобы выбрать себе одну из сидящих. Раз женщина пришла и села здесь, она не может вернуться домой, пока не получила денег с чужеземца и не вступила с ним в сношение вне святилища. Бросая ей деньги, он должен сказать: во имя богини Милитты. Милиттой называется у ассирийцев Афродита. Сколько бы он ни дал ей денег, она не должна отвергать. Это запрещено, потому что деньги посвящены божеству. Она должна пойти с первым встречным, кто дал ей деньги, и не должна никому отказывать.

Когда она совершила половой акт, посвятив себя богине, она снова идет домой, и отныне, сколько бы ей ни предлагали денег, не сделает этого еще раз. Красивые и стройные женщины скоро возвращаются домой, но безобразным приходится долго сидеть здесь, не имея возможности выполнить закон. Некоторые остаются даже три, четыре года. В некоторых местах на Кипре господствует аналогичный обычай.

На основании наших этнологических знаний, мы можем утверждать теперь, что описания нашего старого учителя истории во всех отношениях правильны. Вместе с тем, мы усматриваем в них тесную связь религиозной проституции с первобытным принципом промискуитета. *Женщина отдает себя близ храма Милитты и во имя этой богини, приобретенные*

* Константин I Великий (ок.285–337) — римский император с 306 года.

таким путем деньги предназначаются для богини и посвящаются ей, но только в том случае, если женщина вступает в сношение с «первым встречным». Всякий выбор воспрещен! Речь идет о строгом проведении принципа промискуитета, который считается священным, в противоположность ограничительному браку, но здесь уже носит явный характер однократного искупления, однократной жертвы богине как родоначальнице и представительнице этого принципа.

Связь между религиозной проституцией в Вавилоне и проституцией с целью гостеприимства видна из того, что вавилонские женщины отдавались именно чужестранцам.

Кроме такой однократной религиозной проституции, в Вавилоне существовала, конечно, и постоянная. Ею занимались девушки, служившие в храме богини любви *Иштар (Астарты)*, которые носили название «посвященных». Их содержал храм, и они не имели права выходить замуж без разрешения. Дети их воспитывались в царском дворце.

Библейский закон строжайшим образом запрещал всякого рода мужскую и женскую проституцию, особенно же религиозную. Во Второзаконии (23; 17 и 18) сказано:

«Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых.

Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа, Бога твоего, ни по какому обету; ибо то и другое есть мерзость пред Господом, Богом твоим».

Вот почему царь Иосия приказал первосвященнику Хелкии и другим священникам «вынести из храма Господня все вещи, сделанные для Ваала и для Астарты и для всего воинства небесного...

И разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты» (IV Кн. Царств, 23; 4, 7). И то и другое он сделал, «чтобы исполнить слова закона, написанные в книге, которую нашел Хелкия священник в доме Господнем» (IV Кн. Царств, 23; 24).

Иными словами, — чтобы поддержать опирающееся на патриархат чистое монотеистическое учение, в противоположность первобытной религии, основанной на патриархате и вместе с ним освящающей необузданные половые отношения, сопровождающие служение финикийской богине *Ашера (Астарты)* или *Ваалу*, которое хотел искоренить царь Иосия.

Страстные слова пророка Осии (4; 13 и 14) против девушек, которые «любодействуют», «отделяются вместе с блудницами и со жрицами разврата приносят жертвы», — слова эти доказывают, что религиозная проституция была распространена и среди израильтян. Что она существовала у них в первобытные

времена, еще до Моисея, доказывают некоторые места из Библии. Так, в древние времена блудница, совершенно как в Вавилоне, сидела у дороги, по которой шли караваны, «у источника» (Быт., 38; 14, 15) — потому ли, что здесь, где отдыхали чужеземцы, она скорее могла рассчитывать на клиентов, или речь шла, быть может, о каком-нибудь «священном источнике», у которого она отправляла свои обязанности хиеродулы на службе у божества. Название места Валааф-Беер (Кн. Иисуса, 19; 8), начинающее «богиня источника», относится, вероятно, к этому языческому времени.

В книге Бытия (6; 2 и 4) в представлении о половых сношениях между сынами Божьими и дочерьми человеческими также скрывается идея, лежащая в основе религиозной проституции.

Как и у евреев, религиозная проституция была также введена в Месопотамию.

К странам, находившимся под влиянием ассирийской культуры, принадлежала и Лидия, в которой мы также находим религиозную проституцию, причем женщины публично prostituировались в «священном месте». То же самое совершалось в храме Венеры в Абидосе, посвященном Венере блудниц.

Далее, уже Геродот (кн.1, гл.199) указывал на родство религиозной проституции на Кипре и в Вавилоне, что вполне подтверждается указаниями позднейших авторов.

Основателем служения Милитте на Кипре и ее развратных мистерий называют Цинираса. Ему приписывают учреждение храма в Пафосе и в Аматысе. Поводом для культа религиозной проституции послужила для царя любовь его к одной проститутке, которую он будто бы боготворил.

Религиозная проституция распространена была и в остальных пунийских колониях. Так, в Афаке, на берегу реки Адониса, сидели на земле девушки, изображавшие печальную Афродиту, в ожидании мужчины, воплощающего Адониса, которому они отдавали свою девственность за подарок Венере-Баалтис. Поблизости находилась роща, в которой и совершался всякого рода разврат в честь богини.

Религиозная проституция в честь Венеры-Баалтис господствовала также в Библосе. Лукиан (ок.120 — ок.190) дает в 6 главе своего сочинения о сирийской богине следующее описание:

«Но и в Библосе также я видел большое святилище Венеры, в котором они празднуют мистерии Адониса. Я сам видел эти мистерии. Они говорят, что история Адониса с диким кабаном разыгралась на их территории, а потому они, в память этого несчастья, ежегодно устраивают мистерии, причем вопят, бьют друг друга кулаками и распространяют по всей стране большую печаль. А когда они перестают вопить и плакать, они приносят

сначала жертвы Адонису, как мертвецу, а на следующий день говорят, что он снова ожил, и воссылают его на небо. Они так же стригут себе волосы, как египтяне, когда умирает Апис. Те из женщин, которые не хотят стричь волос, подвергаются следующему наказанию: они должны в течение целого дня публично продавать свою красоту. Но рынок этот открыт только для иностранцев, а выручка представляет жертву Венере».

И здесь опять поражает тождественность с вавилонским обычаем, продолжительное существование которого может быть доказано, так как обычай отдавать девушек иноземцам господствовал до императора Константина.

Однократная религиозная проституция, существование которой засвидетельствовано также в Самосе и Локри в Нижней Италии, составляет переходную ступень к постоянной религиозной проституции на более или менее продолжительное время, либо на всю жизнь. Первое мы видим в Армении, где девушки некоторое время перед замужеством служат богине Анаитис и предаются в ее святилище проституции, и в Египте. В Фивах, например, самая красивая и знатная девушка, заменяя остальных, должна была заниматься проституцией в храме Амона до тех пор, пока у нее не наступали признаки возмужалости, после чего ее отдавали замуж.

Храмовую проституцию на всю жизнь, засвидетельствованную уже в Вавилоне и Финикии, мы встречаем главным образом в Персии, Греции и Индии. Она способствует переходу к светской проституции, с которой остальные девушки не имеют ничего общего, между тем как в однократной проституции принимали участие все девушки данного народа. Отныне одни только храмовые девушки приносят в жертву целомудрие за всех остальных женщин. Поэтому божество к ним особенно милостиво. Храмовые проститутки представляют особое сословие, которое с переходом храмовой проституции в бордельную также становится светским и теряет свое прежнее значение и уважение.

В Персии храмовые девушки, или *хиеродулы*, должны были всю жизнь служить богине Анаитис.

Величайшее значение имеет религиозная проституция в Древней Греции, так как из нее, очевидно, развилась та организация светской проституции, которая послужила прототипом современной проституции европейского культурного мира и которую мы детально рассмотрим в следующей главе.

Греческие храмовые бордели находились главным образом в местах, где происходило большое передвижение иностранцев, следовательно, большей частью в гаванях, что доказывает их связь с первобытным промискуитетом, с необузданным половым

смешением, без всяких индивидуальных отношений. В Элладе религиозная проституция была связана с женским божеством, с *Афродитой Пандемос* («всенародной») или *Афродитой Уранией* («небесной»). Главный храм ее находился в богатом портовом городе Коринфе. Расположенный на перешейке, он обращен был одновременно к Азии и Италии, и в нем всегда имелся огромный наплыв иностранцев. Храм Афродиты был так богат, что имел больше 1000 состоящих у него на службе проституток, которые посвящали богине как мужчин, так и женщин, и ради которых именно многие жили и обогащали город; дело в том, что судовладельцев легко заставляли раскошелиться, так что даже возникла поговорка: «Не всякому мужчине путь в Коринф свободен».

Эти храмовые проститутки, «священные женщины», или хиеродулы, составляли «союз сестер антивесталок», которые продавали себя чужим мужчинам, а вознаграждение делили с жрецами. Таким образом, они из развратных превратились в защитниц и крепостных Венеры Пандемос, в рабынь святилища.

Следы религиозной проституции можно доказать и у римлян. Так, 22 апреля проститутки приносили *Venus eugcina*, богине болота, жертву, причем курили ей фимиам и возлагали на алтарь венки из роз. На этом «празднике блудниц» они просили милости богини и хорошего заработка.

Римской богиней проституции первоначально была также, вероятно, Флора, богиня цветов, праздник которой, флоралии, продолжался от 28 апреля до 1 мая. Существовала легенда, будто Флора была проституткой и все свое состояние завещала народу, за что ей и посвящен был этот праздник. Во всяком случае, на роскошном празднестве Флоры проститутки играли очень значительную роль. Между прочим, они должны были перед всем народом раздеться и плясать на сцене сладострастные танцы.

К чудовищному половому смешению и проституции вели тайные празднества, вакханалии, в честь Вакха (Диониса) и матери богов Кибелы. Они впервые были введены в Риме, по образцу азиатских, беспутными, предававшимися проституции женщинами, которых побудил к тому один грек. Еще *Мессалина** праздновала с развратными женщинами такие вакханалии в своем доме.

* Мессалина — жена римского императора Клавдия (1-я пол. I в.), известная своим распутством, властолюбием и жестокостью. Имя Мессалины стало нарицательным для женщин, занимающих высокое положение и отличающихся бесстыдством и распущенностью.

Истинным божеством религиозной проституции был у римлян *Приап*, который считался плодом любви Венеры (Афродиты) и Вакха (Диониса). Как известно, его ставили в садах как хранителя плодородия с колоссальным символическим фаллосом.

Большое распространение приобрела религиозная проституция в Индии, где происхождение ее можно проследить до времен Веды и где она проявилась — несомненно, в теснейшей связи с широко распространенным культом фаллоса, *Линга и Йони** — в самых удивительных формах. Здесь ясно видно, что для примитивной культуры, находящейся под влиянием первобытного религиозного поклонения природе, половая жизнь представляет нечто совершенно естественное, само собой понятное, и — как производительная сила природы — нечто священное, а потому она входит как составная часть в религию и проявляется в религиозных церемониях.

Уже в церемонии принесения жертвы, согласно Ведам, половое сношение является религиозным актом, который совершается во время жертвоприношения сомы, в закрытом месте. Вавилонский обычай отдаваться в храме или устройство «хижины невесты» в храме господствовали также в долинах Ганга, в Пондишери и Гоа. Во время чествования весной известных богов плотские сношения без различия между всеми считались необходимой принадлежностью богослужения. С XVI столетия секта *Saitanya*, например, празднует дикие религиозно-половые оргии. Основатель их выдавал себя за воплощение бога Кришны. Введенное им богослужение, во время которого все участники были равны и все касты отменялись, состояло главным образом в долгих литаниях (молитвах) и гимнах, избилующих разнузданной эротикой, чтобы по возможности почувствовать «божественную любовь» (бакти). Между отдачей себя «пастухам» (Кришне) и «учителю» (гуру) не было никакого различия. В результате получалось дикое половое смешение, которое являлось продолжением и усилением религиозной страсти, «бакти», ибо наступало как естественное, земное освобождение от экстатического напряжения, направленного на неземное, метафизическое.

При такой тесной связи промискуитета с богослужением неудивительно, что в Индии процветает храмовая проституция. Здесь также можно различать однократную и постоянную религиозную проституцию.

* Линга — в древнеиндийской мифологии — символ божественной производящей силы, обозначение мужского детородного органа. Йони — женский символ. Поклонение Линге и Йони распространено было в культах Передней Азии и Средиземноморья.

Наиболее известны, однако, представительницы постоянной храмовой проституции в Индии. Это так называемые баядеры или девадаси. Различают два класса баядер: находящихся на службе большим богам, главным образом Вишну и Шиве, и состоящих при небольших храмах. Первая группа имеет право оставить храм только с разрешения верховного жреца, который посвящает проститутку при их поступлении. Они могут, однако, выбрать себе возлюбленного из высших двух классов общества. Баядеры второй группы, напротив, совершенно свободны. Они живут в городах и селах и принимают участие в празднествах в качестве танцовщиц, за плату.

Обе категории баядер считаются повенчанными с божеством. Они являются любовницами жрецов и в то же время проститутками для чужих. Деньги, заработанные проституцией, принадлежат божеству, а о содержании баядер должны заботиться жрецы Браммы.

Храмам могут быть посвящены индийские девушки всех каст. Они не выходят замуж, но имеют право проституироваться с мужчинами равного или высшего сословия. Они считаются повенчанными с божеством храма и происходят нередко из самых знатных каст, если отец, в силу данного обета, посвящает их храму. Девушки ежедневно обучаются два часа танцам и два часа пению. От значения храма, к которому они принадлежат, зависит размер назначаемого им жалованья. Обучение начинается с 5 лет, а в 7–8 лет заканчивается, и тогда девушки до 14–15 лет танцуют по 6 раз ежедневно. Когда они выступают, то носят богатые украшения из золота и драгоценных камней. Храмовые проститутки образуют особую касту, имеющую свои законы, пользуются большим уважением и на собраниях сидят рядом с самыми знатными мужчинами.

По достижении половой зрелости такая девушка лишается невинности брамином или каким-нибудь добывающимся этой чести чужим, который должен внести за это соответствующую сумму. С этого момента она занимается постоянной проституцией с чужими. Храмовая девушка, в силу своей профессии, должна проституироваться со всяким мужчиной любой касты, и это считается большой честью, так что даже знатные семьи посвящают своих дочерей служению храму.

Храмовых проституток нередко приглашают на свадьбы, посвящения и всякие другие празднества, где они играют выдающуюся роль. В одном только мадрасском президентстве имеется около 12000 таких храмовых проституток. Почетное положение их объясняется и тем обстоятельством, что они в большинстве случаев очень образованны и обладают большим искусством держать себя в обществе. Известную роль играет

здесь и алкогольное опьянение, так как возбужденно-веселые женщины считаются, по индийским понятиям, идеалом женского совершенства.

Проституция нередко совершается в вестибюле самого храма, а иногда вне его. Доход с нее приобщается к фонду храма. Плата бывает очень высока: 50, 100 и даже 200 рупий за одну ночь.

Замечательно, что на Цейлоне, где взяло верх строгое учение Будды, храмовая проституция никогда не имела доступа. За исключением приморских гаваней, там не могла также достигнуть значительного развития и светская проституция. Во время господства династии Канди проституткам отрезали уши и волосы, раздевали их донага и подвергали публичному наказанию плетьюми.

Из сочинений о японской проституции видно, что Япония относится к религиозной проституции очень сурово. Тем не менее, на основании существующих в настоящее время пережитков можно думать, что в прежние времена храмовая проституция там была очень развита. У знаменитого путешественника XVII века Кемпфера* я нашел следующее интересное описание религиозной проституции, находившейся тогда в Японии в полном расцвете.

«Среди этих постриженных есть удивительный орден молодых девушек, который носит название «бикуни», или монашек, потому что они находятся под владычеством и защитой монастырей в Камакура и Миако, должны посылать туда ежегодную дань из своего заработка, большей частью живут близ этих монастырей или в окрестностях их. Они чуть ли не самые красивые девушки из всех виденных нами во время нашего путешествия по Японии.

Бедные молодые женщины, если только у них приятный, привлекательный вид, без особого труда получают разрешение заниматься нищенством, потому что благодаря своей прекрасной внешности именно они-то умеют всего лучше заставить путешественников давать милостыню. Нищенствующие *lamtabose*** посвящают этой профессии своих дочерей и берут бикуни в жены. Некоторые из них воспитаны в борделях. Отслужив свое время, они выкупают себя на свободу и проводят остаток молодости, занимаясь нищенством. Две или три из них соединяются вместе и отправляются ежедневно за несколько миль от своего дома, выжидая там знатных людей, проезжающих в канго или на

* Кемпфер Энгельберт (1651–1716) шведский путешественник. Автор известного сочинения «История Японии» (1727).

** *lamtabose* — старый японский нищенствующий орден.

лошадях. Каждая из них обращается к какому-нибудь одному из проезжих и поет ему крестьянскую песенку. Если она найдет щедрого господина, то развлекает его в течение нескольких часов, сопровождая в пути.

В них не заметно ничего духовного и бедного; они покрывают стриженую голову черным шелковым капором, наряжаются в светские, изящно украшенные и опрятные платья, на руках носят перчатки без пальцев, накрашенное обыкновенно лицо защищают от воздуха широким платком и имеют при этом всегда маленький посох, так что изображают собой романтических пастушек. В их речах и жестах нет ничего наглого, униженного, подлого и аффектированного. Они держатся свободно, но свобода их умеряется стыдливостью. Чтобы, однако, не превознести этих нищенок выше, чем они того заслуживают, я должен сказать, что их стыдливость, противно нравам страны и обычаям ордена, немногого стоит: так, щедрым путешественникам они предлагают публично на улице свою грудь, а потому, хотя они и пострижены в духовное звание, я не могу их исключить из числа легкомысленных и развратных женщин».

На первоначальную связь этой проституции с религиозной указывает тот факт, что исчезнувший теперь большей частью культ фаллоса сохранился еще в кварталах проституток. Своеобразное, известное еще в XVII веке учреждение особых бордельных кварталов, *Иошивара*, также, быть может, указывает на бывшую некогда связь с каким-нибудь храмом, вокруг которого затем сгруппировались, как в Греции, публичные дома или из которого они развились.

Как божество проституции, почитают прежде всего *Инари*, лисицу. При входе в квартал Иошивара ему поставлен храм. Прежде хозяева борделей устраивали здесь многочисленные небольшие алтари. Благочестивые и весьма суеверные слушатели ревностно заботились об их сохранении. Среди «ками», то есть богов первоначальной религии, существуют два расположенных к куртизанкам божества: богиня *Бентен* и бог *Инари* (или лисица), который бывает то мужского, то женского рода. Бентен не играет такой большой роли, как *Инари*. В образе красивой девушки *Инари* соблазняет мужчин и держит их сердца в магических цепях. Она околдовывает их семьи, уводит их от детей, вступает в брак, так что они населяют *Иошивару*; покровительствует проституткам. Вот почему честные женщины предместья называют куртизанок «*лисицами*».

В Китае, где проституция чрезвычайно распространена, как говорят, никогда не было религиозной проституции. Это объясняется, по-видимому, особенностями китайской религии. Китайское идолопоклонство не знает обожествления чувственнос-

ти, богов половой любви, как Венера или Лакшми, не знает храмовой проституции, как проституция в честь Милитты, или храмовых проститутток, как в Индии или Коринфе. Религиозные представления китайцев о мужском и женском начале (*Инь и Ян*) никогда не приводили к культу, аналогичному индийскому культу Линга и Йони. Китайская мифология содержит очень мало любовных похождений богов.

В средневековой и современной Европе сохранились некоторые нравы и обычаи, которые могут быть истолкованы как остатки религиозной проституции. Большинство из них античного происхождения. В первые века христианство, например, восприняло в себя некоторые античные элементы религиозного сексуализма, которые привели к расчленению на секты и частью сохранились до сих пор.

Аскетизм, составляющий только отрицательную форму половой религии, так как он тесно связан с верой в демона, постоянно раздражающего плотскую похоть, необходимо должен был вызвать свою противоположность, половой разврат, который впоследствии оправдывался по религиозным соображениям и у некоторых сект принял характер религиозного промискуитета и проституции.

Основатель секты так называемых николаитов, Николай, утверждал, что для достижения вечного спасения нужно запятнать себя всеми пороками. Грешное тело должно быть гораздо приятнее Богу, ибо заслуги Спасителя больше, если Он и тогда все-таки ведет к спасению. Николаиты и другие секты в состоянии религиозного экстаза удовлетворяли похоть в форме неограниченного промискуитета, часто впотьмах, потушив предвительно свечи.

Аналогичное совершалось у адамитов и каинитов. Влияние древнеазиатского культа половой жизни здесь несомненно. Манихеи безусловно одобряли проституцию и считали ее священным актом.

Все это остатки примитивной, первобытной религии, которые должны считаться чуждыми христианству элементами, хотя последнее и старалось наложить на них свою печать. Представляя, подобно иудейству, чисто духовную, монотеистическую, основанную на патриархате религию, христианство первоначально отреклось от религиозного сексуализма и религиозной проституции, но, в противоположность иудейству, снова ввело их в отрицательной форме, в виде аскетизма, а в развитии христианской мистики опять восприняло и положительные половые элементы. Вера в ведьм, половое общение с дьяволом и т. д. — все это продукты религиозного натурализма. Они доказывают глубокую внутреннюю связь между религиозной и половой жизнью,

которая должна быть признана неоспоримой, потому что как этническую «элементарную идею» ее можно проследить повсюду.

В самом деле, женские монастыри нередко бывали одновременно и домами для женщин. Если в христианском средневековье публичные дома называются символически «аббатствами», проститутки — «монахинями», а хозяйки борделей — «аббатиссами»; если в романских и славянских странах проститутки равно окружают себя талисманами и амулетами и умоляют Мадонну дать им счастье в их профессии, то все это не что иное, как отголосок первобытных представлений.

Между тем, как в романских и католических странах, в этих пережитках религиозного сексуализма сказалось античное влияние, в германских странах в этой области оставил, быть может, следы первобытный культ природы. Несомненно, во всяком случае, что отголоски идеи религиозной проституции существуют и в германской мифологии.

Богиней любви германцев была *Фрейя*, брат которой, как бог плодородия, сделался также богом фаллоса и чувственной любви.

Святынища *Фрейи* существовали в северной Германии вплоть до *Карла Великого**.

Из приведенного обзора видно, что религиозная проституция, в полном развитии или в форме предпосылок и предварительных ступеней, представляет явление, распространенное по всему земному шару. Вместе с тем он доказывает справедливость впервые высказанного Бахофеном мнения, что на религиозную проституцию нужно смотреть, как на пережиток примитивной половой свободы и необузданности, прикрытие же ее религиозным символом является «искуплением», или «покаянием», при переходе к урегулированным половым сношениям, то есть к браку.

В то время как указанная связь является достоверной для гетеросексуальной религиозной проституции, происхождение гомосексуальной религиозной проституции остается темным. Об этом удивительном обычае, который, аналогично гетеросексуальной проституции, отличается примитивными признаками, можно высказывать только предположения; но он, разумеется, не имеет никакого отношения к какой бы то ни было форме промискуитета. Его нужно объяснять совсем иначе.

* Карл Великий (742–814) — король франков, император с 800 года. По его имени названа династия Каролингов.

Человек с врожденным влечением к своему полу должен был казаться удивительной игрой природы, которая так легко принимается первобытными людьми за божественное чудо и вызывает у них поклонение. Фактический материал по этнологии, которым мы располагаем по этому вопросу, подтверждает такой взгляд и показывает, какой репутацией святости пользовались гомосексуальные субъекты у первобытных народов: они часто играли большую роль в религиозном культе, празднествах, а у некоторых народов, например, на острове Таити, существовали даже особые божества «противоестественного влечения». Отсюда могла впоследствии развиться гомосексуальная проституция специфически религиозного характера, причем развитию ее благоприятствовало повсеместное учреждение отдельных домов для обоих полов, и прежде всего — домов для мужчин, в которых собиралось много лиц одного пола.

Подобно нынешним кадетским корпусам, всякого рода интернатам, магометанским гаремам, дома эти, несомненно, способствовали не только развитию, но и распространению гомосексуализма, который первоначально ограничивался немногими лицами с врожденной склонностью к нему. Дальнейшее его распространение происходило под влиянием описанных выше религиозных представлений, пока не привело у многих народов к обычаю любви к мальчикам и мужчинам, как это нам известно относительно античной Эллады и современного магометанского Востока.

Наибольшего распространения гомосексуализм и гомосексуальная проституция достигли в Преколумбийской Америке. Мужчины, носившие женскую одежду, существовали чуть ли не в каждом племени Северной Америки. В северо-западной Америке они стояли близко к жрецам, которые у многих племен должны были носить женскую одежду. В племени саук мужчина, которому приснилось злое божество, луна, надевал женское платье, служил женщиной и отдавался мужчинам. Гомосексуализм нередко считался религиозным обычаем, а гомосексуалисты — избранными людьми. Так, у ирокезов обычай феминизации отдельных мужчин связан был с религиозными представлениями.

Отношение к религиозным оргиям педерастия обнаруживает у индейцев Пуэблы, где имеет место искусственное воспитание так называемых «*mujerados*». Посредством постоянной верховой езды и продолжительной мастурбации некоторые избранные с этой целью мужские индивидуумы совершенно феминизируются, превращаются в «женщину» (по-испански «*mu-*

jer», отсюда «mujerados»), а затем, во время религиозных празднеств, происходящих каждую весну, ими пользуются все желающие для пассивной педерастии.

У аракуанов волшебников-мужчин заставляют отказаться от своего пола, надеть женское платье и не вступать в брак.

На Алеутских островах волшебники также были гомосексуалистами и пользовались большим почетом.

Феминизированные педерасты на Мадагаскаре заявляли, что своим образом жизни служат богу.

В Занзибаре профессиональные мальчики-педерасты вызывают к себе презрение, между тем как в людях, извращенных от природы, видят проявление воли божьей.

Что касается гомосексуальной религиозной проституции древнего мира, то прежде всего Библия дает нам самые надежные и интересные доказательства факта ее существования и большого значения в местах, где господствовала ассирийская культура. Здесь опять-таки бросается в глаза противоположность между чисто духовной монотеистической религией израильтян и первобытными религиями народов Передней Азии. Гомосексуальная проституция вытекает только из этих последних и совершенно несоединима с еврейским монотеизмом, который строжайшим образом осуждает ее. По Библии (Лев. 18; 3 и сл.), педерастия принадлежит к «делам земли Египетской, в которой вы жили, и к делам земли Ханаанской, куда я веду вас, по которым не поступайте и по уставам их не ходите. Мои законы исполняйте и Мои уставы соблюдайте, поступая по ним: исполняя их, человек будет жив через них». Левит (18; 21 и 22) гласит: «Из детей твоих не отдавай на служение Молоху, и не бесчести имени Бога твоего. Я Господь. Не ложись с мужчиною, как с женщиною; это мерзость». Педерастия здесь, по-видимому, связывается со служением Молоху.

Вознаграждение за разврат многие проституированные мужчины и женщины у язычников приносили в храм как жертву. Вот почему в Библии после слов: «не должно быть блудниц из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых», непосредственно следуют слова: «не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа, Бога твоего, ни по какому обету, потому что и то и другое есть мерзость пред Господом». Это значит, что не только вознаграждение собственно хиеродул, но — чтобы не было в этом никакого сомнения — всякая жертва не угодна Богу, если она добыта развратом. Вероятно, проституированные при храме мужчины, «кдешим», подвергались кастрации, подобно «галлам», служившим богине Кибеле и сирийской богине.

Обычай кастрации жрецов Кибелы следующего происхождения. Во время сна Зевса семя его стекло на землю. Из него произошел демон с двойными половыми органами, мужскими и женскими. То был гермафродит Агдистид. Боги заковали его и отрезали ему мужские половые органы. Таким образом он сделался женщиной, *Великой Матерью Кибелой*, а из члена его произошло миндальное дерево. Один из плодов этого дерева дочь речного бога спрятала за пазуху, забеременела и родила прекрасного Аттиса, любимца Кибелы, который впоследствии, приведенный в бешенство, сам оскотил себя. Тогда мать богов Кибела избрала оскотленного мальчика, за его красоту, своим жрецом. Он считался первым жрецом Кибелы, самооскотлению и феминизации которого во время оргиастических празднеств Кибелы часто подражали и светские люди. Жрецы Кибелы также были кастрированы. Это так называемые «корибанты»*.

Религиозная окраска феминизации и гомосексуальности наблюдается также в греческих культурах.

Во время празднеств «антестерий», посвященных богу Дионису, афиняне — как старики, так и юноши и эфебы** — одевались по-женски. У гераклидов жрецы и другие мужчины носили женскую одежду.

Античная трибадическая*** проституция также имела своих богинь — *Mise, Bona Dea*. В их честь устраивались трибадические оргии, во время которых пользовались искусственными мужскими членами, «*olisbos*».

К женским празднествам в честь Деметры в Пеллене не только мужчины, но даже и псы не допускались близко, чтобы можно было свободнее предаваться разврату.

Богиню *Bona Dea* напоминает «праздник тайны», устраиваемый крестьянками немецкой деревни Оксенбах на масленицу, причем мужчины — совершенно как в римском празднике — к участию не допускаются.

Сюда же относится и праздник «крещения кумушек» русских баб, к которому мужчины не имеют доступа. (На этом празднике женщины «кумятся» между собой. — Прим.пер.)

* Корибанты — в греческой мифологии спутники и служители Великой матери богов Кибелы.

** Эфебы — в Древней Греции юноши, достигшие совершеннолетия и составляющие особый общественный класс учащейся молодежи в возрасте от 18 до 20 лет. После года обучения военному искусству, они распределялись по гарнизонам и служили солдатами или полицейскими. Вне службы эфебы вели шумную, полную удовольствий жизнь «золотой» молодежи. Они посещали гимназии флейтисток и гетер, способствуя развитию проституции.

*** Трибадия — форма женского гомосексуализма.

Удивительное явление представляет культ одной китайской женской секты, так называемых «воздержанных», религия которых предвидела превращение полов в будущем.

Японские жрецы не должны были иметь половых сношений с женщинами, а только с мужчинами.

Все эти взятые из мифологии и этнологии факты подтверждают справедливость нашего взгляда на происхождение столь удивительного обычая, как религиозная педерастия. Первоначально прирожденный гомосексуализм — женщины-мужчины или мужчины-женщины — казался настоящим чудом, действием высшего духа, внушавшего человеку неестественные наклонности, часто в форме сна, как у североамериканских индейцев, или путем собственного примера, как это делал бог Хин в Юкатане и Гватемале. Таким образом, этим «лишенным счастья любви» субъектам приписывалась таинственная связь с высшим существом, и они считались представителями божества на земле. Ненормальное, удивительное и редкое проявление извращенного полового чувства казалось высшим, более священным. Это покажется понятным, если вспомнить, что первобытный человек далек от того, чтобы прилагать наше нравственное мерило к этим явлениям.

Первобытная религиозная гомосексуальная проституция сделалась, наряду с биологическим фактором, главной исходной точкой для распространения светского гомосексуализма как индивидуального явления и как народного обычая. Известную роль здесь сыграли союзы полов и дома для мужчин; кроме того, распространению гомосексуальных половых отношений способствовало развитие гомосексуальной проституции. Исходной точкой для последней часто служил храм, как и для гетеросексуальной проституции. Нередко между ними устанавливалась тесная связь. Так, храм Афродиты, блудниц в Афинах и храм богини Ма в Зеле и Комане служили местом пребывания как женских, так и мужских гетер.

Как пережиток примитивной, необузданной половой жизни, вращающейся в более свободной сфере и не знающей никаких социальных ограничений; как одна из видных форм самоотречения, дающая возможность элементарной разрядки избытка сил, проституция находится в связи не только с религией, но и с элементами искусства. Говоря об искусстве, мы относим сюда не только танцы, музыку и поэзию, но и упоение, экстаз и другие формы самоотречения (например, в мазохизме), вызывающие со стороны индивидуума такие же нарушения поставленных ему границ, как это бывает при религиозном экстазе. Это та «дионисьевская восторженность, сопровождающаяся уничтожением обычных стеснений и границ бытия», о которой Ницше го-

ворит как о необходимой предпосылке всякого искусства и культуры, которая проявляется в свободной половой жизни и в проституции как «порождение страстного томления о первобытном и естественном», как «чувственный образ полового всемогущества природы», которое грек олицетворял в фигуре сатира.

Культура и условная нравственность оттеснили эти первобытные инстинкты, но они дремлют в каждом из нас; иногда они пробуждаются и, свободные от всяких оков, от всякого принуждения, противопоставляют будничной действительности — дионисьевскую, высшему половому сознанию — низшее. Проституция как пережиток свободной половой любви, еще всецело находящейся под влиянием примитивных биологических инстинктов, в значительной степени обязана своим существованием и постоянством тому, что удовлетворяет эти дионисьевские потребности, могущественные и в культурном человеке. Только так можно объяснить удивительную привлекательность, которую она и теперь представляет даже для образованных мужчин с высоким умственным и эстетическим развитием. Как бы это странно ни звучало, но именно художественный момент (в широком смысле слова), заключающийся в проституции, возможность временно перешагнуть через социальные и индивидуальные границы, поставленные половому инстинкту, и составляют основу ее привлекательности. На этом, главным образом, покоится упорное постоянство проституции, и именно на этот пункт должна быть направлена борьба с ней, а вовсе не на ее внешние проявления и результаты. Но об этом ниже.

Сказанное нами объясняет и тот своеобразный факт, что как у первобытных, так и у полу- и вполне культурных народов женщины, занимающиеся искусством (певицы, танцовщицы, актрисы), часто бывают проститутками.

Как остаток свободной, необузданной половой жизни проституция должна содержать те же эстетические факторы. Ритмические призывные звуки и восклицания, ритмические движения, вообще наслаждение, выражающееся во всяких активных формах, в связи с эстетическим действием на глаз при помощи цветных предметов, пестрых украшений и т. д., уже у животных характеризуют любовную жизнь и играют значительную роль в половой жизни первобытных народов.

*Людвиг Якововский** сделал остроумную попытку связать этот художественный, полный активности элемент примитивной половой жизни с движениями до и после полового акта.

* Людвиг Якововский (1868–1900) — немецкий писатель.

«Особенное значение имеют перед актом движения во время походки. В них заключается тенденция — в тот момент, когда первобытный мужчина видит вблизи себя женщину — привлечь к себе внимание. Я уже указывал, что это достигается призывными звуками, но действие их в значительной степени усиливается благодаря удивительным движениям походки. Такие движения, вероятно, были приятны для женского глаза. Вначале в них, должно быть, сказывался ритм, размеренный характер танца. Здесь мы должны искать зачатки эстетического чувства, причем первобытная женщина превосходит в этом отношении первобытного мужчину — факт, который можно проследить на протяжении всего человечества». (Эти движения до и во время полового акта были зародышем *эротических танцев*). «До того момента, как мужчина замечал женщину, сопутствующее физическое движение, вероятно, только ослабляло психическую тяжесть от неопределенной потребности полового сношения; он просто делал бурные шаги или скачки. И только когда он замечал ее, шаги его обнаруживали стремление поскорее приблизиться к ней и желание привлечь ее внимание. Этому внезапному приближению соответствует удаление после полового акта. Оба момента — приближение и удаление — образуют первый эротический танец». Якобовский описывает далее, как первобытная половая жизнь, с которой так тесно связана проституция, сопровождалась выражением наслаждения в движениях, в которых непринужденно и произвольно сказывалась вспыхивающая сила инстинкта; как эти двигательные половые импульсы все более и более отеснялись с развитием культуры; наконец, какое убедительное доказательство представляет в этом отношении история эротических танцев, которые в своей современной форме (*centre, frangaise, кадриль*) обнаруживают только утонченные и беспорядочные видоизменения и вариации «искания» до полового акта и «удаления» после него.

Музыка и свободная речь в эротической песне также могут рассматриваться как известные формы разрядки двигательных половых импульсов, которыми пропитано все примитивное домогательство любви. Их комбинированное действие проявляется при половых празднествах и оргиях, когда стремятся достигнуть упомянутого выше самоотречения, религиозного упоения и экстаза. Неприличные танцы и дикие телодвижения, как подготовительный акт к половому сношению, существуют у ватшанди в Австралии, у негров Западной Африки в Конго, у пурри в Южной Америке.

У кафров пение и танцы продолжают на свадьбах до полуночи. Партию жениха и невесты танцуют друг против друга не смешиваясь. Но чем позднее становится, тем больше усилива-

ется возбуждение, тем больше разгораются страсти. Влияние пения, напряжение мускулов, жестикуляция танцующих становятся совершенно необыкновенными. Манера, с какой иной возбужденный субъект выскакивает из рядов, подпрыгивает в воздухе, бросается взад и вперед, не поддается никакому описанию. Эти бурные экзерциции* кончаются около полуночи, после чего гости расходятся большей частью парами, чтобы проспать ночь вместе.

Танец пилу-пилу, который танцуют мужчины и женщины в Новой Каледонии, производя медленные ритмические движения, составляет подражание движениям при соитии. На Ново-Гебридских островах тот же танец сопровождается ударами тамтама, дикими прыжками и криками женщин. Еще большей распущенностью отличается танец упа-упа, который исполняют на Таити и Помоту в ночную пору богато разукрашенные девушки, хлопаньем в ладоши и сладострастными хоровыми песнями доводящие себя до экстаза. Все это кончается промискуитетом.

Танец карама в Северной Индии регулярно переходит в сатурналии с безудержным развратом.

С заменой первобытной необузданности половой жизни различными формами брака проституция как пережиток свободной любовной жизни восприняла в себя ее художественные и экзотические элементы и использовала их для своих целей. У многих народов, как мы увидим ниже, понятие «танцовщица» и «певица» равнозначно понятию «проститутка». Этот переход можно проследить уже у первобытных народов, когда не все молодые девушки и женщины, а только публичные женщины участвуют в танцах или других процедурах с целью вызвать половое возбуждение и экстаз.

Отношение проституции к искусству и к обусловливаемым им видам экстаза особенно ясно видно у культурных народов древнего и нового Востока и у народов классической древности. Здесь всюду встречается понятие «танцовщица-проститутка», и всюду задача проституток — обеспечить мужчинам наслаждения свободной любви в связи с художественными представлениями, которые уносили бы их за пределы индивидуального существования, причем как к вспомогательному средству часто прибегают к искусственно опьяняющим средствам (алкоголь, гашиш).

Доказательства такой связи в древнем культурном мире чрезвычайно многочисленны.

* Экзерциции — военные упражнения.

С древнейших времен проституция в Египте рекрутируется почти исключительно из среды танцовщиц и музыкантш, которые выставляют напоказ свои прелести и свое искусство в увеселительных кабаках. Во времена фараонов их называли «*hmt*». В элегантно убранных винницах и пивных они развлекали молодых мужчин музыкой, танцами и ласками и старались удержать их разными приманками. Во время празднеств эти публичные женщины танцевали сладострастный танец, вроде нынешнего «танца живота», который под конец становился все более и более чувственным и в сочетании со спиртными напитками приводил зрителей в состояние опьянения.

Доказательства большой роли художественных факторов в проституции Востока мы находим также у иудеев. У пророка Исаяи (23; 16) сказано: «Возьми цитру, ходи по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много песен, чтобы вспомнили о тебе». Пение блудницы он считает соблазном.

При дворе ассирийского царя *Ассурбанипала* музыкантши в качестве проституток играли большую роль. Рельеф, находящийся в Британском музее, изображает большое число таких проституток.

В Персии девушки, игравшие на лютнях, и танцовщицы издавна выступали, наряду с храмовыми девушками, в качестве проституток. Во время роскошных трапез, охоты и речных катаний они должны были показывать свое искусство и свои прелести.

В индийской храмовой проституции пляска играла такую выдающуюся роль, что слово «танцовщица», «баядерка» сделалось главным обозначением индийской проститутки. О баядерках мы уже говорили подробнее выше. В Кашмире танцовщицы с древнейших времен составляли класс проституток. Город Хангус давал наибольшее количество лучших проституток-танцовщиц, которые выступали в домах богатых людей и на публичных празднествах и продавали свои ласки по самым различным ценам. Племя ватул дает самых красивых проституток. Они поют эротические песни, танцуют в соблазнительных костюмах сладострастные танцы и зарабатывают большие суммы. В большинстве случаев эти танцовщицы-проститутки группами разъезжают по стране в сопровождении какой-нибудь старой дуэньи, безобразия которой составляет поразительный контраст с миловидностью девушек.

В Афганистане проститутки состоят исключительно из представительниц искусства и являют поразительный контраст с необразованными и неряшливыми замужними женщинами, так что мужчины предпочитают их обществу монотонной домашней обстановке.

На всем магометанском Востоке средних веков и новейшего времени сохранился старый обычай публичных танцовщиц, В Египте танцовщицы-проститутки, «гавази» или «алме», происходят от старых египетских «humt». Лане сообщает о них: «Египет издревле славился своими публичными танцовщицами, из которых наиболее знаменитые принадлежат к особому роду и называются гавази. Они пляшут с открытым лицом прямо на улице, даже перед чернью. Танец их малопривлекателен. Вначале они делают вид, что сохраняют до известной степени приличия, но очень скоро своими пламенными взорами, быстрым постукиванием медных кастаньет и усиленной энергией каждого движения представляют картину, вполне соответствующую описанию Марциала (ок.40 — ок.104), и Ювенала о представлениях танцовщиц города Гадеса. Костюм, который они обыкновенно носят, аналогичен тому, который носят женщины среднего класса у себя дома, то есть в гареме. Он состоит из жакетки и шаровар, сделанных из красивой материи. Они носят также различные украшения. Глаза их подведены углем, а кончики пальцев на руках и ногах, ладони и остальные части рук и ног выкрашены красной краской алканны, как это принято вообще среди египетских женщин среднего и высшего класса. Обыкновенно им аккомпанируют музыканты, в большинстве случаев того же рода...

Гавази часто дают представления во дворе дома или на улице, перед дверьми дома, а в известных торжественных случаях — в гаремах, например, по поводу свадьбы или рождения. Их никогда не допускают в приличный гарем, но нередко нанимают для развлечения общества мужчин в доме какого-нибудь богатого повесы. Танцы их в таких случаях, как и следовало ожидать, еще сладострастнее описанных выше. Некоторые танцовщицы во время представлений в частных домах, в обществе одних мужчин, не носят ничего, кроме шаровар и рубашки из полупрозрачного газа, спереди открытой почти до середины живота. Чтобы потушить в них последнюю искру стыда, которую они еще иногда выказывают, их угощают обильно водкой или другими спиртными напитками. Следующие затем сцены не поддаются описанию».

Особое положение публичных танцовщиц на магометанском Востоке, как служительниц свободной половой любви, зависит еще и от того, что ни магометанская женщина, ни магометанский мужчина никогда не танцуют. Поэтому танцовщицы выделяются в особую группу, не похожую на других женщин, сфера которых — домашняя жизнь, в то время как танцовщицы показывают свое искусство всюду на улицах или сидят у дверей

домов и приглашают прохожих мужчин посмотреть на их искусство и отведать их ласки. Выступают они и в публичных кофейнях.

Наряду с гавази, которые не отличаются высоким умственным развитием, в Египте существует еще высший класс танцовщиц и певиц, так называемые «алме», то есть сведущие в поэзии и танцевальном искусстве, в большинстве случаев женщины с красивой, благородной внешностью.

Не только в Египте, но и в других местах магометанского Востока проституцией занимаются, главным образом, танцовщицы и певицы.

В Кордофане монополия проституции принадлежит классу красивых танцовщиц. В Тунисе алме играют большую роль, но их берегут исключительно для магометан, в кофейнях и гаремах которых они выступают. Европейцам же приходится пользоваться еврейскими танцовщицами. До царствования Футтей-Али-Хана главными представительницами проституции в магометанской Персии также были танцовщицы и певицы. Они и теперь еще встречаются там во всех провинциях.

Главное представление восточных танцовщиц-проститутток составляет так называемый «восточный танец», или *«танец живота»*. Он считается подражанием движениям при соитии, «пляской сладострастия», апофеозом «триумфа любовного неистовства» и плодовитости. Дело доходит до крайней степени экстаза и самоотречения, которые передаются зрителям, чем и достигается намеченная цель танца.

Лучшее описание танца живота и вызываемого им в зрителях экстаза дал *Ганс Кистемекер*.

«Слово «танец живота» представляет вводящее в заблуждение, тяжеловесное обозначение хореографического представления, которое дают обыкновенно мароккские девушки в расположенных в ряд балаганах. Оно вводит в заблуждение потому, что хотя движения и судороги, с которыми мы здесь имеем дело, и совершаются главным образом в мышцах живота, но понятие, связанное обыкновенно со словом «живот», именно понятие о пищевом тракте, не имеет никакого отношения к данному танцу. Обозначение это верно только анатомически. Но научные обозначения вещей, вследствие односторонности точки зрения, с которой они даются, в большинстве случаев прямо противоположны популярному понятию, чувственному представлению, интуитивному воззрению и гению языка, словесному и звуковому значению слова. Танец живота, как и всякий другой, являет собой символическое движение тела, цель которого заключается исключительно в возбуждении эротических представлений. Гораздо правильнее было бы назвать его «танец таза», потому

что, когда мы говорим о боках женщины или девушки, у нас гораздо скорее возникает представление о лаборатории таинственного воспроизведения рода человеческого, чем когда мы произносим слово «живот».

Но анатомически название «танец таза» было бы совершенно неправильно, потому что бока во время танца остаются в абсолютном покое. Но всякое другое название — танец Венеры, любовный танец, танец гарема, конвульсивный танец — по смыслу слова, все же дает более правильное понятие об этом танце, чем несчастное название «танец живота». А потому, чтобы положить конец всем спорам, мы избрали название «la Marokana», которое мы слышали из уст одной из танцовщиц. Оно, по крайней мере, указывает на родину этого соблазнительного танца и намекает на его характер».

Чтобы вызвать опьянение, экстаз и самозабвение, наряду с музыкой и танцами употребляются также некоторые материальные средства, и прежде всего — гашиш. Это измельченная в порошок трава индийской конопли с примесью резины и сахара, или же смолистый продукт, просачивающийся из женского растения индийской конопли. Траву жуют, а смолу курят — это наиболее частый способ потребления гашиша. Он вызывает своеобразные галлюцинации и фантазии и возбуждает половую систему. Гашишные оргии мы встречаем на Востоке в связи с гетеросексуальной и гомосексуальной проституцией.

Этот тройной вид опьянения — от танцев и музыки, опьяняющего средства и, наконец, полового возбуждения, исходящего от самих проститутток, — вызывает у жителя Востока высшую степень экстаза и самоотречения, и не случайно для этого пригодны только «публичные» женщины, которые отличаются от женщин гарема, прозябающих в строго замкнутой жизни, свободой и полной необузданностью. Первоначально слово «публичная», вероятно, и не обозначало ничего, кроме противопоставления между свободной, не стесненной никакими правилами и выступающей публично женщиной и женщиной, живущей в семье, в доме. Первая с самого начала была свободнее и в своих половых отношениях, а потому впоследствии «публичность» по отношению к женщинам стала равнозначна распущенности.

В проституции классической древности художественный элемент достиг наиболее полного развития.

Прежде всего это относится к греческой женщине. Жены и дочери семейств жили так же замкнуто от внешнего мира, как и на Востоке, не получая высшего умственного и художественного образования. Последнее доступно было лишь женщинам, жившим публичной жизнью — а для греческой женщины существовало только публичное распутство, — следовательно,

исключительно гетерам, проституткам-танцовщицам и проституткам-музыкантшам. Таким образом, не говоря уже о гетерах, часто обладавших высоким умственным развитием и художественным образованием, обыкновенные музыкантши, игравшие на флейте или цитре, певицы и танцовщицы были простыми проститутками. Они должны были показывать свое искусство во время пиршеств, когда сказывалось действие винных паров, и содействовать появлению вакхического и дионисиевского экстаза. Поэтому их обучали всем искусствам эротики, и сводники отдавали их внаймы. О деталях мы будем говорить подробнее в следующей главе.

В Риме танцовщицами и музыкантшами были почти исключительно проститутки. Многие из них — иноземного происхождения. Особой славой пользовались иберийские девушки из Гадеса (нынешний Кадикс). Танцовщицы-проститутки из Гадеса приезжали в Рим группами под управлением сводника в надежде на большое вознаграждение.

В позднейшее время хореографическая проституция приняла в Риме колоссальное развитие, в IV веке н.э. здесь было не менее трех тысяч танцовщиц.

Обыкновенные актрисы и мимистки, в задачу которых входило ставить пантомимные танцы эротического характера, почти всегда были проститутками.

Представление, что занятие музыкой, танцами и мимическим искусством необходимо связано с проституцией, вначале воспринято было христианством и долгое время сохранялось в низших слоях народа. В Нидерландах, например, вплоть до XIX столетия бордели назывались «musicos». Лишь в 1711 году, то есть 200 лет тому назад, актер впервые удостоился в Берлине честных похорон на христианском кладбище. Но презрение к комедиантам существовало еще в течение всего XVIII века. Христианская ненависть к театру даже не делала никакого различия между серьезной трагедией и полными сальностью комедией и пантомимой. Во многих общественных кругах театр и теперь еще не считается тем, чем хотел сделать его Шиллер, то есть учреждением, задача которого — умственное и нравственное облагораживание человечества.

В пользу глубокого внутреннего значения и постоянства художественного элемента в проституции говорит тот факт, что, несмотря на враждебное отношение и попытки искоренения его со стороны официального и аскетического христианства, он сохранился и до наших дней. Даже период расцвета бордельной проституции не мог всецело уничтожить этот момент. Когда погибли древние языческие театры, гистрионы и танцовщицы рассеялись, кочуя с места на место и занимаясь повсюду, кроме сво-

его ремесла, проституцией. Уже в «конституции» франкского короля Хильдеберта (554 год н.э.) танцовщицам запрещается в святые дни, как Пасха, Рождество и другие праздники, или по субботам, выступать перед публикой. Они показывали свое искусство на свадьбах, на званых обедах, ужинах, на народных празднествах. В царствование Карла Великого они пользовались такой любовью, что всякий знатный человек считал своей обязанностью во время трапезы доставить гостям такого рода развлечение.

Эти элементы проституции, сохранившие античные традиции, послужили в средневековой Европе исходной точкой для постепенного развития новой организации проституции, которая, несмотря на некоторые особенности, в существенных чертах была возобновлением античной и в качестве таковой продолжала оказывать свое действие до нашего времени.

Художественная проституция играла значительную роль в дионисьевских праздниках средневековья, происшедших из античных сатурналий: праздниках дураков и ослов, в карнавале с его необузданным масленичным весельем, в масленичных играх, в связанном с опьянением и экстазом «плясовым исступлением». Но всего больше она сказывалась во времена Ренессанса, когда поэтически и художественно образованная «куртизанка» играет такую же роль, как и в древности. Тогда же возникла современная форма эротического группового танца и танца соло, балет, который вплоть до времен *Людовика XIV* (1638–1715) обнаруживает резко непристойный характер. А балетные танцовщицы до XVIII столетия были явными проститутками.

После крестовых походов восточные танцовщицы перевезены были в Западную Европу и выступали здесь в обществе менестрелей и жонглеров. Они немало способствовали распространению страсти к танцам, которая в широких размерах проявлялась в диких народных танцах романских и германских народов. Во многих современных танцах старого происхождения можно еще проследить этот первобытный характер эротической страсти и экстаза (таковы фанданго, тарантелла, пересва, коло, чардаш, фриска, гитана, цапатео, сарабанда, поло и др.). Танцы эти часто исполнялись проститутками (например, фанданго и сарабанда).

С половины XVIII столетия Париж сделался высшей школой рафинированной хореографической проституции, которая отсюда перешла во многие другие столичные и провинциальные города Западной Европы: Лондон, Берлин, Гамбург, Вена... То же мы видим в Будапеште, Петербурге...

На тесную связь между танцами и проституцией в настоящее время указывает, например, интересное сообщение русского врача, доктора *Архангельского*, в 1897 году на петербургском конгрессе по борьбе с сифилисом. Он сообщил, что в городе Туле, известном своими оружейными заводами и серебряными изделиями, нет танцевальных школ и что молодые люди обоего пола посещают публичные дома, чтобы научиться танцам. Аналогичные явления встречаются в Петербурге и Москве.

Наконец, эту старинную связь доказывает известная «танцующая походка» проституток во время ходьбы на улице, подражание ослабленным плясовым движениям, причем всего больше бросаются в глаза своеобразные сладострастные покачивания бедер — движения, по которым еще и теперь безошибочно можно узнать проститутку.

Такую же значительную роль, как в гетеросексуальной проституции Востока, танцы играют и в гомосексуальной проституции восточных стран. В большинстве случаев этим видом проституции занимаются мальчики-танцоры с длинными, выхолощенными, надушенными волосами. Они употребляют белила и румяна и разрисовывают веки, как танцовщицы. Танцоры эти расхаживают по кофейням, и при желании их можно вызывать в частные квартиры. У них есть кастаньеты и женские костюмы, и танцы их заключаются в похабных, весьма развратных движениях. Очень богатые люди сами содержат таких мальчиков, которые в Турции часто греческого; а в Персии — грузинского происхождения.

Хореографическая мужская проституция до сих пор существует в турецких городах, где в праздничные дни на улицах можно видеть мальчиков, одетых в роскошные женские одежды, с фальшивыми волосами; они поют, пляшут и увлекают мужчин. Еще и теперь такие мальчики с бледными, худыми лицами, в широких, вышитых золотом шароварах, готовы к услугам посетителей кофеен низшего разряда города Галаты.

Тесная связь между проституцией и артистической любовью существует в Китае и особенно в Японии, где проституция и сегодня подчеркивает эстетическую сторону и до такой степени переполнена артистическими элементами, как ни в какой другой стране. «Воспитание для профессии гетеры», то есть возможно законченное эстетическое развитие человека, обучение внешней манере и художественной деятельности, имеет здесь величайшее значение. С этим равно согласны и старые, и новые наблюдатели. Этим объясняется, почему общение с проститутками в Японии жизненно необходимо для мужчин. Оно переносит их на время в более свободную атмосферу и дает возмож-

ность забыть гнет будничной обстановки. Уже старый Кемпфер сообщает, что публичные дома посещаются в Японии немногим менее, чем храмы.

Во времена Кемпфера бордельный квартал города Нагасаки заключал в себе самые красивые дома, в которых жили только проститутки. «Девушки покупаются еще в детстве за приличную сумму на известное число лет (от 10 до 20) и живут на иждивении богатого хозяина дома, по 7–30 человек взрослых и детей в одном доме. Они все имеют очень удобные комнаты и ежедневно обучаются танцам, игре на разных музыкальных инструментах, писанию писем и другим подобающим их полу и способствующим развитию сладострастия искусствам. Младшие из них являются служанками и в то же время ученицами старших и более опытных. По мере того как они приобретают известную ловкость и обходительность в обращении, как на них увеличивается спрос и они приносят больший доход своему хозяину, их повышают рангом, вводят в лучший круг клиентов, и цена их возрастает, но деньги получает только хозяин».

Иошивара в Токио была в то время «местом свиданий модного света». Мечтой всех лучших мужчин было испытать любовь «*тауу*», самой знатной представительницы этих проститутток. У каждой такой «*тауу*» было несколько девочек, которых она обучала всем искусствам проституции, «150 правилам приличия», косметике, «элегантной и влюбленной мимике», искусству очаровывать мужчин. С этой бордельной частью города издавна тесно связаны гейши, певцы, танцоры, музыканты и танцовщицы. Гейши нередко сами не принадлежат к проституткам, но, тем не менее, поддерживают отношения с кварталом куртизанок. Вся его обстановка, с пестрой роскошью цветов, так художественна, оставляет такое эстетическое впечатление, что восхищение некоторых европейских авторов этой красивой внешней стороной японской проституции понятно, хотя при взгляде на закулисную сторону многое можно было бы увидеть в другом, более мрачном свете. Эта оговорка необходима к словам Брунхубера, что Иошивара не оскорбляет, а обогащает область эстетики. Внешняя форма проявления японской проституции действительно далека от европейской, как небо от земли. В доказательство мы приведем описание Брунхубера, относящееся к 1907 году:

«Через ворота, обвитые зеленым рисом, украшенные разноцветными флагами всех национальностей — тонкий намек, — мы вступаем на широкий бульвар, открытый только для пешеходов. Посреди него разбиты клумбы цветущих, ароматных кустов, на верхушках которых качаются разноцветные лампочки. По обеим сторонам — ярко освещенные магазины и чайные, мимо

которых тянется многолюдная пестрая толпа. Взор останавливается на бесконечно цветущих рощах, густо краснеющие цепи которых прерываются белыми световыми дугами. Это преддверие к храму любви. Нигде в мире расточительная, легкомысленная богиня чувственного наслаждения не воздвигла себе более роскошного храма, чем в Иошиваре.

Достаточно одного взгляда, чтобы картина экзотически-прекрасного мира никогда не исчезла из наших воспоминаний. Но стремление описать словами этот ослепительный блеск, отливающий всеми красками покров опьяняющего наслаждения жизнью — напрасный труд!

Свет, краски и красота соединяются в один непобедимый гимн. Улицы, отходящие от главной дороги, темны. С утонченностью театрального декоратора здесь избегали всякого бокового света, который мог бы мешать глазу. Взор прикован к пестро светящимся картинам, приветствующим вас с высокорасположенного партера домов.

Картины эти оправлены в роскошные рамы. Бесподобная, с темной позолотой, резьба по дереву, производящая такое великолепное впечатление в восточноазиатских храмах, является здесь декоративным фоном. Большие зеркала в центре и боковые кулисы служат рефлекторами для громадного количества света, идущего от скрытых источников.

В этом дрожащем потоке света и красок сидят, отделенные от публики узкими решетками из палочек, самые красивые японские женщины. Волосы их уложены в прелестные прически, лицо, согласно обычаю страны, сильно накрашено и напудрено, и они одеты в лучшие японские шелка. Кимоно из материи темного, насыщенного цвета, вокруг стройной талии — «оби», пикантно оттеняющий по цвету кимоно. Поразительно красивые картины следуют одна за другой. Рельефные украшения и обстановка меняются от одного дома к другому. В одном месте — пестрая, красочная обстановка в современном молодом стиле, девушки в платьях из цветных материй. В другом — мебель из японского черного дерева, мебельная обивка и ковры темного цвета, и на них нежно выделяется мягкий гелиотроповый цвет кимоно. Затем опять на ярком золотом фоне — блестящий черный цвет одежды, точно темная рама, оттеняющая бледное, нежное личико.

По 10–20–30 сидят девушки в своих золотых клетках, без движения, одна подле другой, длинными рядами, на полу, покрытом коврами. Внимательно осматривают они острым взглядом шумящий кругом живой поток, не расставаясь в то же

время с зеркальцем, пудреницей и румянами. Крошечная трубочка — после обязательных трех потягиваний — непрерывно опорожняется.

Молча сидят эти прекрасные изображения пагоды. Изредка обмениваются они словом между собой, еще реже — с внешним миром. Ничто не оскорбляет взгляда непристойностью, ничто не шокирует изумленного иностранца, которого часто приветствуют ласковым кивком головы или дружеским жестом узкой руки. Женская честь не пятнается здесь в пошлой, безобразной форме. От этой современной женщины веет на нас дыханием эллинского, античного воззрения на любовь и чувственные наслаждения, которое видело благородство полового инстинкта не в шаткой благопристойности, то есть не в вопросе звания, а в сочетании с красотой достоинстве личности. Здесь этот идеал осуществлен.

Мимо блестяще освещенных, постоянно сменяющихся картин многотысячная толпа скользит в тени улиц, с шутками и звуками восторга на устах. Мы плывем, увлекаемые общим потоком, вдоль спутанных улиц и переулков. Уже наступила полночь, и восторг толпы возрос до дионисьева дифирамба. Из освещенных открытых окон раздаются звуки пения под аккомпанемент гитары.

В чайных усиливается шумное веселье.

Мы возвращаемся к экипажам и на обратном пути дико гоняемся по Токио, над которым уже спустилась ночь. Мы невольно задумываемся над странным миром, открывшимся здесь нашим глазам. Кругом непроницаемый мрак. Но там, далеко, небесные облака слабо отражают сияющее море света Йошивары. И сквозь ночную тишину доносится оттуда гул голосов, сливающийся в дикий, тупой крик вакхического сладострастия. Это не крик отдельных лиц, это инстинктивный восторг целого народа, беспрепятственно предающегося чувственным наслаждениям».

В Китае, где девушки и замужние женщины — как у древних народов и магометан — ведут довольно жалкое существование, предаваясь домашним заботам и не получая никакого образования, проститутки также являются единственными представительницами «образованных» женщин. Только они занимаются танцами, музыкой, пением и театром. Вот почему представительницы этих профессий издавна пользовались дурной репутацией, как это видно из китайских законов. Закон запрещает, например, членам высшего государственного совета жениться на комедиантках, певицах, танцовщицах или других продажных женщинах.

Проститутки «синих домов», то есть сухопутных борделей, и «цветочных лодок» — судовых борделей — в большинстве случаев рекрутируются из украденных или купленных у бедных родителей девушек, которые с детства получают очень тщательное эстетическое воспитание и образование. Их обучают пению, игре на гитаре, рисованию, поэзии и т. п. Если они не проданы впоследствии какому-нибудь любителю за высокую сумму, то поступают в бордель одного из двух указанных выше типов.

Во время празднеств в «цветочных лодках» содержатель борделя предлагает каждому из гостей проститутку, которая развлекала бы его пением и музыкой и доставила бы ему полные наслаждения. Вечернее времяпрепровождение в такой празднично освещенной «цветочной лодке» в Китае описывает, на основании собственных наблюдений, *Кнохенхауер*.

«Известны, или по крайней мере часто упоминаются, знаменитые «цветочные лодки» в Кантоне. Это плавучие рестораны и дома терпимости, празднично освещенные вечером различными лампочками; они расположены на реке друг подле друга и благодаря отражению тысяч огней в воде действительно представляют волшебное зрелище. Нижние этажи судов предназначаются для низших классов народа. Это публичные дома низшего разряда, в которых царит вольное, ничем не стесняемое обращение и большое оживление. Пространство, предоставляемое в распоряжение каждого, занимает не больше места, чем кровать в спальном вагоне железной дороги. А наверху в салоне веселится модный свет, золотая молодежь Кантона, предаваясь кутежу и слушая музыку. Внутреннее убранство чрезвычайно роскошно, с обильной, частью позолоченной, частью блестяще лакированной резьбой и прелестными шелковыми материями. И все это при избытке света, распространяемого дюжиной больших и ярко горящих керосиновых ламп.

Иностранцам не следовало бы упускать случая посетить такое «цветочное судно», тем более, что эти салоны-рестораны рассчитаны и на европейцев. Я был в таком ресторане в сопровождении нескольких европейских дам и мужчин из гонконгского общества. Мы сидели на открытой палубе, откуда открывался великолепный вид на реку, оживленную тысячами судов, на многочисленные празднично убранные «цветочные лодки» и, наконец, на миллионный город Кантон с его пагодами и храмами. Палуба здесь не имеет крыши, салон в этом месте открыт так, что вид расстилался прямо перед нами. Вокруг большого круглого стола сидело несколько знатных китайцев, занятых ужином. Позади каждого из них на том же стуле сидела певица; каждая из них, в свою очередь, имела позади себя служанку. Однако едой и питьем ублажали себя одни только властители

мира, а милые женщины должны были смотреть на них и увеселять компанию ноющим пением под аккомпанемент однострунной визгливой скрипки. Но в обществе царило чрезвычайное веселье. Трудно себе представить, как неудержимо весел может быть китаец во время попойки и остроумной беседы. В целом мире нет более приятного члена общества. Он всегда любезен и интересен, всегда готов шутить и острить».

По собственным наблюдениям описывает проституцию на «цветочных лодках» и в «синих домах» Кантона Макс Даутендей.

«Сквозь тучи дымящегося тумана пролетают ярко выделяющиеся в них огоньки, и сквозь туманный дым всплывают на поверхность барки с красными стеклянными постройками, с зелеными и синими призмами в дверях. Чувствуется запах чая и духов, и, точно в книжке с раскрашенными картинками, возникают перед глазами бросающие синие и красные отблески Кантона праздничные прославленные «цветочные лодки». Однообразное пение и музыка...

И иной быстрый взгляд набеленных девушек падает В мою темную лодку, точно падающая звезда. Круглые двери из розового стекла были открыты, и внутри сидели проститутки с громкими именами, пришедшие в лодки вместе со своими друзьями, чтобы поужинать. Там блестели синие и медно-красные шелковые материи. Полная стеклянных ламп и золотых украшений, одна лодка прилежала к другой стеклянной цветной стенкой, Отражая в темной реке свой светлый край... Я проникаю туда через тесный проход, шириной не больше двух аршин. Повсюду сидят китайцы, молчат и скалят зубы, как кошки и крысы.

Целый ряд освещенных окон открыт в сторону земли, а внутри на полу сидят, милые девушки, тесно прижавшись друг к другу, как стадо овец на лугу.

Все в небесно-голубом шелку, обвешаны украшениями и опрысканы духами. С напудренными лицами и белыми руками сидят они, как маленькие небесно-голубые ангелочки без крыльев.

Рядами, у голых стен. Они смеются, болтают, делают знаки и ждут, чтобы их позвали в чайную, где они подают кушанье и рисовое вино и декламируют стихи, Рассказывают легенды о китайских героях, легенды из древнейшей истории страны. Они отбивают при этом такт и держатся всегда, хрупкие и нежные, как если бы

они были из фарфора...

Из всех низеньких окон

Раздается хихикающий смех девушек, и всюду милая суета, как если бы здесь под лампами и свечами был рынок. И всюду

одинаковое ожидание со стороны нарумяненных лиц с черными волосами...

Подобные небесно-голубым звездам, сидят несколько женщин, полудетей еще, в чайном зале. Подают чай и к нему миндальные орехи.

Иной из пестрой толпы подымает маленькую женщину и сажает ее к себе на колени. Оба еще раз кланяются друг другу с чашкой чая в руках, прежде чем поднести напиток к губам...

Старшая из маленьких молодых женщин, окруженная младшими девушками, держит в руках носовой платок из белого шелка.

Она поет со страстными жестами, а вокруг нее, на полу, расположились на шелковых подушках девушки, играющие на лютне...

Глубоко погруженная в свою страстную песню, она опьянена, точно сомнамбула, и воспекает поступки и любовь великих героев...

Она складывает маленькие белые ручки... И этот женский ротик, напоминающий красные вишни, воспекает любовь и мертвецов, о которых говорят тысячелетние сказания...

Ничто не считается здесь с тактом. Все они улыбаются и чувствуют себя в тонких шелках, по которым пробегает электрическая искра от прикосновения, еще более голыми, чем когда они раздеты».

Гомосексуальная проституция в Китае и Японии также связана с артистическими элементами. Этому благоприятствует то обстоятельство, что женские роли в японских и китайских театрах исполняют почти исключительно юноши, большей частью накрашенные и в женских костюмах. Актеры, с ранней юности обучаемые всем женским искусствам, составляют предмет страстных вожделений гомосексуалистов и образуют главное ядро мужской проституции. Карш называет театр в Пекине «питательной средой для мужской проституции», имея в виду не только сцену, но и зрительный зал.

«Безбородые юноши, играющие женские роли и достигшие удивительного драматического совершенства, обязаны большей частью своих доходов не артистической деятельности, а известным личным услугам: эти юные жрецы Талии, живущие в предместье Вайлотшен, поблизости от театра, нередко принимают посещения своих богатых почитателей. Мало того, что сама сцена уже служит отрадой очей для педерастов, — места для зрителей представляют в этом отношении еще более поразительную картину: зала, партер, ложи переполнены молодыми людьми с женственной походкой, хотя и в мужском костюме, но из тончайших материй самых ярких цветов. Они переходят от одного стола к другому, здесь расточая улыбки, там — перемигиваясь с сидящими, получая от одних лакомства, от других выслушивая сомнительного достоинства шутки, пока, наконец, не усядутся за какой-нибудь стол со своими знакомыми или с людьми, которые им кажутся богатыми».

Для профессиональной мужской проституции, не принадлежащей к театру, в Китае существует прямо высшая школа. Похищенные или купленные, в большинстве случаев, мальчики обучаются пению, музыке, декламации, рисованию и стихосложению, красивому и древнему письму — всему, что может доставить, как показал опыт, удовольствие их будущим возлюбленным. Мальчики, жившие в старых японских борделях, также были хорошо обучены музыке и танцам и отличались мастерством во всех искусствах соблазнения. Они неоднократно впоследствии переходили в театр.

Выше мы уже указывали на тесную связь художественного фактора проституции с опьянением, которое на всем земном шаре считается универсальным средством для достижения того райского состояния, когда человек всецело уносится от мира и доходит до самозабвения.

«Под влиянием наркотического напитка, о котором говорят в своих гимнах все первобытные народы, или же во время могучего приближения весны, которым радостно проникнута вся природа, в человеке пробуждаются те дионисьевские ощущения, при усилении которых субъективное исчезает в полном самозабвении», — говорит Ницше. Поэтому проституция как пережиток первобытной необузданной половой жизни состоит с опьянением и вызывающими его средствами в древнейшей естественной связи. Она входит составной частью в сущность проституции и объясняется отчасти тем обстоятельством, что опьяняющие средства не только вызывают психическое возбуждение и опьянение, не только влекут за собой упоение органов чувств, но усиливают самое половое влечение, являясь желанными вспомогательными средствами для целей проституции.

Из таких искусственных возбуждающих средств мы назовем — кроме гашиша, о котором уже говорилось, — прежде всего опий, бетель, перец, коку, табак, кофе и чай, вино, пиво и другие спиртные напитки, а в новейшее время еще эфир. Действие их весьма разнородно. У одних на первом плане стоит возбуждающее действие, у других оглушающее; действие одних быстро прекращается, действие других, напротив, продолжительно.

Относительно взаимодействия с проституцией каждого из этих опьяняющих средств в отдельности нужно заметить следующее.

Классическая страна потребления опия — Китай, где это наркотическое средство является основой и двигателем всех сладострастных оргий. Поэтому большинство борделей имеет приспособления для курения опия, и, наоборот, многие дома для обеспечивают своим посетителям половые наслаждения. В каждой комнате китайского борделя имеется трубка для курения, которую приготовляет для клиента принимающая его проститутка. Перед половым сношением он несколько раз потягивает трубку, чтобы усилить эрекцию. Многие курят до наступления состояния, похожего на опьянение.

Проститутки в Бомбее предпочитают находиться не вблизи кабаков, а поближе к заведениям для опия, потому что он возбуждает половое чувство сильнее, чем алкоголь. О действии опия как *афродизического* средства, то есть средства, возбуждающего половое влечение, известно, что расслабляющее действие его на половые органы дает себя знать при больших и продолжительных приемах, в маленьких же дозах он, наоборот, возбуждает половое чувство. Умеренные дозы опия (от 10 до 20 трубок) оказывают следующее действие: под влиянием прямого или церебрального эротического возбуждения эрекция наступает быстрее, но — что пока еще не удостоверено ни одним автором — в то время как член находится в состоянии сильного возбуждения, нервы его, в частности нервы головки, от действия опия становятся нечувствительными. Поэтому, несмотря на сильную эрекцию, извержение семени весьма затягивается и наступает лишь после продолжительного соития. Аналогичное действие замечается и на женских половых органах... Возбуждающее действие опия на половые органы прекращается от 15–20 трубок, от 25–30 — эрекции становятся несовершенными и затем совсем прекращаются от количества трубок свыше 40, несмотря на энергичную прямую стимуляцию. Привычные курильщики опия становятся обыкновенно импотентными, подобно привычным алкоголикам и потребителям табака».

Но целью старых курителей опия было, по-видимому, не столько половое возбуждение, сколько появление *сладоприятных снов*, представляющих весьма обычное явление при хроническом потреблении этого средства.

Как мы уже упоминали, опий курят в большей части китайских борделей, где он играет приблизительно такую же роль, как у нас алкоголь в соответствующих учреждениях. На «цветочных лодках» также имеются скамьи, на которых могут отдыхать курители опия.

Вместе с китайцами курение опия перекочевало в Северную Америку. В Сан-Франциско и Нью-Йорке существуют руководимые китайцами бордели, в которых потребление опия доведено до высшей степени. Замечательно, что и многие европейские проститутки, кроме алкоголя, привычно потребляют с целью опьянения опий. Это прежде всего относится к нью-йоркским белым проституткам из домов терпимости китайского квартала. Будучи коренными американками, они носят китайский костюм, всецело находятся под китайским влиянием и предаются безумному курению опия.

В южной Франции, где местом проституции часто служат кофейни низшего разряда, в них собираются матросы и унтер-офицеры, чтобы тайно покурить любимый ими опий и удовлетворять себя путем флегелляции, производимой здесь большей частью цыганками.

В Китае курение опиума весьма распространено также в борделях для гомосексуальной проституции: мотивы в большинстве случаев, вероятно, те же, что и при проституции гетеросексуальной. Причинная связь между потреблением опия и равнополой любовью существует, быть может, в известной части случаев, но не имеет отношения к прирожденным гомосексуалистам.

В Париже, кроме мужских учреждений для курения опиума, существует также опийный дом для гомосексуальных женщин, который находится в теснейшей связи с одним домом терпимости и с квартирой для свидания трибад... Он расположен на улице Марбеф и занимает партер и четыре этажа. В партере находятся комнаты живущих там постоянно проституток; первый и второй этажи служат местом свиданий для целей лесбийской проституции; третий этаж занимает хозяйка дома, старая сводница, известная у «Максима» под именем Маршала. Она содержит настоящую школу для образования проституток. Наконец, четвертый этаж предназначен для курительниц опия, которые приходят туда после полуночи и которым прислуживают женщины из Аннама... Они раздеваются, закутываются в пеньюар и затем отправляются в общий зал, скромно освещен-

ный несколькими китайскими фонарями, где вместе с лесбийскими проститутками предаются самым безумным оргиям под влиянием опия.

Аналогично опию действует бетель, потребление которого с древних времен чрезвычайно распространено среди всех южноазиатских народов. Он делает человека способным очень часто повторять соитие в течение дня. Так как листья бетеля жуют в большинстве случаев вместе с арековым орехом, то получается сложное соединение, из которого трудно выделить действие бетеля. Во всяком случае, продолжительное его потребление вызывает в результате приятную веселость и опьянение, как это бывает и при потреблении напитка кава, приготовляемого на островах Южного океана из растения *Piper metysticum*. Впрочем, все малайцы и западные меланезийцы также жуют бетель.

Ту же роль, какую для Южной и Восточной Азии и для островов Южного океана играют бетель и опий, для Южной Америки играют листья коки. Они являются там постоянным и необходимым средством потребления. Листья коки содержат алкалоид кокаин, американцы считают их афродизическим средством. Кока вызывает чувство блаженства, связанное с повышенной работоспособностью, которое может перейти в состояние легкого опьянения.

Потребление кокаина проникло и в Северную Америку. В Чикаго, например, проституция связана с торговлей кокаином. У проституток, которые могут выдержать его потребление от 5 до 10 лет, кокаин вытеснил опий. Действие его при привычном употреблении ужасно. Появляются дикие галлюцинации, и в конце концов наступает полное физическое и духовное расслабление.

В Чикаго насчитывают около 7000 потребителей кокаина. В это число, впрочем, входят не только проститутки, но и посыльные, мальчишки-газетчики и многие клиенты проституции.

Потребление табака также связано с проституцией. Средство это, оказывающее возбуждающее действие, а после продолжительного употребления вызывающее приятное опьянение, происходит из Америки и распространено теперь по всему земному шару. У алжирских проституток существует обычай привлекать клиентов предложением им табака, папирос и кофе, которые они затем готовят для гостя в своей квартире. В романских странах табачные лавочки часто служат местом тайной проституции или просто представляют замаскированные бордели, причем в задних комнатах имеются к услугам клиентов проститутки.

Табак — излюбленное возбуждающее средство самих проституток. Во всяком случае, курение распространилось среди них гораздо раньше, чем среди других женщин, и представляет теперь в их среде общераспространенное явление. В мужской проституции предложение папиросы представляет самое частое средство, чтобы завязать сношения. Поэтому папиросы являются необходимой принадлежностью даже некурящих гомосексуалистов, которые обильно запасаются ими, отправляясь «на отлет». У проституток, и в особенности у проституированных мужчин, с течением времени вырабатывается настоящий табачный голод. Существуют проститутки, которые выкуривают в день до 50 папирос. Сигары, напротив, употребляются очень редко даже проституированными мужчинами. Их курит только одна категория женщин-проституток — лесбийские проститутки, имеющие связь с какой-нибудь проституированной женщиной. В Берлине их называют «дядями».

В Восточной Азии поразительную связь с проституцией обнаруживает чай, а на магометанском Востоке — кофе. Японские чайные являются до известной степени преддвериями борделей, они расположены у входа в бордельные кварталы и служат местом свиданий с проститутками. Пришедшему гостю подают зеленый чай или сакэ (рисовое вино) и спрашивают, намерен ли он посетить уже известный ему дом или хочет выбрать себе подругу. При этом ему предлагают альбом с карточками девушек из борделей для выбора. Он может затем пойти в бордель или пригласить проститутку в чайную, где имеются для этой цели особые комнаты. В 1869 году в Иошиваре в Токио существовало 159 борделей и 400 чайных. В 1900 — уже только 101 чайная и 177 борделей. Таким образом, число чайных домов в Токио значительно уменьшилось.

В Китае чайные также служат сборным пунктом для проституции.

О восточных кофейнях как местах встреч с проститутками мы говорили уже не раз. Магометанские проститутки начинают свою дневную работу с того, что посещают различные кофейни, танцуют там эротические танцы и поют эротические песни, чтобы возбудить желания курильщиков гашиша и табака.

Главным из всех опьяняющих средств должен считаться алкоголь, который всюду используют в целях проституции. Можно сказать, что без него проституция значительно сократилась бы и потеряла свои характерные черты. Борьба с проституцией немислима без борьбы с алкоголизмом — настолько он превосходит все другие возбуждающие и опьяняющие средства.

Приведем лишь некоторые данные, доказывающие связь между проституцией и алкоголизмом. В Японии и Китае сакэ составляет в настоящее время любимый напиток в борделях и на «цветочных лодках». В Индии попойки и бражничанье подерживались исключительно проститутками, которые должны были пить и заставлять пить других ром, водку, различные ликеры. В настоящее время там преобладает пальмовое вино. Какой-нибудь опьяняющий напиток составляет обязательную принадлежность празднеств в честь любви. Немножко выпить — да ведь это увеличивает прелесть красотки в глазах индийского знатока.

Своеобразное учреждение представляют в современной Индии так называемые «лолл-базары». Эти бордели, предназначенные для местного и европейского войска, всегда имеют к услугам солдат спиртные напитки и проститутки. Женщины из этих заведений сопровождают войска даже в длинных и трудных походах, часто сидя вдвоем на одной лошади.

О тесной связи проституции с алкоголизмом в Египте мы уже говорили выше. Кроме виноградных, там употреблялись пальмовые и фруктовые вина. Пиво приготавливалось из ячменя и горьких веществ и составляло народный напиток. Как показывают изображения на картинах, по-видимому, и женщины сильно предавались потреблению спиртных напитков. На богатых званых пиршествах танцовщицы показывали в этом отношении свое искусство. Египет представляет, вероятно, древнейшую родину перешедших отсюда в Переднюю Азию и на Запад (Греция, Рим, Западная Европа) увеселительных кабачков с вином или пивом, в которых продажные кельнерши всячески побуждают мужчин к потреблению алкоголя.

Древнее египетское письмо наглядно описывает нам такой ресторан в стране Нила. Писарь Аменеман пишет своему ученику Пентавру: «Мне сказали, что ты пренебрегаешь учением, гонишься за развлечениями и кочуешь из кабачка в кабачок... Твоя репутация всем известна: омерзение от вина написано на твоём лице... Ты сидишь в зале, тебя окружают нимфы, ты встаешь и делаешь глупости (следует место, не поддающееся описанию по непристойности его). Ты сидишь перед девушкой, помазанной маслом, на шее у тебя венчик из шафранной травы. Ты барабанишь по своему животу, спотыкаешься, падаешь на живот, ты испачкан грязью».

Почти все греческие и римские трактиры или кабачки с женской прислугой были местом для проституции. Проститутки прекрасно понимали драгоценное значение алкоголя для их це-

лей, и многочисленные греческие и латинские поговорки превозносят опьяняющие свойства алкоголя и его стимулирующее действие на половое чувство.

Во времена империи трактиры часто бывали местом проституции. Писатели-юристы неоднократно указывали, что женская прислуга в трактирах, как в городах, так и на больших проезжих дорогах, состоит из продажных женщин, а трактир служит только для прикрытия скрывающегося за ним борделя.

По указу императора Александра Севера (205–235), рабыня, проданная под условием, что она не будет проституирована, не должна быть потом продана в трактир, где прислуживание было бы только предлогом, чтобы обходить закон. Закон, по которому с женским персоналом таверны нельзя совершать прелюбодеяния, связан именно со всеобщим распространением проституции в кабаках и трактирах. В 326 году н.э. Константин изъял из этого закона хозяйку заведения, но лишь в том случае, если она сама не прислуживала гостям. Последнее бывало, однако, довольно редко, потому что такая трактирщица в большинстве случаев была восточной проституткой из тех, что целыми толпами устремлялись в Рим или римские провинции, где они часто завлекали путников в расположенные на больших дорогах трактиры-кабаки.

В средние века, вплоть до полного проведения системы борделей, условия были такие же. Из ордонанса* *Людовика IX*** от 1256 года видно, что таверны в то время пользовались не лучшей репутацией, чем бордели, и посещение их считалось таким же непозволительным — тем более, что король издал очень строгие законы против настоящих борделей и вся проституция концентрировалась теперь главным образом в тавернах.

Но и сами средневековые бордели были не только «храмами Венеры», но и «храмами Бахуса». В некоторых женских домах, например, в Альтенбурге, существовали даже собственные питейные заведения, что доказывает связь кабаков с борделями.

Заканчивая перечисление опьяняющих средств, связанных с проституцией, упомянем, что в Африке большую роль играет пальмовое вино, а в Центральной и Южной Америке — маисовое пиво. Наконец, мы должны вспомнить новейшее опь-

* Ордонанс — во Франции до буржуазной революции конца XVIII в. и после восстановления Бурбонов — королевский указ.

** Людовик IX Святой (1214–1270) — французский король с 1226 года, из династии Капетингов. Провел реформы по централизации государственной власти. Возглавил 7 (1248) и 8 (1270) крестовые походы.

няющее средство — эфир, действие которого совершенно аналогично действию алкоголя, но сопровождается еще большим половым возбуждением.

Подобно искусственным опьяняющим средствам, тесно связаны с проституцией искусственные духи, что объясняется большим значением обоняния в половой жизни. Возбуждающие половое чувство духи вызывают своего рода опьянение чувств, очарование и уносят в другой мир. Происходит это совершенно внезапно, гораздо быстрее, чем под влиянием какого-нибудь наркотического средства. Неудивительно, что проститутки с древнейших времен прибегали с целью соблазна к употреблению духов, предпочитая наиболее острые из них и потому быстрее действующие, как амбра, мускус, цибетовый сок и др.

В большинстве случаев речь идет о подражании и усилении каких-нибудь естественных половых испарений или естественного запаха, а иногда, наоборот, о том, чтобы замаскировать неприятный запах. Во всяком случае, несомненно, что в том состоянии опьянения, которое мы описали выше как неразрывно связанное с проституцией, значительную роль играют также духи.

Истинную родину духов представляет Восток, особенно Индия. Европейцы всегда были менее восприимчивы к действию половых обонятельных раздражений. А потому в высшей степени вероятно, что именно восточная проституция послужила исходной точкой, откуда обычай душиться распространился как далее на Восток (Китай, Япония), так и на Запад.

В Египте, где косметика очень рано развилась в настоящую науку, большое значение имело искусство парфюмерии, распространявшееся на все части тела, в частности на женские половые органы. Относящиеся сюда рецепты даны в папирусе Эберса*. В древнеегипетском рассказе «Целомудренная Тбууи» перед половым сношением приносят «благовония, как для царского праздника».

От египтян обычай употребления благовония перешел к евреям. Библия содержит интересные места, указывающие на употребление духов с целью соблазнения (Иудифь, Песнь Песней). Из Книги Есфири (2; 12) видно, что особенно изысканная парфюмерия употреблялась для наложниц персидских царей: «Когда приходило время каждой девице входить к царю Артаксерксу, после того как в течение двенадцати месяцев выполнено было над нею все, определенное женщинам — ибо столько

* Эберс Георг (1837–1898) — немецкий египтолог и писатель. Его именем назван найденный и опубликованный им в 1875 году древнеегипетский медицинский трактат.

времени продолжались дни притирания их: шесть месяцев мировым маслом и шесть месяцев ароматами и другими притираниями женскими; — Тогда девица входила к царю».

Индийское любовное искусство также уделяет большое внимание духам. Из 64 искусств гетеры умение употреблять притирания принадлежит к важнейшим. Наиболее известны камфара, кардамон, сандал, нард, мускус и жасмин. В индоостанском рассказе «Неумолимая куртизанка» гетера дает князю нюхать во время сношения розовое масло.

У современных индийских проституток особенно любима, по-видимому, амбра. В одном индоостанском романе сказано: «Когда наступал вечер, ты мог видеть в нашем борделе вино кулари, красное, как рубин из Бадахшана; хрустальные стаканы, блестящие, как солнце; массу роз и гиацинтов, благовонные травы, надушенные подушки и усеянные цветами постели. Там целое поле роз; одежды наши пропитаны фиалками, всюду расставлены букеты самых редких цветов. В чашках курится амбра, и высокие подсвечники рассеивают свой свет. Звуки лютни, журчание фонтанов, игра на феорбе создают опьяняющую музыку. Там подают очищенный миндаль, фисташки без косточек и превосходные блюда из золотых фазанов и жирных кур. И сладострастие подготавливается афродизическими, возбуждающими средствами, фимиамом и алоэ. На эстраде пляшут кашмирские танцовщицы под флейту кабульских виртуозов».

Магометанский Восток до сих пор является главным поставщиком духов. Первое место среди них занимает мускус, тем более что сам пророк рекомендовал употреблять именно эти души.

Наряду с мускусом, значительную роль в магометанском мире играет цвет алканны (*Lawsonia inermis*). Это то же самое растение, которое употребляется на Востоке для окрашивания ногей. По всей вероятности, оно было известно и у древних египтян. Соннини писал 100 лет назад о своеобразном запахе алканны: «Эти цветы распространяют самый приятный запах. Женщины носят их, украшают ими свои комнаты, приносят их с собою в баню, держат в руках, душат ими грудь. Они не могут успокоиться, что наравне с ними этой привилегией пользуются христианки и еврейки. Запах алканны, если вдыхать его вблизи, переходит в ясный запах мужского семени. Если сдавить цветы между пальцев, то их запах усиливается и заглушает всякий другой. Ничего нет удивительного, что такой драгоценный цветок послужил восточным поэтам темой для многих прелестных деталей и любовных сравнений».

Мускус и алканна принадлежат к специфическим духам восточных проституток, которыми они пользуются еще и теперь. Но мускус занимает первое место и среди духов, употребляемых проститутками Восточной Азии и Европы. Духи, содержащие мускус, имеют наибольший сбыт, и он заключается почти во всех модных духах. Это зависит, быть может, от того, что из всех благовоний мускус больше всех удовлетворяет примитивные инстинкты как представляющий наиболее резкий экстракт естественных половых запахов. Поэтому-то и предпочитается проститутками.

Уже в древности духи и благовонные мази были излюбленным средством проституток для привлечения мужчин, а продавцы и продавщицы духов имели такое же отношение к проституции, как кабатчики: лавки их нередко служили для целей развратного промысла, и они пользовались таким же презрением, как хозяева борделей.

Под влиянием христианского аскетизма употребление духов в средние века сильно сократилось, однако снова возросло в эпоху Ренессанса и удержалось в таком положении до XVIII столетия. С тех пор опять можно констатировать понижение, но проститутки всюду продолжают пользоваться духами, причем предпочитают духи, содержащие мускус. Дамы полусвета любят более тонкие духи, «сложные, как их пороки», например, ландыш или резеду. Во Франции владелицы парфюмерных магазинов часто принадлежат к проституткам, которые продают себя тут же в магазине или где-либо в другом месте, как это было в старом Риме.

Что касается гомосексуальной проституции, то феминизированные проституированные мужчины всегда обильно пользовались духами с целью привлечения клиентов. Достоинно внимания, что настоящих педерастов можно отличить от гетеросексуальных проституированных мужчин именно по тому, что первые всегда душатся, как их товарищи-женщины, вторые же обыкновенно этого не делают.

Характерную черту проституции как пережитка свободной, необузданной половой жизни представляет давняя связь ее с купаньями и банями. Как доказывают египетские, индийские и греческие мифы, по понятиям первобытного человека, между водой и актом размножения существовала тесная связь, вода даже считалась первопричиной всего существующего. Специфический эротически-половой характер воды виден прежде всего из того, что из нее произошла сама богиня любви. Венера, или Афродита. Многочисленные водяные божества нередко носят

половой характер, как, например, нимфы или наяды; дочери Океаноса, прообраза жидкости, nereиды; и, почитаемый развратными культами, речной бог Адонис.

Нимфы представляют в греческой мифологии неисчерпаемый источник для всякого рода любовных комбинаций, похождения их с богами и смертными дошли до нас в большом числе. Их именем названы также малые губы женских половых органов.

Согласно мифам, нимфы вызывают у человека восторженное состояние, похожее на опьянение. Отсюда произошло выражение «нимфомания», обозначающее ненасытное половое влечение женщины, в большинстве случаев патологического характера. Наконец, замечательно, что проститутки часто называются «нимфами», особенно во французской литературе.

У индийцев священная река Ганг изображалась в виде водяной нимфы с цветком лотоса — символом производительной силы природы.

Германские водяные феи, никсы и ундины, точно так же обнаруживают несомненные эротические желания.

Чем объяснить половое значение купаний и их раннюю связь с проституцией? На мой взгляд, смывание мужских половых органов водой или проникновение ее в женские половые органы во время купания вызывает эротические представления, приводившие даже к мысли о лишении девственности при посредстве воды. Этим объясняется, что у некоторых народов купание считалось актом религиозной проституции. Так, например, когда римляне завоевали Фригию и укрепились в Трое, они встретились там с таким обычаем: молодые за несколько дней до свадьбы посвящали себя Афродите — купались в реке Скамандрос, чтобы таким образом принести богине в дар свою девственность.

Связь проституции с банями, как на Востоке, так и на Западе, можно объяснить еще и другим образом. Геродот сообщает о вавилонянах и арабах, что муж и жена после полового сношения должны были выкупаться, и пока это не сделано, они не имели права прикоснуться ни к какой посуде. У евреев муж и жена также обязаны были совершить омовение после сношения (Левит, 15; 18).

Рассказывают, что мужчина хотел принудить девушку к «греху», но когда она крикнула ему: «Где же ты возьмешь потом воду, необходимую для предписанного законом купания?», он отстал от нее. В Талмуде есть еще более выразительный рассказ. Сторож виноградника хотел вступить в сношение с замужней женщиной. Но пока он отыскивал ванну, в которую можно было

бы окунуться, пришли люди и помешали совершению греха. Из рассказов видно, какое громадное значение евреи придавали омовению и очищению после сношения.

Таким образом, ввиду того, что купания считались необходимой религиозной принадлежностью при половых сношениях, соития с проститутками часто совершались поблизости от бань или в самих банях. С другой стороны, проститутки старались использовать благоприятные условия во время купания мужчин для своих собственных целей: даже там, где были отдельные места для купания обоих полов, они держались поблизости от мужчин.

Кроме того, бани благоприятствуют проявлению свободного полового инстинкта, а тем самым и проституции, поскольку человек, сбросив с себя одежду, до известной степени отбрасывает и условности будничной жизни. В состоянии естественной наготы легче возникают всякие эротические представления, так как многие половые признаки, раньше скрытые (груды, волосы на половых частях и т. д.), становятся доступными глазу и действуют возбуждающе. Особенно это сказывается в тех странах, где существуют очень строгие правила семейной жизни или большое ханжество в отношении половой морали. На магометанском Востоке или в средневековой Англии именно бани становятся главным местом необузданной половой жизни и проституции. Это не случайная связь, обусловленная местными или временными условиями, — она встречается повсюду, как это видно из следующего краткого обзора.

Период расцвета банной проституции в классической древности начался в то время, когда республика уже клонилась к концу, с введением общих бань для обоих полов. В Риме это произошло благодаря *Агриппе**, оттуда этот обычай распространился по всей стране и перекочевал даже в Грецию. *Овидий* упоминает о разврате, который имел место в этих общих банях. Еще яснее высказывается об этом *Марциал*. Уже в его время доступ в бани был открыт и для проституток, даже уличных, так что на многие бани вскоре стали смотреть, как на особый вид борделей.

Несмотря на неоднократные запрещения императоров — *Марка Антония* (ок.83–30 до н.э.), *Адриана* (76–138) и *Александра Севера*, — обычай совместного купания удержался во время империи.

* Агриппа (ок.63–12 до н.э.) — римский полководец, сподвижник Августа. Известен постройками в Риме (водопровод, храм Пантеон, термы) и в Галии.

Для женщин нередко проституировались за деньги рабы или банщики. Так, по Талмуду, банщик принадлежит «К классу людей, которые, в силу своей профессии, продаются женщинам и побуждения которых потому принадлежат к дурным». *Марциал* упоминает о пользовании рабами для этой цели.

В банях производился также массаж, а деятельность массажистов или массажисток уже тогда, как и теперь, часто бывала только ширмой, за которой скрывалась проституция. *Сенека Младший* (4 до н.э. — 65 н.э.) писал: «Или я должен лучше пожелать, чтобы я мог поручить свои члены проституированному мальчику, который сделает их ловкими? Чтобы девчоночка или превращенный в таковую мужчина расправил мои нежные пальцы?».

На Востоке купание — это не только исполнение божественного веления, не только акт очищения, но и удовольствие, которому всякий предается со страстью. Восточные купания представляют комбинацию из паровых и водяных ванн и энергичного массажа. Каждое купальное заведение состоит из большого зала для горячих ванн и небольших изолированных комнат для омошений и массажа. Кроме того, в сводчатом зале находится еще террасообразное возвышение, где собираются после купания мужчины и женщины для совместного времяпрепровождения. Там они пьют кофе, курят табак, иногда играют в карты. Процедуры купания сами по себе способны вызывать или усиливать половое возбуждение.

Как проходят купания в Индии, описывает *Анкета*: «Банщик кладет купающегося на скамью и обливает его теплой водой. Затем с необыкновенной ловкостью трет и мнет все тело так, что суставы трещат, становится на клиента коленями, хватает его за плечи и крепко трясет, ловко ударяя по наиболее мясистым местам. После того он надевает перчатки из мягких волос и так трет купающегося, что его самого бросает в пот; гладким бруском он поглаживает твердые мышцы ног и тогда, наконец, втирает масла и душистые мази. Эта процедура длится почти три четверти часа, но зато купающийся чувствует себя потом новым человеком. Сладостное чувство разливается по всем его жилам, он чувствует себя свежим, бодрым и сильным, и в нем пробуждается живое влечение к другому полу. Точно так же купаются и индийские женщины, которые иногда полдня проводят в бане, заставляя своих рабынь массировать их. Несомненно одно, что такие восточные купания гораздо полезнее для сладострастия, чем для здоровья».

В восточных банях строго соблюдается разъединение полов, поэтому понятно, что гомосексуальная проституция имеет здесь более благоприятные шансы для развития, чем гетеросек-

суальная. Тем не менее, в некоторых магометанских странах проститутки допускаются в бани под видом банщиц. Несмотря на строгие предписания полиции, в Алжире мавританские проститутки часто сопровождают мужчин в баню, чтобы после удаления массажиста предаваться с ними половому разврату. Бывает, что купающийся велит банному служителю привести ему проститутку.

Несомненно, что на магометанском Востоке в банях всюду преобладает гомосексуальная проституция, так что гетеросексуальная совершенно исчезает по сравнению с нею. Как для мужчин, так и для женщин купание является на Востоке главным поводом, чтобы предаваться гомосексуальной проституции, к услугам которой имеется большой контингент простиитуированных урнингов* и лесбиянок. Уже в «Сказках 1001 ночи» указывается на общественную баню как на главное место для гомосексуальных половых сношений. Наиболее частым представителем мужской проституции является банщик, массажист. В Константинополе это обыкновенно сыновья Грузии с красивыми формами и мускулистыми членами, еще очень юного возраста, без бороды, которая строго изгнана. Одного купающегося часто массируют несколько таких банщиков.

Простиитуированные мужчины в банях служат не только мужчинам, но и женщинам. Хотя по закону доступ мужчинам в женские бани строго воспрещен, туда часто приводят тайком молодых рабов, переодетых женщинами.

Но еще более распространена в восточных женских банях лесбийская проституция. Что лесбийская любовь легко может распространиться среди женщин гарема, понятно само собой, если вспомнить их строгую замкнутую жизнь, постоянное безделье, развивающуюся на этой почве мечтательность. Половое возбуждение является единственным разнообразием монотонной жизни, а бани — единственным местом, где могут свободно проявить себя эти бедные, исключенные из жизни женщины. Они оставались в банях целыми часами, развлекались там разговорами на любовные темы, ели фрукты, варенье и другие лакомства, выпивали бесчисленное множество чашек чаю и кофе и затем, разумеется, поддавались соблазненным их гречанкам, которые все почти были жрицами Сафо.

Весьма вероятно, что рано развившаяся на Востоке банная проституция во время крестовых походов перенесена была на Запад, хотя здесь возможно и влияние античных народов. Более обширных размеров средневековая банная проституция дос-

* Урнинги — название мужских гомосексуалистов — от Афродиты Урании, покровительствующей любви к юношам.

тигла лишь в XVIII веке, хотя в некоторых странах, например в Англии, связь с античным миром несомненна. Здесь проституция исключительно связана с банями, из которых — и только из них — развились публичные дома, в то время как в других странах последние имели более самостоятельное происхождение. Во Франции, например, крестовые походы оказали большое влияние на развитие банной проституции.

Проституция, по-видимому, уже очень рано проникла в бани благодаря бродячей черни, служившей там для низших работ. Альфред Мартин говорит об этом: «Мы видим банщиков в большинстве случаев в компании бродячей сволочи. Высокой нравственности нельзя было ожидать от таких людей. Неудивительно поэтому, если многие бани до XV столетия были домами для женщин, хотя и редко публичными, а в некоторых местах остаются таковыми и до новейшего времени».

Мартин сообщает многочисленные запрещения от XIV века против совместного купания мужчин и женщин, а также против ночевки посторонних лиц в банях. Еще в XVII веке банщики содержали проститутток и банщиц, которые, по словам штирийского врача Гуаринониуса, «растирают, мнут и возбуждают к сладострастию. Бани Пеперле в Н. в Богемии пользовались такой дурной славой на всю Австрию».

Тесную связь бань с проституцией можно доказать и для Франции. В этом отношении представляют большой интерес опубликованные недавно архивные документы о средневековой проституции некоторых французских городов (Авиньона, Карпентра, Кавалльона, Безансона, Оранжа и др.), так как банщики очень часто называются там содержателями публичных домов или сводниками. Достоин внимания, что в ноябре 1391 года в городе Кавалльоне надзор за банями поручен был субъекту, который, в качестве постоянного посетителя кабачков и проститутток, был знатоком условий проституции и потому всего лучше мог справиться с ночными визитами. В другом указе — из Авиньона от 1441 года — некоторые бани прямо назывались борделями, посещение которых запрещено женатым мужчинам и духовенству. Еще интереснее следующие два документа из Авиньона. Первый извещает об открытии бань де ла Сервельера для «приличной публики»:

«Сим извещается всякий, к какому бы сословию он ни принадлежал, что Женен де ла Желин, или дю Хом, бывший де ла Сервельер, строит позади своего дома красивые и приличные бани для уважаемых и приличных дам, совершенно изолированные от мужских бань. Бани эти имеют вход впереди дома мастера Антуана Карбонеля, чтобы там могла пройти всякая

приличная женщина, желающая купаться. За дешевую плату она найдет там хороший приличный прием со стороны приличных женщин».

Это изданное около 1446 года извещение дополнено было в, июне 1448 года вторым, не менее достойным вниманием. Речь идет о, полномочии владельца названных бань, де ла Сервелбера, пользоваться ими для двоякого рода употребления: 1) для приличных особ и 2) для целей проституции! В этом предписании, между прочим, сказано:

«Ввиду того, что названные бани всегда служили двум целям, именно честной и бесчестной, и что это обычай, закрепленный привычкой и предписаниями, упомянутые владельцы могут пользоваться банями для обеих целей, но с тем ограничением, что для опорожденных лиц должен быть сделан особый вход и выход позади дома».

В Англии средневековая проституция исключительно связана с банями, причем связь эту можно доказать еще для более раннего времени, чем во Франции, так как уже король *Генрих II* (1154–1189) издал знаменитый закон об организации проституции в банных заведениях. Закон этот был принят нижней палатой на 8 году царствования *Генриха II*, следовательно, в 1161 году, на заседании парламента в Вестминстере, и был подтвержден королем и лордами. В нем сказано, чтобы отныне и навсегда в этом округе следовали различным предписаниям, соответственно старым обычаям, существовавшим здесь с незапамятных времен. Среди предписаний находились, между прочим, следующие:

«Ни один содержатель бань или его жена не должны позволять какой бы то ни было женщине свободно приходить и уходить, когда ей вздумается.

Ни один содержатель бань не должен давать у себя стол женщине, а должен, наоборот, заставлять ее брать себе стол в каком-либо другом месте, по желанию.

За комнату он должен получать с женщины не больше 14 пенсов в неделю.

По праздникам двери его не должны быть открыты.

По праздникам он не должен иметь женщин в своем доме, и приказный служитель должен их вывести за черту округа.

Ни одна женщина не должна быть задержана против ее воли, если бы она захотела освободиться от своего греха.

Ни один содержатель бань не должен принимать к себе монахиню или замужнюю женщину.

Ни одна женщина не должна брать от мужчины денег за сношение, если она не оставалась с ним всю ночь до утра.

Ни один мужчина не должен быть насильно приведен или завлечен в баню. Констебли, приказные служители и другие должны каждую неделю производить ревизию бань.

Ни один содержатель бань не должен держать у себя женщины, которая больна болезнью «жжения» (burning*). Он не должен также продавать ни хлеба, пива, мяса, рыбы, дров и угольев, ни каких бы то ни было других съестных припасов».

Из этого замечательного документа — одного из самых ранних об организации средневековой проституции — вытекает, что, по крайней мере, в Англии банная проституция во времена *Генриха II* уже существовала «с незапамятных времен», и, следовательно, проникла туда, вероятно, благодаря римлянам, а не в результате крестовых походов. Далее, предписание от 1161 года доказывает, что английские бани в то время официально считались борделями. Положение, что проститутка должна оставить у себя посетителя на всю ночь, очевидно, имело целью ограничить число посетителей борделя и удерживать подольше буйанов. Акт 1161 года о публичных домах подтвержден был *Эдуардом III* (1345) и в царствование *Генриха VI* (1422–1461).

Бани имели особые эмблемные щиты, по которым и назывались, например: «Ружье», «Колокол», «Кардинальская шапка», «Замок», «Лебедь», «Журавль», «Голова кабана», «Ключ от креста».

По введенным *Генрихом VI* в законодательство изменениям, проститутки постоянно приходили и уходили из бань, должны были наниматься ими и платили им за комнату определенную плату в неделю; девушки, не знакомые начальству, приходившие в бани с целью тайной проституции, выдавались полиции. Незамужним женщинам запрещено было содержать публичный дом. Беременные женщины не имели права заниматься проституцией в банях.

У *Шекспира* баня-бордель упоминается в «Ричарде II» (действие V, сцена 3):

*Он сказал,
Что он пойдет в публичный дом («Badhaus»), перчатку
С руки продажной твари там сорвет
И с этую перчаткой, вместо банта
От дамы сердца, хочет на турнир
Явиться он: при этом обещает
Сильнейшего там выбить из седла.
(Пер. Н.Холодковского)*

* burning — гонорея, триппер.

Во времена *Шекспира*, в начале XVII столетия, проституция распространилась по всему Лондону, и альдермены, на которых лежала обязанность надзора за банными заведениями, должны были строго следить за тем, чтобы проститутки не имели туда доступа и чтобы в бани, предназначенные для женщин, не проникали мужчины и различные сомнительные субъекты. Какой дурной славой пользовались в то время банные заведения, видно из судьбы одного докторского проекта. *Петер Чемберлен*, один из членов знаменитого поколения врачей *Чемберленов*, в 1649 году испрашивал у парламента привилегию на открытие бань во всей Англии и опубликовал об этом брошюру. План его, однако, не был приведен в исполнение, потому что ему отказано было в разрешении построить общественные бани из нравственных соображений.

Вплоть до конца XVIII века бани пользовались дурной славой как места для проституции, в которых купание стояло на втором плане, главною же целью было сношение с проститутками. Последние в XVIII столетии часто жили уже не в самих банях, а поблизости от них и являлись туда по первому требованию.

Обширные размеры банная проституция приняла в Италии, где сохранилась, быть может, как пережиток из времен римской империи. В Риме, Неаполе, Террере, Болонье, Лукке, Милане и многих других городах такие бани-бордели существовали в большом числе, и почти все их содержатели были известными сводниками.

В Швейцарии модные купания Бадена (Aargau) были своего рода средневековым Байе. В других городах Швейцарии проституция так же локализовалась в банях, как это видно из запрещения Женевы от 30 апреля 1534 года. Случай, бывший с *Казановой* (1725–1798), доказывает, что эта форма проституции продолжала существовать в Берне еще в XVIII столетии. Он сообщает: «Я поднялся на возвышение, откуда взорам моим представился широкий ландшафт с извиною маленькой речкой. Я заметил тропинку, и мне захотелось пойти по ней. Она вела к своего рода лестнице. Я спустился приблизительно на сто ступенек и увидел перед собой более сорока кабинетиков, которые показались мне чем-то вроде банных кабин. Так оно и было в действительности. Пока я рассматривал местность, ко мне подошел вежливый господин и спросил, не желаю ли я купаться. Когда я ответил утвердительно, он открыл одну из комнаток, и ко мне сейчас же кинулось много молодых девушек. Содержатель бань обратился ко мне со следующими словами: «Милостивый государь! Каждая из этих молодых девушек добывается чести прислуживать вам в бане, вам стоит только захотеть. Одним

каким-нибудь талером вы оплатите баню, девушку и кофе». Из дальнейшего описания мы узнаем, что баня эта, со всеми ее клетушками, была в действительности не что иное, как большой бордель, в котором девушки выступали как проститутки.

Средневековой водяной бане приписывается германское происхождение, славяне же считаются любителями средневековой паровой бани. Изобретение последней приписывают финнам; от них ее позаимствовали русские, страстная любовь которых к паровым баням всем известна. Обычай общего купания мужчин с женщинами, при сильно возбуждающем действии паровых бань на половое влечение и при употребительной в XVII и XVIII веке флагелляции после бани, приводил к очень дурным последствиям. Указ императрицы Екатерины II приказывал владельцам общественных бань в городах устроить отдельные бани для обоих полов. «В особенности в женские бани не должны допускаться никакие другие мужчины, кроме необходимых для услужения, а также художников и врачей, которые пожелали бы изучать там свое искусство». После того многие мужчины выдавали себя за врачей или художников, чтобы иметь возможность посещать женские бани.

При таких условиях в России, естественно, развилась обширная банная проституция. Штерн говорит об этом: «В Польше, южной России, Одессе и на Кавказе существует обычай, что хозяин бани, без всякого требования со стороны купающегося мужчины, приводит к нему несколько девушек, одну из которых он может выбрать себе для растираний. За это полагается особая плата, которая назначается по взаимному соглашению. Сообразуясь с внешним видом гостя, хозяин требует от 50 копеек до 15 рублей».

В петербургских банях проституция существует еще и теперь. Наряду с общими банями, там имеются отдельные кабинеты по 3 рубля. Герман Бар описывает такой кабинет: «передняя, темное, возбуждающее сладострастие помещение, сомнительная уборная и в самом конце крошечная ванная комната, пустая, заброшенная, в пыли и паутине». Служитель спрашивает, желает ли посетитель блондинку или брюнетку, какого возраста и за какую плату. В некоторых русских банях, как говорят, висят фотографические карточки девушек, чтобы каждый мог выбирать по своему вкусу.

Гетеросексуальная банная проституция существует теперь в Западной Европе в единичных заведениях. В каждом большом городе есть известные бани, которые разрешают в своем помещении сношения с проститутками, причем для видимости должно быть сохранено название «супружеской четы». Бан-

ную проституцию в очень широких размерах сменила, очевидно, происшедшая из нее массажная проституция — истинно современная разновидность банной проституции.

Фешенебельные модные купания и теперь еще служат местом сборища проститутток всех стран, до известной степени интернациональным местом встреч для проститутток. Время Второй империи во Франции имело в этом отношении такое же значение, как первое столетие римских цезарей. В настоящее время объектом стремлений международной проституции является Монте — так называют проститутки и их свита Монте-Карло, который одержал победу над всеми другими купаниями и считается раем проститутток.

Во время как гетеросексуальная банная проституция теперь сведена в западноевропейских городах до минимума, для гомосексуальной бани, напротив, имеют такое же значение, как бордели для гетеросексуальной. Гомосексуальные мужчины, временно пребывающие в больших городах, пользуются обыкновенно хозяевами бань, чтобы разыскать необходимых им людей. В русских банях, например, гомосексуалистам часто приводят по пять и более старых и молодых людей, из которых они выбирают себе «банщика». Плата за молодых «банщиков» выше, чем за старых. «Массажисты» этих заведений в большинстве случаев также гомосексуалисты.

Лондон имеет гораздо меньше гомосексуальных бань, чем какой-либо другой город. В северной части Лондона существует баня, посещаемая преимущественно пожилыми гомосексуалистами, в которой проституции предаются служители, тоже отнюдь не первой молодости. Банное заведение одного из больших отелей Вестминстера и одна паровая баня Уайтчепеля также могут быть причислены к заведениям, часто посещаемым гомосексуалистами. Так как англичанин, за исключением случаев плавания, не склонен к общим купаниям, то бани для чисто гомосексуальных целей, вроде существующих в Вене, Берлине, Париже и Петербурге, не играют для него никакой роли. Стремление к предельной изолированности каждого индивидуума естественно превращает в Англии всякое приближение с гомосексуальными целями в преследуемый законом проступок.

В Берлине также существует 4–5 бань, которые посещаются исключительно гомосексуалистами. Местом встречи также служат бассейны для плавания. Нередко владелец или управляющий заведением сам принадлежит к гомосексуалистам. Слух об этом распространяется среди урнинггов, и они потом охотнее посещают именно это заведение, потому что чувствуют себя здесь без стеснения.

В последнее время для завязывания гомосексуальных отношений служат также воздушные ванны. В одном берлинском заведении для воздушных ванн параграф 14 печатных правил гласил: «Гомосексуальных гостей убедительно просят никоим образом не обнаруживать своих наклонностей».

В Париже существуют различные паровые бани, которые посещаются почти исключительно гомосексуалистами, и притом людьми высших и средних классов, в возрасте от 20 лет и до глубокой старости. Молодые люди от 17 до 20 лет и проститутки бывают там редко. Напротив, в торговом квартале в окрестностях площади Республики в 1903 году еще существовала паровая баня, которую посещали юноши от 15 до 20 лет.

Гомосексуальная банная проституция нигде не развита в такой степени, как в Париже. Так, на одной улице недалеко от площади Бастилии есть баня, где в пятницу по вечерам с давних пор собираются гомосексуалисты. После пребывания в паровой бане мужчины проводят с эфебами целые часы, просиживая за общим столом по 10–12 человек. Они сидят, укутанные в банные простыни, пьют вино и кофе, ужинают, а на эстраде в это время играет музыка и поют. В большинстве случаев здесь потешно расппевают песни проституток.

Другой специальностью гомосексуальных бань Парижа являются массовые сцены в паровой бане. Там существует обычай время от времени напускать в какое-нибудь помещение пару приблизительно на полчаса, и тогда гомосексуалисты предаются самым безумным оргиям. Несколько парижских бань пользуются в этом отношении известностью среди гомосексуалистов.

Надо думать, что в столичных городах Западной Европы существует и лесбийская банная проституция. Но она так умеет скрываться, что до сих пор никакие сведения о ней не сделались достоянием гласности.

Если мы бросим теперь взгляд на все сказанное, то увидим, что проституции как пережитку первобытной необузданной половой жизни благоприятствуют все те жизненные условия и явления, которые вытекают из стремления отрешиться от будничных стеснений и связанных с ними ограничений, налагаемых культурой. Сюда относятся элементарные импульсы дионисьевого характера: состояния опьянения, экстаза, самозабвения, вызываемые художественной восторженностью, различными средствами опьянения, сильными ароматами или, наконец, свободной игрой голого человека в воде. Они в такой степени благоприятствуют временному уничтожению социальных и индивидуальных ограничений, поставленных половому инстинкту, как мы это видим в проституции, и действие их в этом отношении

так поразительно, что можно говорить не о случайной связи, а о внутреннем родстве. В этом смысле проституция представляет своего рода половое опьянение человечества, которое является реакцией против организации и урегулирования половой жизни внутри общества и государства согласно рассудочным соображениям.

В главе об определении проституции мы указывали, что денежное вознаграждение, или плата, первоначально не принадлежало к существенным признакам проституции. На это указывали римские юристы, считавшие характерными признаками проституции промискуитет (половое смешение), отсутствие всяких индивидуальных отношений между женщиной и женщиной, наконец, всеобщее, публичное, неограниченное удовлетворение полового инстинкта. Выдвинутая теперь на первый план экономическая сторона проституции представляет уже вторичный продукт развития культуры, имеющий для брака такое же, если не большее значение, чем для проституции. Мало того, не будь индивидуального брака, экономический момент в проституции никогда не занял бы такого места. С другой стороны любовь, как объект ценности, несомненно, гораздо старше проституции.

Выше (I глава) я уже говорил о глубокой физиологической склонности, пассивной в половом отношении женщины требовать чего-нибудь взамен за ту жертву, которую она приносит, отдавая себя неограниченным половым отношениям со всеми их последствиями (беременность, муки родов, страдания послеродового периода, тяжесть ухода за детьми и их воспитания). Весьма вероятно, что в первобытные времена в «борьбе за женщину» победителем часто оставался тот мужчина, который предлагал наиболее красивые и ценные предметы. С тех пор расчет на женское тщеславие всегда оказывал свое действие. Сама женщина могла стать объектом ценности, предметом купли-продажи для полового наслаждения лишь с того момента, как она благодаря браку сделалась чисто индивидуальной собственностью мужчины, предметом его владения. Таким образом, только брак внес в отношения между полами экономический момент и только благодаря браку он проник и в проституцию. Лишь брак связал вопрос о любви с вопросом о деньгах.

Пока в половом союзе первобытных времен существовали еще полный промискуитет, общность жен и коммунальный брак, до тех пор экономический фактор, по понятным причинам, не мог играть в половых отношениях значительной роли. Он приобрел большое значение лишь с появлением похищения и покупки жен, благодаря чему возникло понятие об индивидуальной собственности и владении, между тем как раньше все женщины составляли общую собственность всех членов рода. В то время,

следовательно, мужчина мог приобрести индивидуальное право на какую-нибудь женщину лишь похищением ее из другого племени или другого полового союза. Тогда она становилась его исключительной собственностью, представляющей определенную ценность. Таким образом, первый индивидуальный брак был ничем иным, как приобретением права собственности на известную женщину.

Наряду с браком при помощи умыкания и похищения жен, развился также брак посредством их покупки как вторая форма индивидуального владения женщиной. Так как все члены союза имели право собственности на каждую женщину, то индивидуальное право владения можно было приобрести, только выплачивая за женщину выкуп либо им, либо главе рода как их заместителю. Члены рода продавали невесту жениху за известную плату, нисколько не спрашивая на то ее согласия. Ее просто принуждали вступить в брак. Покупная цена невесты выплачивается деньгами, скотом или другими мерилami ценности. Размер ее в большинстве случаев регулируется согласно старому обычаю. Купля жен распространена по всему земному шару и наблюдается у всех народов на известной ступени развития.

У осетинов в Иране цена невесты равна 18 или 8х18 коров; вдовы стоят вдвое дешевле. У туркмен, напротив, молодая девушка стоит от 5 до 400 рупий, вдова же, бывшая несколько лет замужем, — столько же тысяч рупий. За девушку обыкновенно выплачивают 5 верблюдов, за молодую вдову — от 50 до 100.

У остяков жених покупает невесту у отца частью за наличные деньги, 10–50 рублей, частью же за известное число шкур и кож. У вогулов на Среднем Урале худоцавая девушка стоит 5 рублей, а толстая — 25.

У арабов Синая цена невесты равна 5–10 долларам, а в отдельных случаях возрастает до 30. Вдовы стоят вдвое или даже втрое меньше.

Пророк Осия сообщает, что приобрел свою жену за 50 серебряников, наполовину наличными деньгами и наполовину ячменем.

В северных сагах также часто упоминается цена невесты. В алеманском праве упоминается, как цена невесты, 40 солиды, в саал-франкском — 62,5 и 30, в рипуарском — 50, в бургундском — 15 и 50, в англосаксонском — 50 и 60, в саксонском — 600.

У греков в древнейшие времена невеста покупалась у родителей за известное число быков.

Если мы рассмотрим брак путем купли или любовь как предмет ценности еще в другом отношении, то найдем, что отказ от большей половой свободы также должен быть соответственно оплачен. Если член полового союза требовал от какой-нибудь девишки, чтобы она принадлежала ему одному и отказалась от свободы половых отношений со всеми другими мужчинами орды, то он должен был заплатить за это известное вознаграждение. Нынешний денежный брак с его «приданным» представляет лишь современное повторение того же принципа: теперь, при господстве двойной половой морали, мужчина обладает неограниченной свободой половых сношений с женщинами, которой он лишается, вступая в брак благодаря приданому невесты, при помощи которого она налагает на него брачные оковы и обязывает к супружеской верности. Теперь жена, следовательно, покупает мужа, как прежде муж покупал жену.

Несмотря на распространенность денежных браков в настоящее время среди высших и средних классов общества и на процветающее с середины 19 столетия профессиональное посредничество в браках, денежные браки представляют лишь пережиток первобытного состояния, когда экономические факторы играли в браке гораздо большую роль, чем духовная симпатия.

Покупка, при помощи которой заключался древний брак, несомненно, была прообразом платы, получаемой проститутками. Если назвать проституцию «браком на час» — как это делают некоторые авторы, — то легко выяснить себе эту связь. Этот кратчайший «брак» также имеет покупную цену.

С другой стороны, вознаграждение, уплачиваемое проститутке, объясняется распространенным обычаем платить денежный штраф за внебрачные половые сношения (например, за нарушение супружеской верности). Так, согласно древнему англосаксонскому закону, соблазнитель замужней женщины обязан был уплатить ее супругу денежный штраф и найти ему другую женщину, которой он опять-таки должен был заплатить за разрешение вступить с ней в половые отношения. Это показывает нам, что женщины уже тогда привыкли вступать в половые отношения с мужчинами за деньги. Денежные штрафы за нарушение супружеской верности сообразовывались с сословием женщины. Как жена дворянина, она стоила 6 фунтов стерлингов, а как жена крестьянина — около 6 шиллингов.

Так женское целомудрие упало до уровня рыночного товара, который продавался за относительно невысокую плату. При таких условиях затем с легкостью развилась обширная проституция.

Как мы уже упоминали, переходную ступень к проституции может составить и временный брак, особенно если он непродолжителен.

Последнее имеет, например, место в Восточной Африке. Почти каждый носильщик каравана имеет при себе на все время путешествия свою «биби». Состоятельный кафр часто покупает бедную девушку на несколько месяцев в наложницы. То же происходит у нгумба в Камеруне.

Временные браки достигли всеобщего распространения у шиитов, особенно в Персии. Временная жена имеет право каждые 25 дней вступать в новый брак. Временный брак может продолжаться и один час. Согласно обычаю, перс, отправляясь в путешествие или в экспедицию, никогда не берет с собой жену, зато почти на каждой станции, где он остается более продолжительное время, вступает во временный брак.

«Браки на час» особенно распространены по деревням. Поселяне очень охотно отдают своих дочерей или сестер богатым людям для такого рода связей, которые приносят большой доход как им, так и посредникам-муллам. Даже в публичных домах Персии имам каждый вечер венчает своих клиентов с избранными ими дамами согласно ритуалу и пишет контракт, в котором устанавливается обязательное вознаграждение. На следующее утро «супруг на час» получает развод, и брак считается расторгнутым после того, как он внес условленную плату имаму.

В качестве «брака для наслаждения» временный брак существовал у арабов еще до ислама; шииты сохранили, сунниты отвергли его. У бедуинов Аравии временный брак продолжает существовать и теперь. В Персии даже благочестивые христиане-несториане за условленную плату отдают своих дочерей временно проживающим там европейцам. Аналогичные временные браки существуют также в Японии, Парагвае и других странах.

Плату за временные половые сношения мы находим также в обычае отдавать жен займы. Обычай этот прекрасно доказывает, что первобытная женщина была для мужа только предметом владения, от которого он за вознаграждение на время отказывался. Бесплатное же пользование как нарушение права его пользования вызывало в нем гнев и требовало искупления. Здесь нужно искать первичные корни ревности.

Мы приведем следующие примеры отдачи жен займы и обмена женами. На Алеутских островах временно пребывающий там охотник или торговец часто покупает себе право пользования чужой женой. На южноокеанском острове Луф, вследствие недостатка в женщинах, многие мужчины вынуждены довольствоваться тем, что за вознаграждение получают замужнюю

женщину взаймы от ее мужа. В Гренландии существуют «обменные жены», которые остаются в течение определенного времени у каждого из своих «мужей».

Из обычая отдавать жен взаймы развилась так называемая «*проституция из гостеприимства*», распространенная среди многих народов Азии, Африки, Америки и Южного океана. Там, где она существует не из гостеприимства, а из корыстолюбия, она представляет уже известную форму проституции, денежный фактор которой ясно выступает в своей первоначальной связи с браком, то есть с правом собственного мужа.

В Западной Африке мужа посылают ночью своих жен в лагерь путешественников, чтобы они вступали там в сношения с носильщиками, а на следующий день требуют «китуш» (выкуп), причем часто ставят совершенно невероятные требования; в большинстве случаев, однако, приходится платить. Девушка или женщина, которая не вступает в сношения с носильщиками, пользуется общим презрением как «негодница».

Некоторые индейские племена на Амазонке и племя юпура также отдают своих жен в распоряжение иностранцев за деньги. На Маршалловых островах гость, которому предоставляют девушку, должен выразить свою благодарность небольшими подарками, причем достаются они обыкновенно вождю.

Как и первобытный брак путем купли и современный денежный брак, проституция предполагает несвободу и несамостоятельность женщины. Подобно тому, как когда-то проститутки доставляло античное рабство, теперь проституция рекрутируется главным образом из так называемых несвободных профессий (прислуга и т. п.). Как и в браке путем купли, личная ценность женщины в проституции подавлена — женщина представляет здесь только капитал, товар, как и всякий другой.

Точка зрения, выступающая при заключении браков посредством купли жен: что каждая женщина есть собственность всех членов или начальника союза — проявляется у первобытных народов и в отношении к проституции.

В большинстве случаев привилегия обложения налогом и эксплуатации проститутки принадлежит начальникам и князьям. Так, на меланезийском острове Флорида начальник предназначает нескольких женщин к занятию проституцией, они живут в одном из его домов и должны отдавать ему большую часть своего вознаграждения. На Улаве вождь покупает девушку, которая в качестве проститутки должна уделять ему часть своих доходов. Аналогичны условия и в Западной Африке, где начальники нередко получают все доходы проститутки. В Дагомее собственником проститутки был король, который получал все их доходы.

На острове Бали дочери или жены мужчин низшего сословия, умерших, не оставив наследников, становились собственностью князя и должны были во имя его заниматься проституцией, отдавая ему известную часть своих доходов. В Индрагири проституцию эксплуатирует султан.

В средние века светские и духовные власти часто брали бордели под свое управление, как это делал, например, совет Болоньи и Страсбурга. В Германии получившим княжеский титул графам фон Геннеберг и графам фон Паппенгейм пожалованы были доходы с публичных домов. Даже епископы и папы не стыдились таких регалий и защищали их как свое право. Так, майнцский архиепископ Дитрих подал в 1442 году иск против граждан столицы за то, что они причиняют ему ущерб «в доходе от развратных женщин и проституции». Он утверждал, что без его разрешения, за которое ему полагается известная пошлина, никто из горожан не имеет права содержать публичные дома. Герцог Йоркский еще в XVII столетии получал от двух содержательниц борделей по 15 фунтов налога в год. Известно также, что в некоторых странах и по сей день многие начальствующие лица пользуются своим авторитетом по отношению к проституткам для наживы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТИТУЦИИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ

Сходство организации и дифференциации современной и античной проституции. — Организация проституции Солоном. — Его предшественники и социальные условия в Афинах. — Переход организации в руки государства и первая регламентация проституции. — Аттическая полиция нравов. — Легализация двойственной морали — Солоновский налог на проститутков. — 1. Социальные предпосылки и благоприятные факторы для развития античной проституции. Греческий патриархат и двойственная половая мораль. Несвободный характер греческого брака и женского воспитания.

Римский брак. Тяжелое наказание за нарушение супружеской верности в древние времена. Рекомендация отношений с проститутками. Презрение к индивидуальной любви. Преобладание чувственной любви. Индивидуальный момент в любви к гетерам и мальчикам. Происхождение, развитие и значение греческой любви к мальчикам. Значение мужской проституции в древности. Гомосексуализм женщин. Рабство как источник проституции. Античная армия и проституция. Запрещение солдатам вступать в брак. Античные высшие учебные заведения и проституция. Празднества, пилигримство, ярмарки, театры как благоприятные факторы для развития проституции. Античная уличная жизнь и «прогулки» проститутков. Ночная жизнь столиц. Связь проституции с античной жизнью наслаждений. Античная скандальная хроника. — 2. Различные виды проституции. Дифференциация и специализация проституции в классической древности. Бордельные и уличные проститутки. Певички и танцовщицы. Гетеры и дамы полусвета. Происхождение и развитие гетеризма. Школы для гетер. Проституция замужних женщин. Клодия и Мессалина. — 3. Топография античной проституции, античные бордели, дома свиданий, кварталы для встреч. Расположение античных борделей. Места, которыми пользовались бродячие проститутки.

Античный бордель. Устройство и жизнь борделей. Дворцовый бордель. — 4. Личность и образ жизни античной проститутки. Тип античной проститутки. Внешний вид: одежда и мода, косметика, уход за полостью рта и зубами, за волосами, прическа, ликвидация волосяного покрова, украшения. Личные качества и наклонности античных проститутков: степень образованности; лживость и лицемерие; остроумие и дерзость; бесстыдство и любовь к пошлости; зависть и ревность; алкоголизм; благочестие и суеверия. — 5. Жизненная судьба проститутков: связь проституции с верой в колдовство и со знахарством; отношение античной проститутки к ребенку; благородные черты; раннее занятие профессией; позднее занятие профессией; замужество и выкуп на свободу. — 6. Клиентура проститутков: главная роль военных и купцов; коренные обитатели борделей; абонементные марки для входа в бордель и реклама; жалобы у дверей гетер. — 7. Экономические условия античной

проституции: гонорары; хозяйева и хозяйки борделей; античная торговля мальчиками и девушками; места для продажи проститутток; формы продажи; детская проституция; античное сутенерство. — 8. Связь между проституцией и половыми извращениями, половая психопатия в древности. Проникновение полового элемента во все сферы жизни античного общества.

Половые aberrации. Мазохизм и садизм. Половой фетишизм.

Лесбийская проституция и ее клиентура. — 9. Мужская проституция в древности. Ее происхождение; развитие кинезизма; развитие мужской проституции в Риме; евнухи в более позднюю эпоху империи. Рекрутирование мужчин для целей проституции. Места для промысла: уличная и тайная мужская проституция; бордели и гомосексуальные клубы; клиентура. Римские императоры — покровители мужской проституции. Гонорары. Возраст проституированных мужчин.

Категории в мужской проституции. Внешний вид: прическа и депиляция; взгляд, голос, походка, употребление духов и румян; одежда; красноречие и болтливость. Отличительные приметы и способы объяснений с клиентами у проституированных мужчин. Прозвища. Мужские свадьбы. Связь мужской проституции с женской. Гетеросексуальная мужская проституция. —

10. Гигиена античной проституции. Незнание в древности о заразности венерических болезней. Роль эстетики при половых отношениях. Опрятность и купание в борделях. Гигиена половых органов. Уход за полостью рта. Сообщения об античных противозачаточных средствах. Болезни античных проститутток. —

11. Государство и проституция. Взгляд государства на проституцию как на особую форму рабства. Полиция нравов. Налог на проституцию. Законодательство о проституции после Солона. Римское законодательство. — 12. Роль проституции в жизни античного общества. Значение двойственной морали во взглядах на проституцию. Отношение проститутток к честным женщинам. Запрещение браков между проститутками и свободнорожденными гражданами. Проститутки как законные жены. Проститутки в общественной жизни. Проституция в античном толковании снов. Участие проститутток в религиозных празднествах. Статуи гетер. Комедии. Эротикосотадиическая литература: эротико-сотадиическая поэзия;

стихотворения о любовном искусстве; эротика-порнографические романы и рассказы; исследования о половом влечении и различных видах физической любви; эротико-порнографические стенные надписи и приапическая эпиграфика. Связь античной проституции с искусством: портреты и статуи гетер; рисунки на вазах; бордельные картины и пластические произведения.

Выше мы проследили в истории первичные корни проституции. Это дало нам возможность объяснить ее мировой характер, то есть одинаковую сущность и одинаковое происхождение у диких и у культурных народов. В настоящее время нам пред-

стоит задача исследовать происхождение современной проституции культурных народов, ее организацию, дифференциацию и разнообразные формы проявления.

Упреждая результат, к которому приведет нас эта глава, можно сказать, что принципиальное разрешение этой задачи мы усматриваем в доказательстве, что почти вся современная организация и дифференциация проституции происходит из классической древности. Вся проституция греков и римлян обнаруживает такие же особенности и существенные черты, как и современная проституция. Единственное исключение заключается в том, что тесная связь между проституцией и заразными половыми болезнями тогда была неизвестна и, соответственно, не были приняты санитарные и полицейские меры против распространения существовавших в то время венерических болезней (триппер, местный шанкр, кондиломы). Впрочем, несмотря на отсутствие санитарной полиции, некоторая частная гигиена проституции существовала и тогда. Во всех же других отношениях античная проституция обнаруживает полное сходство с современными условиями. Связь эту можно проследить через средние века до нового времени. При этом христианство не только не могло сломить могучее влияние античной эпохи в этой области, но неоднократно даже само приспособлялось к нему.

Не подлежит сомнению, что с распространением античной культуры в трех направлениях — в Греции, Римской империи и Византии, — античная организация проституции перенесена была также на Восток и на Запад, послужив затем образцом для глубин Центральной Азии, всей Европы и Северной Африки, а потом проникнув и на магометанский Восток.

Первая организация проституции в древности, связанная с именем великого афинского законодателя Солона, имеет долгую предшествующую историю. Она теряется во мраке времен и может быть объяснена лишь на основании тех примитивных корней, с которыми мы познакомились в предыдущей главе. Планомерная же, систематическая организация и развитие проституции со всеми ее особенностями представляет результат специфической культуры классической древности и только в качестве такового может быть правильно понята и объяснена.

Организация проституции Солоном была только звеном в цепи различных новых общественных и государственных учреждений, ввести которые афиняне уполномочили великого архонта в 594 году до н.э. По свидетельству Плутарха (ок.45 — ок.127), он, по-видимому, считался с предшествовавшим законодательством, и прежде всего с реформами, введенными незадолго до того (в 596 году до н.э.) в Афинах критским жрецом Эпименидом. Любопытно, что именно Эпименид обратил внимание на

реформу общественной нравственности. По словам Плутарха, в то время в Афинах господствовало состояние сексуальной одичалости, которой особенно предавалась женская половина населения. Это вело к занятиям проституцией даже со стороны свободных женщин, так как беднейшие классы находились в большой задолженности у богатых и частью бывали вынуждены продавать своих детей.

Здесь впервые выступает перед нами понятие о пролетариате. Уже тогда, наряду с сельским хозяйством, начинали развиваться промышленность и торговля. В Афинах существовали даже фабрики и крупное производство с рабами. Но рабочая армия рекрутировалась также и из свободных граждан. Сюда присоединялся и довольно оживленный приток иностранцев и матросов. Таким образом, мы имеем социальную структуру населения, чрезвычайно благоприятную для широкого развития внебрачных половых отношений. Нарушения супружеской верности и соблазнения даже свободных девушек представляли частое явление.

Все это и заставило Солона провести свою реформу нравственности — составлявшую часть его законодательства — в двух направлениях. Он ввел принудительные государственные меры: **1)** для защиты брака и предупреждения нарушения супружеской верности и **2)** для неограниченного удовлетворения внебрачных половых вожделений.

Таким образом, произошло как бы провозглашение государством связи между принудительным браком и проституцией. Солон легализует проституцию, чтобы защитить брак! Первый ложный вывод великого «регламентариста». Потомки приняли его и каждый раз повторяли, пока неосновательность этих выводов не была признана даже современными сторонниками государственной регламентации проституции.

Солон обосновывал свои законы для урегулирования и защиты семейной жизни возвышенным взглядом на сущность брака, который не должен был, по его мнению, быть ни платным промыслом, ни продажным товаром. Напротив, мужчина и женщина должны соединяться лишь по любви, с целью произведения на свет детей. Поэтому государство не могло терпеть брака, заключенного без любви: «В таких браках не выполнялись ни цель, ни обязанности, связанные с браком» (Плутарх).

Государственное право надзора и урегулирования брачной жизни, по взглядам Солона, простиралось так далеко, что он даже издал законодательные предписания относительно частоты исполнения супружеских обязанностей, которые обязывали супруга иметь со своей женой по меньшей мере три половых сношения в месяц.

Такое чрезмерное вмешательство государства в область частной жизни объясняется тем воззрением греков, что воспитание отдельного лица является прерогативой государства, и только в государстве и благодаря государству оно может сделаться нравственным. Поэтому индивидуум по отношению к государству не может иметь нравственной свободы. Этот взгляд разделяли также Платон и Аристотель (384–322 до н.э.).

В своем законодательстве *Солон* пользовался, например, удивительным государственным институтом — «гинекономами» (дословно «надзиратель за женщинами»), представлявшими своего рода полицию нравов для приличных и уважаемых людей. Для проституток же и для людей падших, признанных бесчестными, существовал, как мы увидим ниже, особый надзор.

Институт гинекономов существовал и раньше, до введения законодательства *Солона*. Во многих греческих городах имелись особые начальники для наблюдения за нравственностью молодежи и женщин. В Афинах они находились под верховным надзором ареопага, то есть совета, состоящего из прежних архонтов.

Постановления солоновской полиции нравов, по *Плутарху*, следующие: «Он издал особый закон относительно выездов женщин, оплакивания ими умерших и поведения их на праздниках. При выездах женщина не могла брать с собою более трех платьев, пищи или питья более, чем на обол, и корзину длиннее локтя. Ночью она имела право выезжать не иначе, как в телеге и с фонарем впереди».

В конце 4 столетия *Деметрий* из Фалерона возобновил более или менее отжившую свой век полицию нравов и опять возродил ее обязанности, с правом привлекать частных лиц за дурное поведение к ответственности, на ареопаг.

Как мы уже упоминали, главную задачу своего законодательства о нравственности *Солон* видел в защите и укреплении брака, причем во всех своих действиях придерживался точки зрения так называемой «двойственной» морали, то есть мужчине разрешал добрачные и внебрачные отношения, а женщине запрещал. *Плутарх* говорит о брачных законах *Солона*: «Наиболее несообразны из законов *Солона* те, которые касаются женщин. Он позволял, например, всякому, заставшему у своей жены любовника, убить ее, а того, кто соблазнил свободную женщину или совершил над ней насилие, наказывал штрафом в 100 драхм. За продажу женщин другим — штрафом в 20 драхм, за исключением тех женщин, которые сами продаются публично и под которыми он разумел проституток, беззастенчиво отдающих себя за деньги всякому. Кроме того, он никому не

разрешал продавать своих дочерей или сестер, за исключением случаев, когда незамужняя девушка уличена была в запрещенных сношениях с мужчиной».

Таким образом, *Солон*, с одной стороны, наказывал по закону замужнюю женщину, нарушившую супружескую верность. С другой стороны, он, напротив, предоставил мужчине полную свободу удовлетворения полового инстинкта до и вне брака. Это полностью противоречило постановлениям его предшественника *Харондаса* из Катаны, жившего в 650 году до н.э. Тот грозил наказанием за дурное поведение всякому, от кого бы оно ни исходило. Но это зависело от миросозерцания *Солона*, который считал половые наслаждения необходимыми. Это видно из эпиграммы о нем, приводимой *Плутархом*: «Милые произведения Венеры, вас я люблю теперь; произведения Вакха и Муз, вы придаете людям бодрость духа».

Запретив удовлетворение полового инстинкта, признанного им самим необходимым, со свободными женщинами, он, будучи последовательным, должен был предоставить мужчинам для этой цели несвободных женщин. И он действительно предназначил для занятия проституцией «женщин, которые продаются публично», то есть рабынь.

Так как, согласно сообщениям *Аристотеля* и *Плутарха*, *Солон* отменил рабство свободных граждан за долги, то проституция могла быть уделом только собственно городских и сельских рабынь-чужеземок, попавших в Афины в качестве военной добычи или в результате торговли рабами.

Второй существенный пункт законодательства *Солона* о проституции заключается в том важном факте, что она впервые становится государственной светской организацией, в значительной степени потерявшей свой религиозный характер. Бордели *Солона* — государственные, а не храмовые. Государство управляет и надзирает за ними, государство получает пошлины от отдельных проституток. *Солон*, как сообщают, построил на эти доходы храм Афродите Пандемос. По сравнению с расширяющейся легализованной светской проституцией, религиозная проституция падает и вскоре теряет всякое значение.

Известия о первой солоновской организации афинской проституции заключают в себе довольно много пробелов. Тем не менее, из них ясно видно, что *Солон* учредил несколько государственных борделей и купил для них рабынь, публично выставленных напоказ. За определенную плату они должны были отдаваться всякому желающему, не имея права выбирать по собственному желанию. Любопытно сообщение, что девушки

стояли для осмотра нагими, чтобы каждый видел и мог выбирать по вкусу. В остальном для проституток не было ограничений в их половых сношениях.

Девушки из публичных домов должны были часть своих доходов отдавать государству. Тем самым, *Солон* может считаться и отцом так называемого «налога на проституцию». Часть этого налога он расходовал на поддержание храма Афродиты Пандемос, расположенного на юго-западной стороне акрополя. Не подлежит сомнению, что образцом для государственных борделей Солону послужила гораздо более древняя организация храмовой проституции и что религиозная проституция продолжала существовать в Элладе и Риме наряду со светской.

Познакомившись с первыми зачатками организации светской проституции в древности, мы перейдем теперь к описанию всей вообще античной проституции в полном ее развитии и разнообразных отношениях, как они сложились в течение веков от Солона до Юстиниана, то есть за промежутки времени приблизительно в 1200 лет. Но понимание особенностей античной проституции, послужившей образцом для современной, возможно лишь в том случае, если рассматривать ее в тесной связи с условиями государственной и общественной культуры древнего мира.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНТИЧНОЙ ПРОСТИТУЦИИ

Развитие и своеобразная дифференциация античной проституции совершались на основе дуализма между строгим моногамным принудительным браком, с одной стороны, и необыкновенной половой свободой мужчин — с другой. Нигде мы не видим этого в такой резко выраженной и очевидной форме, как у древних. Даже средние века, несмотря на строгое понятие о браке, не обнаруживают такой остроты противопоставления. Тенденции современной культуры, начиная с Ренессанса, направлены к ослаблению и постепенному исчезновению этого дуализма.

Достоинно внимания, что в эпоху Гомера, несмотря на доказанную полигамию и на относительно большую свободу, женщины почти не знали проституции, если не считать сосредоточившуюся в нескольких священных местах религиозную проституцию в честь Афродиты, на которую как бы намекает «*Одиссея*» (Песнь VIII, ст.362–366).

Но в общем так называемый героический период Греции еще не знал, вероятно, проституции как элемента общественной жизни. Лишь после строгого проведения патриархальной моногамии и связанного с ней ограничения деятельности замужней

женщины исключительно домашней сферой, появляется и проституция, которая в VII и VI веках до н.э., во времена Солона, уже достигла, как мы видели, полного развития. Если мы хотим понять внутреннюю связь между греческой проституцией как массовым явлением и необходимым, по понятиям того времени, государственным и общественным учреждением, с одной стороны, и введением строгой брачной морали — с другой, то мы должны себе ясно представить греческий брак описываемого времени и обусловленное им несвободное, зависимое положение женщины.

Целью греческого брака было прежде всего рождение красивых и здоровых детей, а также ведение женщиной домашнего хозяйства. Индивидуальной же любви супругов не придавалось никакой цены. Во внимание принимались главным образом здоровье и другие качества женщины, необходимые для размножения, причем они, на основании закона, по-видимому, проверялись «пробными ночами».

Греческий брак ни в каком отношении не отличался индивидуальным характером. Напротив, он во все времена был браком по расчету в худшем смысле этого слова. Решающее значение для него имели главным образом материальные соображения. Брак был «необходимым злом», а заключение брака по взаимной склонности, ввиду замкнутой жизни девушек, наблюдалось очень редко. Правило же составляли денежные браки и подходящие браки по расчету.

Последствием такого порядка вещей была полная подчиненность женщин в семье и отстранение их от всех интересов мужчин вне дома. Дело доходило до того, что им запрещалось даже посещение театра, а мужья обращались с ними с большой строгостью. Это видно, например, из характерных стихов в «Лисистрате» Аристофана (ок.445–385 до н.э.):

*... В начале войны и невзгод терпеливо
нужду мы сносили.*

*Запрещала нам женская скромность тогда в ваше
дело мужское мешаться.*

*Да и вы не давали ворчать и роптать, хоть не по
сердцу многое было.*

*Только вскоре узнали мы вас хорошо — и как
часто, за прялками сидя,*

*Приходилось нам слышать о новой беде и о новых
безумиях ваших,*

*И, печаль глубоко затаивши, вопрос задавали мы,
будто с улыбкой:*

*«Что же нового слышно о мире у вас? Что о мире
решили сегодня*

На собрании вы?» — «Что за дело тебе? — отвечали

мужчины сердито. —

Ты молчи себе знай». Приходилось молчать.

(Пер. А. Пиотровского)

В Афинах и Ионии мужчина искал индивидуальных отношений вне брака, у гетер и конкубинаток. Про спартанских женщин Платон, напротив, говорит, что, свободные от низшей ткацкой работы, они наравне с мужчинами принимают участие в богослужении, в управлении домом и воспитании детей. В то же время в Афинах решающий голос во всех этих делах принадлежал мужчине. Не простая случайность, что в Спарте проституция никогда не достигала сколь-нибудь заметного развития. Это зависит от более свободного положения спартанской женщины. Но и в Спарте цель брака была только физико-политическая (произведение на свет детей для государственных целей и воспитание их под наблюдением государства). Поэтому бесплодные браки не связывали, и бывали даже случаи временной уступки жены ради произведения потомства.

Римский брак был гораздо ближе к современному понятию о браке, чем греческий, ввиду большей свободы и большего уважения, которым пользовались римские матроны. Но и здесь главной целью брака было рождение детей. Ввиду юного возраста вступающих в брак девушек (12–14 лет) другого не могло и быть. Знакомство супругов до брака также бывало редко. Тем не менее, положение женщины — если не считать еще более древней эпохи с ее ярко выраженным патриархатом — было относительно самостоятельное. В предисловии к своим биографиям, где он отмечает главные различия между греческими и римскими нравами, *Корнелий Непот** говорит: «Какой римлянин стыдится повести свою жену на званый обед, или какая хозяйка не живет в передней части дома и держится вдали от сношений с людьми?» Римским женщинам разрешено было также посещать театры и другие публичные места.

Если, тем не менее, в III веке до н.э. проституция в Риме приняла широкие размеры, то это следует приписать почти исключительно греческому влиянию, а не условиям римской семейной жизни.

Понятие о незаконном и наказуемом соитии было у древних гораздо шире, чем у нас. Наказанию подвергалось не только собственно прелюбодеяние, то есть половое сношение с замужней женщиной, но и соблазнение незамужней сестры или дочери.

* Корнелий Непот (ок.100 — после 32 до н.э.) — древнеримский историк и поэт.

Контраст между строгими воззрениями греко-римского законодательства на внебрачные половые сношения с замужними и незамужними гражданками, с одной стороны, и снисходительный взгляд на сношения с проститутками — с другой — в высшей степени поразителен. Он рисует нам античную проституцию как оборотную и необходимую сторону брака или как защиту «половой чести» женщин известного класса.

Все греческие законы разрешали месть за соблазнение матери, сестры, дочери и даже конкубинатки. Пойманный с поличным мог быть безнаказанно убит. Государство даже наказывало за прелюбодеяние смертной казнью только в Тенедосе.

По закону *Селевка**, прелюбодею выкалывали глаза. Чаще же государственное законодательство карало за проступки такого рода более или менее значительными позорными наказаниями. Так, например, у пизидийцев и кумейцев мужчину и женщину, застигнутых в прелюбодеянии, сажали на осла и возили по городу. В Гортисе, на острове Крите, прелюбодею надевали венок из шерсти, он подвергался всеобщему презрению и терял гражданские права; кроме того, он должен был уплатить в общественную кассу 50 статов. В Лепреуме прелюбодея и его сообщницу присуждали к пожизненному лишению прав; кроме того, его в течение трех дней гоняли связанным по городу, а ее в течение одиннадцати дней выставляли в легком нижнем платье на рынке у позорного столба. В Афинах, кроме денежного штрафа и лишения прав, применялись еще телесные наказания.

В Риме муж, поймавший свою жену на месте преступления, имел право убить ее, а к совершившему прелюбодеяние с его женой мог применить любой акт мести (убийство, оскотление, изуродование носа и т. д.). То же самое имел право сделать и отец. Но если отец или супруг хотели прибегнуть к кровавой мести, по закону они должны были убить обоих виновных. Недозволенные половые сношения с незамужними женщинами наказывались денежным штрафом или изгнанием.

В 18 году до Р.Х. император *Август* (63 до н.э. — 14 по н.э., император — с 27 до н.э.) издал знаменитый закон, который наказывал не только за нарушение супружеской верности, но и за половые сношения с незамужними и вдовыми свободными женщинами. Наказаниями служили: конфискация имущества, телесное наказание, изгнание. Что касается мести со стороны пострадавшего, то закон допускал убийство только обоих виновных. При позднейших императорах закон этот был еще более ужесточен благодаря введению смертной казни. *Юстиниан* под-

* Селевк (VII в. до н.э.) — знаменитый греческий законодатель, считается автором древнейших писаных законов.

твердил смертную казнь как наказание мужчины за прелюбодеяние, а виновная женщина должна была подвергнуться пожизненному заключению в монастырь, если муж через два года не принимал ее к себе.

Такое суровое законодательство само собой толкало к сношениям с проститутками как к наиболее удобному средству, чтобы не преступать законов. Со времени *Солона* у античных авторов можно проследить многочисленные указания на это. Стремление к сношениям с проститутками усугублялось еще и тем, что древним была неизвестна опасность заражения половыми болезнями.

Известный своею строгой нравственностью *Катон**, увидав раз молодого человека, выходящего из публичного дома, приветствовал его такими словами:

Славно, славно, — крикнул Катон, изрекая великое слово, —

*Если гнусная похоть бушует в жилах, то лучше
Юношам спускаться сюда, не вводя в искушение
Жен чужих.*

(Гораций. Сатиры. Кн.1, сат.2. Пер.А.Фета)

В другом месте *Гораций* резко противопоставляет сношения с проститутками прелюбодеянию:

*Ты к чужой супруге стремишься, Даво к уличной деве;
Кто из нас достойней креста?..*

...

*Я ухожу без позора и без забот, как бы больше
Статный или богатый со мной не сходил в то же место.
Ты, как сбросишь отличия, всадника перстень и тогу
Римскую, из судьи обратишься в грязного Дама,
Так как душистую голову в плащ завернул ты. Но разве
Ты не то, чем прикинулся? За провожатым робко
Входишь: в борьбе между страхом и похотью кости
трепещут,
Что за различие — ходишь ли ты, обречен на сожжение,
На убиение розгами или мечом — или заперт
В гнусный ящик служанкой, сообщницей зла, помещенный,
Скорчен так, что дошел головой до колен? Не дана ли
Мужу греховной жены над обоими воля по праву?
*(Сатиры. Кн.Н, сат.7. Пер.А.Фета)**

* Имеется в виду Катон Старший (234–149 до н.э.) — римский писатель.

Овидий в начале своей книги «Наука любви» решительно подчеркивает, что он воспевает только любовь к гетерам, на которых не распространялись законы о браке. Он воспевает только любовь «вне закона».

Совет посещать бордели и вступать в сношения с гетерами тем понятнее со стороны древних, что страстная индивидуальная любовь с оттенком романтизма у них, без сомнения, не существовала в таком объеме, как в наше время, а если иногда и наблюдалась, то ее все же отвергали и смотрели на нее, как на нечто болезненное. Замечательно, что античный человек считал самые бурные вспышки элементарной чувственности гораздо менее опасными, по их действию на способности и человеческое достоинство, чем глубокие душевные переживания любовной страсти. Этим объясняется, почему более древняя эпическая поэзия греков, как и трагедия их, никогда не делала любовь предметом своего творчества. Ни у Гомера, ни у Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.) или Эсхила (ок.525–456 до н.э.) мы не находим любовных сцен.

Тем не менее такая любовь, разумеется, все же существовала в Греции, как это видно из раннего описания ее в поэзии восточной Греции (Архилох (VII в. до н.э.), Сафо). Но закон и господствовавшие нравы подавляли ее по отношению к жене и направляли, как мы увидим ниже, частью на гетер, частью же на мальчиков. Но и здесь чувственная основа осталась преобладающим моментом, даже в платонической любви. Правда, в период расцвета истории Греции и Рима господствовавшая там чувственность была совершенно гармоничной, с необходимостью вытекавшей из природы человека, обнаружившей в своем наивном отношении к наготы и красоте тела, безусловно, пластически-эстетические черты.

Столь характерный для христианского культурного мира антагонизм между душой и телом еще не оказал в то время своего губительного действия на половую жизнь. Чувственное здесь менее надломлено и менее рафинировано, потому что для античного человека все половое лежало вообще по ту сторону добра и зла, и христианское понятие «греха» к нему еще не применялось. Правда, аскетические тенденции и здесь были уже известны, а некоторые отклонения от нормы и извращения обозначались как «болезнь». Но не было еще монашеской борьбы между плотью и духом, и плоть была только красивой внешней формой внутренней духовной жизни. В чувственной красоте почитали и наслаждались духовной. Идеал человека — голый человек, а не человек в одежде.

Это сказывалось, по Тэну*, в очень многих чертах греков. Так, например, карийцы, лидийцы и варвары, соседи греков, стыдились появляться голыми. Греки же без стеснения сбрасывали платье, чтобы бороться и бегать. Даже молодые девушки в Спарте занимались гимнастикой и фехтованием почти нагими. Все большие празднества — олимпийские, пифийские и немейские игры — были «выставкой и триумфом обнаженного тела», на глазах у всех, под крики одобрения всего народа. Так как греки страстно поклонялись совершенству тела, то они не стыдились во время священных праздников обнажать его перед богами. Совершенство тела считалось божественным.

Этим объясняется то, что греки воздвигали памятники красивым женщинам и мужчинам, как мы теперь воздвигаем их великим мыслителям и поэтам. Распространение любви к мальчикам, несомненно, находится в связи и с глубоким воздействием красоты нагого тела, которая у юных мужчин выступала еще резче, чем у девушек. Сами половые признаки — что еще и теперь вызывает величайшее негодование со стороны приверженцев ложной скромности — тоже были предметом наивного эстетического восхищения.

Поэтому физическое половое наслаждение во всех его проявлениях, даже так называемых «извращенных», было для древних естественным, элементарным. Они его не переоценивали, но и не ставили низко, как мы видим это у современных европейских народов, где постоянное колебание между двумя крайностями вызывает гибельную дисгармонию половой жизни.

Сильная, даже жгучая чувственность, частью зависевшая, быть может, от южноевропейского жаркого климата, составляла наиболее резкую черту античной любви. «Сатириазис», то есть повышенная половая чувствительность, представляет специфически античную черту. Древние врачи описывают ненасытную потребность в половых наслаждениях как частую в то время болезнь у мужчин и женщин, между тем как теперь она наблюдается довольно редко.

Такое преобладание физической любви должно было способствовать развитию свободных, нерегулируемых отношений с проститутками, тем более, что брак, как мы уже упоминали, преследовал совершенно другие цели. Романтический элемент индивидуальной любви мог найти себе исход исключительно в любви к гетерам, потому что из брака он был исключен.

* Тэн Ипполит (1828–1893) — французский литературовед и философ.

Романтическая любовь к гетерам играет большую роль в новейшей аттической комедии, а после и в комедиях *Плавта* и *Теренция* (ок.195–159 до н.э.). Мы находим ее также в беседах гетера у *Лукиана*. Связи *Менандра* с *Глицерой** и *Аспазии*** с Периклом могут служить выдающимся примером знаменитых любовных отношений. В них мы находим все радости и страдания индивидуальной любви, и прежде всего — муки ревности.

Индивидуальная любовь проявлялась, однако, в древности гораздо менее по отношению к гетерам, чем по отношению к лицам того же пола: мужчин — к мальчикам и юношам, женщин — к другим женщинам. В связи с этим развилась обширная гомосексуальная проституция, которую мы рассмотрим ниже. Здесь мы укажем только на общие черты равно-полюх сношений как на главный тип античной индивидуальной любви.

Любовь к красоте мужских форм вырабатывалась в гимназиях и в других общественных местах, где толпилась нагая молодежь и где она сообща занималась телесными упражнениями. Во время больших праздников и в театре также представлялась возможность любоваться мужской красотой и силой.

Кроме эстетического характера, в любви к мальчикам можно еще обнаружить и значительную примесь чисто духовного элемента индивидуальной любви. Это прежде всего заметно в дорийской любви к мальчикам, которая послужила исходной точкой для развития античной однополюх любви. Если гомосексуальная любовь существовала в Греции (как и везде) и раньше, то дорийцы — последнее иммигрировавшее в Грецию дикое горное племя — первыми ввели любовь к мальчикам как явление, признанное публично, заслуживающее уважения, как народный обычай.

Гомер никогда не упоминает о каких бы то ни было педерастических отношениях. Но уже Солон описывает педерастию как безобидную радость юности, и в цветущую эпоху Эллады такие мужи, как Эсхил, Софокл, Сократ и Платон, были педерастами. Характер этих отношений своеобразен; качества мужчины, его геройство через посредство любви передаются любимому мальчику. Поэтому общество считает желательным, а государство даже настаивает, чтобы выдающиеся мужчины любили мальчиков; поэтому мальчики предлагают себя героям. Для мальчика считалось позором не найти себе возлюбленного, и

* Глицера (IV в. до н.э.) — гетера, знаменитая своей красотой; возлюбленная поэта Менандра.

** Аспазия (ок.470 до н.э.) — афинская гетера, с 445 года — жена стратега Перикла.

считалось за честь — которую на Крите праздновали и публично, и в семье, — если мальчик приобретал любовь уважаемого возлюбленного и торжественно соединялся с ним.

Античная любовь к мальчикам покоилась на старинной вере, что при половом сношении душа, ум, характер любовника переносятся на мальчика и что таким образом из чисто чувственного акта возникает душевное взаимодействие значительно более индивидуального характера, чем была в то время гетеросексуальная любовь. Более того: благодаря своему педагогическому характеру, совершенно отсутствующему в теперешней любви между мужчиной и женщиной, любовь к мальчикам поднялась даже выше этой последней.

Высокая оценка любви к мальчикам как политическо-педагогического учреждения относится к VI и V векам до н.э., до наступления персидских войн. С ослаблением отношений между юношами и взрослыми мужчинами в эллинскую эпоху — быть может, в связи с выступившими в ту пору на сцену гетерами — индивидуальный, душевный и социальный моменты в гомосексуальной любви все более и более отходил на задний план, уступая место чисто физическому влечению. Римляне переняли от греков уже только эту сторону любви к мальчикам.

Если принять во внимание всеобщее распространение педерастии в классической древности и ее публичность, нетрудно понять, что и мужская проституция пользовалась тогда почти равными правами с женской и достигла таких размеров, о которых в настоящее время невозможно себе составить истинного представления. Еще вопрос, встречаются ли чаще в литературе эллинской эпохи и времен империи проституированные мальчики и кинеды, или проститутки.

Гомосексуализм женщин в древности далеко не играл такой роли в общественной жизни, как гомосексуализм мужчин, тем не менее он был известен древним. Замечательно, что трибадия, как и любовь к мальчикам, достигла более широких размеров прежде всего у дорийцев. Плутарх сообщает («Ликург», гл.18), что равнополая любовь до такой степени одобрялась в Спарте, что и порядочные женщины любили девушек.

Наряду со Спартой, наиболее старым местом женской однополой любви считался Лесбос, как это видно из пятой беседы гетер у Лукиана: «Говорят, что женщины на Лесбосе в такой степени трибады, что избегают объятий мужчин, а, напротив, сами наслаждаются женщинами, как мужчины». Центром трибадии считался также развратный Милет, где, по словам Аристофана («Лисистрата»), даже изготовлялись для сношений женщин с женщинами *olisbos*, искусственные члены.

От индивидуальных отношений между обоими полами, благоприятствовавших развитию проституции, мы перейдем теперь к собственно социальным факторам древнего мира, из которых произошла специальная организация и дифференциация античной проституции и то особое отношение между предложением и спросом в этой области, которое осталось и сохранило свою силу еще и в наше время.

Как мы уже упоминали, неистощимым источником для проституции служили в древности рабы, из которых главным образом рекрутировались для этой цели как женщины, так и мужчины.

Благодаря войнам, похищению и обширной торговле рабами, а также чрезвычайно частому подкидыванию детей, тысячи мальчиков и девочек попадали в рабство. Число их в отдельных городах в несколько раз превосходило число свободных граждан.

Согласно взглядам, которые разделялись даже такими людьми, как Платон и Аристотель, рабы считались, по сравнению со свободными людьми, низшими существами, порочными от рождения. За исключением лишения жизни, которое могло быть произведено только по решению суда, рабы находились в полном распоряжении своих господ, которым разрешено было какое угодно дурное обращение с ними. Еще печальнее было положение рабов у римлян, которые эксплуатировали своих рабов и рабынь в экономических целях.

В древности бесправными и лишенными свободы были не только жившие в борделях. Большинство свободных проституток находилось в рабстве у сводника или владельца, который отдавал их своднику внаймы. Сводники скупали похищенных пиратами или во время войны мальчиков и девочек и простиитуировали их. Для этой же цели воспитывались и продавались подкидыши.

Кроме рабов, проституцией занимались также многие вольноотпущенники. Число же вполне свободных лиц этой древнейшей профессии было в Греции невелико, и только во времена императоров они составляли более значительный контингент. Замечательно, что часто, когда выяснялось, что проданная для проституции девушка была раньше свободна, ее обязаны были отпустить на свободу, если за нее уплачивали затраченные на покупку деньги.

Многим простиитуированным рабам и рабыням удавалось с течением времени добиться относительной свободы, так что они сами могли держать рабов для той же цели. Так, например, знаменитая гетера Питионика была рабыней флейтистки Бакхис, которая, со своей стороны, была рабыней гетеры Синопе.

Мы не рискуем ошибиться, если будем судить о размерах проституции, как в греческих городах, так и в городах мирового царства цезарей, по непрерывному и массовому подвозу рабов. А потому весьма вероятно, что по сравнению с количеством народонаселения городов античная проституция была гораздо обширнее современной, так как количество рабов в большинстве городов в несколько раз превышало количество свободного населения.

Интенсивная городская цивилизация — то есть именно тот фактор, который так характерен для современных условий и который в высокой степени благоприятствует развитию проституции, — играл уже в древности совершенно такую же роль, как и теперь. И тогда были свои миллионные города, большие и маленькие гарнизоны, свои рафинированные городские наслаждения. И тогда существовали перенаселение и жилищная нужда — словом, все те моменты, которые считаются теперь ответственными за существование и постоянный рост проституции.

Проституция и в древности достигала наибольшей распространённости там, где на нее был спрос. А спрос на нее оказывался всего больше в тех местах, где скапливались массы мужчин, — холостых или женатых, в силу своей профессии временно отлученных от домашнего очага. Такими местами были прежде всего гавани, торговые, гарнизонные и университетские города.

Позже, когда в греческую и римскую эпоху развились международные отношения, для удовлетворения возросшего спроса, пришлось усилить местную проституцию отдельных городов бродячими проститутками. Таким образом, и бродячие проститутки постепенно превратились в типичное явление древности. Странствования их часто бывали не менее обширны, чем у наших современных международных проститутков, и сопровождались такими же приключениями. Как большинство бордельных проститутков рекрутировалось из чужеземных, иностранных рабынь, так и вышестоящие гетеры часто искали арены для своей деятельности вне родины.

Весьма важный момент, способствовавший распространению проституции — не существующий уже ныне в такой степени, — составляли в древности военные условия: постоянные военные походы и передвижения легионов, а также основание «лагерных городов» и военных колоний. Сказанное относится прежде всего к военным походам Александра Великого и Диадочов* и — еще больше — ко временам империи.

В то время как у Гомера воины пользуются в качестве наложниц военнопленными женщинами, греческие войска, начиная с V столетия, сопровождали целые толпы профессиональных проституток, что связано с развитием наемных войск. Таким образом, был создан требуемый элемент искателей приключений, которые не знали, что такое родина, и накапливали богатства так же быстро, как и растрачивали их. Они не хотели отказываться от радостей Венеры и возили с собой собственных танцовщиц, проституток и проституированных мальчиков, а то их сопровождала просто толпа проституток.

Во времена Рима присоединялся еще один фактор, чрезвычайно благоприятствовавший развитию проституции как в походах, так и вообще в гарнизонных и лагерных городах. Мы говорим о запрещении браков для солдат. Запрещение объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что нельзя было заключать римский брак с иностранками. Пребывавшие в чужих странах легионы, не имея в своем распоряжении других женщин, вынуждены были вступать в свободный брак или же искать удовлетворения у проституток.

Первое обыкновенно имело место при долгом пребывании в стране. Таким образом, часто создавались целые колонии из живущих в конкубинате солдат с их незаконными семьями. В 171 году до н.э., например, положено было основание испанской солдатской колонии Картея. Римские солдаты имели здесь от испанок, с которыми нельзя было вступить в законный брак, 4000 детей. Они выхлопотали для этих детей у правительства колонию, в которой и содержали их.

Военные колонии послужили корнем, из которого выросло родословное дерево романских наций.

Частые военные походы и перемещения легионов благоприятствовали развитию проституции, которая во время республики достигла значительных размеров. Так, чтобы удержать дисциплину, Сципион* должен был прогнать из Нуманции 2000 проституток. Во время империи, вместе с возрастающим нежеланием солдат вступать в брак, увеличивался их спрос на проституцию. Целые обозы проституток переселялись в так называемые «лагерные города», состоящие из рядов будок, бараков и кабаков. В них продавали свои товары маркитанты, женщины, девушки, купцы, торговцы. Постепенно эти поселения превратились в значительные города.

* Диადохи (преемники — греч.) — полководцы Александра Македонского, боровшиеся за власть после его смерти (323 до н.э.).

* Сципион Публий Корнейлий Африканский Младший (ок.185–129 до н.э.) — римский полководец.

На увеличение спроса на проституцию влияла и античная высшая школа. Каждая провинция, каждая из культурных частей государства имела свое высшее учебное заведение, которое посещала молодежь из окрестностей и приезжие из дальних мест. К широко посещаемым принадлежали университеты Кремоны, Медиолана, Августодунума в Галлии, Карфагена, Аполлонии в Эпире, Родоса, Тарса, Антиохии, Смирны, Рима, Александрии, Коринфа, Афин, Константинополя.

В Афины всегда устремлялась такая масса жаждущих образования, что вследствие постоянного пребывания там молодых людей из Фракии, Понта и других полу- и вполне варварских стран даже пострадало будто бы единство языка жителей города. В аттические списки эфебов, относящиеся к 130–120 годам до н.э., кроме 200 юношей из Аттики, внесены еще около 40 чужестранцев, проживавших здесь для обучения. Среди них молодые люди из Малой Азии, Сирии, Понта, Фракии и Рима.

В Тарсе было, напротив, больше местных студентов, а в Александрии опять-таки, иностранцев.

Большой славой пользовалась высшая школа в Смирне, которую посещала молодежь из Малой Азии, из Греции, из Ассирии, Финикии, Египта.

Наибольшее число студентов, естественно, насчитывал Рим. Сюда знаменитые врачи, юристы, риторы и философы привлекали из всех стран Римской империи громадное число студентов, многие из которых приезжали еще в очень юном возрасте.

Далее, благоприятствующим фактором для развития проституции как массового явления были светские и религиозные празднества, праздничные игры, паломничества, судебные заседания, ярмарки, театральные и цирковые представления и тому подобные случаи, когда в одном месте скапливались большие количества людей. Для проституток и особенно для сводников это были золотые дни.

Так, сводники приезжали со своими проститутками на осенние собрания амфиктионов* в Пиле и на другие праздничные собрания. Когда в Комане в Понте происходили празднества в честь богини любви, туда стекались из всех городов и стран мужчины и женщины, в том числе и множество продажных девушек.

* Амфиктиония — в Древней Греции религиозно-политический союз племен и городов с общим святилищем, казной, правилами ведения войны.

Поводом для обширной проституции служили также празднества в честь Диониса, происшедшие из Фракии. Здесь проституткам представлялись особенно благоприятные условия для заработка. Типичным «праздником проституткок» был также праздник Адониса.

Начиная с III века до н.э., чрезвычайно многочисленны стали Римские празднества. Одним из старейших были так называемые Флоралии, учрежденные, как говорят, одной проституткой. Далее — всеобщий праздник радости, сатурналии, с «пьяной ночью» и дневным развратом, в котором участвовали проститутки; вакханалии праздновались более тайно и имели меньше значения для уличной проституции. Велико было значение культа египетско-греческой богини Исиды, храмы которой являлись настоящими борделями. В Риме насчитывалось 8 храмов Исиды, у которых стояли продажные женщины. Кроме того, всегда можно было найти проституткок в храме матери богов, Кибелы, на Палатинском холме, и в храме Цереры у большого цирка.

Особый повод для проституции подавали также театральные представления, на которых в Греции могли присутствовать из женщин только гетеры. В Риме они служили для завязывания сношений с проститутками (Овидий, «Наука любви», I; 89). В особенности представления в цирке, на которые стремился не только весь Рим, но и гости из ближних и из дальних стран. Во время триумфальных игр Юлия Цезаря наплыв приезжих был, например, так велик, что большая часть из них должна была жить в балаганах и палатках, которые разбивались прямо на улицах.

Несомненно, что и тогда уже существовал так называемый «отлет» проституткок и галантных женщин, который простирался, главным образом, на наиболее оживленные и элегантные улицы с разными магазинами.

Ночная жизнь была также сильно развита в больших городах империи, особенно в Антиохии. В Риме ночные гуляки, мужчины и женщины, толпами направлялись или возвращались при свете фонарей с кутежей, связанных с половыми эксцессами. Посещение публичных домов начиналось только к вечеру, так как до 3–4 часов пополудни запрещено было их открывать. Зато они были открыты для посетителей всю ночь напролет до раннего утра.

В этом месте целесообразно привести краткий анализ античной жизни развлечений, которая рано развилась на Востоке (ионийские города Малой Азии, Самос, Коринф, греческие города южной Италии), но кульминационной точки достигла лишь в эллинско-римской Александрии, в Антиохии и Риме. Она

была тесно связана с развитием капитализма, и только когда последний развернулся, стала обнаруживать те отвратительные черты, которые мы так привыкли связывать с мыслью об эпохе римских императоров и вообще о Риме. За 100 лет до н.э. наслаждения в Риме не отличались уже той чувственностью и духовной свежестью, которые так характерны для периода расцвета Эллады. Напротив, туда уже проникла в то время погибающая эллинская цивилизация Малой Азии и Александрии.

Но и менее рафинированные удовольствия периода расцвета Греции все же способствовали развитию проституции. Греческие попойки, например, служили самым частым поводом для сношений с проститутками, так как на всяком званом обеде или ужине должна была присутствовать флейтистка, чтобы играть на флейте во время жертвенного возлияния. Обыкновенно пирушка сопровождалась также музыкой и эротическими танцами, в которых, кроме проститутток, принимали участие гетеры.

Древний обычай соединять пирушки с танцами восходит к Гомеру. Так, в «Одиссее» (Песнь VIII, ст.248–249) сказано о роскошных развлечениях феаков:

*Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.
(Пер. В. Жуковского)*

Бывали также собрания, в которых участвовали одни только проституированные мужчины. Считалось подозрительным, если мужчина, принимая участие в роскошных пиршествах, не платил своей доли, или если его заставляли в ресторане за завтраком с чужими мужчинами.

Греческий обычай развратных пиршеств с проститутками проник в Рим лишь в начале II века до н.э.; это видно из того, что раньше почтенная римская матрона беспрепятственно участвовала в трапезах мужчин, как у себя дома, так и у чужих. Шумная музыка, танцовщицы, мимы и проституированные мальчики во время, следовавшее за ужином, попойки введены были позже. Быть может, здесь сказалось влияние не только греков, но и этрусков, у которых сладострастный разврат во время трапез составлял обычай старины.

Как бы то ни было, но во времена империи участие галантных девушек в пиршествах стало обычным явлением. Так же обычно было и участие мальчиков, одетых в прозрачный газ. По окончании обеда они стояли, готовые к услугам гостей.

Лукиан говорит об одном таком пиршестве у римлян: «Многое, можно даже сказать, все за таким столом становится для тебя источником досады. Но наиболее огорчительно, что испорченному юноше, отдающему себя для позорных услуг како-

му-нибудь танцмейстеру или развратному мальчишке из Александрии, умеющему петь ионийские песенки проституток, оказывают гораздо больше почета, чем тебе».

К характерным явлениям в мире античных наслаждений принадлежат «арделионы» времен империи, античные снобы, бездельники, ничтожную жизнь которых описали *Марциал*, *Манилий**, *Федр***, Сенека. Арделионы следующим образом убивали время: утром они делают визиты. Затем многие из них отправляются на форум, на судебные разбирательства. Еще большее количество — к возникшим и мимам. Немалое число проводят это время в любовных похождениях, в игре в кости, в банях, попойках и других наслаждениях. Так продолжается, пока не наступит вечер. Тогда все снова собираются за ужином, где развлекаются не музыкой и серьезными беседами, а дикими кутежами, продолжающимися часто до утра.

Необходимым дополнением такого ничтожного, бессмысленного существования является типичная «скандальная хроника», которая без всякого стеснения рассказывала об особенностях половых отношений. Причем женщины обнаруживали особое рвение к раскрытию малейших деталей. Тайные пороки того или иного лица или расходы его на метрессу составляли предмет сплетен и болтовни.

В тесной связи с жадной насладений находится мамонизм, это истинное удобение для проституции. Ювенал справедливо связывает половой разврат и проституцию с жадностью к деньгам:

*Чуждые нравы пришли впервые с бесстыдной корыстью,
И расслабляющее богатство роскошью гнусной
Сокрушило нам жизнь. Что пьяной Венере заветно?
(Пер.А.Фета)*

Кроме сексуальных игр, в круг античных наслаждений входили еще удовольствия стола, роскошные одежды, купания, мази, благовония, роскошная постель, музыка и т. д.

Нам остается рассмотреть еще некоторые социальные причины проституции. Главней являлось, конечно, рабство. Но немалую роль играли и знакомые нам социальные проблемы вообще. Как показывает законодательство Солона, социальный вопрос очень рано появился в поле зрения древних. А в последнее время республики и в эпоху империи он стал не менее жгучим, чем у нас. Древним были известны явления социальный нищеты, перенаселение и жилищная нужда, и им приходилось в полном объеме испытывать на себе их последствия.

* Манилий — римский писатель плохи Августа.

** Федр (ок.15 до н.э. — ок.70 н.э.) — римский баснописец.

Законодательство Солона, изданное в начале VI века, является, по-видимому, первой попыткой проложить мост через глубокую пропасть между пролетариатом и имущими. В IV и III веках до н.э. почти всюду в Элладе, даже в Спарте, замечалась тенденция к обострению экономических противоположностей вследствие возрастающей концентрации капитала и земельной собственности. Последствием этого явилось полное исчезновение среднего сословия, ужасный пауперизм и материалистически-маммонистический образ мыслей всех слоев народа. Все это потрясло основы общества и вызывало злосчастную классовую вражду.

Контраст между богатством и бедностью со всеми его гибельными последствиями для нравственности подробно описывает Платон в своем «Государстве» и в «Законах», где он выясняет тесную связь между охотой за деньгами и охотой за женщинами, между жадностью к деньгам и служением брюху и фаллосу.

Возникновение пролетариата и пауперизма в Риме относится к III столетию до н.э., когда быстро развилось ни с чем не считающееся капиталистическое хозяйство, которое при помощи процентов на долги отняло у трудящихся крестьян земельную ренту и передало ее в руки бездельничающих рантье. При этом происходил чрезмерный прилив населения в город, потому что деревня благодаря латифундиям, заморской конкуренции в хлебной торговле и т. п. запустела, и обедневшие селяне бежали в города. Неизбежным следствием такого порядка вещей явилось перенаселение больших античных городов.

Жилищная нужда и высокие цены на квартиры, в которых всего очевиднее сказываются печальные социальные условия, существовали, впрочем, не только в Риме и других столицах, но и в больших провинциальных городах. Так, например, в столице Египта некий Герод имел дом, разделенный на части. В десятой его части жили 20 членов одной семьи и сверх того еще 7 жильцов!

Бедность, естественно, могла быть в древности причиной проституции только у свободных от рождения или у вольноотпущенных, у рабов же — разве только в том случае, если их вынуждал заняться проституцией их обедневший господин.

Свободные девушки, вынужденные из бедности заниматься проституцией, как и теперь, переселялись обыкновенно в другой город. Иногда их, однако, вынуждала к тому лишь относительная бедность — девушки, имевшие честный, но скудный заработок, не могли устоять против соблазна большого города.

Таким образом, тяга к столице уже в древности являлась одной из причин для развития проституции. Не нужно также забывать, что в древности труд вообще ставили очень низко или даже совершенно его презирали, во всяком случае, он не пользовался таким общественным признанием, как теперь. Только умственный труд считали достойным свободного человека, физический же предоставляли рабам. Идея об освобождении индивидуума благодаря труду как таковому — все равно, будет ли он физический или умственный — была совершенно чужда древнему миру. Поэтому свободные, но бедные девушки (и юноши) в то время гораздо чаще становились жертвами проституции, чем теперь.

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ПРОСТИТУЦИИ

Как мы уже упоминали, существующая в настоящее время чрезвычайная дифференциация и специализация проституции совершилась уже в классической древности. Речь идет не только о различии между бордельной и свободно живущей проституткой, но и о гораздо более тонких оттенках отдельных категорий проституток, начиная с низших и кончая высокообразованными гетерами. Древние весьма тонко различали обыкновенную проститутку без всякого образования и проститутку, обученную музыке. Первая — проститутка низшего разряда, занималась своим ремеслом, ничем не прикрывая его, — без музыки, танцев, вообще без какого бы то ни было искусства. Эта низшая категория проституток совпадает, вероятно, с нашими бордельными и уличными проститутками. Ко второй категории у греков относились проститутки-музыкантши и вольноотпущенные гетеры. И, наконец, третью, наиболее высоко стоящую, группу составляли образованные проститутки, часто свободные от рождения. Это и были собственно гетеры в лучшем смысле этого слова.

Можно построить чуть ли не целую шкалу различных переходов, причем каждую отдельную категорию можно также дифференцировать.

Картина античной проституции становится еще более пестрой благодаря различиям между свободными от рождения и вольноотпущенными проститутками и подлежащими проституции рабынями, между явными и тайными проститутками, а также благодаря многочисленным переходам от одной категории к другой.

Бордельные и уличные проститутки

К ним принадлежали обитательницы «порнеиона», или «коинеиона», или «оикема» — проститутки *Солона*. Они стояли у дверей низших борделей напоказ.

Разновидностью этих бордельных проституток должны считаться мельничные проститутки. Уже у Гомера («Одиссея». Песнь XX, ст. 107) встречаются мельничные рабыни, которые мелют рожь ручными жерновами. Впоследствии они пользовались всеобщим презрением, так как мельницы считались борделями.

В более поздние времена Римской империи многие булочные и мельницы были еще связаны с борделями, которые в большинстве случаев составляли пристройки к ним. Обычай этот сохранился до средних веков.

Наряду с бордельными проститутками, в древности было еще чрезвычайно много так называемых уличных проституток, которые отправлялись на «отлет» и бродили по улицам, совершенно как нынешние. Они не только завлекали своих клиентов, но нередко тут же и отдавались в каком-нибудь темном углу.

Бесчисленны были специальные типы уличных проституток, сохранившиеся и поныне там, где античная культура послужила основой для современной. Наиболее старый тип представляет, вероятно, проститутка, занимавшаяся своим ремеслом на большой дороге.

Известны были проститутки из афинского портового рынка, наконец, существовала еще категория мостовых проституток, которые продавали себя на мостах.

Еще больше была дифференциация римских уличных проституток. К общему списку добавляются кладбищенские проститутки, которые продавали себя между могильными памятниками, и лесные проститутки, а также многие другие...

Проститутки Муз и Вакха

К этой рубрике относятся все те проститутки, которые применяют для привлечения клиентов искусство, алкоголь и вообще средства самоотречения и опьянения, что их и отличает от проституток — бордельных и уличных, — действующих преимущественно при помощи чисто полового возбуждения.

Они развлекают игрой на флейте и цитре, танцами, фокусами, драматическими представлениями, пантомимами, пением, принимают участие в вакхической разнузданности во время симпозиумов, празднеств, в кабачках, трактирах и банях, или же вообще имеют какое-то отношение к художественной и дионисьевской стороне жизни.

Флейтистки, или аулетриды, которые упоминаются чаще всего, должны были присутствовать при всякой трапезе, чтобы играть на флейте во время жертвенного возлияния. Они появлялись обычно на пирушках во множественном числе, так что каждый мужчина мог иметь в своем распоряжении флейтистку

(Аристофан, «Лягушки»), а потом происходили общие оргии. При этом нередко случались настоящие кулачные бои за обладание флейтисткой.

Аулетриды занимали среднее положение между обыкновенными проститутками и собственно гетерами. Они были не так грубы и низки, как первые, не так жадны к деньгам и хитры, как вторые. Как опасные конкурентки, аулетриды испытывали постоянную ненависть со стороны гетер, которые всегда выставляли их презренными существами.

Наряду с флейтистками, к тому же типу музыкальных проституток относились и девушки, обученные игре на различных струнных инструментах: цитре, самбуке, на треугольном струнном инструменте, и певицы.

Не меньше был спрос на танцовщиц, искусство которых носило часто специфический, эротический и неприличный характер. Особенно славились в этом отношении фессалийские и гадитанийские танцовщицы. Они демонстрировали свои возбуждающие танцы во время и после трапезы, часто нагие. Особенной любовью пользовался сладострастный танец живота.

К этим типам проституток тесно примыкает театральная проституция. Мимические и театральные представления произошли из древнего скоморошничества бродячих фокусников, которые издревле поставляли контингент мужской и женской проституции.

Мы упомянем здесь о женщинах-фокусницах, которые часто выступали нагими и, подобно всем женщинам, появлявшимся на подмостках, считались бесчестными, поскольку занимались проституцией.

Из скоморошничества развился театр, связанный с дионисиевским культом. Из его представителей особое отношение к проституции имели мимы. В то время как в трагедиях и комедиях женские роли разыгрывались мужчинами, в реалистических пантомимах выступали женщины и девушки, репутация которых сильно страдала от содержания неприличных, в большинстве случаев, пьес. В них они должны были, часто в декольтированном виде или нагими, танцевать сладострастные танцы. Мимы выступали также за столом и в частных кружках.

В косвенной связи с проститутками Муз и Вакха находятся цветочницы, которые в большом числе стояли на улицах и в общественных местах. Как говорится в одной эпиграмме греческой антологии, девушки предлагали цветы, большей частью розы, и себя. Далее шли продавщицы овощей и фруктов. Рано утром направлялись они из деревень в города, чтобы продавать

там свой товар; большая часть из них была также проститутки. К той же категории принадлежат натурщицы скульпторов и живописцев. Знаменитыми натурщицами были гетеры Лаис и Фрина.

Гетеры и дамы полусвета

Третий, высший, класс проституток составляли гетеры, которые считаются избранницами греческой проституции. Так оно и было в действительности для части этой группы. Вначале эта часть составляла большинство, но с течением времени уменьшилась, и в позднейший период греческой истории, а также во время империи большинство гетер мало отличались от других проституток.

Гетеры — как нам их рисуют «Беседы гетер» Лукиана — отнюдь не отличаются большим образованием, чем другие проститутки. Они так же готовы изо дня в день продавать себя каждый раз другому мужчине. Таким образом, в позднейшее время уже почти не встречаются высокопоставленные гетеры с высоким уровнем интеллекта.

Надо полагать, что вначале гетеры действительно старались своими изысканными манерами, образованием, истинной дружбой и индивидуальной любовью к своим избранникам не походить на простых проституток. Но многие из последних часто самовольно присваивали себе имя гетер или выступали в качестве таковых. К тому же некоторые из выдающихся гетер действительно происходили из низших слоев проституции и с возрастом возвращались туда же.

Среди гетер нужно различать рабынь, составляющих собственность сводников, и вольноотпущенных или свободных от рождения, добровольно занимавшихся этим ремеслом. Одни из них жили в собственных домах, принимали многих любовников и служили также посредницами для других встреч. Другие жили на содержании у одного любовника. Наконец, были и такие гетеры, которых приглашали на пирушки и в частные дома, подобно музыкантам-проституткам.

Местом происхождения гетеризма в его рафинированной форме является ионийская Малая Азия и соседние острова. Здесь его корни можно проследить до первой половины VI столетия до н.э. Одну из первых известных по имени гетер звали Родопис. Уроженка Фракии, она была в Самосе рабыней Ядмона и сорабыней знаменитого баснописца и также раба Эзопа. Под руководством сводника Ксантоса ее обучили всем искусствам гетеры, после чего отвезли в Египет, где она долждна была использовать свои прелесть.

Здесь Харакс из Митилена на Лесбосе, брат знаменитой поэтессы Сафо, выкупил ее и отпустил на свободу. С тех пор Родопис занималась своим ремеслом в Навкратисеа, в качестве свободной гетеры, зарабатывала много денег и послала в Дельфы драгоценный жертвенный подарок. Родопис, по указанию Геродота, которому мы обязаны всеми сведениями о ней (Кн. II, гл. 134), жила в Навкратисе в царствование Амазиса египетского (569–526 до н.э.). Именно тогда этот город сделался официальной греческой колонией. И можно считать вероятным, что она и положила начало блестящему ряду гетер, которыми впоследствии славился Навкратис. Из этой школы гетер вышла и Архедика, другая не менее знаменитая гетера древности.

Наряду с Навкратисом, старейшим и наиболее обширным рассадником гетеризма, должны считаться Милет и Коринф. В Милете обращали большое внимание не только на физико-техническую, но и на психологическую сторону половой утонченности.

Отсюда гетеризм распространился по всей Греции. Этот факт обыкновенно приводят в связи с именем Аспазии, уроженки Милета. Подруга Перикла, высокообразованная и очень красивая Аспазия, олицетворяла собой совершенный тип знатной гетеры, имя которой увековечено античной и современной поэзией. Она, в свою очередь, была ученицей милезийской гетеры Фаргелии, которая пользовалась своими связями со многими мужчинами для политических целей (Плутарх. «Перикл», гл.24).

В то время как государственные мужи и философы прославляли Аспазию за высокое философское образование и ораторское искусство, она известна еще и тем, что создала в Греции настоящую организацию гетер. Аспазия привозила красивых девушек, обучала в своем доме в Афинах всем искусствам гетер и наводнила ими всю Грецию. Ей приписывают также влияние и на некоторые политические события. Говорят, например, что она уговорила Перикла вести войну против Самоса. А пелопонесская война будто бы и началась-то из-за похищения двух проституток из ее борделя, как это рассказывает Аристофан в «Ахарнянах».

Число гетер было чрезвычайно велико. Ими пропитан весь культурный мир Греции, а во время империи и все ее провинции. Выдающиеся умом и красотой гетеры пользовались международной славой, которая предшествовала им во время их путешествий и побуждала мужчин приезжать к ним. К аттической гетере Гнафене, например, приехал любовник, привлеченный ее славой, даже из Геллеспонта. Отдельные черты из жизни и любви этих знатных проституток были известны всему миру.

Люди передавали друг другу их словечки и остроты, говорили об их благородных и неблагородных поступках, об их гонорах и связях с царями, государственными деятелями, ораторами, философами. Собрание всех этих сведений составляет знаменитая тринадцатая книга «Пира софистов» Атеней.

Период расцвета гетеризма, в лучшем смысле этого слова, безусловно, совпадает с эпохой эллинизма, в частности с IV и III веками до н.э. Невозможно отрицать ту роль, которую гетеризм играл в культурной жизни того времени. На это указывают хотя бы отношения гетер с художественными и литературными знаменитостями и вообще с выдающимися людьми своего времени. С другой стороны, мы должны, соответственно нашим теперешним понятиям, признать многих гетер простыми проститутками, отличавшимися от других разве только искусством утонченного разврата. В остальном же они были истинными проститутками. Греческие гетеры времен империи, описанные в «Беседах гетер» Лукиана, могут служить убедительным доказательством того, что гетеры того времени были так же далеки от эллинского идеала, как небо от земли.

В Риме греческий гетеризм проложил себе дорогу также в эллинскую эпоху. Описание «Науки любви» Овидия относится только к выдающимся римским гетерам, принадлежащим почти исключительно к сословию вольноотпущенных или же к подкидышам и приезжим иностранкам. Они не отдавались всякому, имевшему возможность заплатить. Напротив, они часто бывали очень разборчивы и желали, чтобы их расположения добивались проявлением внимания, тонким обращением и подарками, как это описывает Овидий.

Римский гетеризм первоначально исходил, скорее всего, из театральных кругов. Одним из наиболее ранних его покровителей называют знаменитого Суллу (138–78 до н.э.), человека с прекрасным греческим образованием. Чрезмерно увлеченный сексуальными наслаждениями, он поддерживал любовные связи с мужчинами и женщинами из театра и лучше всего чувствовал себя в обществе актрис и музыкантов. С ними он кутил, растрчивая неимоверные суммы. Очевидно, состояние его истаяло, поскольку богатая гетера *Никополис*, его метресса, назначила *Суллу* своим наследником.

Кульминационным пунктом того рода гетеризма, который воспели *Овидий*, *Гораций* и *Тибулл* (ок.50–19 до н.э.), можно считать эпоху Августа.

Своеобразное явление, не имевшее в Греции ничего подобного, представляла проституция замужних женщин, даже из высших сословий. Такие случаи бывали и в более старые времена, но в эпоху Августа они стали настолько часты, что *Гораций* изображает их как нечто типичное:

*Но на глазах у всех, при муже, наконец,
Она встает, спеша на оклик отозваться,
Коль с корабля пришел испанского купец,
Который о цене не станет торговаться.*
(Пер.А.Фета)

То же у Ювенала:

*Если сам муж забирает добро любоддея —
коль права
Нету жены получить, — смотреть в потолок уж
привычный
И привычный за чашей храпеть не дремлющим носом...
Кто может спать, коль сноху подкупают иной
соблазнитель,
Гнусные браки свершаются и любоддействует мальчик...*
(Пер.А.Фета)

Мы приведем только два наиболее известных примера проституции замужних женщин высшего сословия. Во-первых, это сладострастная *Клодия*, супруга *Метелла Целера*. Каждый день она меняла своих любовников, а под конец просто стала вести образ жизни проститутки. Она получила прозвище «Грошовая», потому что однажды любовник сунул ей в руку вместо серебряной монеты квадранс, мелкую медную римскую монету.

Эта *Клодия*, как говорят, тождественна с красивой замужней женщиной, которую страстно любил поэт *Катулл* и воспел под именем *Лесбии*, изобразив, вместе с тем, как вампира в образе женщины и ненасытную проститутку.

Достойную пару *Клодии-Лесбии* представляет царственная проститутка, давшая имя всему роду — *Валерия Мессалина*, супруга царя *Клавдия* (10 до н.э. — 54 н.э., император с 41 г. по н.э.). Это прототип прирожденной проститутки, по отношению к удовлетворению одновременно своей жадности к деньгам и самой развратной нимфомании. «Самая похотливая и самая развратная женщина», как выразился о ней *Кассий Дио*.

«Остальные животные, — говорит *Плиний Старший* (ок. 24–79), — имеют чувство меры в совокуплении, человек же — почти никакого. Мессалина, супруга царя Клавдия, которая победу в этой сфере считала величественно-царской, вступила в состязание с самой известной в то время продажной проституткой и превзошла ее, так как в течение 24 часов имела 25 сношений».

Кассий Дио и Аврелий Виктор (IV в.) сообщают, что в особой комнате при дворце, «комнате для наслаждений», Мессалина продавалась сама и продавала других знатных женщин, даже в присутствии их мужей. Постепенно она пришла в состояние дионисьевого опьянения, которое со свойственной ему чудесной манерой описывает Тацит (ок.58 — ок.117): «Мессалина между тем пировала, более развратная в своей роскоши, чем когда-либо. Так как была уже поздняя осень, в доме подражали сбору винограда. Тиски выжимали, чаны текли, а подле них, опоясанные шкурами, плясали женщины, точно приносящие жертвы, или бешеные вакханки. Она сама с развевающимися волосами, размахивая жезлом Вакха, и рядом с ней Силий, в венках, расхаживали на котурнах, откинув назад головы, а вокруг них раздавался веселый хор».

В тесной связи с таким дионисьевским опьянением и самозабвением находилась также и развращенная проституция Мессалины. Она не гнушалась даже посещениями публичного дома, описанием которого мы обязаны Ювеналу:

Послушай, что Клавдий

*Претерпевал. Как почует супруга, что муж почивает,
То, дерзнув предпочесть палатинскому ложу рогожку,
И ночной башилык августейшая взявши блудница
Тотчас уходит, с собой одну лишь взявши служанку,
И под светлый парик волоса свои черные спрятав,
Входит она в вертеп, от тряпья устаревшего душный,
И в пустую отдельную клеть. Там она предстала,
В золоте грудь — нагишом, под именем ложным Лициски,
И казала твою, благородный Британик, утробу;
Тут поцелуями встреча входящих и требуя денег,
Навзничь лежала она и многих вкушала удары.
А когда уже дев своих распускал содержатель,
С грустью она уходила, но что могла, хоть последней
Клеть запирала, еще горя раздражением страсти
И утомясь от мужчин, уходила еще не насытясь;
С закопченным лицом в дыму нечистом лампы,
Грязь вносила она и запах вертепа в чертоги.
(Пер.А.Фета)*

В купленной в 1770 году Фридрихом Великим коллекции барона Филиппа фон Стоша имеется камея, на которой изображена ненасытная половая страсть Мессалины. На одной стороне изображена женщина, сидящая под деревом перед небольшим храмом с геммой Приапа. На другой стороне — улитка (символ похоти), окруженная семью мужскими членами, между

которыми расположена надпись «Invicta» (Непобедимая), указывающая на ненасытность коронованной проститутки. Вверху написано имя Мессал(ина), внизу — Клод(ия).

Кроме рассмотренных трех больших категорий античной проституции, остается еще рассмотреть последнюю, весьма обширную группу: детскую проституцию. Но более целесообразно рассмотреть ее в главе об античной торговле девочками и мальчиками, с которой она тесно связана.

ТОПОГРАФИЯ АНТИЧНОЙ ПРОСТИТУЦИИ

Интенсивная городская цивилизация древности создала вполне определенную топографию как оседлой, так и бродячей проституции, во многих отношениях сохранившую свои основные черты и по сей день и позволяющую, особенно в средние века, ясно проследить влияние древней эпохи.

Значительное число античных борделей расположено было на окраине города, у городской стены, часто даже за стеной города. В этих пустынных и отдаленных местах устраивались обычно низшие бордели.

Другая часть проституции, напротив, открыто населяла большие и людные центры, поблизости от которых всюду можно найти следы ее существования. Это равно относится как к оседлой, так и к бродячей проституции. Те части города, в которых находились главные магазины и проезжие улицы, места расположения больших увеселительных заведений или заведений для отдыха и гигиенических целей (променады, театры, цирки, бани, бега, гимназии) были одновременно и центрами проституции.

Соответственно своему священному происхождению, вначале часть проститутток бывала топографически связана с каким-нибудь храмом, большей частью Венеры или Исиды, как это хорошо видно в Афинах и Риме.

В то время как уличная проституция не стеснялась располагалась на главных улицах, бордели, как правило, находились в узких переулках, прилегающих к главным улицам. Дома стояли либо поодиночке, как, например, в Помпее, либо составляли целые бордельные улицы, как в Афинах, Самосе и Риме. Впрочем, там встречаются оба типа, благодаря чему соответственная часть города получила отпечаток бордельного квартала и даже прямо носит такое название.

Бродячие проститутки пользовались еще, кроме того, и такими местами, где можно было сейчас же совершить сношение. Это были мосты, своды, арки, углубления в скалах, городские стены, деревья и кусты, надмогильные памятники и всякие другие темные углы, в которых удобно было спрятаться.

В Афинах центрами проституции служили главным образом три места: Керамеикос*, пникс и рынок гавани в Пирее.

Наиболее старым кварталом проституции, вероятно, в связи с расположенным на его границе храмом Афродиты, должен считаться Керамеикос. Здесь был впоследствии и собственно бордельный квартал и любимое место пребывания уличных проституток.

Особенно же дурной славой — благодаря многочисленным проституткам, сидевшим у дверей, — пользовался квартал Скирон. Впоследствии в Керамеикосе наиболее оживленным местом сношений низших гетер и до известной степени биржей проституции была Агора**. Надписи на ее стенах и на столбах служили газетами и сообщали текущие новости о гетерах высокого или низкого ранга.

Наряду с Керамеикосом, укромным уголком, особенно для бродячих и мужских проституток, был пникс, старое место народных собраний, громадный, выстроенный против ареопага полукруг с лестницами, нишами, ступеньками и многочисленными потайными уголками и ходами. Там, внутри или подле пникса, были построены балаганы и временные помещения.

Порядок, введенный Солоном, коснулся главным образом квартала Пирея, где проституция и раньше достигла обширных размеров, благодаря сильно развитой здесь торговле и наплыву иностранцев. Солоновские государственные бордели были учреждены в Пирее. И центрами бродячей, бордельной и трактирной проституции стали здесь торговая гавань и рынок гавани.

Относительно топографии проституции в Риме мы гораздо более осведомлены, чем относительно Афин. Мы обладаем даже особым сочинением об этом. В первой части книги «Наука любви» Овидия систематически перечисляются и описываются все места, где собираются элегантные проститутки. В Риме также различают проституцию поблизости и вне городских стен от проституции внутригородской, которая топографически опять-таки разделяется по центрам торговой и религиозной жизни и жизни развлечений.

Настоящая загородная проституция принадлежала, вероятно, главным образом к бродячей (кладбищенские, уличные и полевые проститутки).

* Керамеикос — административный район, куда входила часть Афин и их окрестностей.

** Агора — так у древних греков называлось народное собрание, а также места, где оно происходило. Обычно это была торговая площадь.

Если мы обратимся к внутренней части города, то одним из старейших кварталов проституции была Этрусская улица, само название которой, надо думать, указывает на ее связь с проституцией.

Этруски издавна пользовались дурной славой за свое сладострастие и приверженность к продажной любви.

Бесспорно, главным центром бордельной проституции был в Риме квартал Субура, связывающий форум с восточной частью города, местность, переполненная, с одной стороны, торговыми, с другой — вообще всякого рода деловыми и предающимися безделью людьми.

При описании остальных мест, где ютилась проституция, мы придерживаемся описания Овидия. Согласно этому автору, местами сборных пунктов для бродячей проституции, а частью также для устройства борделей являлись:

Портики. Как места прогулок элегантных проститутток, поэт прежде всего называет портики, большие галереи с колоннами, садами и фонтанами. Всего чаще посещалась галерея Помпея, близ театра Помпея (на Марсовом поле), которая была связана с обширным тенистым парком. Катулл приходит на поиски своего друга Камерия в портик Помпея:

И в славных портиках Помпея

Мой друг, всех женщин вопрошал,

Что мне казались помилее:

«Вы скрыли, — к ним я пристаю, —

Камерия, дрянные девы».

(Пер. А.Фета)

На Марсовом поле расположены были также портик Октавия и портик Марцелла, между тем как посещаемый полусветом портик Ливия расположен был на Эсквилине. Наконец, Овидий называет еще одно место, где можно было найти гетер, — колоннады при храме Аполлона на Палатине.

Храм Исиды. Проститутки и сводницы часто посещали расположенный на Марсовом поле, к северу от цирка Фламиния, храм Исиды и пользовались им для разврата.

Форумы. Овидий указывает на Юлианский форум и на находившийся там храм Venus Genitrix как на место, которое особенно охотно, преимущественно по вечерам, посещали римские кокетки.

Театры. Целыми толпами устремлялись проститутки в различные театры. Здесь представлялся удобный случай как для кратких встреч с обыкновенными проститутками, так и для завязывания более продолжительных связей с элегантными гетерами.

Цирк, как указывает Овидий, также издавна был местом пребывания бродячих и оседлых проституток. Здесь им тем удобнее было заниматься своим промыслом, что женщины в цирке, в противоположность театрам, могли сидеть среди мужчин.

Среди античных борделей различаются две категории: обыкновенные публичные дома низшего разряда и дома свиданий, служившие также местом для встреч посторонних мужчин и женщин. Там были отдельные комнаты, которые отдавались по часам и поденно.

Многие проститутки, особенно гетеры, жили в наемных квартирах, которыми пользовались как домами для свиданий.

Что касается устройства античных борделей, то более подробные сведения мы имеем только о римских домах терпимости. Были они довольно примитивны. Их грязь, узкие, маленькие и темные помещения с чувством брезгливости упоминаются многими авторами. Были, однако, и дома получше или более элегантные комнаты в обыкновенных борделях.

Лупанарий*, открытый в 1862 году, после раскопок в Помпее, расположен был в центре города, в седьмом округе, между форумом и стабианскими термами. Лупанарий состоит из партера и первого этажа. В партере находятся пять окружающих вестибюль узких комнат, площадью в два квадратных метра каждая, с вделанной в стену кроватью, с рисунками и надписями, содержание которых не оставляет никакого сомнения, что речь идет о публичном доме.

Против входа — отхожее место, а в вестибюле перегородка для привратницы. В верхнем этаже находилось более элегантное помещение из салона и нескольких комнат, имевшее отдельный вход с лестницы, которая вела на улицу. Тут же тянулась наружная галерея, сообщающаяся с салоном и комнатами. Последние не имели даже окон — только дверь в коридор. Они были так темны, что даже днем приходилось зажигать огонь. Один бронзовый канделябр найден был в вестибюле.

Вследствие тесноты помещений внутри римских борделей было жарко и душно. В лишенных окон освещаемых одним только дымным фонарем кельях всегда стоял дурной запах.

Устройство каждой комнаты тоже было очень примитивно и часто состояло только из распростертого на полу покрывала, которое служило ложем, или из закрепленной в стене кровати с одеялом, сплетенным из тростника.

* От слова «lupa» — блудница.

Из сказанного следует, что в обыкновенных борделях проститутки и проституированные мальчики, вероятно, не жили постоянно, а только приходили на известное, установленное законом время. Каждая проститутка получала на ночь определенную комнатку, которая распознавалась по тому, что имя ее владелицы обозначалось на дверях, и притом не действительное имя, а прозвище, принятое ею при внесении в проституционные списки, или «титул». Другая надпись над дверью указывала, занята ли комната.

И только лучшие лупанарии и дома для сводничества, а также квартиры гетер могли служить проституткам и как постоянное место жительства.

Естественно, что античный бордель был излюбленным местом для помещения неприличных эротических надписей и картин, которые полны были намеков на вращающихся там людей и на совершаемые там акты. В помпеянском борделе сохранилось не менее 136 таких надписей. Содержание их большей частью относится к различным видам и особенностям половых отношений между названными по имени мужчинами и проститутками, к гомосексуальным сношениям, к гонорару и личным обстоятельствам жизни проститутки.

Время посещения борделей начиналось только в 3 часа пополудни, в 9 часу по римскому времени.

В древности сутки делились на день, начинавшийся около 6 часов утра, и ночь, начинавшуюся около 6 вечера.

Ограничение времени посещения борделей устанавливалось законом, чтобы мужская молодежь не пренебрегала гимнастикой и не начинала, уже с утра ходить в злачные места. Главным временем для посещения борделя был вечер. Причем «работа» этих учреждений продолжалась до самого утра.

Из остальных домов для проституции ближе всего к обыкновенному дому терпимости стояли бордели при домах для приезжающих. Очень часто они были связаны с рестораном или увеселительным кабачком. Во время *Аристофана* («Лягушки») они помещались в верхних этажах гостиниц, где проститутки отдавались на рогажках.

Другой специальной формой этих заведений во времена империй были дворцовые бордели различных императоров, изобретательницей которых должна считаться *Мессалина*. Такие дома для проститутки и проституированных мальчиков учреждали *Коммод* (161–192, император с 180) и *Гелиогабал* (204–222, император с 218).

ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗ ЖИЗНИ АНТИЧНОЙ ПРОСТИТУТКИ

Происхождение учения Ломброзо о «прирожденной» проститутке понятно, если мы вспомним положение, изложенное во второй главе, о примитивных корнях проституции. Повсеместная тождественность этих корней легко объясняет известные типичные черты проституток и повторяющиеся всюду изменения их психики. Отсюда легко могло развиться представление о врожденном характере проститутки.

В древности он представлял, однако, довольно редкое явление. При этом общее допущение наследственного характера антисоциальных качеств у античных проституток невозможно уже по той простой причине, что масса проституток рекрутировалась из сословия рабов по принуждению. Лишь там, где причинную роль играли пауперизм и нищета и где наследственный фактор проявлялся как целый ряд поколений проституток, мы обнаруживаем явления, которые можно отнести к характеру природной проститутки. Но и там можно видеть, что постоянный тип проститутки складывается под влиянием ремесла, что личность проститутки есть результат, а не причина ее ремесла.

Античная проститутка сознает себя объектом наслаждения, чувствует и поступает соответственно этому сознанию. Подобно этому Таис у Менандра воплощает в жизни принцип проституток: никого не любить, но всем лицемерно изображать любовь, всегда имея в виду по возможности больший барыш и тончайшую эксплуатацию клиента. Этот не знающий времени тип проститутки изображен многими древними поэтами, особенно авторами аттической и римской комедии.

Все детали личности и образа жизни, установленные Ломброзо как характерные для современной проститутки, имеются и у проститутки древности: корыстолюбие, набожность, обжорство, пьянство, лживость, ревность, зависть, суеверность, нахальство, бесстыдство и страсть к нарядам. Известное соответствие существует и в нравах, в обычаях и жизненной судьбе их.

1. Внешний вид (походка, косметика, одежда, украшения)

Уже издали можно узнать проститутку по ее соблазнительной походке, о которой Овидий говорит:

*Женская поступь — немалая доля всей прелести женской,
Женскую поступью нас можно привлечь и спугнуть.
Вот выступает одна, развеваются складки туники,
Важно заносит ступню, ловким бедром шевелит...
(Наука любви. Кн. III. Пер. М. Гаспарова)*

Привилегией проституток считалось у древних украшение или подчеркивание известных физических прелестей своего тела, то есть косметика. Только благодаря ей искусственно приукрашенные женщины могли надеяться привлечь к себе внимание мужчин.

В древности мы впервые встречаемся с тем, что ежегодная «мода» определялась проститутками и лишь затем завоевывала себе почву в мире приличных женщин. В более значительных заведениях для гетер непрерывно изобретали новые моды и косметические средства.

Что касается деталей косметики тела, то *Овидий* подчеркивает важное значение для гетер ухода за полостью рта, в частности за зубами. Для этой цели существовали полоскания, пастилки для жевания, средства для чистки зубов. В некоторых местах для этого употребляли даже... собственную мочу. О ношении фальшивых зубов свидетельствует *Марциал*.

Украшение волос модницами древности до сих пор осталось образцом для мира проституток, переходя в наследство от одного поколения к другому. Дело касается, главным образом, окраски волос, причесок и удаления волос на известных частях тела. Все относящиеся сюда косметические процедуры проституток можно проследить до V века до н.э. Цветом волос проституток с древних времен является белокурый. Стареющие проститутки красили седые волосы в черный цвет.

Различия причесок описаны у Овидия:

Следи за прической —

Здесь ведь решает одно прикосновенье руки! —

И не забудь, что не все и не всех одинаково красит:

Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя, проверь.

К длинным лицам идет пробор, проложенный ровно:

У Лаодамии так волос лежал без прикрас.

Волосы в малом пучке надо лбом и открытые уши —

Эта прическа под стать круглому будет лицу.

Можно на оба плеча раскинуть далекие кудри,

Как их раскидывал Феб, лиру певучую взяв;

Можно связать их узлом на затылке, как дева Диана,

Что, подпоясав хитон, гонит лесное зверье;

Этой к лицу высокий начес, чем пышнее, тем лучше,

Та — волосок к волоску пряди уложит плотней;

Этой будет хорош черепаховый гребень Киллены,

Той — широкий поток вольных волнистых волос.

Но как нельзя на ветвистом дубу желудей перечислить,

Пчел на Гиблейских лугах, зверя в Альпийских горах,

Так нельзя перечесть, какие бывают прически —

С каждым новым мы днем новые видим вокруг!

(Наука любви. Кн. III. Пер. М. Гаспарова)

Проститутки со скудными волосами или с полной лысиной исправляли свой недостаток фальшивыми волосами и париками. В Риме существовали, например, специальные места для продажи фальшивых волос вблизи храма Геркулеса, в портике Филиппи, где обычно прогуливались дамы полусвета. По приведенным выше причинам, светлым волосам, привезенным из Германии или взятым у германских пленных, отдавали предпочтение.

Своеобразный обычай представляло освобождение от волос известных частей тела. У проституток это касалось прежде всего половых органов и лобка. Обычай этот, вероятно, восточного происхождения, так как он и теперь еще распространен среди проституток в Индии, Египте и Персии. Для искусственного уничтожения волос и необходимых для этого средств греки и римляне имели богатую терминологию. Средства, которые употребляли проститутки и женоподобные мужчины, представляли собой горячие смолы или смоляные пластыри. Волосы вырывали также особыми щипчиками. Такие «гладкие, как дети» проститутки (Аристофан, «Лягушки») были особенно любимы, как это показывают многие места из *Аристофана* и *Марциала*.

К косметическим приемам гетер принадлежало также искусственное соединение бровей, подмалевывание глаз различными черными и желтыми красками, обычай наклеивать мушки для красоты...

С давних пор роскошные наряды и пестрый костюм считались у древних подобающими исключительно для проституток, между тем как для приличной женщины подходящим считалось простое белое платье без бросающихся в глаза украшений. Уже в VII веке до н.э. закон *Селевка* признавал, что только проститутки могут носить золотые украшения и опушенные мехом платья. Аналогичные законы существовали в Сиракузах и, вероятно, также в Афинах, где, согласно законодательству *Солона*, только проститутки могли носить платья в цветах. И хотя греческие женщины вскоре перестали исполнять эти законы, тем не менее бросающаяся в глаза роскошь и ношение пестрых платьев все же остались приметой, по которой узнавали проституток.

Необходимой принадлежностью туалета лучших проституток были также шейные золотые цепи, которые иногда состояли из золотых монет, или ожерелья из драгоценных камней, например, смарагдов. Особенно ценились тяжелые ионийские цепи. Остальные украшения составляли: цветные ленты для груди; пояса, часто пестрые и снабженные золотыми надписями; употребительные в летнюю жару веера; серьги и вуали, которые привозили из Тарента.

2. Личные качества и наклонности

Из того, что мы сообщаем о личных качествах проституток, следует, что большинство из них, как и в настоящее время, стояли на очень низкой ступени образования и занимали очень низкое общественное положение. Именно в связи с неблагоприятным влиянием профессии, брали перевес низменные, антисоциальные черты характера.

Уже в древности вошли в поговорку лживость и лицемерие проституток. Проститутка должна лицемерить, показывая любовь своему случайному посетителю, чтобы сильнее возбудить его страсть и добиться большего гонорара. Несмотря на половое безразличие и нечувствительность, она должна соответствующими движениями и вздохами изображать либидо и оргазм.

Другая характерная черта, подчеркиваемая у античной проститутки, — нахальство и дерзость, проявлявшиеся, с одной стороны, в безобидной форме меткого остроумия, а с другой — приводившая к грубым, агрессивным действиям. Излюбленным приемом было, к примеру, забрасывание яблоками.

С нахальством тесно связаны бесстыдство и наклонность к пошлостям, которыми отличались не только обыкновенные проститутки, но и гетеры.

Хотя среди античных проституток, аналогично современным условиям, и нельзя отрицать известного корпоративного духа, они отнюдь не были свободны от зависти и ревности.

Как о весьма обыкновенной черте проституток, античные авторы упоминают об их наклонности к вину. В профессиональных учреждениях, в борделях и домах гетер, о которых уже была речь выше, проститутки принимали очень ревностное участие в попойках.

Жадность и страсть проституток к деньгам, составляющие смысл их профессии, будут нами рассмотрены ниже, в главе об экономической стороне античной проституции.

У проституток древности, как и у современных, находит себе подтверждение тот факт, что проститутка обладает наивным благочестием, которое она удивительным образом умеет согласовывать со своей профессией. Подобно тому, как в католических странах современная проститутка часто имеет в своей комнате и свято чтит изображение мадонны, так проститутка древности с особым чувством относилась к Афродите или Венере. В афродизиях и других религиозных празднествах проститутки принимали непременно участие. Они клали обыкновенно у ног статуи Венеры денежную монету как жертвенный подарок, или же приносили в жертву Венере и Купидону венки, букеты

цветов и мази. Богатые гетеры выделяли из своего заработка дорогие подарки или даже дарили храмам ценные статуи Венеры.

С благочестием тесно связано суеверие античных проституток, вера в приворотные эликсиры, в искусство ведьм и в любовные чары.

В связи с этим предрассудком находится и тот факт, что сводницы и проститутки занимались шарлатанским лечением половых болезней. Плиний Старший вполне определенно говорит, что не только акушерки, но и проститутки применяли средства для изгнания плода и «недозволенные лечения» менструальной кровью, лечили горящими женскими волосами при маточных страданиях.

Что касается употребления abortивных средств и отношения проституток к своим детям, то проституция уже и в древности считалась прототипом бесплодия, не столько вследствие мертворождений, сколько из-за предупреждения зачатия искусственными средствами. Некоторые проститутки, даже очень занятые, имели, однако, по несколько человек детей, как, например, Неэра, которая родила двух сыновей и дочь.

3. Жизненная судьба проституток

В древности мы впервые встречаем типичную жизненную судьбу проститутки со всеми ее перипетиями и скачками, сменой падений и подъемов, и, в конце концов, снова падения.

Обыкновенно проститутка — большей частью рабыня — уже очень рано вынуждена была начинать заниматься своей профессией, и потому детская проституция в древности гораздо обширнее, чем теперь.

С другой стороны, известны также примеры, когда женщина очень поздно становилась профессиональной проституткой. Например, — вдовы, которые не могли прокормить себя одними трудами рук своих.

Многие женщины, с детства предназначенные к профессии гетер, занимались ею в течение 20, 30, 40, и даже 50 или 60 лет. Такие ветеранки проституции упоминаются нередко.

Бывало иногда также, что проститутка бросала в конце концов свою профессию и выходила замуж. Иногда вступление в брак совершалось лишь после того, как рождался незаконный ребенок.

Страстные любовники, противившиеся, однако, браку с проституткой, доказывали ей свою любовь тем, что выкупали проститутку — обыкновенно рабыню — на свободу. Последнее случалось иногда, впрочем, и по другим мотивам, а именно, когда любовники хотели жениться и им неприятно было, чтобы их

прежняя любовница оставалась на прежнем месте, занимаясь своей профессией. Так было, например, с Неэрой, которая, после выкупа ее на свободу несколькими любовниками, из Коринфа, где она занималась проституцией, переехала в Афины.

КЛИЕНТУРА ПРОСТИТУТОК

Круг посетителей древних проституток был чрезвычайно велик, так как обнимал не только относительно более состоятельные классы общества, составляющие главный контингент клиентов проституток в настоящее время. При небольших гонорарах низших проституток они были доступны также рабочим и рабам. И в древности у проституток были свои постоянные посетители, свои бордельные «завсегдатаи», свое хозяйство, своя «порнократия» и, кроме того, даже еще нечто, чего наше время не знает, — бордельные абонементы. Выше мы уже подробно рассмотрели причины всеобщего распространения и спроса на проституцию. Здесь же мы только сделаем краткий обзор характера и состава античной клиентуры проституции, включавшей знатных и простолюдинов, старых и молодых, красивых и безобразных, богатых и бедных, военных и штатских.

Здесь представлены все сословия, от короля до раба. Главную роль, однако, играют военные и купцы, как это видно из аттической и римской комедии.

По-видимому, известные проститутки пользовались предпочтением со стороны тех или иных сословий, или категорий населения. Для завсегдатаев борделя существовали входные билеты и абонементные марки. Несколько таких марок из терракота и кости были найдены в лупанариях Помпеи.

Посещение борделя обычно не сопровождалось такими церемониями, как посещение дома высшей проститутки, которую всегда нужно было извещать о визите предварительно, иначе посетитель находил двери запертыми. Последнее случалось очень часто у гетер и галантных дам и давало повод к ожесточенным жалобам оставшихся за дверьми почитателей.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АНТИЧНОЙ ПРОСТИТУЦИИ

Уже в древности проституция представляла поразительное сходство с современной по своим многочисленным экономическим отношениям, разнообразным видам прямого и косвенного дохода. Уже тогда на проституцию тратились колоссальные суммы и в жертву ее непроизводительным целям приносили значительную часть национального богатства.

В отношениях проституток с клиентами главную роль играют деньги или вознаграждение ценными подарками. Ловкое обирание мужчин является единственной целью и единственно разумной стороной в существовании гетеризма, между тем как в низших сферах проституции и в обыкновенных борделях гонорар был довольно незначителен.

В искусстве обирания гетеры несомненно превосходили низших проституток. Они прибегали к всевозможному притворству, то нежно и осторожно, то безжалостно и грубо добываясь своей цели, стараясь выжать из любовника как можно больше денег и драгоценностей и по возможности эксплуатировать его. Для поэтов и комедиографов это было неистощимым источником для сатиры, острот и иронических жалоб.

Комедии и любовные произведения полны примеров эксплуатации и обирания проститутками своих несчастных любовников, счастье которых кончалось с последней копейкой и которым часто приходилось в таком случае выслушивать насмешки со стороны бессердечных, жадных кокоток.

Но, с другой стороны, бывали и такие случаи, что мужчины обманывали девушек, не уплачивая им гонорара.

Наряду с прямыми экономическими отношениями античной проституции, касающимися непосредственной связи проститутки с клиентами, ее косвенные отношения, то есть экономическая эксплуатация проституции лицами, имеющими к ней только косвенное отношение, были тем сложнее, что большая часть проституток принадлежала к рабскому сословию и сама представляла предмет бессовестной эксплуатации, а многие свободные проститутки охотно пользовались той поддержкой, которую предлагало им чрезвычайно развитое бордельное и внебордельное сводничество.

Сводники и сводницы играли значительную роль в общественной жизни древних. Бордели и кабаки с женской прислугой находились под надзором мужчины-сводника. В лучших учреждениях во главе стояли большей частью женщины.

Наряду с бордельными сводниками, существовала еще целая армия сводников, которые занимались своей профессией главным образом в таких местах, как храмы, курорты, парикмахерские, лавочки для продажи мазей и т. д.

В роли сводниц выступали также родственники, чаще всего матери. Сводничеством жен, которых они отдавали внаймы чужестранцам, славились византийские мужчины.

Основа и организация античного сводничества покоилась на распространенной и весьма разветвленной торговле мальчиками и девушками, которую вели специальные торговцы проститутками. Несчастные объекты этой торговли именовались «товаром».

Рабыни или рабы, которые продавались и отдавались торговцами внаймы, были частью военнопленными, частью же это были люди, похищенные в детстве и воспитанные затем для целей проституции. Так часто бывало с брошенными детьми. Таким образом, античная торговля девушками не испытывала недостатка в «товаре» и достигла обширных размеров, простираясь на все части греко-римской империи, далеко вглубь Азии и Африки. Что профессия эта вознаграждается более чем достаточно, показывает объяснение некоего Семпрония Никократа в сочиненной им самим надписи на его могиле: он говорит, что оставил занятия художника, чтобы сделаться торговцем красивыми женщинами.

Место продажи девушек и мальчиков, предназначенных для проституции, находилось в центре обращения города — на рынке. Они позорно выставлялись здесь в грязных, уже издали видных лавчонках, где и продавались. Предназначенные для продажи рабы и рабыни выставлялись публично совершенно голыми на вращающейся подставке или на каменной плите, и их можно было без стеснения осматривать и ощупывать с головы до пят. Что при этом осмотре принимались во внимание не только эстетические, но и гигиенические соображения, мы еще увидим ниже, в главе о гигиене античной проституции.

Торговля проституированными мужчинами и женщинами производилась в двух формах. Речь шла либо об окончательной продаже, либо только об отдаче внаймы или аренде на более или менее продолжительное время.

Так как в большинстве случаев речь шла о рабынях, то покупка и продажа проститутток производились с соблюдением юридических форм, согласно законному договору о продаже.

Сводники и хозяева проститутток предпочтительно практиковали продажу их на время, потому что временная отдача проститутки была им, конечно, выгоднее продажи навсегда, тем более, что богатые люди часто платили за «прокат» столько же, сколько и за покупку проститутки.

Нужно, однако, подчеркнуть одну особенность античного договора о найме проститутки: ее могли нанять одновременно двое или даже несколько мужчин, которые затем взаимно ограничивали свои права и обязанности. В настоящее время это кажется очень странным, но объясняется, вероятно, античным взглядом на рабыню как на «вещь» или «товар». Если в споре из-

за какой-нибудь проститутки заинтересованные стороны не могли прийти ни к какому соглашению, то разделение притязаний отдельных любовников могло быть решено формальным третейским судом. Он состоял из трех лиц: двух представителей от обеих сторон и одного беспартийного, общего судьи.

В споре между Стефаном и Фринио за владение Неэрой третейский суд вынес решение, чтобы каждый из них оставлял ее у себя равное число дней в течение месяца, если они сами не придут к какому-нибудь другому соглашению; чтобы Неэра поочередно, день за днем, переходила от одного к другому, причем содержать ее должен тот, у кого она в данный момент находится. В другом случае, по делу проститутки *Фано* (дочери *Неэры*), третейский суд решил, чтобы *Стефан* предоставлял *Фано Эпаинету* каждый раз, когда тот бывает в Афинах, если только он пожелает иметь ее у себя.

Экономическая реализация купленных или похищенных девушек, преднезначенных для проституции, начиналась уже очень рано, что связано, конечно, с более ранним созреванием девушек в южноевропейских странах. Поэтому в древности существовала обширная детская проституция. Рабынь с раннего детства обучали всем искусствам гетер, среди которых главное место занимают музыка, танцы и косметика. В древности производилась также торговля целомудренными девушками, цена которых была выше, чем уже дефлорированных.

В попытках ограничить и даже искоренить торговлю рабами для половых наслаждений не было недостатка в древности, но они не имели прочного успеха. В особенности мы должны указать здесь на предписание императора *Адриана*, которым запрещалась продажа рабов и рабынь профессиональным работникам, если право их на такую торговлю не было доказано.

Наконец, мы должны еще коснуться косвенной экономической эксплуатации проституции, которая в древности, несомненно, существовала в неменьшем объеме, чем теперь, если принять во внимание большое сходство жилищных условий. И тогда было много так называемых «порядочных» людей с весом и известным общественным положением, которые не гнушались отдавать внаем отдельные комнаты или даже целые дома для разврата сводникам или проституткам, чтобы получить большие барыши. Они обращались к посредничеству рабов или вольноотпущенников, чтобы окружающие могли думать, будто они не имеют ничего общего с этим делом.

Об отдаче комнат проституткам поженно свидетельствует интересный документ папируса II или III столетия н.э., согласно которому два компаньона-арендатора отдают внаем публичной женщине *Тинабделле* принадлежащую им квартиру по определенным дням для занятия своим ремеслом.

В заключение скажем о сутенерстве, в существовании которого невозможно сомневаться, хотя мы и не знаем ничего о степени его развития.

Известный из речи *Демосфена* (ок.384–322 до н.э.) против *Неэры* ее супруг *Стефан* может быть назван сутенером.

Дело в том, что *Неэра* и после замужества продолжала заниматься ремеслом проститутки, но теперь могла требовать большее вознаграждение, ссылаясь на то, что, как замужняя женщина, подвергается большей опасности, если ее поймут на месте прелюбодеяния. Кроме того, *Стефан* вымогал у ее богатых любовников деньги, угрожая им жалобой на прелюбодеяние, или держал их в тюрьме до тех пор, пока они не уплачивали ему значительного выкупа. Он пользовался с той же целью и дочерью *Неэры*, вымогая у ее клиентов большие суммы.

СВЯЗ ПРОСТИТУЦИИ С ПОЛОВЫМИ ИЗВРАЩЕНИЯМИ. ПОЛОВАЯ ПСИХОПАТИЯ В ДРЕВНОСТИ

Мы рассматриваем в этой главе разновидности и извращения половых сношений только в их связи с проституцией, чтобы доказать, что в древности, совершенно так же, как и теперь, она играла роль благоприятствующего в этом отношении фактора и что половые извращения тогда уже особенно охотно практиковались в борделях. Но, рассматривая античную «половую психопатию», нужно иметь в виду, что вся вообще половая жизнь была тогда более публична, чем теперь, и что наивность разврата того времени, зависевшая от меньшей степени разделения «плотского» и «духовного» элемента, не позволяет подвести его под современное понятие «порока», «греха».

К бурным вспышкам элементарной чувственности относились в древности гораздо мягче, чем к слишком глубокому любовному переживанию, влияние которого на деятельность человека и его достоинство считалось гораздо более опасным, чем один только физический разврат. Без такого мирозерцания, диаметрально противоположного нашему, немислимо и необъяснимо было бы проникновение полового элемента во все сферы жизни древнего мира.

Относительно числа и изощренности различных видов половых сношений древний мир ни в чем не уступал новому времени или даже, быть может, превосходил его. Это видно уже из чрезвычайно обширного и до мелочей дифференцированного

эротического словаря греческого и латинского языков, послужившего основанием для всех эротических словарей современных культурных языков. И в этом также мы только подражатели и последователи древних.

Так, уже у греков было около 70 различных выражений для коитуса и различных положений и манипуляций при этом, которые варьировались соответственно эротическим темпераментам и наклонностям.

Связь этих вариаций половых сношений с проституцией очевидна из того факта, что их «изобретение» или привычное применение приписывалось большей частью известным гетерам и бордельным проституткам и что в этом искусстве видели обыкновенно различие между проституткой и честной женщиной.

Различные книги о фигурах Венеры и о любовном искусстве, снабженные соответствующими рисунками, написала гетера *Элефантис*. Другая гетера, *Кирена*, приобрела в древности большую известность как изобретательница способа совершать коитус в 12 различных фигурах. На одну из этих фигур намекает, по-видимому, *Аристофан* в «Лисистрате», где он говорит о так называемой «львице».

Овидий подтверждает в «Науке любви», что более зрелые гетеры его времени обладали большим опытом в любовной технике, и именно в этом видит особую привлекательность дам полусвета, так что советует менее опытным галантным дамам усвоить себе различные фигуры Венеры и дает на этот счет подробные предписания:

*Женщины, знайте себя! И не всякая поза годится —
Позу сумеите найти телосложенью под стать.
Та, что лицом хороша, ложись, раскинувшись навзничь;
Та, что красива спиной, спину подставь напоказ.
Миланионовых плеч Аталанта касалась ногами —
Вы, чьи ноги стройны, можете брать с них пример.
Всадницей быть — невеличке к лицу, а рослой — нисколько:
Гектор не был конем для Андромахи своей.
Если приятно для глаз очертание плавного бока —
Встань на колени в постель и запрокинься лицом.
Если мальчишески бедра легки и грудь безупречна —
Ляг на постель поперек, друга поставь над собой,
Кудри разбрось вокруг головы, как филлейская мать,
Вскинься, стыд позабудь, дай им упасть налицо.
Если легли у тебя на живот морщины Луцины —
Бейся, как парфский стрелок, вспять обращая коня.
Тысяча есть у Венеры забав; но легче и проще,
Выгнувшись, полулежать телом на правом боку...
(Кн. III. Пер. М. Гаспарова)*

Что касается собственно половых извращений и аномалий, то они, несомненно, распространены были в древности не менее, чем теперь. Хотя половые извращения у греков и римлян, как и у всех других народов, нужно рассматривать прежде всего как всеобщие антропологические явления — то есть такие, которые встречаются повсюду и во все времена, независимо от культуры и вырождения, — но оригинальная античная культура играет в этом случае роль благоприятного, видоизменяющего и повышающего интенсивность фактора. Как мы уже упоминали, античная культура, пропитанная насквозь половым элементом (культ фаллоса, специфические половые божества, свободное проявление полового элемента в общественной жизни, литературе и искусстве), заключает в себе нечто безусловно своеобразное в организации ее социальных условий (крупные города, пауперизм, жилищная нищета и т. д.), но вместе с тем обнаруживает такие многочисленные аналогии с современной культурой, что может считаться ее предшественницей. Это относится и к влиянию половой жизни.

Высокоразвитая греко-римская культура давала возможность скрытым, дремлющим у большей части людей склонностям к половым aberrациям* выступать открыто и безмерно усиливала их. Апогея половой «испорченности», то есть связи половых наслаждений со «светским» образом жизни, достигло I столетие н.э. Временем величайшей испорченности и вырождения были 30–68 годы, господство *Калигулы* (12–41, император — с 37), *Мессалины* и *Нерона* (37–68, император с 54). Именно тогда отвращение к браку, заставившее уже *Августа* издать его знаменитое брачное законодательство, мужская неврастения, женская истерия соединились вместе, чтобы привести к половому вырождению, достигшему своего полного развития в таком учреждении, как «комиссары сладострастия» римских императоров. Задача их заключалась в том, чтобы изобретать новые виды сладострастия, причем в своих императорах они находили теоретическую и практическую поддержку, так как *Тиберий* (42 до н.э. — 37 н.э., император с 14 н.э.), *Калигула* и *Нерон*, а впоследствии *Гелиогабал*, считаются изобретателями новых аппаратов для сладострастия и новых утонченных способов половых наслаждений.

Но очагом всех половых излишеств и извращений в древности, как и в настоящее время, была проституция, в частности бордель. Это можно доказать уже в V веке до н.э. Так, *Аристовфан* говорит во «Всадниках», что мазохисты, действия которых

* Абберация — отклонение от нормы.

он описывает очень ясно, могут находить неограниченное удовлетворение своей похоти в борделях. А в позднейшее время помпейские стенные надписи дают многочисленные свидетельства того, что удовлетворения извращенных половых чувств прежде всего искали и находили в борделях. Известных в этом отношении проституток прямо рекомендовали друг другу, например, *Фортуна*. Таким образом, публичный дом и в древности был высшей школой рафинированного полового наслаждения и извращения.

В древности также существовал свой бордельный жаргон. Подобно тому, как в настоящее время можно услышать в борделе такие выражения, как «французские» или «флорентийские» половые сношения, под чем нужно разуместь известные половые извращения, у древних существовали понятия о лесбийской любви, о финикийской, карийской, ионийской, лаконической, критской любви, о сифнических половых сношениях и т. п.

Связь половых извращений с проституцией очевидна и из того, что различные виды их называли по именам гетер, которые больше всего их практиковали.

В то время считалось общепризнанным, что проститутки существуют главным образом для удовлетворения всех необычных похотей, как это открыто высказывает *Демосфен*, когда определяет сущность проститутки в том смысле, что она отдается за деньги всем для всякого рода половых наслаждений, сообразуясь с размером уплаченной суммы.

Что касается видов ненормальной половой деятельности, то можно сказать, что все известные в настоящее время формы половых извращений и половой психопатии существовали и пользовались большой известностью уже в древности. По крайней мере, так надо думать ввиду частого упоминания о них различных авторов. К тому же, мы ведь заимствовали у древних всю относящуюся сюда современную научную терминологию. Таковы, например, манипуляции куннилингус*, фелляция и иррумация**, которые так же хорошо были известны различным древним проституткам, как и в настоящее время.

* Куннилингус — вызывание полового возбуждения у женщины воздействием на ее наружные половые органы губами и языком.

** Фелляция, иррумация — формы орального сексуального контакта, при котором половое возбуждение вызывается воздействием рта и языка на половой член партнера.

Названные манипуляции составляют частичное проявление копролагнии* и мазохизма, всеобщее распространение которых в борделях подчеркивает, как мы уже указывали, *Аристотфан* («Всадники», «Мир»). О мазохизме упоминают также *Катулл*, *Сенека* и *Гален***. Не подлежит сомнению, что бордели часто бывали ареной таких связанных с флагелляцией, садо-мазохистских сцен, как описывает, например, *Петроний* (? — 66 н.э.) в том месте, где *Энколпий*, с целью полового возбуждения, заставляет жрицу Приапа, *Энотею*, флагеллировать его жгучей крапивой и даже подвергает себя более изощренным, жестоким мучениям.

О типично садистских эксцессах *Тиберия*, *Калигулы*, *Нерона*, *Гелиогабала* и других сладострастных цезарей достаточно упомянуть мимоходом. Они коренятся, несомненно, в своей эпохе, когда подобные возбуждающие средства часто применялись при половых наслаждениях.

По-видимому, в древних борделях были известны и различные формы полового фетишизма***. Как велики были иной раз успехи проституток, спекулировавших на фетишистских инстинктах мужчин, показывает история египетской проститутки *Родопис*. Красивый, изящный башмак ее так очаровал царя *Псамметиха*, что он женился на ней. Не случайно башмак считался символом Диониса.

Относительно существования в древности *voelurs***** и их отношения к проституции мы также имеем несколько свидетельских показаний. Наиболее известно публичное выставление напоказ проститутки *Теодоры* во всевозможных развратных положениях и при половых актах.

Упоминаются и женщины-вуаеры, как *Квартилла* у *Петрония*, через дверную щель наблюдавшая половые сношения детей, и императрица *Мессалина*, которая в своем частном борделе присутствовала при сценах разврата.

Чрезвычайно велика связь гомосексуализма с проституцией. Мужская проституция играла в древности почти такую же роль, как женская, и мы рассмотрим ее в особой главе, здесь же остановимся только на лесбийской проституции, объем и значение которой были менее значительны.

* Копролагния — вид полового извращения, при котором удовлетворение достигается при вдыхании запаха или рассматривании экскрементов партнера.

** Гален (ок.130–200) — древнеримский врач.

*** Фетишизм — направленность полового влечения на предметы туалета или определенные части тела (ноги, волосы, грудь и т. д.).

**** Любители подсматривать эротические сцены (фр.)

Гомосексуализм женщин, безусловно, был знаком древним. Местами, в которых любовь между женщинами была особенно распространена, издавна считались Спарта и остров Лесбос. На Лесбосе всемирно знаменитой представительницей такой любви является поэтесса *Сафо*.

Как и теперь, триады в древности организованы были в тайные клубы, причем эти женские союзы находили себе поддержку в известных религиозных культах, например, в культе в честь андрогинической богини Мизе и в честь Деметры. В Афинах образовался даже настоящий «демос женщин», который во время празднеств Деметры выступал против демоса мужчин. Женские религиозные союзы существовали и в других местах. Сюда относятся, между прочим, и музыкальные школы Лесбоса. Во время празднеств в честь Деметры, которые устраивались в Афинах, между женщинами бывали случаи гомосексуальных отношений.

В Риме также уже рано упоминаются триады. Как велико было их число в Риме во времена империи, видно из общего замечания апостола о женщинах, которые превратили естественные отправления в неестественные, и из эпитета «*tribadum tribas*», с которым *Марциал* обращается к *Филенис*, типичной «женщине-мужчине», которая подобрав платье, играет в мяч, размахивает гирями, вся испачкана грязью в школе для борцов и пьет за столом несколько кружек вина. Ее необузданная страсть к женщинам ярко описана *Марциалом*. Другая триада с мужскими наклонностями — *Басса*.

Лукиан и *Ювенал* сообщают о распространении гомосексуальных наклонностей среди богатых и знатных женщин времен империи.

Главным образом, для этих знатных и способных платить три-бад и существовала лесбийская проституция. Сближение происходило либо во время купания, так как гетеры купались вместе с порядочными женщинами, либо триады устраивали вечерние пиршества, на которые приглашали проституток, предпочтительно аулетрид и гитаристок, которых щедро награждали за услуги.

Характер гомосексуальных сношений между женщинами выражался либо в подражании гетеросексуальным половым сношениям, либо в мастурбации, ручной или языком.

Триады пользовались при сношениях искусственными фаллосами, известными под названием *olisbos*. Их изобретение *Суйдас* приписывает милезийским женщинам.

Шестой мимиамбус греческого поэта *Геронда* (III в. до н.э.), озаглавленный «Две приятельницы, или Доверчивая беседа», касается главным образом изготовления и использования искусст-

венных фаллосов из кожи. Пользующиеся ими женщины образуют своего рода тайный союз, из которого исключены все, не принадлежащие к нему.

Различные изображения свидетельствуют о том, что эти искусственные фаллосы часто употреблялись в борделях и вообще проститутками: при мастурбации, если дело касалось трибад, или при известных зрелищах для клиентов, которые практикуются в борделях и в настоящее время.

Особую специальность времен империи представляло выполнение половых актов более чем двумя лицами — «цепями» и «группами».

В некоторых борделях и домах проституток были зеркальные комнаты. *Сенека Младший* упоминает о них и подробно рассказывает, как некий *Гостий Квадра* устраивал в таких комнатах оргии с проститутками и проституированными мальчиками.

МУЖСКАЯ ПРОСТИТУЦИЯ В ДРЕВНОСТИ

Во время, когда любовь к мальчикам выступала почти на равных правах с гетеросексуальной любовью и входила как интегрирующий элемент в общественную жизнь, мужская проституция должна была принять громадные размеры, равные или лишь в незначительной степени уступавшие проституции женской. Выше мы уже подробно рассмотрели значение античной любви к мальчикам и мужчинам, а также их первоначальную связь с религиозными культами. А потому здесь мы можем ограничиться только описанием мужской проституции у греков и римлян со всеми ее деталями. Термин «мужская проституция» мы разумеем здесь, конечно, в широком смысле слова, включая сюда не только собственно гомосексуальную, но и гетеросексуальную проституцию мужчин по отношению к женщинам, которая встречалась в древности довольно часто.

Главное место в нашем описании, естественно, займет *гомосексуальная мужская проституция*, которая, как сказано, выступала в таком же объеме и в таких же многочисленных и разнообразных формах, как и женская проституция. По своей дифференциации она, безусловно, является предшественницей и прообразом современной педерастической проституции.

И в этом случае также мы можем опереться на богатую гомосексуальную терминологию у греков и римлян. В словаре *Гезихия** имеется не меньше 74 выражений для педерастии и муж-

* Гезихий (конец IV в.) — александрийский грамматик, составитель большого греческого словаря.

ской проституции, которые дают интересные объяснения, касающиеся разнообразных гомосексуальных отношений и манипуляций.

Раннее существование в Греции мужской проституции легко доказывается давней традицией любви между мужчинами. Об этом говорится уже в законах *Селевка*. Этими законами мужчинам запрещается носить позолоченные кольца и одежды, наподобие милезийцев, уже тогда, очевидно, считавшихся изнеженными; исключение делается только для проституированных мужчин и прелюбодеев. Уже во времена *Солона* большое развитие мужской проституции и сводничества в Афинах потребовало специального законодательства, знакомством с которым мы обязаны *Эсхину**. Один из этих законов *Солона* он приводит дословно:

«Если отец, или брат, или дядя, или опекун, или вообще глава семьи отдаст кого-нибудь внаймы для разврата, то Солон не позволяет подать жалобу за разврат на мальчика, а на того, кто его отдал внаймы, и того, кто нанял его, он на обоих возложил равный штраф. А когда мальчик, отданный внаем для разврата, вырастет, он не обязан ни кормить своего отца, ни давать ему помещение; он только должен его похоронить после его смерти и исполнить остальные обряды».

Относительно взрослых афинян другой закон *Солона* определяет, что позволивший совершить над собой непотребство не может быть архонтом, занимать места жреца, выступать в качестве адвоката, а также навсегда лишается права занимать какую-нибудь государственную должность.

В Спарте, где педерастия также была старинным обычаем, проституция благодаря строгим законам не могла раньше развиваться. Зато она уже в VI веке достигла обширных размеров в ионийских городах, например, в Самосе, потому что находилась здесь под влиянием восточной любви к мальчикам, существенно отличной от греческой. Вообще, иностранцы доставляли большой контингент лиц для мужской проституции. Поэтому персидские войны и Пелопонесская война сильно способствовали развитию этой последней.

Начиная с V века до н.э., наряду с общим распространением педерастии, всюду появляется также гомосексуальная мужская проституция, которая соответственно преобладанию физического элемента в любви к мужчинам в эллинскую эпоху и во

* Эсхин (ок.390–314 до н.э.) — афинский оратор.

время империи, постепенно достигает таких размеров, что не уступает по своему значению гетеросексуальной женской проституции.

Мужская проституция неизбежно должна была развиваться с того момента, как исчез идеальный принцип собственно «любви к мальчикам», который привязывал мальчика к одному мужчине и облагораживал чувственный элемент педагогическими отношениями. Когда же индивидуальная связь между мужчиной и мальчиком исчезла и мальчик стал служить предметом сладострастия одновременно многим мужчинам, это дало основу для развития мужской проституции.

Вполне развитую мужскую проституцию Эсхин определяет как «добровольную отдачу себя многим за вознаграждение». Ксенофонт* дает аналогичное определение.

Как обширна была такого рода проституция уже в V веке, видно из произведений Аристофана, который очень наглядно описывает приставание уличных проституированных мальчишек к мужчинам «с сладкими нашептываниями», чтобы вступить с ними в связь.

В эллинскую эпоху произошла перемена во взглядах на идеал мужской красоты, и они стали особенно благоприятны для развития известной категории мужской проституции — кинедизма. В. Хельбиг так описывает всеобщую феминизацию мужчин:

«В Александровскую эпоху входит в моду брить лицо, и место бородатых греков занимает поколение с гладкими щеками, которое заботится о том, чтобы искусственно сохранить призрак юношеской нежности лица. Туалетное искусство, окрашивание волос в светлую краску, искусственное украшение волос, разрисовывание бровей, приготовление тонких косметических средств и мазей — все это культивируется с большой тщательностью. Не только женщины, но и мужчины стараются при помощи таких средств прийти на помощь природе... Таким образом, в массе греки того времени были изнежены и женственны».

От римлян гомосексуальная мужская любовь, а вслед за ней и мужская проституция, проникла как светский обычай в новозавоеванные провинции.

К концу империи мужская проституция получила особый оттенок благодаря введению восточного обычая — евнухов — который именно в это время играл достойную внимания роль в общественной жизни, несмотря на прежнее запрещение его *Доми-*

* Ксенофонт (ок. 430–355 до н.э.) — древнегреческий писатель и историк.

цианом (51–96, император с 81) и Александром Севером. Наибольшего влияния он достиг, как известно, в восточной части Римской империи.

От этого краткого наброска о ходе развития античной мужской проституции мы перейдем к более детальному рассмотрению ее главных особенностей.

Рекрутирование

Так как в древности проституирование свободных от рождения мужчин подвергалось строгим наказаниям, то главный контингент для мужской, как и для женской, проституции должны были доставлять рабы и военнопленные, а также чужестранцы.

Среди последних к старейшим представителям мужской проституции, несомненно, принадлежали так называемые кинеды, странствующие шуты, которые в публичных местах или близ винных лавок предавались развратным танцам под звуки песен.

Главная масса проституированных мужчин происходила из рабского сословия. Рабов готовили для этой цели уже с ранней юности, подобно тому, как это делалось и с рабынями, предназначенными для проституции. Многим удавалось впоследствии благодаря какому-нибудь любовнику выкупить себя на свободу и достигнуть высокого положения.

Ввоз иностранных рабов в Рим для разврата во время империи был поистине колоссальный. По выражению *Сенеки*, «их отделяли по национальности и цвету, чтобы у всех была одинаково гладкая кожа, равной длины первый пушок, одинакового качества волосы на голове, чтобы ни один, имеющий ровные волосы, не замешался среди курчавых». Намек этот указывает, что среди римских проституированных мальчиков было, вероятно, много негров. Особенной любовью пользовались проституированные мужчины из Египта. Они были известны своими едкими, циничными остротами и находчивостью.

Среди проституированных лиц мужского пола различаются две категории, высший и низший класс. К первому принадлежали прежде всего музыкально образованные проституированные мальчики, цитристы и лирники, танцоры, актеры и т. п.

Особую категорию мужской проституции представляли кастрированные жрецы Кибелы и сирийской богини, так называемые «галлы», поведение которых описали *Лукиан* в своем сочинении о сирийской богине и *Апулей* (ок.124 н.э. — ?) в «Метаморфозах».

Бичуемая уже *Аристофаном* проституция рожденных свободными мальчиков, даже из знатных фамилий, встречалась во времена империи довольно часто. *Петроний* подробно описывает способ соблазнения таких мальчиков старшими мужчинами, и из его описания видно, что даже сыновья знатных отцов продавали себя за подарки и что мальчики в школах взаимно поощряли друг друга к проституции, так что этих юношей уже незачем было развращать.

Наконец, мы должны упомянуть еще о последней категории проституированных мужчин, которая в древности, несомненно, была так же многочисленна, как и теперь, — о таких мужчинах, которые, не будучи сами гомосексуалистами по своим склонностям, занимались проституцией, как легким промыслом, добывая себе средства для роскошной и развратной жизни. Приобретенное развратом они потом обычно прокучивали с проститутками. Прототипом таких гетеросексуальных кинедов служит *Тимарх*, против которого направлена известная речь *Эсхина*. Он говорит:

«Что сказать о молодом человеке, который оставляет отчий дом, проводит ночи в чужих домах, отличаясь от других своим видом, участвует в дорогих ужинах, за которые он ничего не вносит, имеет флейтисток и самых дорогих проституток, играет в кости и ни за что сам не платит, а все за него платит другой? Разве это еще нужно объяснять? Разве не очевидно, что кто предъявляет к другим столько требований, неизбежно и сам должен доставлять известные удовольствия тем, которые тратят на него деньги! Клянусь Зевсом, я не знаю, как выразиться мягче о твоём презренном поведении... Он обнаружил такую похотливость к женам свободных мужей, как еще никогда никто другой... Он был избалован, что получил от Лейконида, шурина Филотадеса, через актера Филемона 20 мин, которые он в короткое время прожил с проституткой Филоксеной».

Места для мужской проституции

Место для «отлета» или «прогулки», проституированных мужчин находилось обыкновенно в древних городах там же, где и для проституток. Затем, для завязывания знакомства и сношений служили также места собраний мужчин: аптекарские лавочки, лавочки для мазей, парикмахерские, лавочки для игры в кости и других игр, меняльные лавочки, мастерские, бани, школы, гимназии и палестры, театры и храмы.

Для практики педерастической проституции выбирались большей частью уединенные, темные, глухие места. Поэтому в Афинах кинеды и их клиенты нередко посещали ночной порой

темные уголки Пникса, а в Риме для этой цели особенно охотно пользовались расположенными за городом дорожными перекрестками.

Далее, к услугам мужской проституции существовали собственные бордели. Мальчики стояли перед ними голыми и без стеснения позволяли осматривать себя.

Наконец, и женские бордели были доступны для простиитуированных мужчин и их клиентов как места для свиданий. Проститутки отдавали им внаймы свои кельи на известное время, обыкновенно за плату в один асс.

Организацию гомосексуальных мужчин в *тайные клубы*, которые, естественно, были в то же время местами для занятий мужской проституцией, можно проследить до V века до н.э. Уже в то время приверженцы фригийской богини Котитто, так называемые «бапты», устраивали гомосексуальные оргии самого развратного характера в тайных собраниях, на которые допускались одни только мужчины. Такие клубы педерастов существовали уже тогда в Коринфе и Афинах.

В Риме такие тайные клубы педерастов праздновали свои «мужские балы» в честь богини *Vona Dea*, причём мужчины одевались в женские костюмы и применяли все тайны туалетного искусства. Балы эти очень ярко описал Ювенал.

Клиентура мужской проституции

При всеобщем распространении в древности любви к мужчинам клиенты мужской проституции принадлежали ко всем слоям общества, начиная с самых высших и кончая рабами. Колоссальное распространение кинедизма во времена империи ничуть не зависело от того, что именно императоры первых двух столетий н.э., за немногим исключением, лично были клиентами мужской проституции и поощряли ее.

Так, *Август* держал для своих половых наслаждений мальчика *Сарментуса*, *Тибериус* устраивал на острове Капри оргии с мальчиками и кинедами, *Калигула* содержал целый ряд мальчиков и в конце концов устроил в своем дворце мужской бордель, доходы с которого брал себе.

Еще более прославился *Нерон*, который не только окружил себя простиитуированными мужчинами и даже с двумя из них, *Спором* и *Пифагором*, вступил в «брак», но созывал на свои оргии всех представителей проституции, как гетеросексуальной, так и гомосексуальной.

Преемник *Нерона*, *Гальба* (4 до н.э. — 68 н.э., император в 68), по всей видимости, был прирожденным гомосексуалистом, так как *Светоний* (ок.70 — ок.140) сообщает, что он в значительной степени отдавал предпочтение мужской любви перед женской и совершенно поддавался влиянию своих мужских метресс.

Вителлий (15–69, император в 69) в молодости сам был проституированным мальчиком *Тиберия* и продолжал развратный образ жизни, будучи императором, причем находился в полном подчинении у кинедов, с которыми был в связи.

Даже благородный *Тит* (39–81, император с 79) вначале был окружен множеством проституированных мальчиков и скопцов и устраивал развратные пирушки с ними, хотя впоследствии ограничил публичное проявление мужской проституции. *Траян* (53–117, император с 98) также был страстным любителем мальчиков и содержал при дворе многочисленных проституированных мужчин, ласки которых с ним делил его преемник *Адриан*. Последний был, вероятно, прирожденным гомосексуалистом.

Коммод, в молодости сам развратный мальчик, точно так же поддерживал постоянные сношения с мужской проституцией и имел гарем из 300 мальчиков. Он даже публично подражал привычкам кинедов: являлся, например, в женском костюме в театр, проституировал сам и не стыдился публично целовать своих любовников и сводить их. Число собранных в его дворце проституированных мужчин было так велико, что его преемник, *Пертинакс*, оказался вынужденным публично продать их.

Как мы уже упоминали, время царствования *Гелиогабала* было апогеем развития и публичного поощрения педерастической проституции. Об этом известно своей развращенностью императоре появились в последнее время две интересные, составленные по источникам монографии, одна немецкая и одна французская, которые посвящены, главным образом, удивительной половой жизни *Гелиогабала*. Вывод первой работы об этом императоре, который первоначально был жрецом сирийской богини и предавался мужской проституции по религиозным причинам, гласит следующее:

«Очевидно, что и Гелиогабал должен быть причислен к этой категории ненормальных существ. Он не был настоящим гермафродитом. Обладая вполне мужской организацией, он сделался патикусом* благодаря привычке и врожденной наклоннос-

* Патикус — пассивный гомосексуалист.

ти его природы... причем толкователю его душевного состояния предоставляется решить, вытекало ли его извращение больше из первой или из второй причины».

На основании всех имеющихся данных надо полагать, что и то, и другое — и привычка, и врожденная природная склонность — играли роль в гомосексуальных эксцессах *Геллиогабала*. Во всяком случае, мужская проституция праздновала при нем форменный триумф, признавалась в обществе в такой степени, как никогда ни раньше, ни позже, и наложила отпечаток на все его царствование.

Размеры, которых достигла гомосексуальная проституция при *Геллиогабале*, были так обширны, что его преемник, *Александр Север*, счел себя вынужденным прежде всего выступить со строгими мерами против института евнухов и проституированных мальчиков. Он значительно сократил их число, удалил их с почетных должностей, а многих велел вывезти или даже умертвить.

Из позднейших императоров лишь немногие выступали в роли покровителей мужской проституции. Некоторые старались даже ограничить ее, как *Аврелиан* (214 или 215–275, император с 270), запретивший мужчинам носить цветные башмаки, которые подобает носить только женщинам, или *Тацит*, который запретил им носить шелковые одежды. В исходе III столетия нужно назвать еще императора *Каринуса* как ревностного покровителя гомосексуальной проституции, и притом как в активной, так и в пассивной форме. Свой дворец он наполнил мимами, проститутками, пантомимами, певцами и сводниками. Один из проституированных мальчиков *Каринуса* имел право подписываться его именем.

Хотя христианские императоры отнюдь не покровительствовали более мужской проституции и неоднократно даже издавали против нее строгие законы, тем не менее в IV веке она была еще весьма обширна.

Гонорары

Ввиду равноценной роли, которую играла в древности мужская проституция, наряду с женской, надо полагать, что и экономические отношения обеих групп были одинаковы.

Эсхин говорит о *Меланопусе*, что «он продал свою юность за две тысячи драхм». Из этого, по-видимому, следует, что, как и у женских проститутток, за первое сношение платили особенно дорого. Затем, *Эсхин* упоминает, что *Тимарх* получил от актера *Филемона* 20 мин вознаграждения за разврат.

Во времена империи цены на рабов для разврата и вообще на проституированных мужчин достигли невероятной высоты. *Плиний* приводит тому несколько примеров и говорит, между прочим: «Поистине за сладострастие, а не за красоту было заплачено, когда *Луториус Прискус* купил *Пециона*, одного из обрезанцев *Сеяна*, за 5 миллионов сестерций (!). И эта позорная покупка прошла для него безнаказанно!». Неудивительно, что проституированные очень быстро достигали громадного богатства. У *Марциала* сказано:

Как среди чистых друзей Телезин вращаясь был беден.

То запачканный он в тоге холодной бродил;

А когда угождать бесстыдным начал кинедам,

То покупает один земли, столы, серебро.

*Хочешь, Вифиник, ты стать богатым? Сообщником
будь ты:*

Чистый тебе поцелуй крошки единой не даст.

(Пер. А.Фета)

Но, с другой стороны, существовали, конечно, и такие проституированные мужчины, которые имели полное основание жаловаться на недостаточные доходы от своего ремесла.

Возраст проституированных мужчин

Первоначально гомосексуальная любовь распространялась у греков только на мальчиков-подростков, не достигших еще полного развития половой зрелости. С началом роста бороды и волос на половых частях мальчики переставали быть предметом эстетического поклонения и чувственных вожделений. С другой стороны, непривлекательным считался также и чересчур незрелый мальчик. Низшую границу представлял приблизительно возраст в двенадцать лет, а высшую — в восемнадцать. Во всяком случае, подросток возбуждал всего больше желаний. А потому, перейдя за этот возраст, мальчики должны были, если они желали и впредь сохранить свою клиентуру, искусственными мерами (удалением волос и т. п.) поддерживать соответственный вид, чтобы обманывать клиентов.

Мальчики от 12 до 18 лет употреблялись только как пассивные педерасты, между тем как более взрослые проституированные мужчины служили для взаимного удовлетворения. Во всяком случае, число таких взрослых проституированных было отнюдь не меньше, а может быть даже, и больше числа мальчиков, как это показывают уже намеки *Аристофана* и *Эсхина*. Во времена империи старый, выслуживший кинед представляет типичную фигуру. Таким образом, в то время различали более юных проституированных, собственно мальчиков для разврата, и более взрослых, кинедов.

Категории проституированных мужчин

Кроме разделения мужских проституированных по возрасту, существовало еще разделение их по роду деятельности. В самых общих чертах, различали активных и пассивных проституированных и таких, которые практиковали оба вида педерасти.

Что уже с самого начала должно было существовать большее число проституированных, практиковавших исключительно активную педерастию, станет ясно, если вспомнить громадное распространение пассивной педерасти, кинедизма. К таким исключительно активным проституированным принадлежат *Телезин* и *Фебус*, которых желали все кинеды.

Еще многочисленнее были представители пассивной мужской проституции, так как к ним принадлежало и громадное число проституированных мальчиков. Большинство греческих и латинских названий относится именно к этой категории проституированных и указывает на их пассивную роль «женщины», а также на их женственную, лишенную мужественности внешность.

Все эти названия показывают, что проституированные, к которым они относятся, подвергали себя педикации.

Внешний вид проституированных мужчин

Едва ли в древности существовал другой класс людей с такой характерной наружностью, как проституированные мужчины, тип которых все сатирики и физиогномики описывают совершенно одинаково. По *Лукиану*, существовала поговорка, что легче спрятать под мышкой пять слонов, чем одного кинеда, настолько он типичен по костюму, походке, взгляду, голосу, изогнутой шее, румянам и т. д. *Лукиан* говорит:

«О патикус, твои действия так откровенны, что их распознает даже слепой и глухой. Как только ты возвышаешь голос, раздеваешься во время купания или даже не сам раздеваешься, а только рабы снимут твои одежды... думаешь ли ты, что твои ночные тайны не становятся сейчас же явными?»

Аристотель упоминает, как признаки кинеда, «тусклый взгляд; согнутые внутрь колени; наклоненную вправо голову; вялые, бессильные движения рук; точно двойственную походку; частое вращение глаз».

Физиогномик *Полемон* следующим образом описывает общее впечатление, которое они производят:

«Андрогин* имеет томный и похотливый взгляд, вращает глазами и блуждает ими, лоб и щеки у него подергиваются, брови стягиваются вместе в одной точке, шея изогнута, бедро в постоянном движении. Все в нем подергивается, колени и кисти как будто трещат; как бык, озирается он вокруг себя и перед собой. Он говорит тонким, но хриплым и трескучим, дрожащим голосом».

Дополнением к этим общим описаниям может служить пластическая характеристика *Марциала*:

*Этого, что день и ночь у женских находится кресел
И чрезмерно уже в городе целом знаком,
Блещущий волосом, темный от мазей, в пурпуре светлом,
Нежен лицом, полногруд, с голенью счищенной вгладь,
Что к супруге твоей назоливый льнет провожатым,
Ты не бойся, Кандид: он ни одной не имел.*
(Пер.А.Фета)

В частности, о приведенных признаках кинедов нужно еще заметить следующее:

Волосы они носили либо длинными локонами, или же причесывали в искусную прическу. При помощи раскаленного железа кинеды точно так же завивали волосы, как проститутки.

Мы уже упоминали, что большинство простиитуированных мужчин старались при помощи искусственного удаления волос походить на юношей или мальчиков, что соответствовало, очевидно, вкусу большинства любителей мальчиков. Возможно, однако, что это было также подражанием такому же неприличному обычаю, распространенному среди проституток.

Женственная, нервная внешность патика особенно сказывалась в его взгляде, голосе и походке. Томный, влажный и притом вызывающий взгляд и беспокойные, блуждающие глаза были верными признаками простиитуированного мужчины, выходящего на поиски клиента. Говорили они обычно хоть и тонким, но в то же время хриплым и визгливым, неестественным и дрожащим голосом. Но наиболее характерной была походка. Собственно типичным в ней было сладострастное движение бедер, вероятно, в подражание аналогичной походке у простиитуированных женщин.

Простиитуированные мужчины, как и женщины, в изобилии употребляли пахучие мази и масла и румянились. Уже изда- лека чувствовались их духи. В качестве благовонной мази употребляли обыкновенно нард. Благодаря блестящим от черной мази волосам кинеда можно было различить уже издали.

* Андрогин — двуполое существо.

Подобно проституткам, проституированные мужчины старались обращать на себя внимание дорогой, пестрой одеждой и золотыми украшениями. Об этом упоминается уже в законах Селевка. Эсхин говорит о «нарядных верхних одеждах» и «нежных нижних одеждах» кинедов, симулировавших женское платье.

Пестрые цвета играют в одежде кинедов большую роль.

Шафранно-желтым, пурпурным и каштанового цвета платьям кинеды отдавали предпочтение. Длинные, до кистей, рукава также считались признаком кинеды.

Патики считались чрезвычайно красноречивыми и болтливыми, что особенно ярко описывает *Аристофан*, но указывают и многие другие авторы. Этим объясняется, почему, наоборот, знаменитых ораторов охотно обвиняли в мужской проституции, как обвинял, например, *Эсхин Тимарха* и *Демосфена*.

Словоохотливые кинеды любили проводить целые часы в женском обществе, в болтовне и были носителями скандальной хроники. Превосходно описывает это *Марциал*:

*Милый ты человек, Котил; так все утверждают.
Слышу; но кто же, скажи, милый-то сам человек?
«Милый тот человек, что кудри содержит в порядке.
Что благовоньем всегда и кинамоном разит;
С Нила который притом и с Гадеса песни мурлычит;
Что положенье давать щипанным ловок рукам;
Кто в течение дня, поместясь между креслами женщин,
Просидит и всегда что-либо шепчет в ушко;
Кто оттоль и отсель читает письма и пишет;
Кто на соседнем локте все избегает плаца;
Кто любовников всех знает, по улицам рыщет,
Кто старинных легко предков Гирпина сочтет».
Что ты, Котил, говоришь? Так вот человек это милый?
Премногосложная вещь милый, Котил, человек.
(Пер. А.Фета)*

Отличительные приметы и средства для объяснений с клиентами у проституированных мужчин

Античные кинеды, совершенно как и современные, имели известные отличительные знаки, быть может, различные, смотря по месту и времени. Знаки эти скоро становились известными публике, и которая и пользовалась ими для определения кинедов. Сюда относится прежде всего распространенный обычай показывать средний (реже указательный) палец правой руки, вытягивая его вперед. Кинеды называли также «тот, на которого указывают пальцем». Таким образом, если грек или римлянин вытягивал по направлению к кому-нибудь средний палец

или дотрагивался им до носа, то он тем самым молча ругал того патиком. Так киник *Диоген*, например, обругал *Демосфена*, указав на него некоторым знакомым средним пальцем.

Таким же способом кинеды обозначали себя друг перед другом, как *Стрепсиад* у *Аристофана* («Всадники»), который вытягивает средний палец, признавая себя пассивным педерастом.

Затем, приметой мужской проституции и средством для объяснения с клиентами считалось почесывание головы пальцем. «Развратного, — говорит Сенека, — выдает его походка, движения руки, иногда одно какое-нибудь слово или прикосновение к голове пальцем и закатывание глаз».

Интересное изображение этих пошлых жестов мы находим на одной вазе в национальном музее в Неаполе. Бородатый голый мужчина, приложив левую руку ко лбу, направляется к другому, стоящему перед ним, голому мужчине, который приподнял правую руку и вытянул указательный палец.

Кроме того, проституированные мужчины применяли еще известные условные знаки для приманки клиентов. Согласно интересному описанию *Дио Хризостома*, призывные звуки педерастов для приманки клиентов были различны в разных городах. В Тарсе звук, которым эти гомосексуальные «дневные сонливцы», по выражению *Дио*, привлекали своих клиентов, похож был на храп, причем они издавали его как на улицах, базарах, у театра и в палестрах, так и в борделях. «То был дикий, отвратительный звук, музыка, которая начиналась вместе с рассветом. Но кто же, — спрашивает *Дио*, — издает такие звуки? Не женственный ли мужчина, или кастрат? Они не всегда и не для всякого издают такие звуки, но это особый знак для их распознавания».

Далее он рассказывает, как распространен вообще этот своеобразный носовой звук среди гомосексуалистов и мужских проституированных и что он стоит в связи с их тайными оргиями. «Это голос не мужчины, не женщины, не другого какого-нибудь существа, а также не проститутки, когда она блудодействует; это взрыв позорнейшего преступления и бессовестнейших действий, и притом среди бела дня, при солнечном свете, среди толпы людей».

Прозвища

Многие кинеды и мужские проституированные, особенно пассивные, имели прозвища, совершенно так же, как и теперь. Всего чаще среди них встречались женские имена. В борделях мальчиков это был, по-видимому, всеобщий обычай, что доказывает интересная сцена у *Лукиана*:

«Как только мы подошли к квартире Филебуса, он еще за дверью крикнул громким голосом: «Эй, вы девушки, я купил для услужения вам красивого, сильного парня, урожденного каппадокийца!» Но те, которых он называл девушками, были прости- туированные мальчики и помощники по профессии Филебуса. Все они радостно вскрикнули, полагая, что купленный действительно был человек. Но когда они увидели, что раб их был осел, они стали грубо издеваться над стариком. «Ах, милейший, — сказали они со смехом, — ты купил себе на этот раз жениха вместо прислуги? На здоровье тебе! Наплоди только поскорее деточек от этого милого брака!»

Нерон называл своего супруга *Спора* Сабиной.

Употребительны были прозвища: *Приап*, *Венера*, *Невеста*, *Ласточка* и многие другие.

Мужчины-метрессы

Во время империи развился обычай заводить мужчин- метресс. По своему значению они не уступали женщинам, а в политическом отношении даже превосходили их — стоит только вспомнить то влиятельное положение, которое занимали некоторые конкубины, как *Виниус*, *Лако*, и особенно вольноотпущенник *Ицелус* у императора *Гальбы*. Всем этим людям, из которых каждый, по *Светонию* («Гальба», гл.14), «был велик в известных пороках», повелитель дозволял «безвольно злоупотреблять» собою и предоставлял им громадную власть.

Даже возлюбленные, принадлежавшие к рабскому сословию, часто до такой степени были господами своих богатых любовников, что это позволяет говорить о мазохизме со стороны последних. Этим объясняется, что мужские метрессы нередко приобретали громадные богатства, как, например, *Филострогос*, бывший прости туированный мальчик *Лициния Суры*, относительно которого философ *Эпиктет* (ок.50 — ок.140) сказал, что никто не пожелал бы купить блестящую судьбу *Филострогоса* такой же ценой; или *Тримальхио*, мальчиком прибывший в Рим, где он с 14 лет был возлюбленным своего господина и затем получил от него состояние сенатора.

Начало многолетней связи между любовником и конкубином часто знаменовалось настоящей «свадьбой», которая сопровождалась — совершенно как заключение брака между женщиной и женщиной — торжественными церемониями. Такие свадьбы и венчания между мужчинами не представляли ничего редкого. *Ювенал* дает следующее описание подробностей такой свадьбы с кинедом:

Гракс четыреста тысяч сестерций в приданое выдал
За трубочом, зная, он на трубе-то играл настоящей;

Подписали контракт, легла новобрачная мужу в объятия.
О патриции, цензора нам, или гадателя нужно?
Неужель, оробев, ты счел бы за большее диво.
Если б теленка жена родила, а ягненка корова?
Галуны и плац длиннопольй с фатой надевает
Тот, кто, тайно неся на ремне святыи доспехи,
Под щитом изогнутым потел. О, праотец Рима,
Молви, откуда на пастырей Лация гибель такая,
И такая коснулась, Градив, твоих внуков крапива?
Видишь, замуж идет муж знатный богатством иродом:
Что ж не трягнешь ты ни шлемом, ни в землю копьем не
ударить,
Ни к отцу не взовешь? Уходи же, покинь же суровый
Округ полей, коль им пренебрег! — «Назавтра мне нужно
С ранним солнцем дело обделать в долине Квирина».
Что же за дело — «Что спрашивать? Замуж друг мой
выходит
И не многих зовет». Вот только бы пожил я: будут,
Будут творить это въявь, захотят оглашать в объявленьях.
Между тем у замужних таких есть большая досада,
Что не могут родить и детьми привязывать мужа.
Но прекрасно, что власти над телом природа желаньям
Не представляет: умрут бездетными.
(Пер.А.Фета)

В основе этого описания лежат действительные факты и события: об императорах *Нероне* и *Гелиогабале* сообщают, что они публично венчались со своими проституированными мальчиками и катамитами.

Первый проституированный, с которым *Нерон* вступил в брак, был некий *Пифагор*. *Тацит* сообщает об этом: «Для него самого (*Нерона*), опозоренного всевозможными деяниями, все равно, были ли они дозволены или нет, не оставалось, по-видимому, больше новых преступлений, которые могли бы его выставить еще в худшем свете, если бы он за несколько дней до того не вступил в формальную супружескую связь с неким *Пифагором*, одним из развратной толпы, и не отдался бы ему в жены. Императору надели фату, выставлены были приданое, брачная постель, свадебные факелы; все было выставлено напоказ, что даже у женщин скрывает покров ночи».

В то время как в этом необыкновенном браке *Нерон* функционировал в качестве «жены», он несколько дней спустя венчался в качестве мужа с вольноотпущенником *Спором*, которого взял себе в «жены» за сходство с любимой им *Попней Сабиной**. С этой целью он велел его оскотить, надеть ему платья императрицы и назвал его «Сабина». Затем свадьба их праздно-

валась в Греции и сопровождалась торжественными церемониями. Среди поздравлений серьезно высказывались и пожелания, чтобы брак этот благословен был законными детьми!

После того *Нерон* жил с *Пифагором*, как с мужем, а со *Спором*, как с женой. Последнего, между прочим, титуловали «повелительницей», «императрицей», «царицей», и он получил большое приданое. На вопрос, как ему нравятся такие браки, один остроумный философ ответил императору: «Ты хорошо делаешь, что берешь себе таких жен. Жаль, что боги не захотели внушить и твоему отцу такую же страсть к объятиям таких жен».

Наконец, *Нерон* стал еще «женой» своего секретаря *Дорифора*, причем он публично вел себя, как невинная девушка. Он велел уплатить *Дорифору* 1,5 миллиона динарий и удвоил эту сумму, когда *Агриппина* упрекнула его по этому поводу в мотовстве, со словами: «Я не знал, что так мало подарил ему».

Совершенно феминизированный *Гелиогабал* в своих браках с проституированными мужчинами всегда играл роль жены, причем она так ему нравилась, что он обещал врачам большое вознаграждение, если они при помощи операции сделают его женщиной! Он избрал себе супруга, велел называть себя женой, повелительницей, *Августой*; пряд шерсть, носил на голове сетку для волос и употреблял румяна и белила.

Первым супругом новой «*Августы*» был *Гиероклес*, карийский раб, прежде проституированный мальчик *Гордая*, отнюдь не мужественная фигура, а кинед с гладким подбородком и светлыми локонами. Он приобрел большую власть над императором, которого часто бил за измену, что, однако, не только не ослабляло, но даже усиливало любовь последнего.

Потом *Гелиогабал* влюбился в геркулеса-гладиатора *Аврелия Цотикуса*, по прозвищу *Магирус* (повар). Когда *Аврелий* в первый раз приветствовал его как «повелителя и императора», *Гелиогабал* сказал ему, опустив глаза и выгибая шею, как девушка: «Не называй меня повелитель, я только повелительница». Затем он вступил с *Аврелием* в формальный брак в присутствии свата и служил ему женой.

Связь мужской проституции с женской

Многообразную связь между гомосексуальной мужской и женской проституцией можно доказать уже для древности. При чрезвычайных размерах первой и своеобразной половой неустойчивости античного мужчины, которая объясняет, почему би-

* Поппея Сабина — вторая жена *Нерона*. *Агриппина* — его мать.

сексуальность представляла тогда более частое явление, вопрос о конкуренции между обеими формами проституции имеет больше основания, чем теперь. Но в то же время между прости- туированными мужчинами и женщинами тогда, как и теперь, наблюдалась и известная общность интересов. Из эпиграммы *Мириноса* мы узнаем, что кинеды вместе с гетерами устраивали торжественные ночные процессии в честь половых богов, например, Приапа. Они сообщали друг другу о богатых бисексу- альных любовниках, чтобы сообща эксплуатировать их.

Гетеросексуальная мужская проституция

Своеобразную особенность античной проституции пред- ставляет громадное распространение гетеросексуальной муж- ской проституции, то есть проституции мужчин по отношению к женщинам.

Существование обширной гетеросексуальной мужской проституции, особенно во время Римской империи, установлено безусловно характерными указаниями. Прежде всего, ей соот- ветствовал ревностный спрос со стороны женщин. Такие любив- шие пожить женщины носили даже особые названия, как «*lecti- cariola*» (любительница носильщиков качалок) у *Марциала*, или «*ludia*» (возлюбленная гладиаторов) у *Ювенала*. Половые чув- ства этой женской клиентуры мужской проституции превосход- но описаны *Петронием* и *Ювеналом*.

У *Петрония Хризис*, служанка *Цирцеи*, говорит *Энколтию*: «Ты знаешь, что ты неотразим, и потому гордишься и продаешь свои объятия, вместо того чтобы дарить их. Иначе зачем эти красиво завитые волосы, нарумяненное лицо и томно- вызывающий взгляд? Зачем эта заученная походка, эти раз- меренные, дрожащие шаги, если ты не несешь свою красоту на рынок? Я не умею предсказывать будущего и ничего не понимаю в небе астрологов, но по лицу человека я умею читать его харак- тер, и мне стоит только посмотреть на прогуливающегося, чтобы знать, что он думает. Итак, если ты хочешь продать требуемое, то покупатель найден; но если ты хочешь подарить его, что было бы человечнее, то сделай так, чтобы за оказанное благодеяние мы сделали твоими должниками. Дело в том, что если ты назо- вешь себя простым рабом, то страстное желание влюбленной да- мы еще усилится. Есть женщины, которые воспламеняются только для черни и лишь тогда испытывают щекотание сла- дострастия, когда они видят рабов или лакеев с подобранным платьем. Других зажигает пламенем любви арена, или какой-ни- будь запыленный погонщик мулов, или прости туированный бла-

годаря сцене скоморох. К этому классу женщин принадлежит и моя госпожа. Она перепрыгивает от оркестра по меньшей мере к 14 ряду кресел и ищет свое сокровище среди подонков народа».

Я упивался ее льстивыми словами и спросил: «Уж не ты ли сама та дама, которая меня любит?» Горничная искренно рассмеялась по поводу моего пошлого комплимента и прибавила: «Не говори мне такого рода лести. Я еще никогда не отдавалась рабу. Сохрани бог, чтобы я протягивала свои объятия к кресту. Это годится для знатных дам, которые любят целовать рубцы от кнута. Я, правда, только горничная, но я принимаю предложение лишь среди всадников». Удивительным, почти невероятным показался мне этот контраст: «Служанка обладала гордым вкусом матроны, а матрона, напротив, имела плебейские наклонности служанки».

Аналогично высказывается и Ювенал о половом влечении знатных женщин:

Не спит уж любовник.

И велит она, чтобы он шел, плащом завернувшись,

Коль его нет, на рабов накинется; если надежды

Нет на рабов, то пусть приведут водоноса...

Но кто же сторожем будет

Стражей самих? Ведь хитра и с них начнет же супруга.

Ибо похоть все та ж у высших, как и у низших.

Да не лучше ли и та, что, грязная, улицу топчет,

Той, что несут на затылках своих вереницей сирийцы?

Все же, что от отцовских денег еще остается.

Вместе с последнею вазой дарит она гладким атлетам.

(Пер.А.Фета)

Относительно более высоких сфер гетеросексуальной мужской проституции, именно театральная, мы находим наглядное описание у Ювенала:

Но другие в то время, когда отдыхают завесы,

Да при пустых и закрытых театрах гудят только рынки,

И от игрищ плебейских до Мегалезий далеко,

С грустью держат и маску и тирс, и над фартуком пьшут.

Урбик спешит в конце Ателланы, кривляя ужимки

Автонои; и он не богатою Элиею избран.

Те за деньги большие снимают с комика запон,*

Эти мешают петь Хризагону, Гиспулла же рада

Трагику: или ты ждешь, что полюбят они Квинтильяна?

* Так называемая «fibula», протодетое сквозь крайнюю плоть и запаянное кольцо или покрывающая весь член металлическая гильза, которые делали невозможным для певцов и актеров совершение половых сношений, так как тогда думали, что сношения вредят голосу.

*Вот и возьмешь ты жену, с которою станет отцом-то
Эхион Китаред, Глафир, или флейтчик Амвросий.
За сенатором бывшая, Эппия с милым бежала
К Нилу, к Фарису и к зданьям многопрославленным лага.
Но он был гладиатор: вот этим они Гиацинты.
(Пер.А.Фета)*

Что профессиональная проституция во всякое время была к услугам женщин, выдают нам некоторые эпиграммы Марциала.

Сенека упоминает как об особом виде мужской проституции о бедных мужчинах, которые на время нанимались к богатым женщинам в качестве «супругов».

ГИГИЕНА АНТИЧНОЙ ПРОСТИТУЦИИ

Гигиена античной проституции носила совершенно другой характер, чем современная. Теперь центральное место во всех гигиенических мероприятиях занимают так называемые «венерические болезни», во-первых, потому что теперь в точности известна их заразность, а во-вторых, мы знаем, что проституция составляет главный очаг заразы, без которого распространение названных болезней было бы гораздо менее значительно.

Всего этого древние не знали. Поэтому в основу гигиены проституции у них положены были совершенно другие начала, чем у нас. Они не знали в области проституции никакой «санитарной полиции» и никаких индивидуальных и социальных мер против заражения венерическими болезнями. Но у них уже была, как мы увидим ниже, так называемая полиция нравов, регламентация и регистрация.

Поразительно, что античные врачи, отлично знавшие заразность и способность передачи другим болезней, например, чохотки, чумы, контагиозных воспалений глаз, лишаяев, чесотки и даже проказы, не имели ясного представления о заразности существовавших тогда половых болезней — триппера и местного, мягкого шанкра.

Мы находим у них только темные предположения и неясные указания относительно полового заражения и нечистоты гениталий. Ввиду довольно высокого развития античной научной венерологии, полное молчание врачей об этом пункте заставляет думать, что в то время не существовало ясного и рационально обоснованного взгляда на заразность венерических болезней или даже вообще не существовало понятия «половые болезни», то есть болезни, приобретенные путем половых сношений. В то время как при лишаях, например, предостерегали от поцелуев, благоприятствующих передаче болезни вследствие прикосновения, мы нигде не находим запрещения половых сношений для

предупреждения заражения венерическими болезнями — не находим даже в Библии, в которой, в противоположность медицине классической древности, содержится так много предписаний очищения и обособления гонорроиков и которая уже, следовательно, обнаруживает большое знакомство с контагиозностью гонорреи.

Таким образом, античная гигиена проституции — которая не только существовала, но и достигла значительного развития — не исходила из идеи об опасности заражения венерическими болезнями в борделях, а является ни чем иным, как выражением чисто эстетического отвращения к грязи, стремлением к чистоте, которое связано было в древнем мире — восточном и греко-римском — со страхом перед нечистотой и патологическими отделениями вообще и отделениями мужских и женских половых органов в частности.

Медицинский взгляд на проституцию в античную и средневековую эпоху должен был отличаться от современного уже потому, что худшая половая болезнь, сифилис, тогда не существовала. Если мы даже допустим, что возможность заражения другими половыми болезнями была в то время известна, то и тогда придется признать проституцию с гигиенической точки зрения безобидной, а половые сношения с проститутками — вполне безопасными. Хотя мы знаем теперь, что гоноррея, несомненно существовавшая в древности, является» довольно серьезным заболеванием, но знание это приобретено нами лишь в последние десятилетия XIX века.

Таким образом, незнание с заразностью триппера и местных венерических язв, с одной стороны, и полное отсутствие сифилиса — с другой, были причиной той беззаботности, которую мы видим в древности в обсуждении проституции с гигиенической точки зрения.

Итак, античная гигиена проституции не покоится, как наша, на страхе перед заражением венерическими болезнями, которые, несомненно, и тогда имели место в борделях. В ее основе — отвращение к неопрятности и болезни. У *Гиппократ* (ок. 460 — ок. 370 до н.э.) женщины не желают иметь половых сношений с мужьями вследствие слизетечения у них. А одно признание Галена доказывает, что отвращение внушали исключительно болезненные отделения, хотя в то время были очень далеки от мысли о возможности их заразности. Врач *Аретейос* называет, например, гоноррею только «отвратительной», а не заразной болезнью.

Особенно боялись при половых сношениях дурного запаха. Об этом свидетельствуют *Марциал*, *Петроний*, *Тертуллиан* (ок.160 — после 220). Вспомним то место у *Петрония*, где курти-

занка *Цирцея* спрашивает *Энколпия*, у которого внезапно развилось половое бессилие: «Что это значит? Был ли тебе противен мой поцелуй? Не стало ли мое дыхание хуже от поста, или я не удалила пота из-под мышки?»

Если не считать явных болезней, то гигиена проституции была направлена именно на эти неприятные стороны. За такими физическими недостатками и болезненными состояниями следили самым тщательным образом уже во время покупки простигуированных рабов.

Выше мы уже видели, что мужчины и женщины, предназначенные для продажи, выставлялись совершенно голыми на вращающейся подставке, «*catama*», где покупатели могли осматривать и исследовать их, чтобы не проглядеть каких-либо физических недостатков. Это было необходимо, потому что продавцы старались скрыть такие недостатки. В договорах о продаже рабов, многие из которых дошли до нас благодаря греческим папирусам, ручательство за здоровье раба или рабыни представляет существенный пункт. Обязательно было указывать даже скрытые страдания, например, эпилепсию.

В *Дигестах* имеется запись главнейших болезней, которой представляет интерес и для гигиены проституции. Здесь названы эпилепсия, проказа, различные кожные сыпи (например, экзема и чешуйчатый лишай), бородавки, дисменорея, дурной запах изо рта, заболевание женских половых органов.

Из специальных гигиенических мер, которые применялись во время половых сношений с проститутками, укажем прежде всего на обмывания до и после сношения.

На гигиеническое значение религиозных предписаний Востока относительно купаний и обмываний после сношения мы уже указывали выше. Еще большую роль играли купания в половой жизни классической древности. Опрятность считалась первым требованием при половых сношениях как для женщин, так и для мужчин. При этом главное внимание обращено было на обмывания после сношения — обычай очень древнего происхождения, так как о нем упоминается уже в греческой мифологии. Его издавна придерживались и римляне.

Во времена империи почти все публичные дома были снабжены проточной водой. Проститутки часто пользовались теплыми купаниями, во время которых половые органы подвергались специальному очищению. На одной картине из бывшей коллекции *Гамильтона* изображена женщина, которая сидит на краю стола перед купальным тазом и очищает губкой свои половые органы.

Кроме губок, для местного очищения половых органов после сношения женщины также употребляли маточный шприц, о применении которого при болезненных истечениях из матки упоминают *Соран** и *Гален*. Для влагалищных спринцеваний пользовались, кроме того, ушным шприцем, а в сочинении *Гипократа* даже описан типичный ирригатор, который, несомненно, был в употреблении и впоследствии.

«Конец промывательного аппарата гладкий, как у зонда, и состоит из серебра. Сбоку, на небольшом расстоянии от конца промывательного аппарата, пробуровлено отверстие, но необходимы еще и другие сточные отверстия. Каждое из отверстий, сделанных в промывательной трубке, должно быть на равном расстоянии от другого, причем они должны быть невелики и узки. Наконечник трубки должен быть массивен, а все остальное — полым, как трубочка. К трубке нужно прикрепить пузырь от самки свиньи, тщательно очищенный, и производить промывания периодическими сжиманиями пузыря».

Кроме общих купаний и местных омовений половых органов, клиенты проституток придавали большое значение полосканию рта, вероятно имея в виду действия *fellator*, или *fellartris*, и *sunnilingus*, а также, чтобы предупредить появление дурного запаха. На первое указывает *Катулл*:

*Ибо немедля затем ты, губы омыв многократно
Каплями, пальцами стал всеми усердно тереть,
Чтоб, где коснулся я ртом, совсем ничего не осталось,
Словно от гадкой слюны твари развратной какой.*
(Пер. А. Фета)

В то время как купания, омовения и полоскания производились после сношения, другая важная гигиеническая мера — втирание мазей и масел — производилась *до сношения*, а потому должна была лучше предохранять от заражения венерическими болезнями. Обычай смазывания всего тела кажется нам теперь чрезвычайно странным, но у греков и римлян он был в общем употреблении. Тесная связь смазываний с гимнастикой и купаниями всем известна. Но их применяли и как профилактическую и гигиеническую меру во время половых сношений. Обильные втирания мазей перед сношением практиковались поэтому и в борделях, главном очаге венерических болезней, что, несомненно, значительно ослабляло возможность перенесения заразы.

* Соран Эфесский (98–138) — древнеримский врач. Его сочинения были основными источниками по акушерству, гинекологии и педиатрии до XVIII века.

Так как заразность венерических болезней не была известна древним, то они не применяли таких средств, какие мы применяем теперь для предупреждения заразы, например, кондом. По крайней мере, об этом не сохранилось никаких сведений. Но что своего рода кондом все же был известен в древности, видно из удивительного мифического рассказа в «Метаморфозах» *Антонина Либералиса* (написано в 150 году), в котором содержится сказание о *Прокрис* и царе *Миносе*. В 41 главе сказано:

«Прокрис от стыда покинула Цефалуса и бежала к Миносу, критскому царю. Так как она нашла его бездетным, то дала ему известные обещания и стала поучать его, как ему поступить, чтобы иметь детей. Дело в том, что у Миноса вместо семени выделялись змеи, скорпионы и сколопендры, и все жены, жившие с ним, умирали. Парсифея же была дочерью Гелиоса и была бессмертна*. Прокрис устроила следующее: она вложила пузырь козы в женщину. В этот пузырь Минос сначала опорожнил змеей, а затем вступил в сношение с Парсифеей. После того у них родились дети».

Это первое известное нам применение примитивного кондома для предохранения от возможного физического вреда при половом сношении. Но так как никакие другие сведения о кондоме у древних не дошли до нас, то это единичное известие, как бы оно ни было замечательно само по себе, не дает права заключать о систематической профилактике как о составной части античной гигиены проституции.

Что касается, наконец, болезней проституток, то хотя древние и не знали, как велика опасность заболевания венерическими болезнями именно благодаря проституткам, тем не менее на основании изложенного нужно думать, что индивидуумы с явными болезнями исключались из числа профессиональных проституток, тем более, что их уже с самого начала отказывались покупать. Это не исключало, конечно, возможности, что заболевшие наружными болезнями проститутки прилагали все усилия, чтобы скрыть это от своих посетителей.

Доказательством может служить одиннадцатая беседа гетер Лукиана. Когда *Хармидес* рассказывает, что, несмотря на все его просьбы, он не может заставить гетеру *Филематион* раздеться, гетера *Трифена* дает ему следующее интересное объяснение: поведение *Филематион* имеет свои естественные причины, потому что она вся, от шеи до колен, покрыта отвратительными лишаями; она носит также парик, чтобы скрыть свою

* То есть в своих сношениях с Миносом она не подлежала судьбе других смертных женщин, которые умирали от губительных сношений.

лысину. Это разоблачение внушает *Хармидесу* такое отвращение, что он находит невозможным продолжать свои отношения с *Филематион*.

ГОСУДАРСТВО И ПРОСТИТУЦИЯ

Отношение античного государства к проституции имело величайшее значение для позднейшего развития и склада проституции европейских государств и сохранило свое влияние в этом направлении и до сих пор, хотя социальная структура современных народов успела совершенно измениться. Правовое и социальное положение проституции, в общем и теперь еще опирается на воззрения древних, хотя в основе их лежали совсем другие предпосылки. В следующей главе, посвященной роли проституции в общественном мнении древних, мы постараемся обосновать этот взгляд детальнее. Здесь же мы ограничимся указанием на тот весьма важный факт, что отношение государства к проституции в древности, безусловно, определяется существовавшим в то время рабством, которое у нас отпадает.

Античная проституция была особым видом, особой формой проявления рабства. Как мы уже упоминали, она рекрутировалась большей частью из сословия рабов, и все относящиеся сюда законодательные меры имели целью ограничить ее именно рабским сословием. Там, где это было невозможно, законодательство стремилось исключить свободных людей, занимавшихся проституцией, из числа свободных граждан и превратить их с внешней стороны в рабов, внесением в списки проституированных, подлежащих государственному надзору.

Так как рабство считалось тогда учреждением очень полезным для государства и общего блага, то оно, соответственно, планомерно поощрялось. Это распространялось и на проституцию. Далее, так как раб — не только проституированный, но и всякий вообще — лишен был гражданской чести, то само собой понятно, что применением его для целей проституции стремились оградить «половую честь» свободных граждан. Именно таков был принцип первой организации проституции, созданной *Солоном*, который сознательно ввел основанную исключительно на рабстве проституцию как светское учреждение. Проститутки *Солона* были государственными рабами и, как таковые, должны были приносить государству доходы, наравне с другими категориями рабов. Этим объясняется введенный *Солоном* «налог на проституцию», оплата которого налагала на подлежащих ему лиц печать того, что они не принадлежат к разряду граждан.

За строгим разграничением между проститутками и честными, приличными женщинами следил описанный уже нами выше удивительный институт гинекономов, особое ведомство

для надзора за честными, приличными людьми. Для надзора же за проститутками и лицами, опороченными бесчестьем, надзирали астиномены (агораномены), на которых, кроме других обязанностей — надзор за постройками и рынком, за чистотой улиц — возложен был также надзор за борделями и уличной проституцией. Они должны были устанавливать и вознаграждение проститутков. Им помогали так называемые «откупщики налога на проститутков», которые ежегодно брали на откуп от совета налог на проститутков и вели точные списки всех лиц, обязанных платить этот налог. Институт астиноменов, или агораноменов, соответствовал римским эдилам. Астиномен и порнотеломен надзирали за обеими категориями проституции, мужской и женской.

Из папирусов мы узнали подробности относительно налога на проституцию, который был распространен во всех странах с греческой культурой.

Размер налога, очевидно, соответствовал гонорару, который получала та или иная проститутка. Установление среднего гонорара каждой проститутки возможно было, конечно, только при тщательном надзоре и регламентации. Так что мы должны допустить у греков своего рода регистрацию и регламентацию проститутков, которая лежала на обязанности агораноменов. В Риме, как мы уже упоминали, им соответствовали эдилы.

Во всяком случае, налог на проститутков был специфически греческим учреждением, так как в Риме он был введен лишь при *Калигуле*, о чем сообщает *Светоний*:

«Даже представители порока должны были отдавать восьмую часть своего дохода, а проститутки отдавали из своего вознаграждения столько, сколько каждая из них получала за одно сношение. В заключение, к закону было еще добавление, по которому обложению должны были подвергнуться бывшие проститутки и сводницы, а также браки».

Что касается дальнейшего греческого законодательства о проституции, то оно представляет, главным образом, выполнение законов Солона, существенное содержание которых мы уже изложили выше. Нам остается только прибавить, что законы о проституции были строго разграничены от так называемых законов о разврате и нарушении супружеской верности, так что обвинение в прелюбодеянии и соблазне никогда не могло относиться к сношениям с заведомыми проститутками.

Соответственно, и сводничество наказывалось лишь в том случае, если относилось к свободным людям, между тем как по отношению к заведомым проституткам оно оставалось безнаказанным. К удивлению, *Солон* сначала назначил за сводничество

по отношению к свободным женщинам лишь незначительное наказание в 20 драхм, но впоследствии значительно его усилил, в большинстве случаев даже до смертной казни. Эсхин говорит об этом:

«Он (Солон) велит также жаловаться на сводников и, если они уличены, предавать их смертной казни, потому что они, предлагая свое бесстыдство за вознаграждение тем, которые имеют склонность к греху, но еще колеблются и стыдятся встречаться друг с другом, дают этим последним удобный случай для свиданий и разговоров».

Как известно, такое же обвинение предъявлено было Аспазию за то, что она сводила свободных женщин с Периклом, и только слезы последнего спасли ее от смерти.

В законе о сводничестве прямо сказано: «если кто-нибудь сведет свободного мальчика или женщину». Этот закон Солона направлен был, следовательно, и против распространения среди свободных лиц мужской проституции, которая даже названа раньше и которая особенно имелась в виду. Обвинение в нарушении этого закона направлено было: 1) против свободного гражданина, который предавался пассивной проституции; 2) против сводника, который отдал внаймы третьему лицу для развратных целей несовершеннолетнего мальчика, находящегося под его покровительством; и, наконец, 3) против этого третьего лица; сам же несовершеннолетний не подлежал ответственности.

И в этих случаях также нередко назначалась смертная казнь. Предписанной законом определенной одежды для простиитуированных или значка на одежде, который давал бы возможность распознавать их, в Греции (в противоположность Риму) не было. В законах, относящихся к женским костюмам, сказано лишь вообще, что богато украшенные костюмы и платья с цветами запрещается носить приличным женщинам, но ничего не говорится о каком бы то ни было определенном «костюме простииток».

Римские законы, касающиеся проституции, строго проводят прежде всего принцип регистрации и регламентации и устанавливают специальные предписания полиции нравов относительно записи имен и костюмов. Относительно первого пункта римские законы служили образцом во все последующие времена, а относительно последнего, то есть костюма, — главным образом в средние века.

В Риме полиция нравов возложена была на эдилов. Им принадлежал надзор за увеселительными кабачками, банями и борделями, в которых они нередко появлялись для обыска, вероятно, чтобы отыскать нерегламентированных еще простииток и раскрыть всякие другие злоупотребления в этих местах.

Целью таких обысков было, возможно, точное установление всех индивидуумов, занимавшихся профессиональной проституцией, чтобы провести строгое разграничение между ними и честными женщинами. Все проституированные лица женского пола — о проституированных мужчинах в римском праве нет речи — обязаны были с самого начала заявлять о себе эдилу, чтобы получить разрешение заниматься проституцией как профессией. Имена их заносились в особую книгу, то есть производилась типичная регистрация, которая во всех отношениях выделяла их как проститутток.

После записи женщина, официально объявленная проституткой, меняла свое имя. Из *Марциала* и помпеянских надписей мы знаем множество профессиональных имен римских проститутток: Дравка, Вероника, Итонузия, Лаис, Фортуната, Лициска, Таис, Леда, Филенис и др.

Третий акт на жизненном пути проститутки связан был с известной переменной костюма, которая точно так же предписывалась законом. При регистрации и изменении имени проститутки теряли право носить украшения честных женщин, матрон и должны были надевать похожее на тогу платье. В то время как обыкновенный костюм матроны представляла «стола», проститутка носила более короткую тунику и поверх нее тогу, которая у простых проститутток была темного цвета. Если матрона уличена была в прелюбодеянии, она также должна была носить тогу, но белого цвета.

В конце эпохи императоров различия в костюме между проститутками и честными женщинами сгладились. Некоторые проститутки осмеливались даже появляться на улицах в костюме монашек, так что императоры *Феодосий* (346–395, император с 379), *Аркадий* (377–408, император с 395) и *Гонорий* (384–423, император с 395) должны были издать против этих злоупотреблений особый закон.

Закончив обзор римских законов, относящихся к проституции, мы вкратце рассмотрим еще специальное законодательство отдельных императоров.

Прежде всего мы должны назвать первого императора, Августа, который озабочен был состоянием нравственности, начиная с войны с Египтом и до последних годов жизни. Он издал свои знаменитые законы о браке, в которых неоднократно идет речь и о проституции и которыми он пытался косвенно ограничить ее.

Тиберий в 19 году н.э. запретил заниматься проституцией всем женщинам, дед, отец или муж которых был римским всадником, и наказывал таких знатных женщин за проституцию изгнанием.

Калигула ввел, как уже упомянуто, налог на проституцию.

Веспасиан (9–79, император с 69) постановил, что рабыня, купленная под условием, что она не будет проституирована, приобретает свободу, если господин тем не менее заставил ее заниматься проституцией.

Домициан лишил проституток и пользующихся сомнительной славой женщин права употреблять носилки и вступать во владение наследством. Он установил также и другие карательные законы против проституции.

Александр Север пытался ограничить проституцию различными мерами, к которым относится и следующая: он приказал публиковать во всеобщее сведение имена проституток и сводниц.

Император *Тацит* не желал допустить существования борделей в Риме, но не мог надолго сохранить свое запрещение.

Константин издал закон, которым кельнерши в кабачках с женской прислужкой признавались проститутками. Это не относилось, однако, к хозяйкам, так что только первые были свободны от требований законов, последние же не могли безнаказанно предаваться прелюбодеянию.

Ограничением, или даже искоренением проституции очень усердно занимались император *Феодосий Младший* (ок.401–450, император с 408) и *Валентиниан* (419–455). Они назначили суровые наказания для отцов и господ, которые продавали своих дочерей и рабынь для проституции, а затем, в 439 году запретили вообще заниматься сводничеством под угрозой телесного наказания, изгнания, каторжных работ и высоких денежных штрафов.

Несколько лет спустя оба императора сделали попытку искоренить бордели и дома для проституции в империи. Они отменили налог на проституцию, запретили заниматься развратом в какой бы то ни было форме, а за нарушение этого постановления наказывали лиц низших сословий изгнанием и каторжными работами, а лиц высших сословий — лишением имущества и сана. Кроме того, они разрешили всем желающим выкупать или освобождать рабынь из борделей. Начальство получило строгий приказ наблюдать за выполнением этого закона. За всякую небрежность в этом отношении грозило телесное наказание и денежный штраф.

Законодательство *Юстиниана* движется совершенно в том же направлении. Согласно законам, все сводницы должны были покинуть город. Домовладельцы, которые терпели у себя учреждения сводников, наказывались конфискацией дома и штрафом. Сами же сводники, которые хитростью и насилием привлекали девушек и проституировали их в борделях, располо-

женных в то время даже рядом с церквями, должны были уплачивать самые высокие штрафы. Залоги, которые проститутки должны были выдавать на основании насильственно произведенных долговых записей, объявлялись недействительными, и хозяева борделей обязаны были возвращать девушкам все, что им принадлежало по праву. Наконец, *Юстиниан* постановил, что предписания от 1 декабря 535 года имеют силу во всех частях империи.

Императрица *Теодора* ревностно поддерживала своего супруга в его стремлениях искоренить проституцию и велела освободенных или выкупленных у купцов и сводников проститутток, числом 500, поселить в расположенном на азиатском берегу Босфора старом монастыре, где они должны были вести созерцательную и благочестивую жизнь. Но уже этот «дом Св.Магдалины», вероятно, один из самых старых, показал то же самое, что впоследствии постоянно приходилось наблюдать во всех остальных учреждениях такого рода: проститутки предпочитали смерть такой однообразной благочестивой жизни. Сообщают, что большинство обительниц этого дома покаяния Теодоры бросились в море.

Против распространения *мужской проституции* в Риме издан был относящийся, вероятно, к концу III века до н.э. закон, который наказывал главным образом за соблазн и сводничество по отношению к свободным мальчикам штрафом в 10 тысяч сестерций. Судя по частому упоминанию о нем у писателей, закон этот, должно быть, применялся очень часто.

Карательного закона против равнополой любви как таковой у римлян никогда не было. Речь у них всегда идет только о насилии и насильственном соблазнении свободных мальчиков, о сводничестве и проституировании их, а не о гомосексуальных половых сношениях двух взрослых мужчин, хотя прежде наказанию подвергались и эти последние.

Из императоров *Домициан* старался искоренить проституцию мальчиков и, как нам известно, стремился положить конец возмутительному сводничеству в отношении малых детей.

Император *Филипп Аравитянин* (? — 249, император с 244) уничтожил бордели для мальчиков и запретил разврат с ними.

Христианские императоры запрещали не только сводничество и проституцию, но и вообще всякие гомосексуальные отношения между мужчинами, которые карались смертной казнью.

РОЛЬ ПРОСТИТУЦИИ В ОБЩЕСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ

Взгляды того времени на проституцию и значение ее в общественной жизни всецело покоятся на неверном, ложном принципе *двойственной морали*, в свете которой древняя проституция обнаруживает двойственное лицо, которое она сохранила и до сих пор и которое метко характеризуется выражением «необходимое зло».

С одной стороны, подчеркивают необходимость и целесообразность проституции для социального урегулирования половой жизни, и проституция, соответственно этому, играет значительную роль в обществе и государстве — роль, которая нередко сопровождается глубоко захватывающим влиянием на жизненные условия, так что по отношению к известным эпохам (вспомните эллинизм) можно говорить о преваливании и апофеозе проституции.

С другой стороны, проституция стоит на низшей ступени общественной лестницы, и ее клеймят печатью позора и бесчестия, которая имеет для своей носительницы самые тяжелые правовые и социальные последствия.

Это противоречие — продукт двойственной морали. Древний мир не разрешил его, как и новейшее время. Но если мы хотим преодолеть и разрешить это противоречие, мы должны исследовать его причины. В своей резкой формулировке и в своем влиянии на двойственный уклад половой жизни — с браком на одной и проституцией на другой стороне — противоречие это, безусловно, имеет античный характер, хотя нельзя не признать, что именно древний мир делал попытки найти такие переходные формы половых отношений между обеими крайностями, которые способны были бы заменить проституцию более благородными, хотя бы и временными связями между женщиной и женщиной, в справедливом сознании того, что постоянный брак на всю жизнь возможен и пригоден не для всех, а для многих представляет недостижимый идеал.

Прежде всего мы должны рассмотреть ту сторону значения проституции для общественной жизни, которая выражается в ее социальном бесчестии, в атимии и инфамии*.

Но здесь мы опять-таки должны указать, что оба больших государства классической древности представляют типично рабские

* Атимия — потеря всех или некоторых гражданских прав у афинян.
Инфамия — у римлян бесчестие, сопряженное с лишением некоторых прав.

государства и что понятие о социальном бесчестии в них гораздо шире, чем в наших современных государствах, основанных на индивидуальной свободе всех, входящих в его состав.

Так как проституированные большей частью принадлежали к сословию рабов, то нужно принять во внимание, что, как рабы, проституированные уже а priori лишены были известных прав и достоинств граждан. Так, аттические рабы исключены были из общества мальчиков и не имели права заниматься упражнениями в гимназиях, а все вообще греческие рабы были неспособны. Римский раб точно так же не был юридической личностью, не мог ни завещать своего имущества, ни наследовать, был совершенно бесправен по семейному праву.

По всему видно, что бесчестие проституированных, сохранившееся и до сих пор, имело в древности другую основу, которая заключалась в рекрутировании проституированных из бесправного сословия рабов. Теперь это взаимоотношение совершенно исчезло, а потому современное бесчестие проституции представляет нечто изолированное, распространяющееся исключительно на нее, а также на все косвенные формы проституции: сводничество, содержание борделя и торговлю девушками.

Демосфен в своей речи против *Неэры* ясно указал резкое социальное и правовое различие между положением свободной от рождения, честной женщины и проститутки. Он говорит: «Достоинство и сан честных и свободных от рождения женщин перешли бы на проституток, если бы эти последние добились права производить детей с кем они пожелают, участвовать в совершении тайных посвящений и жертвоприношений и пользоваться почетными правами в государстве».

Далее, бесчестие проститутки очевидно из постановления закона *Солона*, о котором *Плутарх* говорит: «Несколько суровее, по-видимому, упоминаемый Гераклеидом из Понта закон, по которому дети, прижитые с проституткой, также не обязаны были кормить своих отцов. Действительно, кто при вступлении в брак упускает из виду вопрос о благосостоянии, тот показывает, что берет себе жену не для произведения на свет детей, а только из чувства сладострастия. Тем самым он уже, следовательно, получает свою награду и теряет право жаловаться на своих детей, так как он является причиной того, что им даже их рождение ставится в упрек».

Закон *Перикла*, возобновленный в конце V столетия оратором *Аристофаном*, устанавливал полные гражданские права только для детей, рожденных от гражданина и гражданки, детей же гетер он лишал права пользоваться гражданскими правами и правом наследования.

Римская инфамия проститутков, без сомнения, была строже атимии греков, как и вообще римлянин строже относился к развратному промыслу. Последствия инфамии были: 1) запрещение носить одежду честных матрон; 2) лишение права давать свидетельские показания перед судом; 3) признанную бесчестной женщину можно было без всяких оговорок выгнать из нанятой ею квартиры; 4) она не могла подавать жалобы в суд в случае неуплаты за соитие; 5) согласно постановлению *Домитиана*, она не могла приобретать ни завещанного имения, ни наследства, что имело силу также для завещаний солдат.

Атимия проституированных мужчин выражена в следующем законе *Солона*:

«Афинянину, который позволяет совершать над собой разврат, запрещается быть одним из девяти архонтов, занимать место жреца, выступать защитником перед народом, занимать какую-нибудь государственную должность, будет ли это внутри или вне страны, по жребию, или по выбору.

Ему не разрешается также быть герольдом, произносить приговор, присутствовать при государственных жертвоприношениях, носить венки во время общих процессий с венками, переступать освященных границ внутрь народного собрания. Если же признанный виновным в том, что он позволил совершить над собой разврат, сделает это то он подлежит наказанию смертной казнью».

Обвинением в мужской проституции часто пользовались по отношению к ненавистному лицу, чтобы возбудить публичное расследование его жизни.

В Риме бесчестной считалась главным образом пассивная педерастия кинедов и проституированных мужчин.

Последствия «бесчестия» проституированных, естественно, должны были сказываться и в различных отношениях проституции к общественной жизни, причем половое лицемерие часто выступало, разумеется, в непривлекательной форме, потому что проституция, с другой стороны, считалась «необходимым» злом, и пользование ею рекомендовалось как защита против прелюбодеяния и соращения честных девушек. Тем не менее, посещение борделей считалось позором, и никто не решался отправиться в лупанарий днем, открыто. Для этой цели выбирали обыкновенно вечерние или ночные часы. Но и тогда, чтобы не быть узнанным, голову прикрывали плащом или укутывались своего рода капюшоном. Посещение борделя с открытой головой — так, что можно было быть всеми узнанным, считалось большим бесстыдством.

Аналогичные воззрения существовали у греков.

Знаменитые и выдающиеся мужи считали часто необходимым защищаться против упрека в посещении проституток: так, киник *Диоген* (ок.400 — ок. 325 до н.э.) упрекал киренаика *Аристиппа* (2 пол. V в. — нач. IV в. до н.э.), что он живет с простой проституткой (*Лаис*): «Либо откажи ей, либо обратись, как я, к секте собак». *Аристипп* ответил на это в духе своей системы: «Кажется ли тебе неподходящим жить в доме, где живут еще другие люди?» «Нимало», — ответил *Диоген*. «Или ехать на корабле, на котором уже раньше ездили многие другие?» — «Так же мало». — «В таком случае, нет ничего дурного и в том, чтобы наслаждаться женщиной, которой раньше уже наслаждались многие другие».

Отцы нередко лишали своих сыновей наследства за то, что они имели связь с проституткой. Иные имели полное основание косо смотреть на посещение борделей их сыновьями, которые проматывали там все их состояние.

Странный контраст с этим представляет, с другой стороны, вольное и благосклонное суждение об отношениях молодых людей с проститутками. Мы встречаем такие взгляды уже во время республики, когда господствовали строгие нравы. Это объясняется распространенным в древности воззрением, будто посещения борделей и сношения с проститутками действительно способны ограничить запрещенные половые сношения (прелюбодеяние, соращение).

Весьма характерны следующие слова *Цицерона* (106–43 до н.э.): «Впрочем, если кто думает, что молодежи запрещено любить проституток, то он придерживается — не могу этого отрицать — очень строгих правил. Но он стоит в противоречии не только с вольными нравами современного мира, но и с тем, что входило в привычку и что было признано нашими предками. В самом деле, когда этого не было? Когда это осуждалось? Когда это не было разрешено? И когда, наконец, нельзя было делать того, что было разрешено?»

Что касается отношений между проститутками и честными женщинами, то здесь инфамия тяготела над ними всей своей тяжестью. Тут не было снисхождения и уступок двойственной половой морали.

Демосфен сообщает, что *Лисий** не ввел в свой дом гетер *Никарету*** и *Метанеиру****, потому что не хотел оскорбить этим жену и мать, а *Элиан* описывает негодование *Аспазии* из

* Лисий (ок. 435–380 до н.э.) — афинский логограф — составитель судебных речей.

** Никарета — основательница знаменитой школы гетер в Коринфе.

Фокеи по поводу предположения, что она может надеть драгоценное платье, которое подобает носить проститутке, но не честной женщине.

Полноправная аттическая гражданка, особенно наследница, имела право, при выходящих из ряда вон сношениях своего мужа с гетерами или мальчиками, так что он совершенно забрасывал семью, подать «жалобу на дурное обращение». В большинстве случаев женщины, впрочем, смотрели сквозь пальцы на временные связи мужей с гетерами.

Плутарх замечает: «Персидские цари сажают своих законных жен за столом и во время празднеств рядом с собою. Но если они хотят веселиться и пить, то отсылают своих законных жен и призывают певиц и наложниц. Они поступают, конечно, вполне правильно, не позволяя законным женам принимать участие в их попойках и разврате. Если же частное лицо, которое не умеет умерять своей похоти и владеть собой, совершит когда-нибудь грех с проституткой или служанкой, жена его тоже не должна быть недовольна и гневаться, а должна подумать о том, что муж ее из чувства стыда направил свою похоть и разнузданность на другую».

Таким образом, поводом к судебному процессу обычно служила постоянная связь мужа с проституткой (или простиитуированным мальчиком), а не мимолетные сношения. Как часто бывали такие жалобы в позднейшее время, мы видим из многочисленных брачных договоров в актах папирусов. Почти в каждом таком договоре определяется, в интересах молодой женщины, что муж при ее жизни не должен брать себе другой жены, ни наложницы, внебрачной сожительницы или простиитуированного мальчика. Жена берет на себя аналогичные обязательства.

Не только жены, но и другие женские члены семьи, матери и сестры, косо смотрели на связи их сыновей и братьев с проститутками. Наиболее знаменитый тому пример представляет *Сафо*, которая, узнав, что брат ее *Хараксос* промотал все свое состояние в объятьях гетеры *Родопис*, обругала его в одном из стихотворений. Найденное в 1898 году в Верхнем Египте стихотворение *Сафо*, в котором она умоляет морскую богиню о благополучном возвращении брата, также содержит намеки на его связь с названной гетерой.

Несмотря на бесчестие социального положения проститутки, уже в древности случалось, что с ними вступали в брак по страстной любви. Несколько примеров тому мы уже привели вы-

*** Метанеира — одна из проститутки сводницы Никареты, содержанка знаменитого оратора Лисия, который очень много тратил на нее. Была известна своим остроумием.

ше. Общее мнение о таких редких случаях выражено в следующих словах оратора *Исократ* (436–338 до н.э.), который говорил об Афинах, что они сходны с проститутками. Увлеченные прелестями проституток, иные поддерживают с ними чувственные отношения, но никому ведь не придет в голову быть о себе настолько низкого мнения, чтобы решиться сделать одну из них своей подругой жизни.

Что такие браки, однако, бывали, доказывают уже упомянутые нами запрещения браков между свободными лицами и проституированными.

Вследствие лишения честного имени и запрещения браков, обычной формой продолжительных связей с проститутками был конкубинат в форме содержания метресс. Заключение браков было, конечно, исключением: только царственные особы могли себе позволить игнорировать общественное мнение и вступать с проститутками в законный брак.

Так, *Иероним*, сиракузский тиран, женился на бордельной проститутке *Пеито*, *Птолемей I* из Египта (царствовал в 305–283 до н.э.) — на знаменитой гетере *Таис**. Наиболее знаменитый пример такого рода представляет, однако, императрица *Теодора*, супруга *Юстиниана*. Случай этот тем более заслуживает внимания, что он имел место уже во время христианской эры. *Теодора* была дочерью сторожа медведей в Византии и уже ребенком проституировалась в одном театральном борделе, где превосходила всех других проституток своим бесстыдством, предаваясь публично всевозможным извращениям. Затем она поехала в Африку в качестве метрессы *Хекеболоса*, но там посорилась с ним и заработала себе деньги, необходимые для обратного путешествия, проституцией. Вскоре после того в нее страстно влюбился *Юстиниан* и женился на ней — несмотря на протест его тетки, императрицы *Евфимии*, которая отказалась назвать проститутку своей племянницей, и на увещевания бла-

* Знаменитая метресса Александра Великого, которого она сопровождала в его победоносном походе в Персию. Плутарх описывает данный Александром пир после завоевания Персеполиса, на котором Таис, отуманенная винными парами, испросила себе разрешение поджечь царский дворец собственными руками, чтобы приобщить к славе «слабых женщин из свиты Александра, которые гораздо суровее отомстили персам за Грецию, чем знаменитые полководцы греческой армии и флота». Предложение было принято и исполнено с восторгом. После смерти Александра Таис вышла замуж за Птолея I и родила ему двух сыновей и дочь. Она отличалась изяществом и красотой. Имя ее увековечили знаменитая комедия Менандра «Таис», первая беседа гетер Лукиана, «Евнух» Теренция.

гочестивой матери его, *Бигленицы*, — после того как его дядя Юстин, отменив соответствующий параграф закона, сделал этот брак возможным.

Будучи императрицей, *Теодора* осталась тем же, чем была, типом плебейской силы и плебейской чувственности, женщиной, посвященной во все тайны сладострастия, с пламенными очами, сияющими страстью, лицемерно нравственной, моральной по внешности, оправдывающей пословицу о проститутке в молодости и ханже в старости. Но особенно важно то, что эта бывшая проститутка, несмотря на постоянный тщательный уход за собственным телом, находила достаточно времени, чтобы вмешиваться в государственные дела еще более властно, чем ее беспоконный супруг, при котором она была признанной сорегентшей.

В удивительном противоречии с общественным презрением к проституткам стоял тот факт, что проститутки играли в общественной жизни более значительную роль, чем честная хозяйка дома и ее дочь, деятельность которых всецело ограничивалась домашней сферой. Проститутка, гетера, действительно была «публичной» женщиной. Только она одна имела значение в обществе, ей одной было предоставлено право участия в симпозиях. Только она могла быть субъектом и объектом беседы. Украшением честной женщины было молчание и такой замкнутый образ жизни в тиши дома, чтобы и о ней молчали. По отношению к тому времени оказывалась справедливой пословица, что те женщины самые лучшие, о которых меньше всего говорят.

Только проститутка была для античного мужчины настоящим товарищем в общественной жизни. Именно гетера, а не хозяйка дома обращает на себя общественное внимание: она служит объектом обширной скандальной хроники в повседневной беседе и в то же время, предметом публичного поклонения (пословицы, памятники), она играет выдающуюся роль в литературе и искусстве.

Главным местом, где сосредоточивалась греческая скандальная хроника, было леше — известное уже *Гомеру* помещение для бесед, античная кофейня (большей частью в форме галереи с колоннами), в которой собирались, чтобы поговорить о городских историях. Среди них выделялись истории о проститутках. Так, *Геродот* сообщает о гетере *Архедике*, что она была воспета и потому пользовалась большой известностью, и, однако, она редко была предметом разговоров в помещениях для бесед, то есть тонкие знатоки ставили ее менее высоко. Эти слова *Геродота* в достаточной степени указывают на всеобщий интерес к известным гетерам.

В высшей степени своеобразна роль проституток и проституции в античном толковании снов. Видеть во сне проститутку означает счастье, а места, где она принимает (бордель и т. п.), — несчастье.

Основная точка зрения, основная идея античного толкования относящихся к проституткам снов, без сомнения, заключается в том, что встреча с проституткой — которая сама по себе представляла бесчестное в социальном отношении, ничтожное существо — приносит счастье. Как это объяснить? Мы имеем здесь не что иное, как остаток первобытного, примитивного представления о характере проститутки как представительницы необузданной, ничем не ограниченной первобытной половой жизни — связь, которую мы фактически доказали во второй главе.

Блестящее подтверждение наших слов мы находим у такого крупного исследователя, как *Якоб Гримм*. В своей «Немецкой мифологии» (1835) он доказывает, что, по народному поверью, в Германии, Англии и Франции встреча с проституткой считается хорошим предзнаменованием, потому что с проституткой связывается представление о свободном, ничем не ограниченном размножении и плодovitости, а следовательно, и о благосостоянии и процветании. Напротив, встреча с бездетным и не живущим половой жизнью субъектом, например, с католическим священником, старухой или девушкой, пробуждает противоположное представление, именно: о бесплодии, неуспехе, несчастьи. Таким образом, и здесь также проявляется глубокая внутренняя связь проституции с необузданностью и промискуитетом первобытной половой жизни.

Не подлежит сомнению, что удивительная роль, которую играли презренные вообще проститутки в известных публичных празднествах и религиозных церемониях, связана с этим первобытным верованием, которое — как это вытекает из доказательств *Якоба Гримма* — имеет также отношение к идее колдовства в сфере плодородия и к связанному с ним фаллическому культу. О значении религиозной проституции мужчин и женщин в таких культах и в храмовых богослужениях — что также имеет отношение к данному вопросу — мы уже говорили подробно выше.

У римлян *Lupa*, *Acca Laurentia* и *Flora* являются олицетворением первобытных богинь плодородия в образе проституток, в честь которых ежегодно праздновались *Lupercalia*, *Laurentinalia* и *Floralia*, празднества плодородия. Весьма характерно, что на этих празднествах играли роль голые проститутки, которые яв-

ляются здесь представительницами безудержной половой необузданности. Типичным праздником проституток был у греков и римлян праздник Афродиты, или Венеры.

Вообще, отношения проституции к религиозным святыням и чувствам были в высшей степени разнообразны и доходили даже до апофеоза, до обожествления проститутки. Проститутки не только получали подарки, посвященные дельфийскому оракулу (как, например, флейтистка *Бромидия** от фокейского тирана *Филлоса*, или фессалийская танцовщица *Фарсалия*** от *Филомеда*), но и сами сооружали таковые (как, например, старейшая «знаменитость» проституции — Родопис, которая на десятую часть своего имущества велела сделать железные вертелы для жарения целых быков и послала их в Дельфы, где они находились позади алтаря, против храма).

Так как красота считалась у эллинов чем-то божественным, то тем самым проложен был путь для апофеоза красивых проституток. Первым этапом на этом пути была установка статуй необыкновенно красивых гетер в храмах. Наиболее знаменитым примером такого рода является установка сделанной *Праксителем* статуи *Фрины* в храме Веспии и ее позолоченной статуи в Дельфах. *Элиан* говорит по этому поводу: «Проститутке Фрине греки соорудили в Дельфах статую на очень высокой колонне. Впрочем, я не хочу сказать просто „греки“, чтобы не показалось, будто я выражаю порицание всей нации, которую я люблю больше всего на свете. Я хочу сказать: некоторые сладострастные греки. Статуя была сделана из золота».

В эллинскую эпоху и во время империи проститутки играли главную роль и в светской жизни. Как мы уже упоминали, они были постоянными участницами пирушек, только они одни появлялись в театре. Они задавали тон на всех пикниках и сельских праздниках; наконец, только проститутки могли принимать участие в играх, например, в играх в мяч, так как участие в них честных женщин считалось безнравственным.

Громадное влияние проституции в общественной жизни древнего мира всего яснее, всего рельефнее сказывается в античной художественной литературе. По существу, можно различать три вида литературных произведений, в которых прости-

* Бромидия получила от своего любовника Филлоса несколько красивых жертвенных подарков из сокровищ дельфийского храма, между прочим — золотой венок и серебряный кубок. Когда она затем хотела во время пифийских празднеств играть на флейте, возмущенный народ помешал ей в этом.

** Фарсалия получила от Филомеда золотой лавровый венок, от жителей Лампсака — жертвенный подарок из дельфийского храма. Убита на рынке в Метапонте прорицателями оракула.

туция играет выдающуюся роль, или которые написаны для проституток и их клиентуры и нашли себе доступ и в светские круги: комедии; монографии о проститутках; специфически эротическая и порнографическая литература.

Комедия

Тот факт, что в древности сводники, проститутки и даже жизнь бордела могли представляться на сцене для публики, более всего доказывает, насколько различно было отношение общественного мнения к проституции в древности и теперь. Правда, и позже встречались пьесы, в которых такого рода личности играли главную роль. Достаточно вспомнить средневековые масленичные представления, испанские *celestina*, современные французские бытовые пьесы. Но такой реализм в представлении проституции, какой практиковался на античной сцене, позднее был уже невозможен, по крайней мере для широкой публики. Впрочем, даже и в древности он господствовал только со времени средней (404–336 или 323 до н.э.) и новейшей (конец IV в. — начало III в. до н.э.) аттической комедии, хотя, безусловно, присутствовал и в древнейшей комедии (486–404 до н.э.).

То, что изображение проституции на сцене связано главным образом с комедией, очевидно, объясняется ее происхождением из фаллических песен, которые распевала в честь Диониса участвовавшая в фаллических процессиях *comos*, веселая толпа. Таким образом, в противоположность трагедии, здесь уже с самого начала более выступал эротический элемент, а дионисьевский характер комедии объясняет нам, почему в ней рано стали появляться изображения женской и мужской проституции и распущенной жизни гетер.

То же самое нужно сказать о родственных комедии мимах (в них только не было хора и отсутствовало непрерывное развитие действия) — мимически-драматических представлениях, которые в позднейшее время по своему реализму даже опередили комедию и в лице мимистки (что равнозначно проститутке) *Теодоры*, наконец, вступили даже на самый высокий трон того времени.

Типичные пьесы из жизни гетер писали и некоторые авторы древнейшей аттической комедии (*Ферекратес*, *Эвполис*, *Аристофан*). Но полное выражение гетеризм находит себе лишь в средней комедии. Можно сказать, что средняя и новейшая греческая комедия вращается, как вокруг центра, вокруг связи с какой-нибудь гетерой, в то время как древнейшая комедия рассматривала главным образом политические условия. Плутарх высказывается о главных мотивах комедии из жизни гетер следующим образом: «О любви к мальчикам нигде нет речи, а соб-

лазнение девушки кончается обыкновенно браком. Что касается проституток, то если они наглы и бесстыдны, связь с юношей порывается благодаря исправлению или раскаянию его. Если же они приличны и любят опять другого, то автор (Менандр) заставляет их найти своего настоящего отца, или же их любви определяется известное время, в течение которого им разрешается честная любовная связь».

Преобладание гетер в средней и новейшей комедии связано с развитием индивидуализма в это время, что благоприятствовало представлению на сцене частной жизни, в которой гетера играла такую значительную роль. Характерно, что политические нападки на мужчин в древнейшей комедии в средней уступают место нападкам на женщин, то есть на гетер.

В типичной посвященной гетерам пьесе средней комедии гетера является героиней интриги, действие которой большей частью обнаруживается в ссорах между различными соперниками и в вытекающих отсюда комических любовных столкновениях. Любовь к гетере изображается единственной достойной похвалы, причем здесь постоянно подчеркиваются преимущества гетеры перед честной женщиной.

Любовь к честной девушке в средней комедии совершенно неизвестна. Ее основное положение — дайте нам жить и наслаждаться, потому что завтра мы должны... жениться. Любовь является только простой чувственной страстью, а потому даже знаменитые представители более благородных любовных ощущений, *Платон* и *Сафо*, составляют предмет грубых острот. Есть, пить и предаваться половым сношениям — вот главные наслаждения в жизни, все остальное только «придаток».

Совсем иное мы видим в новейшей комедии. Здесь мы впервые встречаем индивидуальные типы честных девушек, романтическую и платоническую любовь, которая ведет к браку. Тем не менее, в пьесах новейшей комедии, связанной, главным образом, со знаменитыми именами *Менандра*, *Филемона* и *Дифила*, значительную роль играют также различного рода проститутки, хозяева борделей, образы паразита, интригующего раба, легкомысленного сына и хвастуна.

Мужская проституция также служила сюжетом для комедии.

В родственных комедии мимически-драматических пьесах, *мимах* и *ателланах*, пользовавшихся дурной славой за их реализм и неприличие, точно так же весьма распространено было представление на сцене проституции и сводничества. Сводницы, гетеры, флейтистки, проституированные мужчины были излюбленными типами в мимах. Они изображались профессии-

ональными мимами, кочевавшими с места на место во время ярмарок и сельских праздников, и нашли себе дальнейшее развитие в произведениях писателей и поэтов в мимическом роде.

Монографии о гетерах (каталоги, собрания анекдотов, панегирики, беседы, письма, речи)

Интерес, существовавший в древности ко всему, что связано было с проституцией, сводничеством и гетеризмом, проявлялся не только в драматических произведениях, но и в своеобразном виде литературы, в монографиях о гетерах. К этой категории принадлежат прежде всего каталоги знаменитых проституток, которые являются прообразом современных английских, французских и итальянских «списков девушек», адресных книг проституток и борделей, словом, произведений, представляющих не столько литературу, сколько рекламу.

Содержание этих руководств о гетерах мы можем более или менее восстановить по различным сообщениям *Атенея**. Все они были составлены по одной и той же схеме, введенной, вероятно, *Аристофаном* из Византии, творцом этого рода произведений. Они содержали список наиболее знаменитых гетер прошлого и настоящего времени, их биографии, привычки, описания квартиры, гонорара, телесных и половых особенностей и всякие другие сообщения анекдотического характера. То были практические руководства для сношений с гетерами.

Сочинения, весьма родственные по своему характеру руководствам о гетерах, представляют сборники относящихся к гетерам анекдотов, известные также под названием «хрии» (то есть сентенции, изречения). Они содержали богатый, преимущественно анекдотический материал о проститутках и гетерах и пользовались, по-видимому, большой любовью публики.

Сборники эти, часто написанные в поэтической форме и вышедшие из-под пера видных писателей и ученых, были весьма различны. Вообще, писание анекдотов ничуть не вредило славе ученого.

Во многих исторических сочинениях сообщения и анекдоты о проституции и ее известнейших представительницах также занимали немало места — часто даже настолько, что трудно сказать, имеем ли мы перед собой сборник анекдотов или же историческое сочинение.

* Атений (кон. II — нач. III в.) — греческий ритор и грамматик.

Особый вид литературы о гетерах представляют энкомии — хвалебные сочинения об отдельных знаменитостях из них. Это были, впрочем, скорее софистские упражнения, так как их сочиняли главным образом знаменитые учителя ораторского искусства.

Более точное представление мы имеем о того рода сочинениях, в которых вопросы и описания из жизни гетер излагались в форме диалогов, то есть о так называемых *беседах гетер*. Мы должны здесь различать два вида бесед: во-первых, философский диалог, который частью содержал биографический материал в форме философского изложения, частью же в нем высказывались мысли относительно жизни гетер. Второй вид бесед представляет конкретное описание радостей и страданий жизни гетер в отдельных жанровых картинках. Классическим образцом этого рода бесед являются сохранившиеся до сих пор знаменитые беседы гетер *Лукиана*.

Эти реалистические произведения, по-видимому, не встретили подражания в древности. Лишь во время Ренессанса они возбудили богатую литературу в таком же роде, которая продолжала существовать до XVIII столетия. Прямое влияние *Лукиан* имел, быть может, на своего младшего современника *Алкифрона*, который в письмах, относящихся к гетерам, по реализму бытовых описаний напоминает Лукиана. Но род его произведений — *эротические письма*.

Как о последнем виде специальных сочинений о гетерах нам остается еще упомянуть о судебных речах за или против гетер, из которых в оригинале сохранилась одна только приписываемая Демосфену знаменитая речь против Неэры. Большинство этих речей относится к IV столетию до н.э. и принадлежит веку Демосфена, только две, приписываемые Периклу и Лисию, относятся к V веку. Поводами для этих речей служили чаще всего жалобы на дурное обращение со стороны законной жены, а также, как в случае Неэры, незаконное вступление в брак заведомой проститутки с гражданином. Причиной могло быть также обвинение в безбожии и сводничестве по отношению к свободным девушкам или, наконец, личная злоба.

Эротико-порнографическая литература

Наряду с комедиями и особыми сочинениями, посвященными исключительно гетерам, существовала и чрезвычайно богатая эротико-порнографическая литература, обнаруживающая самые разнообразные отношения к проституции и первоначально, вероятно, вышедшая из ее кругов. Греков можно назвать настоящими творцами так называемой эротической литературы (в более узком смысле) и порнографии. Они послужили

в этом отношении образцом как для римлян и средних веков, так и для новейшего времени, наиболее известные литературные произведения которого в этой области всегда обнаруживают отголосок греко-римской эротики и заимствования тех же литературных типов и тех же родов литературы.

Благодаря более наивному и свободному взгляду на половую жизнь в древности к этой литературе относились совершенно иначе, чем теперь, хотя отнюдь не было недостатка и в головах, которые протестовали против ее распространения среди молодежи.

Для взрослых же порнографическая литература и порнографическое искусство тем менее считались опасными, что некоторые религиозные культы были чрезвычайно богаты эротическими и неприличными изображениями и к ним допускались только взрослые мужчины в качестве зрителей, чтобы молиться во время празднеств и за своих жен и детей. А потому, если среди древнейших авторов античной порнографии поразительно много женских имен, то мы уже а priori можем допустить, что речь шла о публичных женщинах, о проститутках. Ведь и самое происхождение эротико-порнографической литературы связано с песнями кинедов, бродячих шутов и представителей мужской проституции, и с импровизированными грязными ямбами проституток во время элевзинских таинств в честь Деметры.

Находясь в постоянной связи с проституцией — связь эта продолжала существовать и дальше, только в скрытом виде, — порнографическая литература отнюдь не отрицает своего дионисьевского характера, который в достаточной степени сказывается во всех случаях, в которых она находит себе практическое применение: в танцах, дионисьевских празднествах, симпозиях.

Во всех трех случаях речь идет, как мы уже не раз говорили об этом, о психо-физических состояниях опьянения, которые, разумеется, очень часто сопровождались половым возбуждением и половыми эксцессами. Этим объясняется тесная связь софадически-эротических представлений и песен с пляской, религиозным экстазом и алкогольным опьянением во время симпози. Поэтому кинеды и танцовщицы обычно сопровождали свои хореографические представления неприличными песнями; поэтому же симпози представляли самый удобный случай не только для встреч с проституированными лицами обоего пола, но и для произнесения эротических стихов и для обсуждения эротических тем в форме речей, диалогов и вопросов. Поэтому же, наконец, искусство гастрономии и общительности во время симпози так тесно связано с искусством любви.

Весьма характерно, что, например, стоик *Хриссип* (ок.280–208 или 205 до н.э.) называет «Гастрономию» *Архестратоса*, то есть сочинение об искусстве по части еды, и пользующуюся сомнительной славой книгу *Филенис** о фигурах Венеры принадлежащими к одному роду литературы, а также то, что одно только имя *Архестратоса* уже напоминало во время симпозиума о величайшей разнузданности и разврате, так как в своем сочинении о гастрономии он описал все эксцессы, возможные в таком случае.

Еще яснее выступает эта связь в «Диалогах» и «Мемуарах о симпозиумах» стоика *Перзаиоса*, в которых объявляется, что за вином уместно говорить о любовных наслаждениях, и делается предложение о допущении молодых мальчиков и девушек на симпозиум, чтобы помешать собутыльникам заснуть. В названных сочинениях *Перзаиоса*, кроме различного рода гастрономических удовольствий, неременной принадлежностью симпозиумов называются также поцелуи. А потому это отнюдь не случайность, что именно гетера (*Гнафения*), по образцу аналогичных философских сочинений, написала в 323 стихах «Кодекс столовых законов», в котором рассматривается также половое общение с гетерами во время симпозиума и который *Каллимах*** даже поместил в свой сборник законодательных таблиц.

Хотя эротико-порнографическая литература греков очень давнего происхождения, но периодом ее расцвета была эллинская эпоха, к которой принадлежит большинство писателей в этой области, а вероятно, и многие сочинения, приписываемые более старым авторам. Известные места служили центральными пунктами собственно порнографической литературы. Такими, главным образом, Сибарис и Милет.

От этих общих замечаний мы переходим к краткому обзору отдельных видов и произведений литературы, поскольку они еще не были упомянуты нами.

* Под именем *Филенис* вышло сочинение о различных видах любовного наслаждения. Согласно ее надгробной надписи, сочиненной поэтом *Еспирином* из *Самоса*, оно было, однако, написано не ею, а софистом *Поликратом*, который хотел оклеветать гетеру, связав ее имя с такой книгой.

** *Каллимах* (ок. 310–240 до н.э.) — древнегреческий поэт.

Эротико-сотадическая поэзия

Мы можем останавливаться на рассмотрении эротической поэзии греков и римлян лишь постольку, поскольку в ней выступают на первый план физическая любовная страсть, связь с мужской и женской проституцией и с жизнью гетер. Сентиментальная же эротика сюда менее относится.

Старейшим представителем поэзии кинедов и развратных песен, которыми сопровождалась ионийские танцы и аналогичного характера музыка, считается *Питермос* из Теоса. Он же является, как говорят, и изобретателем неприличной ионийской музыки?

Периодом расцвета «кинедологии», или «ионикологии», была эллинская эпоха. О происхождении ее из развратных песен, популярных среди протитуированных лиц обоего пола, свидетельствует *Страбон*^{*}, когда сообщает, что фехтовальщик Клеомах влюбился в кинеду и в его содержанку проститутку и потом подражал их развратному способу выражений и поэтическому изображению нравов.

Затем *Сотад* и житель Этолии *Александр* переработали кинедологию в прозе, а *Симос* и *Лизис* — в стихах.

Но истинным творцом и главным представителем греческой порнографической литературы, по имени которого весь этот род литературы и до сих пор называется «сотадическим», был Сотад из Маронеи, живший при Птолемеи II Филадельфе и писавший свои неприличные сочинения как в прозе, так и в стихах. Его стихи обладали одной особенностью: они приобретали неприличный смысл лишь после того, как их читали в обратном порядке.

Даже смерть Сотада связана, как говорят, со сказанной им неприличной остротой по поводу свадьбы *Птолемея Филадельфа* с его сестрой *Арсинией*: по приказу государя, его будто бы сбросили в море в свинцовом ящике.

Другую категорию порнографических писателей — которые в Греции, впрочем, назывались не «pornographoi», что означало скорее творцов неприличной скульптуры и картин, а «kinaidologoi» — представляют авторы раегния, частью эротических, частью же прямо развратных поэтических произведений в прозе и в стихах. Изобретателем их считается *Ботрис* из Мессины на Сицилии.

* Страбон (64 или 63 до н.э. — 23 или 24 н.э.) — древнегреческий географ и историк.

В близком родстве с раегнія находятся эротические стихи о любви к мальчикам, большей частью неприличного содержания: paidia (paidica).

Стихотворения о любовном искусстве

Богатую литературу о любовном искусстве создали также индийцы, но она стала известна лишь в новейшее время, между тем как многочисленные произведения древних на эту тему, хотя из них сохранились лишь немногие, все же имели громадное влияние на последующую литературу, так что аналогичные произведения времен Ренессанса и новейшего времени почти всецело на них основаны. А все они в совокупности принадлежат к кругу литературы о проституции в более узком смысле. Не только создание таких произведений приписывалось литературно образованным проституткам, но они представляли практические руководства для сношений с проститутками, все равно, излагались ли в них специально бордельные наблюдения, как в статьях о фигурах Венеры, или же правила более тонкого любовного искусства при сношениях с дамами полусвета, классическим примером чего служит «Наука любви» *Овидия*.

Большинство этих произведений имели, по-видимому, поэтическую форму. Среди авторов поразительно много гетер. Мало того, весь этот род литературы считается первоначально творением проституток, опытных в области любовного искусства. Так как сохранились литературные произведения гетер в других областях, то нет основания отрицать возможность составления ими и таких писаний на половые темы. Правда, по случаю с *Филенис* мы знаем, что такие технико-эротические сочинения писали также мужчины, которые потом публиковали их под именем каких-нибудь известных по части этих искусств гетер. Но если и допустить, что родоначальниками таких произведений по эротической технике были мужчины, то сотрудничество в них опытных проституток все же весьма вероятно: ведь даже в делах более благородной любви охотно обращались за поучением к гетерам, как это сделал, например, *Сократ* (ок.470–399 до н.э.) по отношению к *Аспазии*, которая и получила с тех пор название «учительница любви». Впрочем, советчиц, помогавших писать эти сотадические произведения, правильнее было бы называть «учительницами разврата».

Эротико-порнографические романы и рассказы

По литературным указаниям, у греков существовали порнографические романы и рассказы, от которых однако, ничего не сохранилось,

В римской эротике мы должны прежде всего назвать знаменитый роман нравов *Петрония* «Сатирикон», или, вернее, сохранившиеся от него отрывки из 15 и 16 книг. Роман всюду обнаруживает законченную художественность изображения, которая сказывается не только в индивидуальной манере разговора каждого из персонажей, но и в полном жизнеописании социальных условий провинциальной жизни, в обрисовке выскочек, полового разврата и т. д. Ни один сатирик, вообще ни один памятник древности не может в этом отношении сравниться с романом *Петрония*.

Кроме «Сатирикона» *Петрония*, мы должны указать на «Метаморфозы» африканского платоника *Апулея*, которые состоят из рассказов и, в целом, представляют сатирический роман нравов, имеющий еще и второе заглавие «Золотой осел». Заглавие это произошло от лейтмотива, от превращения героя в осла.

Сочинение *Апулея* написано во времена *Марка Аврелия* (121–180, император с 161), а сам автор родился около 125 года н.э.

Идея произведения, очевидно, заимствована из новеллы *Лукиана* «Лукий, или Осел», в которой рассказана история молодого купца Лукия из Патры, пожелавшего изучить в Фессалии колдовство и по ошибке превратившегося при этом в осла, но сохранившего человеческое сознание и рассказавшего затем, что он пережил, будучи ослом, пока не получил снова человеческий облик. Роман *Апулея* представляет дальнейшее развитие рассказа *Лукиана*, интересного с точки зрения истории нравов, но *Апулей* вплепел в свой рассказ еще целый ряд историй о привидениях, разбойниках и скандалах, а также милую сказку об Амуре и Психее. В обоих произведениях часто затрагивается также жизнь гетер и проституированных мальчиков.

Исследования и статьи о половом влечении и различных видах любви

Особую категорию эротической литературы представляют философские исследования о сущности и значении полового влечения и о различного рода его проявлениях. Академики, перипатетики, стоики, эпикурейцы рассматривали половую проблему в многочисленных произведениях, написанных большей частью в форме диалогов и носящих преимущественно заглавие «*Eroticus*», или «Об эросе». Чаще всего в этих сочинениях рассматривался вопрос о том, заслуживает ли предпочтения любовь к женщинам или к мальчикам.

Эротико-порнографические стенные надписи и приапическая

эпиграфика

Как на последнюю и своеобразную категорию античной порнографии, мы должны указать на поэтическую и прозаическую литературу, происшедшую из стенных надписей. В основе своей это порождения чрезмерного полового чувства, вследствие чего они встречались, главным образом, на стенах борделей и храмов дионисьевских богов, например, Приапа, что весьма для них характерно. Им родственны стенные надписи в публичных отхожих местах, которые играли в этом отношении в древности такую же роль, как и в настоящее время.

Название «эпиграмма» для краткого стихотворения, состоящего из нескольких двустиший, объясняется тем, что оно происходит первоначально от эпиграфа, надписи для храма, статуи или бюста. Эти неприличные эпиграммы надписывались в большом числе на статуях Приапа или на стенах посвященных ему храмов и ревностно читались посетителями, в том числе и женщинами. Такие стихи назывались *ргiареа*.

Из этих стенных стихотворных надписей возникла художественная приапическая поэзия, в которой пробовали свои силы *Гораций* и *Катулл*, а позднее *Петроний*, *Марциал*, *Апулей* и другие.

Наряду с приапическими надписями, мы должны назвать эротические стенные надписи, многие из которых стали известны благодаря раскопкам в Помпее. Всего чаще они, конечно, производились в борделях, но имеются также и в общественных местах в Афинах, например, на колоннах и в домах Керамеикоса.

Наконец, неприличными стихами и выражениями испещрены были также стены публичных отхожих мест. И в древности также была своя скатологическая литература, корни которой нужно искать в бессознательной, инстинктивной ассоциации между процессами половой жизни и совершаемыми в названных местах отправлениями.

Наряду с литературой, эротикой была проникнута живопись и скульптура. Отсутствие стеснений и наивность древних именно здесь обнаруживаются особенно поразительно, в том смысле, что многие приапические и неприличные произведения, например, живописи, выставлялись совершенно открыто, публично.

«Едва ли существует другая эпоха, — говорит *Эдуард Фукс**, — которая предоставила бы в наше распоряжение аналогичный по своему богатству материал в сфере эротических художественных изображений. Нигде изо дня в день не накапливается еще и теперь столь неистощимый материал, как из времен древности. Куда бы ни прикоснулась лопата, она извлекает на по-

верхность все новые относящиеся к этой области предметы, все равно, будем ли мы производить раскопки в Египте, Греции или Италии, отбрасывая сор, чтобы выкопать великое прошлое. Вот почему теперь во всякой более или менее значительной даже частной коллекции мы находим целый ряд таких произведений — бронзу, терракоты, монеты, геммы, фрески, мраморные скульптуры и т. д., — составляющих в совокупности неисчерпаемое богатство по изумительным мотивам и силе художественного творчества. Не бесплодны, однако, поиски эротических произведений древности и в общественных коллекциях. Некоторые из них обладают даже обширными особыми отделениями для этой цели (как, например, Национальный музей в Неаполе и Ватиканский музей в Риме)...

Что изготовление настоящих эротических произведений искусства составляло в древности чрезвычайно процветавший промысел, а не было только простой случайной работой для немногих любителей, доказывает и значительное число эротических мозаик, найденных с течением времени. В Неаполе хранится мозаика размером не менее четырех квадратных метров. Составленная из больших черных и белых кубиков, она изображает любовные игры на Ниле. Тот же мотив, только в меньшем масштабе, найден был в Помпее, но в форме фресковой живописи. Стены домов терпимости богатых римлян и богатых гетер часто украшены были драгоценными эротическими фресками, а пол состоял из эротической мозаики; на колоннах и капителях мы находим эротические группы из мрамора и бронзы.

Из этих вещей, представляющих в то же время художественные документы эротики древних, сохранилось благодаря неувядаемому материалу большое число, и чтобы исчерпать хотя бы часть этого древнего искусства, составив соответствующий каталог, воистину понадобился бы объемистый том...

Само собой понятно, что эротизм в изобилии процветал и в предметах мелкого искусства. Все, что принадлежало к предметам повседневного употребления, украшено было эротическими изображениями. Прежде всего это нужно сказать о столовой посуде и глиняных вазах, этом главном предмете античной индустрии. Вазы с эротическими изображениями мы находим сотнями; такими экземплярами обладают не только музеи, но и мно-

* Фукс Эдуард (1870 — ?) — немецкий историк культуры. Наиболее значительный его труд — «Иллюстрированная история нравов» — переведен на многие языки, в том числе и на русский, но в настоящее время является библиографической редкостью. В начале XX века Фукс обладал уникальным собранием документов и иллюстраций, часть которых увидела свет в его книге «История эротического искусства».

гие частные коллекции. Эротические изображения на вазах чрезвычайно стары: многие из таких ваз выкопаны из могил в Апулии, вероятно, еще этрусского происхождения...

К мелкому искусству принадлежит и резьба по камню, никогда не достигавшая такой высоты, как в античную эпоху. В резьбе по камню чаще всего встречаются эротические изображения. Эротические геммы были одним из главных предметов торговли античных городов».

Сюда относятся также бесчисленные приапические колонны, фаллические символы, амулеты, игрушки и предметы употребления. Словом, изображения половой жизни как дионисиевского начала пользовались самым широким распространением в обществе. Вещи эти, несомненно, рассматривались без всякого стеснения и объективно, и были предметом религиозного почитания. Зритель не принимался здесь во внимание как дополнение к изображению.

Напротив, другая, весьма значительная часть эротического искусства в александрийскую и более позднюю эпоху произошла из утонченной чувственности и всюду обнаруживает отношение к проституции и к жизни гетер. В общем, в порнографическом искусстве древности можно различать религиозно-мифологическое и реалистически-светское направления. Наглядное представление о всей вообще жизни разврата и наслаждений древности мы получаем главным образом из этого последнего. Эротические симпозиумы, проституция и жизнь в борделях, употребительные в лупанариях фигуры Венеры изображены здесь на картинах.

Портреты и статуи гетер

Лишь в эллиническую эпоху вошло в моду, что знаменитые художники рисовали портреты гетер, вероятно, по поручению их любовников. Эта отрасль живописи по временам, вероятно, процветала, так как существовал даже особый вид портретистов проституток, или порнографов, которые рисовали портреты проституток с натуры.

Более старого происхождения, чем живописные портреты, были пластические изображения проституток, которые можно проследить чуть ли не до архаического периода искусства.

В период расцвета гетеризма, в IV и III веках, статуи гетер стояли в храмах и других общественных зданиях, наряду с изображениями полководцев и государственных людей. Все эти произведения связаны с самыми знаменитыми именами как художников, так и гетер. Так, *Пракситель* сделал две статуи *Фрины*: одна, из мрамора, стояла на ее родине в Веспии, рядом с «Афродитой» того же художника, а другая, из позолоченной ме-

ди, находилась в Дельфах, куда отправила ее сама Фрина с обычным посвящением оракулу. В особенности была знаменита в древности статуя *Праксителя*, изображавшая веселую проститутку, моделью для которой считали *Фрину*. Изображение было настолько реально, что в лице проститутки будто бы замечали даже как любовь художника, так и вознаграждение за нее.

Рисунки на вазах

Обширных размеров достигло в древности живописное изображение гетер и проституции на вазах. Эротические сцены встречаются во множестве уже на более старых сосудах. Так, живший еще 500 лет до н.э. художник *Бригос* развил этот вид художественных изображений на вазах в особую отрасль живописи.

На чашке *Эпиликоса* в Лувре мы видим неприличные группировки мужчин и женщин, большей частью противоестественного характера. Бордельная сцена с применением искусственного члена изображена на одной из чашек в *Бургиньонской коллекции* в Неаполе. На одной старинной вазе мюнхенской пинакотеки изображены 16 мужчин и 17 женщин в самых неприличных положениях, на другой вазе — трое бородатых голых мужчин и голые женщины в неприличной группировке.

На чашках из Акрополя поразительно часто встречаются изображения половых сношений. Афинский народ, по-видимому, не был разборчив в выборе подарков, посвящаемых богам города.

Способностью изображать неприличные вещи в таком виде, чтобы они раздражали чувственность, отличается эллинская живопись на вазах. Здесь показаны попойки и танцы с гетерами, интимные детали туалета и, наконец, различного рода половая деятельность.

Бордельные картины и пластические произведения

Наряду с рисунками на вазах, существовало значительное число эротических художественных произведений, которые предназначались непосредственно для целей проституции и разврата, частью для борделей, частью для книг или предметов употребления.

Поставщиками таких картин для развратников служили — и даже прославились в этом отношении — некоторые знаменитые художники. Самым старым из них называют *Паррасия* (2 пол. V в. до н.э.). Он рисовал небольшие картины на неприличные темы. Известна его картина, изображающая архигалла (верховного жреца Кибелы), которую император *Тибериус* купил за 60000 сестерций и запер в своей спальне. Сюда же отно-

сится всем известная в древности картина с изображением сокупления *Меллеагра* и *Аталанты*, впоследствии также проданная *Тиберию* с условием, что если тема картины будет ему неприятна, ему дадут за нее 1000000 сестерций, но он предпочел картину деньгам и повесил ее в своей комнате.

Пластические изображения эротических сцен мы находим на рельефах, предметах употребления, геммах.

В домах лучших гетер и знатных светских кутил с художественным вкусом украшалось также любовное ложе. Так, например, *Нерон* велел украсить свои ложа жемчугами. Император *Гелий Вер* (131–168) велел устроить ложе с четырьмя подушками, окруженное сетчатой занавесью, и наполнить его розами. Там он отдыхал, помазанный персидскими благовонными мазями, вместе со своими любовницами, под усыпанным лилиями покрывалом, читая при этом «Науку любви» *Овидия*. Он велел сделать для себя подушки из роз и лилий.

Такие сцены освещались эротически украшенными фонарями* и начинались попойками, во время которых пили вино из стеклянных Приапов и ели печенья в форме Приапов.

* Лампы в форме фаллоса найдены массами в Помпее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛОВОЙ ВОПРОС В ДРЕВНОСТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ И БОРЬБЫ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

Существование полового вопроса в древности. — Половая наивность и естественный взгляд на половую жизнь. — Страх перед любовной страстью. — Аскетические тенденции. — Религиозный аскетизм. — Развитие дуализма между плотью и духом в греческой философии и клеймение позором половой жизни. — Духовный реформированный брак. — Медицинский спор о половом воздержании. — Литературная цензура. — Половое лицемерие философов. — Женоненавистничество как средство, благоприятствующее развитию проституции. — Убеждение в необходимости проституции. — Евгенизм как центральный пункт полового вопроса в древности. — Идея общности жен в «Государстве» Платона. — Изгнание плода и отношение к этому со стороны общественного мнения и законодательства. — Искусственные предупреждения зачатия. — Вредное влияние алкоголя на расу. — Попытки проведения половой реформы на практике. — Греческий и римский конкубинаты. — Существование конкубината в средние века. — Причины безрезультатности половых реформ в древнем мире.

В теперешних дискуссиях и предложениях реформ для новой организации половых отношений значительную роль играют болезни и обширное распространение их путем проституции, что для древней эпохи совершенно исключается. Этим объясняется значительная непринужденность и наивность, с которой рассматривали в то время половые сношения — неомраченная страхом заражения наивная радость от половых наслаждений, для которых свободный мужчина имел также в древности больше досуга. Такое отношение к половым наслаждениям, которые считались столь же необходимыми, как еда и питье, сказалось, например, в знаменитой надгробной надписи *Сарданапала**: «Пока я видел солнечный свет, я ел, пил и предавался половым наслаждениям».

Этот естественный взгляд на вещи разделяло и большинство врачей. Уже последователи *Гипократа* подчеркивали необходимость половых сношений по наступлении половой зрелости и вред от продолжительного воздержания в это время. В сочинении «О девственницах» очень наглядно описано неблагоприятное влияние полового воздержания на душевное состоя-

* Сарданапал — имя последнего ассирийского царя у многих древних авторов.

ние и, как целебное средство, рекомендуются половые сношения в браке. Необходимость сношений для здоровья доказывается также в сочинении *Гипократа* «О семени» (гл.4).

Во время империи вопрос о пользе и вреде половых сношений горячо дебатировался в медицинской литературе; выдающиеся врачи, как *Руф* из Эфеса и *Гален*, писали особые сочинения о половых сношениях. Любопытно, что *Руф* начинает свою статью категорическим заявлением, что половое сношение представляет естественный акт и, как таковой, само по себе безвредно. Отсюда можно заключить, что в медицине, очевидно, существовала партия, которая считала половые сношения «нестественными» и заслуживающими осуждения.

Совершенно так же высказывается *Гален* в начале статьи, направленной против взгляда философа *Эпикура* (342–271 до н.э.), что половые сношения оказывают вредное влияние на здоровье. Оба врача сходятся в оценке половых сношений как естественного и безусловно нравственного явления и отвергают только эксцессы. *Гален* особенно предостерегает против преждевременных половых сношений в период полового созревания, а с другой стороны — и против дурных последствий слишком долгого воздержания.

Таким образом, осуждали только неумеренное удовлетворение полового инстинкта, умеренное же считали необходимым для здоровья и предохранительным средством против чрезмерной духовной любовной страсти, которая признавалась в то время чем-то болезненным.

Лукреций писал:

*Но убежать надо нам этих призраков, искоряя
Все, что питает любовь, и свой ум направлять на другое,
Влаги запас извергать накопившийся в тело любое,
А не хранить для любви единственной, нас охватившей,
Тем обрекая себя на заботу и верную муку.
Ведь не способна зажить застарелая язва, питаясь;
День ото дня все растет и безумье и тяжкое горе,
Ежели новыми ты не уймешь свои прежние раны.
Если их, свежих еще, не доверишь Венере доступной,
Иль не сумеешь уму иное придать направленья
Вовсе Венеры плодов не лишен, кто любви избегает:
Он наслаждается тем, что дается без всяких страданий.
Чище услада для тех, кто здоров и владеет собою,
Чем для сходящих с ума.*

(О природе вещей. Кн. IV. Пер. Ф.Петровского)

В то же время, в народной жизни греков можно проследить аскетическое движение, направленное против проституции. Сначала оно носило религиозный характер, затем испытало бо-

лее глубокое философское обоснование и, в конце концов, нашло отклик и практическое осуществление в широких кругах представителей светской науки (например, в медицине) .

Как мы уже отмечали, половая жизнь в древности, с одной стороны, имеет религиозную окраску: она посвящена божеству и считается священной, что сказалось в религиозной проституции, в фаллических культах и символах. С другой стороны, существует и противоположное воззрение, по которому половая жизнь считается чем-то нечистым, недостойным божества, поэтому его официальные представители на земле, жрецы и жрицы, обязаны соблюдать целомудрие. Идея воздержания от половой жизни по религиозным мотивам распространена по всему земному шару. Мы находим ее у американских индейцев, на Канарских островах (девственные жрицы), в Персии (жрицы солнца), в Индии, во Фракии, в Галлии...

Из этого первобытного взгляда о нечистоте половой жизни и святости целомудрия произошло у греков и римлян требование полного полового воздержания жрецов и жриц. У греков, например, жрицы Диониса должны были произносить следующую клятву: «Я соблюдаю священные обычаи, я чиста, целомудренна, не запятнана тем, что оскверняет, и прикосновением мужчины». У римлян существовала знаменитая коллегия жриц из шести весталок, «священных девственниц». (Правда, как в Греции, так и в Риме практическое осуществление аскетического идеала ограничилось лишь указанными религиозными учреждениями, в широких кругах эта идея не нашла такого отклика, как впоследствии в христианстве.)

Противопоставление чистого и нечистого, души и тела, замечается уже в греческой мифологии. Весьма поучительно в этом отношении понятие о небесной и земной богине любви, об Афродите Урании и Пандемос. По Сократу, любовь к телу происходит от обыкновенной Афродиты, а любовь к душе и к добродетели — от небесной. Это противопоставление можно найти и между богом света Аполлоном и богом чувственной природы Дионисом; с одной стороны — чистое мировоззрение, с другой — упоение жизнью, «аполлоновское» и «дионисьевское» начала, по Ницше.

К этим религиозным представлениям примыкали исследования философов, которые оказали величайшее влияние на развитие дуализма между «плотью» и «духом». Душевное все более и более отделялось от телесного, которое считалось менее ценным низшим началом; тем самым, накладывали известное клеймо и на половую жизнь как на телесную функцию, телесное явление.

Ксенофан (ок.570 — после 478 до н.э.) относит душу, как воздух, к небесному началу, а тело возвращает земле. Платон перенес это представление на половую жизнь и развил учение о небесном и земном эросе, которое в конце концов завершается настоящей эротической мистикой. Он является первым представителем учения о превращении, сублимировании половых процессов в духовные явления, которое затем развивали *Ницше* и *Фрейд* (выражение «сублимирование» принадлежит *Ницше*). По *Платону*, всякое истинное творчество связано с чувственностью. Как для половой, так и для умственной деятельности он употребляет одно и то же определение — «творчество в области прекрасного»; и та, и другая коренятся в таинственной глубине человеческого организма. Однако чисто физическое проявление полового инстинкта *Платон* считает менее ценным, чем духовное начало. Это связано, вероятно, с отвращением, которое питали греки ко всякой победе чувственного над разумным, ко всякому порабощению разума, которое в половом акте особенно очевидно. *Демокрит* (ок.470 — ок. 380 до н.э.) боялся половых наслаждений, потому что они подобны временному апоплексическому припадку и вместе с тем вызывают чувство, сравнимое с тем, что испытывает человек, когда чешет зудящее место. *Гиппократ* называет половое сношение «малой эпилепсией», чтобы подчеркнуть временное отсутствие сознания при этом.

Сказанное объясняет, почему Платон («Тимей») называет мужские половые органы «непокорными и своевластными, как зверь, который не слушается разума». Они «стремятся все покорить своим бешеным вожделением; по тем же причинам и совершенно то же самое бывает у женщин с влагилицем и маткой».

Исследования *Сократа* и *Платона* о любви и высших и низших видах ее дали толчок к развитию богатой философской литературы на эту тему. Особенно большое влияние на последующее время оказали взгляды на половую жизнь, которых придерживалась основанная *Антисфеном* (ок. 450 — ок.360 до н.э.) школа киников.

Кинизм возводит в идеал отсутствие потребностей; киники выступили как моралисты, проповедники нравственности, особенно в половом вопросе. Сам *Антисфен* весьма враждебно высказывается о любви: она представляет, по его мнению, ошибку природы, и только подверженные ей несчастные люди сделали из Эроса бога.

Уничижению любви у киников соответствует презрение к женщине, с которым связан их взгляд на проституцию и она-низм, как на простейшее средство полового удовлетворения. Только грубый физический акт остался для них необходимой вещью, от которой желательно было, однако, по возможности

быстро и равнодушно отделаться. *Антисфен* сам хвастал, что ему удобно вступать в сношения лишь с такими проститутками, с которыми никто уже не имеет дела. *Диоген* открыто мастурбировал на улице и жалел при этом, что не может так же просто утолить голод. О нем передают, будто он публично предавался разврату с проститутками. О кинике *Кратесе* говорят, будто он публично совершил половой акт со своей молодой супругой *Гиппархией* и назвал это «собачьей свадьбой».

Стойки во всех этих вопросах были верными последователями киников. *Хрисипп* (ок.280 — 208 или 205 до н.э.) защищал бесстыдство *Диогена*, многие другие стойки защищали проституцию и сутенерство. В конечном счете, все эти воззрения вытекают из дуализма между телом и душой, который со времени *Платона* все резче выражался в философских системах. Прекрасно понял эту связь *Эдуард Целлер**. «Мораль, — говорит он, — которая так резко разграничивает внутреннее и внешнее, лишь первое считая существенным, а второе рассматривая как нечто совершенно безразличное; для которой ничто не имеет цены, кроме добродетельного образа мыслей, и которая видит высшую цель именно в независимости от всего прочего — такая мораль неизбежно должна была обнаружить шаткость там, где нравственная задача заключается в том, чтобы сделать чувственность орудием и явлением духа. И если преобладающей чертой морали оказалось стремление предоставить чувственности меньше прав, чем ей принадлежит по самой ее природе, то в отдельных случаях не могло быть недостатка и в обратном: моральное значение права, связь которого с общим воззрением не была очевидна, осталось нераспознанным и признавалось безразличным.»

Эта преобладающая черта — подавление полового момента — достигла полного развития в неоплатонизме, когда *Эпикур* по гигиеническим соображениям высказался вообще против половых сношений, объявив их вредными для здоровья. Это соответствовало его своеобразным взглядам на ограниченность и негармоничность физической похоти.

В то время как идея об удалении из мира, об аскетизме и вражде к природе лишь коснулась души *Платона*, не завладев ею, связанное с его именем и его учением философское направление неоплатоников превратило эту идею в центральный пункт своего мировоззрения. *Плотин*** называет материю первичным злом, с которым душа вступает в теле в пятнающую ее связь.

* Целлер Эдуард (1814–1908) — немецкий историк античной философии.

** Плотин (ок.204 — ок.269) — греческий философ-идеалист, основатель неоплатонизма.

Поэтому тело есть только оболочка, которую мы должны сбросить, чтобы причаститься к божественному) несовместимо с любовью к телу и с чувственным наслаждением. Отсюда следует, что все чувственные ощущения позорны, что чувственная страсть должна быть всецело подавлена. Неоплатоники требуют полного аскетизма, и прежде всего в половом отношении. Так, например, даже естественное половое наслаждение *Порфирий* (ок.233 — ок.304) рассматривает как «загрязнение». Все, что связано с плотью, рассматривается как греховное, в полном согласии с учением еврейского философа *Филона* (ок.25 до н.э. — ок.50 н.э.), разработавшего учение о первородном грехе во всей его строгости.

Последствием такого взгляда на греховность половых отношений было половое воздержание, которое проявилось в древности в трех формах. При одной из них речь идет об относительном, при двух других — об абсолютном воздержании от половой жизни. Первая форма характеризуется требованием, чтобы половые сношения служили не сладострастию, а только размножению. Ее защитниками являлись главным образом неопифагорейцы. Меньшинство еврейской секты ессеев придерживалось такой же точки зрения и, в противоположность большинству этой секты, даже вступало в брак, но только с женщинами, относительно которых были убеждены, что те будут рожать детей. Они испытывали своих невест в течение трех лет, и если после трехкратных очищений убеждались в их плодовитости, то женились на них. Беременной женщины нельзя было больше касаться.

Последователем таких учений был и римский император *Песценний Нигер* (? — 194), о котором его биограф *Спартиан* сообщает: «Он предавался любви лишь с целью произведения на свет детей, а потому однажды в Галлии, по общественному требованию, на него возложено было исполнение мистерий, для которых выбирались главным образом целомудренные».

Полного воздержания требовал так называемый «реформированный брак», если только можно применить к аналогичному явлению древности этот современный термин. *Элиан* сообщает о цитристе *Амоибеасе*, столь целомудренном, что он не вступал в половую связь даже со своей очень красивой женой.

Идея целомудренного брака нашла последователей в неоплатонизме и христианстве. Так, *Порфирий* в преклонном возрасте женился, но в письме к жене не только отрицает всякие чувственные побуждения к этому шагу, но даже намекает, что воздерживался от супружеских сношений.

Третью форму полового аскетизма представляет абсолютное воздержание в безбрачии.

Идея о противоположности между телом, как носителем чувственных наслаждений, и духом, как носителем божественного познания, и вытекающем отсюда половом аскетизме не ограничивалась философскими кругами и вскоре нашла себе почву в общественной жизни. Это показывает, например, «Ипполит» *Еврипида* (ок. 480 — 406 до н.э.), затем признание *Саллюстия** (в первой главе «Югуртинской войны») о дуализме души и тела и его последствиях и, наконец, проникновение аскетических воззрений в медицину. Необыкновенная защита половой жизни, принадлежащая *Руфу* из Эфеса, доказывает, что среди врачей, вероятно, существовала партия, оспаривавшая это положение. Партию эту нужно искать в школе методиков, как это видно из чрезвычайно интересных взглядов главного ее представителя, *Сорана*. В книге о женских болезнях он рассматривает вопрос о воздержании, противопоставляя друг другу различные медицинские партии, которые уже в древности защищали те же противоположные воззрения, что и теперь.

«Полезна ли для здоровья девственность?» Таково название главы, в которой *Соран* говорит следующее:

«На вопрос о том, полезна ли для здоровья девственность, некоторые отвечают положительно, а другие отрицают. Первые говорят, что тело страдает от чувственных потребностей. Так, влюбленные неоднократно бывают бледны, слабы и тощи; девственность же не знает любви и потому не имеет потребности в ней. Кроме того, изливание семени в такой же степени вредит женщинам**, как и мужчинам; таким образом, девственность целебна для здоровья, потому что устраняет изливание семени. Доказательством этого служат неразумные животные: нетронутые кобылы лучше бегут; свиньи, у которых вырезана матка, больше, жирнее и сильнее, мясо их так же твердо, как у борова. То же самое, очевидно, имеет место и у человека. Мужчины, оставшиеся невинными, сильнее и больше других и пользуются лучшим здоровьем в течение всей жизни; следовательно, и женскому полу полезнее для здоровья сохранять целомудрие. Зачатие и роды истощают тело женщины, и она скоро блекнет, поэтому мы по справедливости должны признать девственность, избавляющую женщину от этих вредных моментов, полезной для здоровья.

Исследователи, придерживающиеся противоположного взгляда, утверждают, напротив, что потребность в любви присуща не только женщинам, но и девушкам. У некоторых девушек

* Саллюстий (86 — ок. 35 до н.э.) — римский историк.

** Древние допускали существование «женского семени», к которому относили, по-видимому, выделения Бартолиниевых желез.

она сказывается даже в более тягостной форме, чем у замужних женщин, так как находит себе удовлетворение только в половом сношении, а никак не в воздержании. Пребывание в девственном состоянии не уничтожает полового инстинкта.

Говорят также, что изливание семени, как у мужского, так и у женского пола, само по себе не вредно и становится вредным только в том случае, когда оно чрезмерно. При постоянном изливании семени тело страдает; напротив, изливание оказывает целебное действие, если происходит через известные промежутки времени, ибо оно уничтожает чувство тяжести при движениях и расстройстве (в гортани). Многие после сношения двигаются легче, и походка их более гордая. Некоторые говорят, что расстройство семени вредно, потому что вызывает слабость и тем самым приносит вред телу; но если сношения имеют место не слишком часто и через правильные промежутки, то они даже приносят пользу, облегчая менструацию. Подобно тому, как движения вызывают потение всего тела, а покой обыкновенно ограничивает и задерживает пот, и подобно тому, как напряжение сил во время речи причиняет более сильное отделение слюны, частое упражнение женских половых органов во время полового акта точно также вызывает ослабление всего тела: матка становится слабее, и менструация может происходить беспрепятственно. Так, у многих женщин во время продолжительного вдовства кровь отделялась только по каплям и с трудом, после повторного замужества они снова менструировали без всяких затруднений.

Кастрированные свиньи, правда, жирнее, но это происходит от того, что у них нет внутреннего органа, который совершает месячные отправления. Человек, не имеющий ног, не может страдать подагрой, а слепой не может косить, потому что у них нет органа, в котором локализуется болезнь. Естественно, что не имеющие матки особи не испытывают тех затруднений, которые причиняются маткой, но у девушек ведь есть матка. И если они всецело воздерживаются от объятий, то можно опасаться, что деятельность матки у них прекратится.

С другой стороны, утверждают, что с воздержанием от половых сношений отпадают также муки родового акта, но против этого можно сказать, что дурные стороны воздержания все же гораздо больше, так как при этом затрудняется менструация. При воздержании такие особи становятся жирными и толстыми, потому что у них происходит постепенно накопление материала, который должен был бы пойти на месячные очищения. Таким образом, девственность в общем вредна.

Вот как оба воззрения стараются доказать свою справедливость. Мы думаем, однако, что девственность на всю жизнь благоприятна для здоровья, как я уже подробнее говорил об этом в моем сочинении о здоровье. Мы видим, что среди самок животных те, которым препятствуют совершать половые сношения, сильнее других, и что те женщины оказывают болезням большее сопротивление, которые в силу закона или из религиозных соображений воздерживаются от половых сношений и вынуждены соблюдать целомудрие. А если при этом затрудняется менструация и женщины нередко становятся жирными и толстыми, то причина этого заключается в лени и неподвижности тела; большинство из них содержится в четырех стенах и под надзором, они лишены физических упражнений и связанного с ними физического благосостояния, и потому часто подвергаются упомянутым выше расстройствам».

Рассуждения *Сорана* показывают нам состояние вопроса о половом воздержании на повороте I и II столетия н.э. Мы видим, что противники и сторонники полового воздержания были уже в то время приблизительно равносильны, что, следовательно, и в среде врачей уже нашли отклик аскетические идеи философии, хотя они и обосновывались здесь главным образом гигиеническими соображениями. Сам *Соран* признает себя сторонником этих идей, и из нижеследующих слов, которым он заключает свое рассуждение, мы видим, что он сам считал половую жизнь неизбежным злом: «Таким образом, — говорит он, — хотя сохранение девственности на всю жизнь полезно для здоровья у обоих полов, но всеобщий закон природы, по которому оба пола должны участвовать в произведении потомства, предполагает половое смешение».

В более позднюю древнюю эпоху широко распространено было воззрение, что половая жизнь представляет нечто нечистое, греховное, почти противное природе. Последствием такого взгляда были два весьма важных явления, которые с тех пор не перестают обнаруживать самое пагубное господство в отношениях полов. Мы говорим о половом лицемерии, с одной стороны, и о презрении к женщинам, или мизогинии, — с другой. Оба эти психологические явления тесно связаны с проституцией, развитию которой они чрезвычайно способствуют и, в свою очередь, сами усиливаются под ее влиянием. Если половая жизнь объявляется чем-то нечистым, а женщина, воплощение полового начала, воспринимается как нечто менее ценное и низменное, то ничего нет удивительного, что та же самая женщина является в проституции простым объектом чувственных вожделений, средством для достижения цели, что проституция на этой почве дает рос-

кошныe ростки, что ее защищают даже умнейшие из мужчин и что она, в свою очередь, постоянно поддерживает презрение к женщине.

В то время как первоначально половая жизнь играла в жизни древних значительную роль и находила себе открытое и честное выражение в языке греков и римлян — что сказывается в богатой эротической терминологии, — позже на сцену выступает половое лицемерие, которое не только не позволяет называть эти вещи своим именем, а в самых безобидных словах и в невинной игре слов подозревает нечто нечистое, но и вообще дает себя знать в жизни на каждом шагу.

Что касается первого пункта, то есть *полового лицемерия*, то уже Ф.Риттер прекрасно объяснил его происхождение в языке тем, что он «придает объектам вожделения более высокое значение». В словах здесь видели гораздо больше нечистого, грязного, чем при прежнем свободном, наивном отношении к половой жизни.

Дошли до того, что неприличный смысл придавали даже тем словам и словосочетаниям, которые не содержали никаких половых понятий и только по созвучию напоминали неприличное слово. Лицемерие, заставлявшее скрывать все естественно, особенно резко выступало у римлян, даже в научных и медицинских книгах. Так, например, у *Цельса** не заключающие в себе ничего неприличного чисто медицинские названия гениталий отвергаются как запрещенные в научном языке. Впрочем, *Цельс* принадлежал к многочисленной уже в древности категории людей, выслеживающих и улавливающих всюду неприличное. *Квинтиллион* (ок.35 — ок.96) сообщает, что даже в безобидных словах *Вергилия* о море — «Пучина морская пухнуть, волнуясь, начнет» («Георгики». Кн.1) — он подозревал нечто неприличное.

Такое «улавливание» неприличия уже и тогда дало своеобразные ростки — римляне являются в этом отношении англичанами древности. У них были, например, запрещены некоторые слова только потому, что у более древних авторов они встречались в известном эротическом смысле. *Квинтиллион* говорит: «Вина лежит здесь не на писателе, а на читателе. Тем не менее, нужно избегать таких слов, так как наши нравы испортили честные слова, и мы должны уступить дорогу победоносному пороку».

* *Цельс* Авл Корнелий (1 в. до н.э.) — автор древнеримского энциклопедического трактата.

Дурной славой моралистов, проповедующих воду и пьющих вино, пользовались философы. *Лукиан* говорит о них в «Икаромениппосе»: «Они прикрываются величественным именем добродетели, подымают кверху брови и волочат за собой длинные бороды, чтобы аффектированной внешностью скрыть свои отвратительные нравы. Ученикам они проповедуют сдержанность и умеренность, а когда остаются одни — если бы только знали, сколько они едят и какому предаются половому разврату! Как много я знаю позорного и отвратительного о них и их ночных похождениях — о них, которые днем выглядят такими серьезными, мужественными и важными и которым так поклоняется невежественная толпа». В десятой беседе гетер *Лукиана* описан киник Аристенет, мрачная фигура с длинной козлиной бородой, который произносит добродетельные речи и предостерегает своих молодых учеников от сношений с гетерами, потому что он закоренелый педераст и хочет сохранить наиболее красивых юношей для самого себя.

Сенека говорит о большинстве философов, что они проповедуют свой собственный позор. Когда слышишь их громовые речи, невольно думаешь, что они делают признания относительно самих себя

Еще более, чем половое лицемерие, развитию проституции способствовала *мизогиния*, женоненавистничество. Она представляет, главным образом, продукт греческой культуры и связана с полным исключением женщин из общественной жизни, которое может быть доказано уже во время *Гомера*, и с уже очень рано распространенным взглядом, что природа женщины сама по себе есть зло. Наиболее старым литературным памятником женоненавистничества является знаменитое стихотворение *Семонида Аморгского* (VII в. до н.э.) о женщинах, в котором он сравнивает их с различными животными и приписывает женщинам все слабости и пороки этих животных.

В классическую эпоху наиболее значительным литературным памятником презрения к женщине является «Ипполит» *Еврипида*, особенно большая речь главного героя:

*О, Зевс! Зачем ты создавал жену?
И это зло с его фальшивым блеском
Лучам небес позволил обливаться?
Иль для того, чтоб род людской продолжить,
Ты обойтись без женщины не мог?
Иль из своих за медь и злато храмов
Иль серебро не мог бы сыновей
Ты продавать, чего который стоит,
Освободив жилища нам от жен?
Что жены зло, мне доказать нетрудно.*

*Родной отец за дочь, ее
Взлелеявши, чужому человеку
Приданое дает — освободи
Его от дочки только...
(Пер. И.Анненского)*

Римлянам такое неуважение к женщине первоначально было чуждо, однако под влиянием греческой литературы и философии мизогиния, как всепожирающий яд, и здесь постепенно пропитала общество, заразив, в конце концов, и новое христианское учение.

Античный взгляд на проституцию, как мы уже неоднократно указывали, теснейшим образом связан с несвободным положением женщины и с мизогинией. От *Солона* до *Августина** мы видим мыслителей и поэтов, философов и теологов, людей чистого и благородного образа мыслей, защищавших необходимость проституции; в их числе мы находим таких людей, как *Катон* и *Цицерон*, и видим, что даже стойки оправдывают проституцию и сутенерство. Олигархи, абсолютные государи и политические деятели покровительствовали проституции, веря, что она служит безобидным клапаном для мужских страстей и что таким образом можно отвлечь мужчин от политической деятельности — рецепт, который и теперь еще применяется в некоторых государствах**.

Благородных и просвещенных людей, которые бы высказывались против всякого рода проституции, в древности было очень мало. В то время как старейшие греческие стойки были даже, как мы видели, горячими защитниками необходимости проституции, возникшее в Риме течение стоической философии придерживалось противоположной точки зрения и отвергало проституцию как нечто абсолютно безнравственное.

Поистине глубокое и достойное удивления понимание связи между унижением женщины и проституцией, понимание недостаточности всякого государственного урегулирования и всякой терпимости к профессиональному разврату, а также губительного влияния легализации разврата на общественную жизнь мы находим у *Дио Хризостома* из Прузы, ритора первого христианского века. Он первый убежденный аболиционист***, доказав-

* Августин Блаженный (354–430) — христианский теолог и церковный деятель.

** У Алкифрона гетера Таис пишет Эвтидемосу: «Кто имеет сношения с девушкой, тот не мечтает о том, чтобы сделаться тираном, и не вызывает беспорядков. Напротив, он уже с раннего утра отдается бокалу, в 3 или в 4 часу он уже пьян и настроен вообще мирно».

ший ничтожество античного воззрения на проституцию со всеми ее практическими последствиями (публичные дома, регламентация).

«О содержателях проститутток и проституции нельзя говорить безразлично. Нужно вполне определено и решительно объявить, что никто, ни богатый, ни бедный, не имеет права заниматься этой профессией. Нет! Разрешать или регулировать законодательным путем такую профессию не должен ни один властитель, ни один законодатель... Очень важно позаботиться о том, чтобы на преступное злоупотребление телом презренных людей и рабов не смотрели спокойно и равнодушно, прежде всего по той причине, что божественный Творец создал всякое человеческое существо достойным уважения и равноправия, каждый носит в себе признаки, указывающие, что он по справедливости достоин уважения и имеет способность понимать, что нравственно и что безнравственно; а также во внимание к тому, что разросшейся благодаря снисхождению наглости трудно положить предел, который она не осмелилась бы перейти под влиянием страха. Путем привычного практикования дозволенных вещей наглость превращается в не поддающуюся обузданию силу и власть, и впредь ничто не остается не затронутым ею.

Прежде всего, следовательно, нужно иметь в виду, что открыто ведущийся во всем мире, безмерно постыдный и не встречающий препятствия разврат с презренными существами служит не последней причиной тайного и скрываемого греха с женщинами и мальчиками из уважаемых семейств. На такие вещи нахально и слишком легко решаются, если стыд публично попирается ногами, а вовсе это не охраняет и не удерживает людей от таких поступков, как думают некоторые. Здесь уместно было бы сказать: «О вы, мудрые законодатели и начальники, вы, допустившие такие вещи с самого начала, как если бы вы нашли чудодейственное средство размножения для ваших городов. Смотрите же, чтобы эти открытые дома не раскрыли вам также дверей запертых жилищ и их внутренних покоев и не сделались причиной того, что люди, которые теперь открыто предаются разврату там, на улице, с небольшими затратами, не проникли бы за большие деньги и богатые подарки и к свободнорожденным и знатным женщинам, не довольствуясь больше тем, что легко купить и что разрешено, а стремясь, несмотря на опасности и большие расходы, к запрещенному... Не будет ли здесь часто происходить, как в древних сагах — когда люди подражают

*** Аболиционизм — общественное движение, добивающееся ликвидации какого-либо закона. В данном случае речь идет о борьбе против вмешательства государства в регламентацию проституции.

прославленным любовным похождениям богов, когда золото обильным дождем льется через крыши и когда серебро сыплется в изобилии не только девушкам, но и матерям, кормилицам и дворецким, а прекрасные подарки в большом количестве проходят частью тайно через крышу, частью же открыто на самое ложе?»

Эти рассуждения об этической и социальной опасности регламентации и государственной легализации проституции представляют нечто единственное в своем роде из всего, что сохранилось из древних времен. Прежде всего замечательно здесь признание, что государственное урегулирование проституции не только не защищает честных женщин от посягательств мужчин, но, напротив, постепенно унижает и понижает нравственный уровень и этих женщин; что открытая проституция отнюдь не препятствует существованию тайной, но способствует ее развитию и благоприятствует даже ее проникновению в знатные, лучшие круги общества.

Так как большинство законодателей и мыслителей древности не поняли ядра полового вопроса — значения половой жизни для индивидуальности и для индивидуального развития обоих полов, — а их внимание направлено было главным образом на потомство, при полном неуважении к женщине, то вопрос, который мы называем теперь «половым», имел значение только для мужчин. Таким образом, проституция должна была сделаться необходимой составной частью античной половой морали. Она считалась неизбежной, и над ней не ломали больше головы. Все, что сделано в древности для половой реформы в теории и на практике, заключено в тесные пределы тех взглядов на половые отношения, которые вытекают из односторонней патриархальной точки зрения.

В заключение сделаем краткий обзор тех идей и той точки зрения, которые создала древняя эпоха в отношении половых реформ, и укажем известные практические меры в этой области.

Центральный пункт полового вопроса составлял в древности вопрос о потомстве, о так называемом *евгенизме*, то есть о рождении красивых и здоровых детей. Брак всецело был построен на этом фундаменте, а потому его индивидуальный, нравственный характер подчинялся правовой норме. В некоторых греческих государствах покровительствовали рождению детей путем законодательных мер против холостяков, на что указывает, между прочим, и Платон в своем «Пире». Строже всего проводились эти меры в Спарте и на Крите, где государство вообще без стеснений вмешивалось в половые отношения отдельных лиц и всецело подчиняло их требованиям произведения на свет хорошего потомства. Так, спартанский законода-

тель *Ликург* (IX–VIII вв. до н.э.) считал необходимым, чтобы у достойных мужчин существовала общность детей и общность произведения их на свет.

«Пожилому мужчине, имевшему молодую жену, разрешалось привести к ней бодрого, молодого мужчину, который ему нравился и которого он считал дельным, и считать затем рожденного из его благородного семени ребенка своим. С другой стороны, честный мужчина имел право, если он ценил жену другого за ее плодovitость и добродетель, просить разрешения у мужа иметь сношения с его женой и родить на свет хороших детей, которые были бы в братском родстве с другими хорошими детьми. Дело в том, что *Ликург*, во-первых, придерживался того мнения, что дети составляют собственность не отцов, а государства, и желал, чтобы они рождались только от лучших граждан. Затем, он нашел среди предписаний других законодателей по этому вопросу много нецелесообразного: сук и кобыл случают только с лучшими псами и жеребцами и стараются добыть на то разрешение владельцев деньгами и хорошими словами; женщин же, напротив, охраняют в запертых помещениях и предлагают им, чтобы они рожали детей от своих мужей, как бы те ни были глупы, стары и хворы. Как будто плохие дети не составляют прежде всего мучения для тех, кому они принадлежат и кто их воспитывает, а хорошие дети, напротив, не составляют радости и счастья своих родителей.» (Плутарх. «Ликург»).

Среди прочего, *Ликург* издал и законы относительно времени вступления в брак для молодых людей и девушек, причем принималась во внимание их физическая и духовная зрелость; затем, запрещалось давать приданое (даже богатым девушкам), чтобы на них женились только ради их личных преимуществ, и, наконец, изданы были предписания относительно времени и частоты половых сношений.

Аналогичные постановления существовали и на Крите.

Позднейшие дискуссии о половой реформе, начавшиеся в исходе V столетия, также вращаются почти исключительно вокруг вопроса о создании расы, хотя такой мыслитель, как *Демокрит* (ок.470 или 460 до н.э. — ?), уже в то время высказался против этой точки зрения, имеющей в виду лишь потомство, и подчеркнул интересы индивидуума.

Только во внимание к тому, чтобы достигнуть возможно крепкого и благородного потомства, Платон развил в своем «Государстве» идею общности жен, которая нам так чужда в настоящее время, но для древних не имела ничего отталкивающего. Мы приведем здесь изложение знаменитой половой реформы *Платона*, наглядно показывающее полное неуважение *Платона* и недостаточное признание им важного значения половой

жизни для индивидуума, а также его веру в право государства вмешиваться в эти дела. Платон желал бы, чтобы государство всецело руководило произведением на свет граждан. Это типично для образа мыслей античного человека, и в этом коренится отличие его от человека современного, для которого решающим моментом является, наоборот, индивидуальное значение половой жизни, как она проявляется в индивидуальной любви.

Платон в «Государстве» влагает в уста Сократа следующее рассуждение: «За этим и другими прежними законами идет, думаю, следующий. Все эти женщины должны быть общими всем этим мужчинам, ни одна не должна жить частно ни с одним; общими должны быть и дети, так, чтобы и дитя не знало своего родителя, и родитель — своего дитяти... Ты в качестве законодателя, как избрал мужчин, так избереешь и женщин, и раздашь их, сколько можно будет, по способностям, а они, имея общие жилища и общий стол и не владея часто никакою собственностью, будут вместе и, смешиваясь между собой, как в гимназиях, так и в других условиях воспитания, самую необходимостью повлекутся к взаимному совокуплению... Надобно, чтобы отличные (мужчины) соединялись большей частью с отличными (женщинами), а худшие, напротив, с худшими, и чтобы первые из них воспитывали детей, а последние — нет, если стадо имеет быть самым превосходным...

Должны быть учреждены празднества, на которые мы соберем невест да женихов и на которых будут совершаемы жертвоприношения, а наши поэты постараются воспевать приличные тогдашним бракам гимны. Количество же браков нужно возложить на правителей, чтобы они, имея в виду войны, болезни и все такое, позаботились припасти нужное число мужчин, и чтобы, таким образом, государство у нас было, по возможности, и не велико, и не мало... (А тем молодым людям, которые на войне или вообще отличились чем бы то ни было, наряду с другими наградами, следует также разрешить более частые сношения с женщинами, чтобы под этим предлогом дать возможность родиться от них как можно большему числу детей). Рождающихся детей должны брать поставленные над этим власти, состоящие либо из мужчин, либо из женщин, либо из тех и других. Взяв детей от добрых, они будут относить их, думаю, в огражденное место, к некоторым кормилицам, живущим отдельно, в известной части города; а детей от худых и вообще всех, родившихся с телесными недостатками, станут скрывать в тайном и неизвестном месте. Они позаботятся также и о пище, приводя в огражденное место матерей, когда набрякнут у них груди (причем употребят все искусство, чтобы ни одна из них не узнала своего дитяти), и доставляя других, имеющих молоко, ес-

ли у матери будет недостаточно. Пусть пекутся и о самих этих питательницах, чтобы они воздавали детей умеренно, вовремя...»

Эти предложения, которые *Эдуард Целлер* называет «уничижением брака до политико-экономического выращивания людей», были возможны только потому, что у греков не было ни собственно семейной жизни, ни любви между супругами. Кроме идеи евгенизма, *Платон*, предлагая общность жен и детей и коммунальный брак, имел в виду еще и другую точку зрения: с уничтожением отношений родителей к детям все люди приблизительно одного возраста должны были считаться в новом государстве братьями и сестрами, и широкие родственные отношения должны были занять место действительного, но узкого родства, что должно было, в свою очередь, привести к высшей мере органического единства и тесной связи в обществе.

В последнем своем сочинении, в «Законах», *Платон*, по-видимому, отказался от идеи общности жен и сношений многих мужчин со многими женщинами. В восьмой книге «Законов» он не только рекомендует относительное половое воздержание, «чтобы по возможности меньше упражнять силу сладострастия и стараться отвлечь телесными упражнениями все, чем она питается, в другие части тела», но предлагает также законодательные меры, чтобы «из людей благородного и свободного происхождения никто не смел прикасаться к другой женщине, кроме как к своей законной жене, и осквернять свое семя путем ли разврата с наложницами и зачатия незаконных детей, или же путем неестественных отношений с мужчинами, которые совсем не могут дать потомства. Или чтобы мы, по крайней мере, совершенно искоренили позорный разврат с мальчиками, а при сношениях с женщинами соблюдали следующий похвальный закон: всякий, вступающий в сношение с другой женщиной, кроме той, которую он ввел в свой дом при обращении к богам и выполнении всех религиозных церемоний во время свадьбы, должен путем купли или другим каким-нибудь образом взять эту наложницу к себе, и если это не останется скрытым перед всем светом, как в отношении мужчины, так и в отношении женщины, он должен быть лишен всех гражданских и почетных прав, так, чтобы он действительно остался чужим в нашем государстве».

Несмотря на такое возвращение к строгой моногамии, *Платон* и в «Законах» единственной целью брака считает потомство.

«Муж и жена должны думать о том, чтобы по возможности родить государству самых красивых и лучших детей». А потому он и в этом сочинении рекомендует государственный надзор за рождением детей и за их родителями и возлагает эту обязанность на состоящих на государственной службе надзиратель-

ниц, то есть признает своего рода принудительный закон, чтобы рожать детей в цветущем возрасте, требует запрещения гетеросексуальных сношений в незрелом возрасте и всяких вообще гомосексуальных сношений. Весьма замечательно, что как средство, способствующее половому воздержанию, Платон рекомендует совместное воспитание обоих полов и совершенно свободные отношения между юношами и молодыми девушками в одежде, мало закрывающей тело и потому не возбуждающей похоти, а также гимнастику для отвлечения избытка сил.

Аналогичные рассуждения, в которых главную роль играет опять-таки принцип евгенизма, мы встречаем и у остальных философов и в философских школах.

Начиная с Гиппократов, вопросы евгенизма и расовой гигиены обстоятельно обсуждались также врачами, которые придавали половым сношениям несколько большее значение для индивидуума и для его здоровья. Однако и врачи придерживались того мнения, что «большинство браков заключается не ради сладострастия, а для получения потомства», и потому нужно обращать большее внимание на то, способна ли женщина к зачатию и к родам, а не на то, много ли у нее знаменитых предков и каково ее состояние.

С точки зрения расовой гигиены и евгенизма нужно рассматривать и своеобразный обычай, совершенно чуждый и отталкивающий для современного человека. Я говорю о столь частом в древности подкидывании или даже умерщвлении детей, а также об ограничении числа деторождений, частью путем изгнания плода, частью путем воздержания или гомосексуальных сношений.

Уже законодательство *Ликурга* безжалостно проводило такую расово-гигиеническую линию. *Плутарх* («*Ликург*») сообщает: «Одного желанья отца воспитывать ребенка было недостаточно.

Отец должен был приносить ребенка в известное место, так называемое Леше, где собирались все старейшины общины. Они тщательно осматривали ребенка и, если он был крепок и хорошо сложен, приказывали воспитывать его и предназначали ему один из девяти тысяч жребиев; напротив, если ребенок был слаб и плохо сложен, они приказывали сейчас же спустить его в глубокую яму в Тайгетской горе. Ибо в то время думали, что человек, который уже с самого рождения обладает слабым и хворым телом, должен быть лишь бременем как для самого себя, так и для государства. По этой причине женщины купали новорожденного не в воде, а в вине, чтобы таким образом испытать состояние его здоровья: говорят, что эпилептический или вообще

болезненный ребенок от вина падает в обморок или умирает, здоровые же дети, напротив, приобретают еще больше крепости и силы».

Не так сурово поступали в Древнем Риме: «Ромул сделал свой город богатым по количеству народонаселения, между прочим и благодаря своему повелению выращивать всех родившихся мальчиков и перворожденных девочек; кроме того, он приказал не умерщвлять ни одного ребенка до трех лет, за исключением калек и уродов, но и последних можно было опорочивать, лишь показав их предварительно пяти соседям и получив на то их согласие» (*Дионисий* из Галикарнаса).

Философы того времени решительно одобряют опорочивание детей, как, например, *Платон* и *Аристотель*. Последний говорит: «По вопросам, связанным с опорочиванием новорожденных детей и их кормлением, пусть в силе будет тот закон, что ни одного калеку-ребенка кормить не следует. Что же касается числа детей, то если установившиеся обычаи воспевают опорочивание кого-либо из новорожденных, оно и не должно иметь места, так как количество деторождения при этом все-таки строго определено. Если у состоящих в супружеском сожительстве должен родиться ребенок сверх этого положенного числа, то следует прибегнуть к аборту, прежде чем ребенок созрел; преступлением против божеских и государственных установлений будет (совершение аборта), если зародыш уже вполне созрел».

Расово-гигиеническая идея о хороших качествах потомства настолько господствовала в древности, что вопрос о количестве детей уже само собой отходил на второй план; но, с другой стороны, у древних существовал страх перенаселения, которое для маленьких греческих городов-государств действительно было нежелательным. Опасность эта уже рано принималась во внимание на практике законодателями. Особенно должен был этого опасаться господствующий класс, получавший доходы от земельных владений. Этим объясняется, почему различные формы практического мальтузианства* нашли в то время отклик и одобрение. Мы встречаем здесь добровольную бездетность, что рекомендовали, например, *Демокрит* и *Фалес* (ок. 625 — ок.547 до н.э.), из которых *Фалес* остался холостым, потому что «слишком любил детей» (*Плутарх*. «Солон»); или в браке ограничивали рождаемость. *Аристотель* писал: «Право свободно рождасть детей (без ограничения их числа) неизбежно повлечет за собой обеднение граждан, обеднение же подает повод к волнениям и преступлениям. Коринфянин *Феидон*, один из старейших законодателей, исходил из того взгляда, что число семейств и всего вообще количества народонаселения должно было бы оставать-

ся постоянным, при возрастании населения, учитывая существующий порядок разделения земель, неизбежно должно увеличиваться число бедняков».

Чтобы воспрепятствовать рождению детей, предавались гомосексуальным сношениям.

Весьма распространено было изгнание плода (*abactio parvus, abortio*), относительно допустимости которого мнения расходились уже в древности, хотя и не были так строги, как в настоящее время*. Взгляды врачей на этот вопрос излагает *Соран*. «Мнения относительно употребления abortивных средств расходятся. Некоторые отвергают их, ссылаясь при этом на слова Гиппократата («я никогда не буду назначать *phthorion*» (abortивное средство)), и доказывают, что задача врачебного искусства заключается в том, чтобы охранять и спасать произведения природы. Другие разрешают пользоваться ими с выбором: никогда — в тех случаях, если желают сделать аборт, чтобы скрыть нарушение супружеской верности или заботясь о своей красоте; и всегда — в тех случаях, когда роды грозят опасностью, потому ли, что матка слишком мала и не может завершить роды, потому ли, что в маточном зеве есть новообразования и разрывы, или же потому, что существует какое-нибудь другое препятствие для родов. Тем же требованиям отвечают и их взгляды на применение средств для предупреждения зачатия. Соглашаясь с этими последними, я считаю более правильным препятствовать зачатию, чем убивать плод».

* Мальтузианство — социологическая доктрина, выдвинутая в 1798 году английским экономистом и священником Т.Р. Мальтусом (1766–1834). В работе «Опыт о законе народонаселения...» автор пытался связать противоречия в развитии общества с «необузданным размножением», якобы обуревающим человечество. Согласно сформулированному Мальтусом «естественному закону», население Земли растет в геометрической прогрессии, тогда как средства к существованию могут увеличиваться лишь в арифметической прогрессии. Единственным выходом из тупика Мальтус считал «разумное регулирование» рождаемости. Несмотря на критику отдельных положений доктрины Мальтуса, его противники должны были признать, что темпы роста народонаселения Земли непрерывно увеличиваются, тогда как сознательное ограничение рождаемости охватывает лишь часть населения, преимущественно развитых стран.

* Ребенок во чреве матери еще не считался развитым существом. По Плутарху, стоики Эмпедокл, Диоген и Герофил не признают зародыш живым существом, что оспаривается Платоном. Этот вопрос рассматривает также Лисий в речи против Антигенеса за произведенный ею искусственный выкидыш.

Любопытно, что *Платон* не считал изгнание плода непозволительным, а *Аристотель* прямо рекомендовал его как средство для ограничения слишком большой плодовитости и чтобы воспрепятствовать рождению детей, которые должны были бы родиться после установленного его законом периода деторождения. Римские стоики, напротив, отвергали изгнание плода по мотивам морального характера.

Отношение законодательства к изгнанию плода не было безразличным. Это доказывает судебная жалоба на производство искусственного выкидыша. В Милете даже был вынесен в таком случае смертный приговор*.

В Риме не рожденный еще ребенок не считался ни «*homo*», ни «*infans*», римляне рассматривали искусственный выкидыш не как убийство, а только как безнравственный поступок. Если изгнание плода производили незамужние женщины, то никто не обращал на это внимания; супругов же наказывали. Впоследствии применение abortивных средств было строго запрещено, и около 200 года н.э. *abactio partus* наказывалось изгнанием и каторжными работами в рудниках.

Изгнание плода особенно распространено было в эллинскую эпоху и во время империи. Положение вещей в эллинскую эпоху описал *Полибий*** . Вся Греция, по его словам, страдала бездетностью и вообще недостатком людей; люди предавались роскошной жизни и страсти к удовольствиям и не хотели вступать в брак или соглашались иметь только одного-двух детей.

В одной сатире *Варрона**** сказано: «Когда-то благосостояние детьми было гордостью женщины, теперь же, если муж ее желает иметь детей, она отвечает: разве ты не знаешь, что говорит *Энний***** — я скорее согласна три раза рискнуть жизнью на поле битвы, чем один раз рожать!..» Мы видим, что и в Риме довольно рано появился страх перед детьми. Об изгнании плода галантными женщинами августовской эпохи, часто со смертельным исходом, пишет *Овидий*, возлюбленная которого *Коринна*, также повинна в этом грехе. Во второй книге его «*Любовных элегай*» мы читаем:

Но объясните, какой вас Персей или Ясон раздражает?

* «Я вспоминаю, что во время моего пребывания в Азии одна женщина из Милета приговорена была к смерти за то, что, подкупленная побочными наследниками, она при помощи лекарств сама произвела себе выкидыш; и это справедливо, потому что она уничтожила надежду отца, память его имени, опору рода, наследника дома и будущего гражданина государства». (Цицерон)

** Полибий (200 — ок. 120 до н.э.) — древнегреческий историк.

*** Варрон (116–27 до н.э.) — римский писатель и ученый-энциклопедист.

**** Энний Квинт (239–169 до н.э.) — римский поэт.

*Что заставляет терзать вас утробу своею рукой?
В мрачных ущельях Армении тигры не столь жестоки,
И не бывает, чтоб львица пыталась вырвать свой плод,
Нежные девушки только на это могли покуситься;
И в наказанье за то порой ожидает их смерть.
(14 элегия. Пер.Я.Б.)*

На профессиональное изгнание плода женщинами указывает Ювенал:

*Так искусства и так лекарства вон той всемогущи,
Что бесплодными делает и за деньги в утробе
Умерщвляет людей.
(Пер.А.Фета)*

Среди женщин, продававших абортивные средства или производивших выкидыш, называют повивальных бабок и проституток. К ним обращались по различным мотивам. Если не считать стремления ограничить число детей, то наиболее частыми мотивами были страх перед опасностью родоразрешения, страх, чтобы не обнаружилось нарушение супружеской верности, если ребенок был зачат вне брака, и, наконец, страх потерять свою красоту.

Несомненно чаще, чем изгнание плода, практиковалось искусственное предупреждение зачатия при помощи различных специальных средств. Соран дает их обзор, в котором мы находим предписания врачей и узнаем, как часто им приходилось назначать эти средства.

«В тех случаях, — говорит Соран, — когда полезнее воспрепятствовать зачатию, не нужно производить coitus в такое время, когда зачатие наступает легче всего, то есть непосредственно до и после менструации». Далее он рекомендует механическое удаление семени при помощи известных движений и промывания водой, замыкание маточного зева вяжущими средствами (квасцы, свинцовые белила, меккский бальзам, гальбан, гранатка, чернильные орешки) и указывает на действие известных средств на сперму («Ибо если такие средства действуют вяжущим и охлаждающим образом, то они замыкают маточный зев в момент перед сношением и препятствуют поступлению спермы в полость матки; если они к тому же действуют раздражающим образом, то не только препятствуют тому, чтобы сперма осталась в полости матки, но еще извлекают из маточной полости другую жидкость»).

К внутренним средствам, противодействующим зачатию и «способствующим менструации», Соран относится неодобрительно («по нашему мнению, исходящий от них вред довольно значителен, потому что они расстраивают желудок и воз-

буждают рвоту, а также вызывают тяжесть головы»), еще меньше значения он придает применявшимся против зачатия амулетам.

Последний и чрезвычайно распространенный у греков способ, при помощи которого старались противодействовать нежелательному приросту детей, заключался в подкидывании новорожденных. Законодательство в общем относилось к этим жестоким мерам совершенно равнодушно.

Вопрос об алкоголизме считается в настоящее время существенной составной частью полового вопроса, и мы находим нужным с ним бороться, особенно с целью уменьшения венерических болезней. Но в древности он привлекал к себе относительно мало внимания, хотя его тесная связь с развратом и проституцией, безусловно, была известна уже в то время. К удивлению, в древности женщины в большей степени пользовались репутацией пьяниц, чем мужчины.

В некоторых городах закон запрещал женщинам употребление вина, например, в Милете, Массилии, Локри, Риме. *Селевк*, законодатель города Локри, запретил даже больным употреблять чистое вино без предписания врача. *Ликург* привел к свободным спартамцам пьяных илотов, чтобы показать им, как позорно опьянение, и запретил детям и женщинам до брака пить вино. *Питтак*, законодатель Митилена, обложил проступки пьяных двойным штрафом, потому что пьяницы сами виноваты в своем состоянии.

Студенческая жизнь и студенческие союзы, принявшие в некоторых университетах, особенно в IV веке н.э., вполне современный нам характер (например, в Афинах), связаны были с бесконечными попойками и ночными экскурсиями в бордели.

Взгляды древних на острое опьянение и алкоголизм ясно выражены в «Законах» *Платона*. Мы видим, что и здесь решающей является расово-гигиеническая точка зрения:

«За исключением праздника божества, давшего нам вино, пить до опьянения вообще неприлично и опасно, но всего менее это подобает делать, когда празднуешь свою свадьбу. Жениху и невесте подобает сосредоточиться в себе, потому что они собираются сделать один из важнейших шагов своей жизни. Кроме того, супруги всегда должны помнить, как важно, чтобы они предавались делу произведения детей по возможности в бодром состоянии духа: ведь совершенно неизвестно, в какой день или в какую ночь бог благословит их плодovitостью, и именно потому произведение на свет детей не должно совершаться, когда тела ослаблены от опьянения. То, что должно родиться, напротив, должно быть призвано в свет, как это подобает, твердо, уверен-

но и спокойно. Пьяный же шатается из стороны в сторону, тело и душа у него в замешательстве. А потому он беспомощен, мало способен к производству на свет детей и, по всей вероятности, родит только уродливых и слабых детей, а не прямых телом и душой».

Евгенические принципы были решающими и для учреждения, заслуживающего величайшего внимания как принципиальная попытка практической половой реформы. Это — *конкубинат*, который приобрел большое значение как аналогичная супружеству связь, установленная законом. Считаюсь с интересами потомства, древние оправдывали такие связи, подобные браку. Ни греки, ни римляне не видели в конкубинате ничего отталкивающего, а у римлян он даже был санкционирован законом, давал значительные права и представлял институт, который, несмотря на свой часто временный характер, был так же далек от проституции, как небо от земли. Он возник благодаря взгляду, что индивидуальные и социальные условия не всем разрешают вступать в брак на всю жизнь, что для многих такой брак составляет недостижимый идеал. Проницательные законодатели, как, например, император *Август*, уже в древности понимали связь между строгим взглядом на брак, с одной стороны, и санкционированием проституции — с другой, и считали необходимым придать известным формам внебрачных половых отношений санкцию общества и закона.

Допущение конкубината законом было само по себе прогрессом и означало разрыв с античной половой моралью. С современной точки зрения он заслуживает особенного внимания и уважения как первая, по крайней мере во время империи, систематически проведенная попытка практического разрешения полового вопроса, в смысле замещения проституции другими, более благородными и постоянными отношениями легального характера.

Благодаря фундаментальному исследованию *Поля Майера*, запутанные и темные условия античного, и в частности римского, конкубината теперь вполне выяснены. Наше изложение всецело опирается на данные этого произведения.

Греческий и римский конкубинат представляют две его формы, возникшие независимо друг от друга.

Во времена *Гомера* побочная жена, наложница, в большинстве случаев купленная за деньги военнопленная, занимала относительно видное положение. Дети ее считались признанными отцом; несмотря на рабство матери, они были свободны и уступали законным детям лишь в случае наследования при отсутствии завещания.

Аналогичное положение занимала конкубинатка и по более древнему аттическому праву. Там прямо сказано, что она занимает положение, равное положению супруги, потому что существует в семье для рождения детей. К ней применимо также понятие о нарушении супружеской верности. Но уже в IV веке до н.э. конкубинатка теряет свое равноправное с законной женой положение. Она только прислуга и так мало пользуется уважением, что господин может отдать ее на время внаймы другому за вознаграждение, то есть она может быть проституирована. Общей чертой обоих видов греческих конкубинаток было рабство. Греческая наложница была рабыней, в большинстве случаев — одной из многих у того же господина.

Совершенно противоположным было общественное положение и правовое значение древнеримской *paelix*. Она всегда была одна и всегда была свободна, но стояла вне религиозного и гражданского права. Дети ее следовали званию матери, то есть не имели отца. Этот старейший союз не нужно смешивать с конкубинатом позднейшего времени. Конкубинат как подобная браку связь появился лишь в последнем веке республики.

Как *paelix*, так и конкубинат обозначают теперь внебрачные отношения постоянного характера с женатыми или неженатыми мужчинами. Внебрачные связи эти все еще стоят вне закона.

Затем появилось знаменитое законодательство императора *Августа*, вероятно, наиболее решительная попытка половой реформы, виденная когда-либо человечеством. Принципиальный прогресс заключается в признании внебрачных связей с морально-правовой точки зрения; они признаются значимыми для государства, главным образом, потому, что дают потомство. Вообще, вопрос о рождении детей составляет центральный пункт всего законодательства.

Наряду с урегулированием и квалификацией брака в отношении к родству и возрасту (для мужчин от 25 до 60, для женщин от 20 до 50 лет), назначены были награды и привилегии женатым и многосемейным и наложены штрафы на холостых, но, вместе с тем, изданы были запрещения вступать в брак для некоторых классов населения, так что большое число действительных до того браков объявлено было недействительными. Поэтому изданы были предписания относительно признания законом внебрачной связи — конкубината, — легче расторгимой, однако, чем законный брак. Он был выделен из ряда других внебрачных связей и противопоставлен им как связь, не заслуживающая презрения. Социальное значение конкубината во время империи было очень велико, хотя его развитию мешало бесправие рожденных от таких связей детей.

«В языческую эпоху империи, — говорит *Поль Майер*, конкубинат был распространен в Римской империи во всех кругах общества, как низших, так и высших. Мы видим конкубинатов, начиная от дочерей сенаторов и кончая уличной проституткой и крестьянкой из провинции, — конкубинатов простых солдат чужеземного происхождения, вольноотпущенников, наместников провинций, даже самого императора.

До какой степени конкубинат представлял в то время общепринятую, общераспространенную связь, всего лучше видно из надписей. Считалось само собой понятным, что люди живут либо в браке, либо в конкубинате. Холостой человек, при жизни приготовляющий себе могильный памятник, оставляет вопрос открытым, найдет ли он себе здесь приют с конкубинаткой (названной на первом месте) или с женой. Конкубинат представляет всеми признанную половую связь, которой не нужно стыдиться перед обществом. Об этом свидетельствуют могильные памятники, в которых покоятся вместе останки мужчины и его конкубинатки, нередко благодаря его распоряжению в завещании...

Конкубинатке оказывают знаки высшего почета, как принято делать лишь по отношению к законным супругам; это позволяет нам измерить всю глубину отношений — отнюдь не только чувственных, — которые часто связывали людей, живших в конкубинате. На могильных памятниках, наряду с женой и законными детьми, часто названы конкубинатка (взятая после смерти жены) и ее дети».

Само собой разумеется, что конкубинат во всякое время мог превратиться в законный брак, как это и бывало в действительности, а детей конкубинатки кровный отец мог усыновить.

Эта форма конкубината удержалась в течение всего средневековья, пользуясь более или менее благосклонным отношением со стороны христианской церкви и государства. Уже в III веке римский епископ *Каллистус* дал конкубинату церковную санкцию. В противоположность мимолетным внебрачным связям, собор в Толедо (400 год) разрешил конкубинат как постоянную половую связь моногамного характера. На Западе не было речи ни о светском, ни о церковном запрещении конкубината; в течение всего средневековья он оставался широко распространенной связью, терпимой церковью и рассматриваемой как неоформленный брак. Этим институтом особенно пользовалось духовенство, которому брак был запрещен.

Лишь в XVI веке церковное и светское законодательство положило конец конкубинату и обложило его каноническими и светскими штрафами (Лютеранский собор от 1516 года, государственно-полицейский устав Аугсбурга от 1530 года и позднейшие церковные и светские запрещения). Таким образом, от-

носителем этого безусловно здорового и целесообразного учреждения, одобренного даже отцами церкви, папами и государями, в новейшее время замечается громадный шаг назад по сравнению с древними и средними веками. Мы отбросили это единственно хорошее учреждение древности, носившее в себе плодотворные и способные к развитию зачатки будущего, и сохранили теневые стороны античной половой морали. Нет сомнения, что всякая современная половая реформа, которая серьезно захочет бороться с проституцией, вынуждена будет создать такие же подобные браку связи с юридическими правами, развив их далее, придав им более современный характер и вдохнув в них дух новой половой этики.

Все описанные выше стремления и идеи древности, направленные против проституции, не могли привести к решительной половой реформе не только потому, что не были систематически связаны между собой и однородны, но и потому еще, что выросли на старой почве двойственной морали, различной для мужчины и женщины, предпосылкой которой является рабство и систематическое угнетение женщины. Лишь благодаря постепенному освобождению женщины в течение новейшего времени и участию ее в общественной жизни мы приобрели основу для нового и успешного пересмотра отмирающей, но все еще официально признанной половой морали древности, типичной морали рабских государств. Такой тонкий знаток современной жизни, как *Эдуард Бернштейн*, считает этот пересмотр неизбежным. По его мнению, уже зарождается новое право полов и новое право половой жизни, соответственно изменившимся условиям социальной жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ ПРОСТИТУЦИЯ В ХРИСТИАНСКО- МАГОМЕТАНСКОМ МИРЕ

Органическая связь средневековой проституции с античной. — Христианство как интегрирующая составная часть античности. — Связь между еврейской половой этикой и первоначальным христианством. — Еврейская половая этика времен Иисуса. — Отношение еврейства к проституции. — Половая этика Иисуса и ее связь с еврейской половой этикой. — Взгляд Иисуса на проституцию. — Половая этика Павла. — Половая этика старейших отцов церкви и христианских сект. — Проституция и первобытное христианство. — Проституция и бордель как наказания в процессах христиан. — Проституция как особая роль христианского аскетизма. — Обоснование половой этики Августина. — Ереси, ведьмomanия и культ сатаны. — Религиозный флагаеллантизм и его связь с проституцией. — Проявления садизма и мазохизма в средневековой культуре. — Господство двойной морали в средние века. — Социальные права проституток. — Половая этика ислама. — Половое рабство женщин на Востоке. — Коран. — Полигамия и угнетенное положение женщин. — Отношение к проституции. — Аскетические тенденции в исламе.

Что касается истории распространения проституции в эпоху средних веков, то здесь мы имеем перед собой органическую, а частью даже непрерывную во времени связь с античными условиями. Это видно прежде всего из рассмотрения религиозно-политической среды, созданной распространением греко-римской культуры на Востоке и на Западе.

Такое всецело античное явление, как восточноримско-византийское государство, продолжало существовать до 1453 года, то есть почти до конца средних веков. Таким образом, и для проституции этого громадного во времени государства, с его обширной сферой влияния, также устанавливается непрерывность между древней и средневековой эпохой. Из описания *Прокопия** мы узнаем, каких колоссальных размеров достигла проституция в Константинополе, а законодательство *Юстиниана* показывает, что византийская проституция обнаруживала такую же дифференциацию и специализацию, как греко-римская. Публичные дома, театральная и уличная проституции, кабачки с женской прислугой — все эти различные формы и места античной проституции мы находим в Византии, и притом в течение всего средневековья — времени, когда сохранилась эстетически-сво-

* Прокопий Кесарийский (ок.500 — после 565) — византийский писатель-историк.

бодная эллинская жизнь наслаждений, вызвавшая в итальянском Ренессансе очевидное подражание, опирающееся на воззрения того времени.

Древняя эллинская проституция в своей византийской форме, видоизмененной сильным восточным колоритом, имела громадное влияние на европейские и азиатские народы, в особенности на арабскую культуру. Долгое время Византия была единственным государством с настоящими большими городами (Константинополь, Фессалоники, Антиохия) и столичной культурой, производившей на чужие народности громадное впечатление. Многочисленные колонии иностранцев доставляли значительную клиентуру проституции. Издавна, например, предместье Галата было главным центром проституции, потому что там сконцентрировались все заграничные торговые сношения. Уже в XIV веке арабский путешественник *Ибн Баттута* (1304–1377) называет Галату «кварталом франков». На безнравственную жизнь латинских и немецких купцов жаловались в 1373 году в Боснии. Особенно оживленный и неприличный характер приняла греческая проституция на Крите, занятом венецианцами.

Нет надобности доказывать, что и славянский мир, составляющий в культурном отношении сколок с византийского, вместе с другими учреждениями заимствовал у Византии античную организацию проституции. Многие южнославянские города и теперь еще носят античный характер.

Еще яснее влияние византийской культуры на восточный, в частности магометанский, мир. Гетеризм и утонченная проституция проникли к магометанским арабам из Византии при посредстве византийских торговцев девушками. Вообще торговля рабами сыграла в средние века очень значительную роль в укреплении античных условий проституции. Кроме того, арабы, после завоевания греческих городов Передней Азии, Сирии и Египта, очень быстро переняли все пороки покоренных, и новое население городов произошло от полного слияния победителей с коренными жителями. Так, например, культура новой столицы, Дамаска, безусловно носила греческий характер.

Магометанская средневековая культура, пропитанная греческими элементами, оказала влияние на Китай, Индию, Северную, Восточную и Центральную Африку. Тот факт, что индийские гетеры уже во II веке в некоторых городах живут обособленно, указывает на арабское влияние: в арабских городах сводники, проститутки и кинеды, как и все другие профессиональные группы, жили на собственных улицах.

Влияние античной проституции можно проследить, однако, не только на Востоке, но и на Западе. Здесь многочисленные доказательства непрерывной связи между античной и средневековой проституцией дает римско-латинская культура, о чем говорят терминология, некоторые древние обычаи и нравы. Несомненным доказательством сказанного служит также удивительно сохранившаяся, преимущественно городская, культура древних в Италии и южной Франции.

То же самое нужно сказать о Германии и Англии. Это не простая случайность, что Восток благодаря преимущественно греческому влиянию предпочел вольную проституцию, а Запад, под римским влиянием, — проституцию бордельную. Организация средневековых европейских борделей напоминает римские прототипы, которые во многих городах, основанных римлянами, вероятно, просто продолжали свое существование, например, в Лионе, Трире, Майнце, Кельне, Лондоне, Йорке — старых римских городах.

Терминология проституции в некоторых местах вполне ясно обнаруживает римское влияние.

Несмотря на отвращение германцев к городской проституции и вообще к промыслу проституток, переселение народов заставило их так близко соприкасаться с римским развратом, что они подпали под его влияние и даже переняли античную организацию проституции (устройство борделей, государственный надзор и т. д.). Примером тому могут служить вандалы: когда они завоевали развратный Карфаген, то хотели искоренить проституцию тем, что заставляли проституток вступать в брак и запрещали всякого рода проституцию под страхом строгого наказания. Проституция вскоре, однако, снова процвела, и вандалы сами сделались ее ревностными клиентами, так как из войска закаленных солдат превратились в касту изнеженных патрициев.

Подобно политической, и религиозная среда средних веков всюду обнаруживает связь с древним миром, в том числе и в вопросах половой этики и в понимании проституции. Три великие мировые религии с универсальной тенденцией — неоплатонизм, христианство в форме католицизма и манихейзм, — с начала III века господствовавшие в Южной Европе и Западной Азии и проповедававшие идеи откровения, искупления и аскетизма, целиком коренятся в идеях древнего времени.

На культуру Запада и значительной части Востока в средние века решающее влияние оказало христианство. Лишь позже, начиная уже с VII века, со знаменитого дня бегства пророка *Магомета* из Мекки в Медину 14 сентября 622 года, громадное влияние на обширные области старого культурного мира — от границ Китая и Индии до Испании и до Западной, Восточной и

Центральной Африки — приобрела вторая монотеистическая религия, ислам, видоизмененный еврейско-христианский монотеизм.

Половая этика средних веков, взгляд на проституцию и ее развитие находились, главным образом, под влиянием двух этих великих религий. А потому, чтобы понять, как сложилась проституция в средние века, необходимо детальнее рассмотреть разнообразные отношения христианства и ислама к половой этике и проституции.

Тесная связь христианства с эллинизмом и греческой культурой вскрыта новейшими теологическими и историко-филологическими исследованиями. В настоящее время мы с полной уверенностью можем назвать христианство интегрирующей составной частью античности, так как только благодаря ей оно превратилось из палестинской секты в мировую религию и лишь от нее заимствовало свои своеобразные идеи.

Сказанное относится к влиянию стоиков и киников, учение которых заключало в себе общие с христианством идеи искупления, покаяния и бессмертия. Источником апокалипсических представлений христианства послужили священные книги орфиков*. Слова «Спаситель» и «Евангелие» взяты из эллинского культа. Божественность *Иисуса*, рождение его от Пречистой Девы, звезда, указывающая на рождение Спасителя, заимствованы из греческих народных верований. Можно было бы провести и другие многочисленные параллели. Поклонение же пастухов, идея о посреднике, тайная вечеря находятся в персидском культе Митры. Доказаны также вавилонские, египетские и индийские влияния на христианство. Но этот «ориентализм» не имеет для христианства такого значения, как эллинизм.

С другой стороны, не нужно забывать, что эти античные влияния сказались лишь во время апостолов и при позднейшем развитии христианской догмы и культа; первоначальное же христианство коренится в еврействе, *Иисус* сам был еврей и решительно признавал еврейское учение о единстве божественной сущности и любви к ближнему. Сравнение половой этики первоначального и эллинизированного затем христианства, развившегося впервые во время апостолов, точно так же обнаруживает явные различия, причем половая этика *Иисуса* более родственна еврейской, чем позднейшей христианской половой этике.

* Орфики — последователи религиозного течения в Древней Греции, возникшего в VIII веке до н.э. и связанного с культом Диониса и Деметры.

Если не считать возникших, вероятно, под влиянием греческой философии небольших сект ессеев и терапевтов, то еврейская половая этика, безусловно, обнаруживает антиаскетический дух. Божественная заповедь: «Плодитесь и размножайтесь» (Быт.1; 28) всегда заставляла еврея смотреть на половые отношения как на нечто естественное, освященное религией, между тем как постоянное воздержание было бы в его глазах тяжелым проступком против приведенной заповеди божьей. Поэтому иудейство отвергает аскетизм и безбрачие и прославляет брак, супружеские обязанности и размножение. Когда в Новом Завете сказано: «впрочем, спасется чрез чадородие» (I посл. к Тим. 2; 15), и если там указывается на заповедь об исполнении супружеских обязанностей мужем и женой (I посл. к Кор. 7; 3-4), то в этом сказывается еврейское мировоззрение.

Для не состоящих в браке иудейство впервые выставило требование относительного полового воздержания до брака, а для состоящих в браке считало поводом для временного воздержания посты, траур, напряженную умственную работу. Евреи впервые рекомендовали труд как лучшее вспомогательное средство при воздержании и лучший способ борьбы с половой фантазией и половыми представлениями. Изречение «молись и трудись» еврейского происхождения.

Так как у евреев господствовал выраженный патриархат, то не может быть и речи о равноправном положении у них женщины. Но у евреев женщина все же никогда не жила такой гаремной жизнью, как у греков и позже у магометан, она всегда принимала участие в обществе мужчин, хотя, согласно патриархальной точке зрения, считалась подчиненной мужчине, а законная полигамия не вызывала осуждения еще долгое время в течение средних веков.

О том, что иудаизм относился к проституции безусловно отрицательно, мы уже говорили выше, причем привели библейские законы против проституции и указывали на существование ее в более глубокой древности. Во времена *Иисуса* мы находим довольно обширную проституцию у евреев, но она во всех отношениях опирается на греко-римскую проституцию и организована под ее влиянием и по ее образцу.

С точки зрения описанных условий и среды мы и должны судить об отношении *Иисуса* к половой жизни. Как мы уже упоминали, оно в общем соответствует взглядам евреев на этот вопрос.

В то время как еврейская секта ессеев, возникшая во II веке до н.э. — несомненно, под влиянием греческой философии, в частности под влиянием учения Пифагора (VI в. до н.э.), — приз-

навала полный дуализм между телом и душой и объявила чувственность чем-то нечистым, а умерщвление потребностей первой нравственной обязанностью, *Иисус* признает половую жизнь и судит о ней без всяких стеснений. Среди его изречений нет ни одного, в котором он осуждал бы половую жизнь как нечто греховное и нечистое. Это вполне соответствует воззрению иудеев, которое еще до появления Иисуса утверждало жизнь и естественные условия возникновения жизни.

Утверждением половой жизни дышат прекрасные слова Иисуса: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Иоан. 16; 21).

И еще: «Пустите детей приходиться ко Мне, и не препятствуйте им; ибо таких есть Царство Божие».

Радость по поводу рождения человека в мир и радость по поводу детей предполагают утверждение половой жизни. Поэтому *Иисус* и на женщину смотрит совершенно свободно, без всякой аскетически-женоненавистнической тенденции, как на естественную подругу жизни, за которой он признает до известной степени равные с мужчиной права. Ссылаясь на подчиненность еврейских женщин при господстве патриархата, отношение *Иисуса* к женщине называют чем-то совершенно новым и своеобразным, говорят, что такое отношение, в противоположность господствовавшему среди евреев взглядам, проявилось здесь впервые, и в доказательство приводят тот факт, что *Иисус* признавал слушавших его поучения и наставления женщин достойными, характерный пример чего приводит Лука (10; 38–42):

«В продолжение пути их, пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой;

У ней была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его.

Марфа же заботилась о большом угощении, и подошедши сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом,

А одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее».

Женщин, учениц *Иисуса*, приводят также Лука (8; 2), *Марк* (15; 40), *Матфей* (27; 55), *Иоанн* (4; 10).

Но такая оценка женщины как самостоятельной личности и участие женщин в умственных и религиозных стремлениях мужчин встречались уже и раньше, а во времена *Иисуса* существовали и в других еврейских кругах. Так, старший современник Иисуса, еврейский философ *Филон* в сочинении «О созерца-

тельной жизни» сообщает о секте терапевтов, что она имела приверженцев не только в Египте, где сконцентрировалась больше всего, но и во многих других странах, в том числе в Палестине, и что она предоставляла женщинам такое же право учиться и учить, как мы это видели у *Иисуса*. Женщины принимали участие в религиозной и умственной жизни мужчин и в секте ессеев.

Нужно допустить, что стремление к высшей оценке и к большему уважению женщины сказывалось во времена *Иисуса* и в других еврейских кругах и что *Иисус* не был в этом случае одинок.

Его взгляды на брак и нарушение супружеской верности также, вероятно, коренятся в еврействе. Главные места, в которых говорится о браке, имеются у *Матфея* (19; 3–9):

«И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?»

Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их?

И сказал: посемя оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью,

Так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею?

Он говорит им: Моисей, по жестокосердию вашему, позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так;

Но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует».

Основой этих рассуждений служит Второзаконие (24; 1): Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего...»

Нордин рассказывает, что во времена *Иисуса* между школами рабби *Шаммаи* и рабби *Гиллеля* по поводу толкования приведенного места из Библии разгорелся спор. Первый был сторонником более строгого, второй — более свободного толкования развода. *Шаммаи* первоначально понимал под словом «противное» только разврат и блуд, между тем как *Гиллель* придавал ему более широкий смысл, разумея под ним и другие неприятные стороны женщины. Фарисеи, очевидно, желали, чтобы *Иисус* дал им решение спора между обеими школами. Но он в своем ответе указывает на другое место в Библии и апеллирует от закона *Моисея* к закону Бога (Быт. 2; 24): «Потому ос-

тавит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» — и ставит божеский закон выше закона человеческого, который, по Его словам, издан был только в силу «жестокосердия» человека. И все же *Иисус* вместе со школой рабби *Шалмаи* признает только одну причину для развода — прелюбодеяние (внебрачные половые отношения, проституцию).

Я вижу в словах *Иисуса* не абсолютное отрицание развода, а только утверждение идеала брака. Признание допустимости развода видно не только из исключения, которое допускает в этом случае *Иисус* для проституции, но и из извинительных слов, которые он находит для закона *Моисея*: последний должен был считаться с условиями времени и терпеть развод вследствие жестокосердия. В противоположность этому *Иисус* строит идеал брака на божественном законе: брак мужчины и женщины на основании полной взаимности, с целью неразрывной совместной жизни. С этой идеальной точки зрения брак разведенного с новым партнером естественно кажется ему прелюбодеянием, равно как и само вождение другой женщины. Это выражено в словах *Матфея* (5; 28): «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Говоря о половой этике *Иисуса*, мы должны коснуться Его отношения к проституткам и внебрачным половым сношениям весьма распространенным в то время и среди евреев. Одна из прекрасных сцен Евангелия (Лук. 7; 36–50) показывает нам истинно человеческое, свободное воззрение *Иисуса* на проституцию.

«Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, вошед в дом фарисея, возлег.

И вот, женщина того города, которая была грешница, узнавши, что Он возлежит в доме фарисея, принесла *алостровый* сосуд с миром;

И, ставши позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром.

Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница.

Обратившись к нему, *Иисус* сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель.

Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника — один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят;

Но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его?

Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил.

И обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла.

Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги.

Ты головы Мне маслом не помазал; а она мирром помазала Мне ноги.

А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит.

Ей же сказал: прощаются тебе грехи.

И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает?

Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя; иди с миром».

А у *Матфея* (21; 31–32) Иисус говорит фарисеям: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие;

Ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видевши это, не раскаялись после, чтобы поверить ему».

И, наконец, у *Иоанна* (8; 3–11):

«Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди,

Сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии;

А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?

Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания.

Когда же продолжали спрашивать Его, он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень.

И опять, наклонившись низко писал на земле.

Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди.

Иисус, восклонившись и не видя никого кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?

Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши».

А разве христианство в борьбе с проституцией пошло по этому указанному *Иисусом* пути?

Изумляет глубокое понимание *Иисусом* биологической основы проституции, понимание, что в конечном счете она объясняется присущим всем людям инстинктивным стремлением к половым излишествах, на которое он и указывает фарисеям в своих словах.

В дальнейшем христианская половая этика совершенно пропиталась эллинским духом, ее первоначальные воззрения изменились в смысле признания господствовавшей в древности двойственной морали и мизогинии, усиления принципа аскетизма и наложения клейма на половую жизнь. А с этим связан был и возврат к античному взгляду на проституцию как на «необходимое зло». Такое наступление реакции начинается с того момента, как апостолы возвестили учение *Иисуса* греко-римскому миру и как традиции классицизма во всеоружии выступили против простого и опирающегося на простые условия учения *Иисуса*. С течением времени это влияние усиливалось, и позднейшую христианскую половую этику со всеми ее последствиями (преследования ведьм, флагеллянтизм, сатанизм и т. д.) прямо можно назвать крайним преувеличением соответственных явлений древности.

Излагая главнейшие моменты в развитии христианской половой этики, обратим особое внимание на ее отношение к проституции.

Реакция в этой сфере начинается со смерти *Иисуса*. Уже *Павел* ясно обнаруживает женоненавистнические тенденции и решительно объявляет женщину гораздо ниже мужчины, мотивируя это грехопадением в раю, при котором была соблазнена женщина (I Тим.2; 11–14). *Павел* продолжает придерживаться античной оценки полов, согласно которой женщина есть человек второго порядка и потому должна быть поставлена ниже мужчины.

Аскетические тенденции этики *Павла* и его учение, что «плоть» вместилище зла, безусловно, являются продуктом иудео-эллинского умозрения александрийцев.

Для *Павла* брак, совершенно как у греков, представляет только необходимое зло, чтобы избежать блуда; мало того, даже в браке, по его мнению, идеалом является абсолютное половое воздержание. *Павел* — первый христианский защитник так называемого *духовного брака*, происхождение которого опять-таки связано с воззрениями греческой философии.

Проституцию и сношения с проститутками *Павел* осуждал самым решительным образом (I Кор.6; 13–18):

«Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела...

Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет!

Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: «два будут одна плоть».

А соединяющийся с Господом есть один дух (с Господом).

Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела».

История христианской веры и христианской церкви после апостолов обнаруживает всевозрастающее влияние Греции. Неоплатонизм с его аскетизмом, учением о покаянии и искуплении, с его клеймением половой жизни, имел наиболее продолжительное влияние на христианство и наиболее видоизменил его, как это подробно изложено у *Августина* в седьмой книге его «Исповеди».

Мы изложим здесь вкратце половую этику старейших отцов церкви и христианских сект до *Августина*, чтобы затем осветить удивительную роль, которую играла проституция в истории древнейшего христианства, как в действительности, так и в легендах.

За многими исключениями, в развитии христианских сект и выработке христианских догм во II–IV веках все яснее выступают аскетические и антисексуальные тенденции, все резче проявляются мизогиния и указания на превосходство мужчины перед женщиной. Появляются первые зачатки монашества и церковного аскетизма, получившие затем такое развитие в средние века. В одном из старейших христианских сочинений, написанном в 100 году, автор рассказывает о характерном видении. «Пастух» оставляет его на ночь одного с двенадцатью девушками, которые на вопрос, где ему переночевать, отвечают: «У нас ты должен спать, как брат, не как муж. Ты наш брат, и в будущем мы хотим служить тебе, мы любим тебя». И та, которая была, по-видимому, старшей между ними, начала меня целовать, а когда это увидели другие, они тоже начали меня целовать. И девушки положили полотняные нижние одежды на землю, уложили меня посредине, и ничего другого не делали, а только молились; и я тоже непрерывно молился вместе с ними. И я остался там вместе с девушками до второго часа утра. Затем появился пастух и сказал: «Но вы ведь ему не сделали ничего дурного?» «Спроси его самого», — сказали они. Я сказал ему: «Господин, я рад был переночевать с ними».

Проповедуемый здесь половой аскетизм, который благодаря большому числу участниц этого ночного покаяния особенно трудно соблюсти, остался под сомнением, так как поцелуи и ласки были дозволены*. В «Acta Pauli et Theclae» (II в.) описана

syneisacta (женщина, живущая со священником) *Текля*, которая по ночам отправлялась в келью *Павла* и жила с ним согласно слову: «Блаженны имеющие жен и как бы не имеющие их, потому что они наследуют Царство Божие».

Духовные браки были характерным явлением II–IV веков, но они скоро теряли свой «духовный» характер и подавали повод к большим неприятностям, так как ссылкой на одобрение в приведенных словах *Павла* часто злоупотребляли. Так, уже во второй половине II века епископ *Павел* из Самосаты обвинен был во всевозможных пороках. О нем было сказано: «У него есть также *syneusacta*; одна из них, правда, уже отпущена, но две цветущие девушки находятся еще у него и сопровождают его во время путешествий». Так же поступают и его пресвитеры и дьяконы.

Первым против бесчинств «духовных браков» выступил отец церкви *Киприан* (? — 258). Один только взгляд на женщину он проклинает как грех. *Киприан* отвергал даже простое купание девушек, чтобы они не должны были краснеть при виде своего тела! «Должен ли Христос, — спрашивает он, — наш Господь и судья, видеть, что посвященные ему девственницы лежат у других, и оставаться при этом спокойным? и не гневаться? и не грозить за такие безнравственные отношения самыми тяжелыми наказаниями?.. А потому, возлюбленный брат наш, ты мудро поступил, что исключил из церковной общины диакона, который часто оставался у девушки, а также всех остальных, ночевавших у девушек. Если они раскаялись в своем грехе и взаимных сношениях, то заставь акушерок тщательно исследовать девушек. Тех, которые окажутся таковыми, ты можешь снова принять в церковную общину, под угрозой, однако, что они еще с большей строгостью будут исторгнуты из церкви и едва ли будут снова допущены в нее, если опять завяжут сношения с мужчинами или будут жить с ними в одном доме и под одной кровлей. Ибо опозорившая себя нарушила верность не обыкновенному супругу, а Христу».

Таким образом, духовный брак старались побороть не естественным здоровым взглядом на половую жизнь, а еще более строгим аскетизмом. Это значило дьявола изгонять Вельзевулом, ибо постепенное развитие монашеского аскетизма ведет к

* Вот почему отец церкви, Киприан, на заявление одной такой духовной невесты: «пусть меня освидетельствуют, девственна ли я» — отвечает: «Иная думает защитить себя такой отговоркой, но это напрасно. Рука и глаз акушерки не дают уверенности. Если бы даже та часть тела, на которой наносят бесчестие женщине, оказалась нетронутой, то женщина могла согрешить другой частью тела, которая не поддается исследованию, хотя и опозорена».

еще большему взнуздыванию воображения, к его сосредоточению на половой сфере. Не случайно высшая точка развития этого древнейшего христианского аскетизма совпадает с распространением полового разврата в христианстве, на существование которого начиная с 300 года указывают все лучшие знатоки церковной истории.

Первый возвел аскетизм в систему и, развил его во всех направлениях *Тертуллиан**. Его проповеди производили глубокое впечатление, имели решающее значение для позднейших писателей и послужили прообразом для развития монашеского идеала. Воззрения *Тертуллиана* направлены против половой жизни, его идеал — отсутствие пола; даже брак был для него только телесным единением, а красота тела — выражением простой чувственности. Все чувственные инстинкты нужно подавлять, чтобы *Христос* стал «ангелом, едущим верхом на прирученном звере (чувственности)», а потому нужно строго избегать всего, что возбуждает чувственность: театров, представлений, музыки, танцев.

Так как половой инстинкт является злым врагом человека, то женщина, как воплощение полового элемента, кажется *Тертуллиану* воротами для дьявола. «Это ты, — восклицает он, — создала вход для дьявола, ты сломала печать с того дерева, и ты же обманула того, к которому не мог приблизиться дьявол! Так легко ты низвергнула мужчину, образ и подобие Бога. Ради твоей вины, то есть ради смерти, должен был также умереть Сын Божий».

Наряду с *Тертуллианом*, больше всего способствовало развитию аскетического идеала учение гностиков.

Этика гностиков характеризуется резким противопоставлением духа и материи, причем материя рассматривается не только как дурное и греховное начало, но и как нечто, подлежащее уничтожению, к мистическому же соединению с высшим существом, с богом, напротив, нужно стремиться всеми доступными аскетизму средствами. Это удастся только *пневматикам*, или людям духа, между тем как *психики*, люди души, останавливаются на полпути, и *гилики*, люди тела, предающиеся чувственности, подлежат уничтожению вместе с дьяволом.

Экстаз гностиков, связанный с половым аскетизмом и чуждый первобытному христианству, вел к взрыву элементарной чувственности, как это нам известно о различных сектах гностиков. Ибо в состоянии экстаза, который ведет к уничтожению свободной воли и самообладания, слишком легко торже-

* Тертуллиан (ок. 160 — после 220) — христианский теолог и писатель.

ствуют победу те «глубочайшие, оставшиеся нетронутыми инстинкты жизни», которые непрерывно борются «все новыми средствами и изобретениями» против умерщвления плоти (Ф.Ницше). Экстаз духа превращается в экстаз чувственности.

Поэтому мы не должны удивляться, что находим уже у гностиков все те половые извращения, которые так характерны были впоследствии для аскетических средних веков; даже сатанинская месса гностического происхождения. Мало того, гностицизм по религиозным причинам систематически оправдывал разврат и проводил его на практике. Гностики старались выяснить тайну размножения человека, и так как силу перенести душу в новое тело давали злым ангелам не те грехи, которые совершил человек, а, напротив, те, которых он не совершал, то существовал следующий закон: грехи по мере сил и поддавайся всякому соблазну, чтобы не быть вынужденным заново родиться и еще раз сделаться «человеком тела». Поэтому различные секты гностиков ввели у себя половые сношения, считавшиеся таинствами, при которых женщина была таинственным сосудом, своего рода религиозной проституткой, как хиеродулы в культе Астарты.

Гностики учиняли, как религиозный ритуал, самые развратные половые оргии. Половое общение превратилось в мистирию, в священнодействие, как изображение небесной тайны сизигий*. Они проповедовали «религиозную обязанность» полового общения и вне брака, что в Откровении Иоанна (2; 24) названо «служением сатане».

Такого сладострастно-развратного направления придерживались различные секты гностиков: карпократиане, которые вместе с платоновским коммунизмом переняли также общность жен и проводили ее в жизнь в форме отвратительных ночных кутежей; николаиты, у которых женщины занимались пророчеством и предавались проституции; каиниты (офиты) и адамиты, которые во время своих оргий возводили разврат в религиозный культ.

Уже послание *Иуды*** намекает на половые извращения гностиков, когда в нем говорится, что они, подобно содомитам, оскверняют тело. Действительно, они не только употребляли возбуждающие половые чувства «любовные напитки», но и

* Сизигии (от греч. соединение, пара) — название двух фаз Луны: новолуния и полнолуния.

** Послание Иуды написано апостолом Иудой в конце I века и направлено против людей, осквернявших плоть, отвергавших начальство и высшие власти.

прибегали ко всем формам гете-ро- и гомосексуальных сношений (частью, чтобы наружно сохранить у женщин «девственность»).

У некоторых гностиков, например, у симониан, coitus per os считался таинством: *Симон Маг* учил, что не матка, а рот есть «поле зарождения», ибо Logos (слово) есть сущность мира, а потому и орган, в котором оно зарождается, должен быть наиболее важным, следовательно, coitus per os есть богоугодное дело. Общий оргии были здесь прообразом средневековой «черной мессы», или «сатанинской мессы», так как мы находим у симониан то же религиозное поклонение и почитание половой жизни, как и при этих мессах.

Гностикам родственна секта манихеев, последователей перса *Мани*. Они особенно развили мизогинный характер аскетизма, ибо считали женщину воплощением соблазнительной чувственности. Ева соблазнила *Адама*, пробудив в нем волю к размножению, которая и является грехом, потому что, по староманихейскому дуалистическому воззрению, благодаря этому удлиняется пленение замкнутой в телесном мире световой субстанции. Манихеи чрезвычайно резко подчеркивали контраст между чувственной природой женщины и духовной целью человечества и на этом основании называли женщину демонически злым существом. Из трех их печатей — запрещение мяса и вина, запрещение нечистой работы и запрещение всякого полового общения — последняя была наиболее важной.

Благодаря столь резкой мизогинной тенденции их учения, манихеи приобрели славу педерастов, и в средние века секты манихеев подвергались преследованию как распространители гомосексуализма.

Аскетизм великой христианской церкви, который систематически развивался в течение III и IV веков, обнаруживает ясное влияние учений *Тертуллиана* и еретических сект. С одной стороны, мы видим, что *Ориген*^{*}, объявив все половое «неприличным», всякую плотскую любовь «дьявольской» и признав только духовную любовь к Богу дозволенной, чтобы служить этой последней, оскотил себя. Но, с другой стороны, последствием чрезмерного полового воздержания является постоянная сосредоточенность мысли на половой жизни, обширное изображение всевозможных исторических и мифологических преданий о половых актах нормального и извращенного характера.

* Ориген (ок.185–254) — христианский теолог, философ, филолог, оказавший большое влияние на формирование христианской догматики и мистики.

Большим мастером таких детальных описаний разврата является, например, строгий аскет *Арнобий*, написавший в 300 году 7 книг «Против язычников», в которых описывает самыми яркими красками безнравственность языческого политеизма. Я должен сказать, что при чтении этого сочинения вспомнил фантазии маркиза де Сада, который рассматривает половую жизнь в совершенно аналогичном, я бы сказал, гиперболическом виде. Сходно с ним по духу сочинение современника и соотечественника *Арнобия*, *Лактанция*, которое также посвящено доказательству развращенности античного вероучения.

Нельзя, разумеется, делать ответственными за такие порождения эротической фантазии самих авторов, как это впоследствии сделали с *Йозефом фон Герресом**, знаменитым автором «Христианской мистики» с ее ужасными описаниями развратного культа дьявола и мессы сатаны. Фантазии эти представляют продукт всей вообще системы аскетизма, который при чрезмерном преувеличении дает такой обратный удар. Ибо абсолютное половое воздержание — вещь невозможная для нормального в половом отношении человека, его последствием всегда является усиленная половая реакция.

Это показывает уже история древнейшего отшельничества и монашества в IV веке. Анахореты египетской и ливийской пустыни, пустынники и столпники, старались умерщвлять «грешную плоть» самыми сильными средствами, от самоубийства до самооскопления** и самоизуродования***, а между тем их постоянно мучил демон разврата и посещали ужаснейшие половые фантазии и видения. Этим объясняется, что уже очень рано стали выходить систематические руководства для борьбы с чувственностью, предназначавшиеся для монахов и монахинь. Таковы послание *Исронима Евстахию* о сохранении девственности и послание *Илиодору и Непотиану*, в котором приведены правила аскетической жизни для монахов и священников; письмо к *Лете* об аскетическом воспитании посвященных Богу девушек.

* Йозеф фон Геррес (1776–1848) — ученый и публицист.

** Секта валезийцев, предшественников русских скопцов, практиковала самооскопления.

*** Благочестивые женщины отрезали себе груди, раздавливали щеки и лицо, чтобы избежать бесчестия от сладострастных преследователей. Одна александрийская монахиня выколола себе оба глаза веретеном, чтобы обратить юношу, который сказал, что соблазнен ее прекрасными глазами. Пустынник Ампелий прогнал из кельи проститутку тем, что крепко держал в руке раскаленное докрасна железо и грозил провести им по всему телу.

Отношения между проституцией и первобытным христианством в первые три века принимают самые разнообразные формы.

Выше мы уже приводили слова *Христа*, из которых видно, как глубоко он понимал общие примитивные инстинкты, породившие проституцию. Так же глубоко понимание сущности проституции, ее дионисиевского характера в сильном описании Откровения Иоанна (13–18). Она изображена здесь в образе блудного города Вавилона как зверь с семью головами и десятью рогами (Откр.Иоан. 17; 3–5 и 18; 2–4):

«И я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами.

И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее;

И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным...

Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы,

И цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее».

В своем глубоком эссе о звере и человеке *Георг Брандес** указывает на очень интересный анализ этого места Библии, сделанный *Александром Дюма-младшим*:

«Сделав попытку анализировать человека в громадном плавильном котле, именуемом Парижем, Дюма сообщает, что видел, как из паров котла формировались глупые головы, мужские и женские, когда котел вдруг заклокотал и из него вышел образовавшийся не из его пены или паров, а из самого содержащегося в нем вещества чудовищный зверь с семью головами и десятью рогами. И на рогах этих было десять золотых корон (Откр. Иоан. 13; 1), а на головах волосы блеска металла и цвета алкоголя. Зверь был подобен барсу; ноги у него были как у медведя, а пасть как у льва; и дал ему дракон силу свою (Откр. Иоан. 13; 2). И обличен был зверь в порфиру и багряницу, украшен золотом, драгоценными камнями и жемчугом и держал в белых руках своих, как держат чашку с молоком, золотой кубок, наполненный мерзостями и нечистотой Вавилона, Содомы и Лесбоса.

* Георг Брандес (1842–1927) — датский литературный критик.

Из тела его исходил опьяняющий чад, в облаках которого было сияние, точно прекраснейшего ангела Божьего, и двигались в нем тысячи человечков, которые извивались от сладострастия, рычали от боли и исчезали с легким шипением и треском: они лопались, и от них не оставалось ничего, кроме капли жидкости, слезы или капли крови.

Но зверь не насыщался. Он топтал их ногами, разрывал ногтями, размалывал зубами, раздавливал на своей груди. И тем, которых он так раздавливал, тем особенно завидовали. Его семь голов образовали венок, достигавший неба, семь пастей всегда улыбались, губы были жгуче-красного цвета, и над его десятью коронами пылало в ярком сиянии слово: проституция!»

Проституция и проститутки играли в древнейшей истории христианства тройную роль. Во-первых, мы находим проститутку среди обращенных, кающихся и наиболее ранних последовательниц христианства. Во-вторых, к проституции присуждали в наказание христианок-мучениц, и в-третьих, монахи и монахини находились иногда в своеобразных отношениях к проституции, под видом которой скрывался аскетизм. В результате получались удивительные, специфически христианские явления, зафиксированные прежде всего в христианской легенде и христианской драме.

Из *Матфея* (21; 31–32) мы узнаем, что уже в самом раннем периоде христианства проститутки составляли значительный контингент среди учеников *Иисуса* и последователей его учения. Так, *Иисус* прямо называет их (наряду с мытарями) в числе верующих. Как и вообще по отношению к бедным и притесняемым, первобытное христианство проявляло вначале большой интерес к проституткам, старалось отвлечь от их пагубной жизни и обратить к полному телесному воздержанию. На первом месте мы должны назвать Марию Магдалину, грешницу, из которой *Иисус* изгнал семь бесов и которой он первой явился после смерти. Как прообраз и первая представительница покаявшихся и обращенных в христианство проститутки, *Мария Магдалина* играет значительную роль в старых христианских легендах и литературе средних веков, ее именем назывались многие учреждения для спасения падших девушек. Она представляет любимую фигуру в средневековых пасхальных представлениях.

Христианская легенда насчитывает еще целый ряд других обращенных проститутки, которые частью даже были признаны святыми. Первое место среди них занимает *Мария Египетская*. По преданию, с двенадцатилетнего возраста в течение семнадцати лет она была доступной для всех проституткой в александрийском борделе; побуждаемая чудом, приняла христианство и затем 47 лет прожила в покаянии и умерщвлении плоти в

пустыне, где нашел ее аббат *Зосима* и где после смерти похоронили ее. Греческая церковь поминает ее 1, а католическая — 9 апреля.

Святой сделалась также красивая актриса и гетера *Пелагия*, обращенная проповедями епископа *Нонна* в Антиохии. Она отказалась от развратного образа жизни и умерла отшельницей в Иерусалиме.

Второе замечательное явление в истории первобытного христианства — это роль, которую играли проституция и публичные дома как форма наказания при осуждении христиан. Здесь также значительная доля относится к области легенд, ибо новейшие исследования доказали, что в преследованиях христиан и в рассказах об их мученичестве очень много легендарного. К тому же мученичество и преследования за веру не представляют здесь ничего специфически христианского. Это относится и к помещению христианок в бордель за преданность своей вере. Такое же наказание применялось, например, и по отношению к еврейским женщинам — факт, в действительности которого нельзя сомневаться.

С римской точки зрения, наказание борделем было мягким по сравнению со смертной казнью в такой жестокой форме, как отдача на растерзание зверям. Кроме того, в угрозе проституцией видели последнее средство, чтобы при помощи женского стыда оторвать христианку от ее веры и спасти таким образом виновную от смерти. Наказанием бывало как однократное изнасилование в борделе, так и постоянное пребывание в нем. Большинство сообщений о таком проституировании христианских девушек относится к великому преследованию христиан при *Диоклетиане* в 303–304 годах. Особенно наглядно описано все, что происходило при выполнении такого наказания, у *Амвросия* в сочинении «О девственницах» (книга II, глава 4).

«Вот ведут мимо девушку, готовую сознаться в двух вещах: в целомудрии и в том, что она отдается Богу. Но как только жестокосердые замечают ее непоколебимость и заботу о своей добродетели, как только они узнают, что она готова принять всякие муки, но краснеть от направленных на нее взоров, им приходит в голову мысль, что они могли бы отнять у нее веру, якобы для спасения ее целомудрия. Если бы она раньше потеряла высшее свое чувство, можно было бы вынудить у нее и то, — думают они про себя, — что они сами давно потеряли. А потому издается приказ: пусть девушка принесет жертвы богам, или же пусть продается в публичном доме... Язык мой немеет, и я боюсь описывать целый ряд последовавших за этим недостойных поступков! Заткните уши, целомудренные девушки! Чистую служительницу Бога отвозят в дом разврата. Но вот — слушайте опять:

посвященную Христу девственницу можно оставить без помощи, но ее нельзя осквернить... К дому разврата теснятся похотливые мужчины. Забудьте вы, девушки, в каком месте она находится, и смотрите только на чудеса мучениц. Чистая, нежная голубка заперта внутри, а дикие, хищные птицы расхаживают снаружи и спорят, кому из них первому броситься на добычу».

Первым клиентом к ней является мужчина в обыкновенной одежде солдата, переодетый христианин. Он обменивается с ней платьем, чтобы освободить ее, но дело раскрывается, и их обоих осуждают.

О другой девушке, осужденной при *Диоклетиане* к заключению в бордель, *Кедренос* и *Палладий** рассказывают, что она пугала посетителей дурной язвой, будто бы имеющейся у нее на половых частях, и таким образом сохранила свою девственность незапятнанной.

Многие имена легендарны и принадлежат беллетристике, которая разрослась значительно далее исторических преданий; для установления же действительных мучениц мы полагаем лишь немногими актами о судебных процессах, сообщениями современных писателей, данными эпиграфики и археологии и древнейших местных церковных календарей, например, римского календаря от 354 года. Так, мы знаем, что уже в IV веке в Риме и Карфагене справляли поминки по *св.Агнессе*, которая тринадцатилетней девушкой была осуждена и помещена в бордель цирка, где, однако, чудесным образом сохранила девственность. Монахиня *Росвита*, особенно интересовавшаяся объектами христианской легенды, имевшими отношение к проституции, обработала историю *св.Агнессы*.

Во время преследования христиан пребывание в борделе назначалось, по-видимому, в наказание не только девушкам, но и юношам. *Рихард Рейтценштейн* обращает внимание на анонимное мученичество, о котором сообщает *Иероним*. Римский чиновник заставляет привязать целомудренного христианского юношу венками к мягкой постели из цветов, чтобы над ним затем совершила насилие самая красивая гетера. Тогда молодой христианин откусывает себе язык и выплевывает его в лицо проститутке.

Наконец, мы должны рассмотреть своеобразное отношение некоторых древнехристианских монахов и монахинь к проституции как особой форме аскетизма. Речь идет о странном и добровольном принятии на себя репутации бесстыдства и продажности в качестве протипуированных или мимов, чтобы

* Палладий Рутилий — римский писатель IV в.

упражняться в смирении, самоуничижении и терпении. *Келлер** сообщает о св.Виталии и его подруге: «Им нравилось мученичество, которое состояло в том, что они являлись перед всем светом в виде нечистых и развратных людей, между тем как чистейшая из женщин в небесах знала, конечно, что они никогда не прикоснулись друг к другу». Эта своеобразная форма аскетизма имела многочисленных подражателей вплоть до новейшего времени.

Все своеобразные проявления половой этики, созданные первобытными христианами в первые три века, собраны и обстоятельно описаны в сочинении Августина, который должен быть поставлен во главе отцов церкви и считается истинным основателем системы средневековой половой этики. Он является даровитым защитником половой морали, которая и теперь еще господствует в римско-католической церкви и продолжает оказывать влияние и на последователей протестантской церкви. Католическая церковь построила на системе морали Августина свой практический образ действий. Она решилась согласовать с его идеями половую жизнь верующих. Его позиция по отношению к вопросу о проституции имела решающее значение для средневековых и современных государств и церкви. Ни один аргумент не приводился так часто для оправдания государственной регламентации и церковной терпимости к проституции, как известное слово Августина, и притом не только средневековыми, но и современными законодателями и писателями, как светскими, так и духовными.

Опираясь на духовный авторитет Августина, античный взгляд на необходимость проституции продолжает действовать и до нашего времени с неослабевающей силой; мы говорим «античный», потому что Августин воспользовался в своем знаменитом слове старыми воззрениями Солона.

Его взгляд покоится на точном знакомстве с половой жизнью своего времени. В самом деле, он сам начиная с 16 лет, когда им овладело «безумие сладострастия», шатается «по улицам Вавилона» с другими юношами, предается «отвратительной суете позорных любовных походов», погружаясь «в грязь» и ища «разнузданности страстей». Такую развратную жизнь *Августин* продолжал до 28 лет. От 28 до 31 года он жил с матерью своего рано умершего сына, Адеодата, в конкубинате, что в то время не считалось еще неприличным, так как Толедский собор в 400 году безусловно признал моногамный конкубинат. Чтобы получить возможность жениться на богатой женщине, *Августин*

* Келлер Готфрид (1819–1890) — швейцарский писатель.

расстался с конкубинаткой, но, когда брак его затянулся, взял себе другую. «Я связался с другой, хотя, разумеется, не как с супругой, потому что был не другом брака, а рабом похоти».

Августина обратило одно место из Нового Завета, направленное против полового разврата и проституток, — Послание к Римлянам (13; 13–14). «С тех пор, — говорит он, я не желал ни одной женщины и не имел ни одной земной надежды». Страдание легких помогло ему, по-видимому, осуществить свое решение отдаться полному половому воздержанию. Образцом, постоянно вызывавшим его удивление, был для него в этом случае св. *Антоний* (250–356), благочестивый отшельник египетской пустыни, с жизнью которого он познакомился из рассказа *Понтициана* по найденному в Трире жизнеописанию *Антония*.

Сочинения *Августина* оказывали глубокое влияние на последующие поколения, ибо их содержание заключается в глубоких внутренних переживаниях автора, они направлены на внутренний опыт, на интимную жизнь души. Именно поэтому известные психологи и теологи (*Зибек, Солл, Гарнак*) называли *Августина* «первым современным человеком». Благодаря этому же он признан отцом мистики, существенным признаком которой является именно постоянное углубление в себя.

Центральное место в этике *Августина* занимает понятие о первородном грехе, а так как первородный грех, по существу, есть плотский грех, то оно же стоит в центре его половой этики.

Чисто половой характер понятия первородного греха у *Августина* доказал *Адольф Гарнак* (1851 — ?). Это подчеркивает и *Людвиг Фейербах* (1804–1872): «Тайна первородного греха есть тайна полового влечения. Грех передается от Адама до нашего поколения только потому, что передача эта есть естественный акт размножения. Вот в чем тайна христианского первородного греха».

Отсюда вытекают следующие главные пункты половой этики *Августина*: абсолютное воздержание, или девственность, как идеал, к которому нужно стремиться; ограничение цели брака произведением на свет детей; греховность всяких вообще половых сношений (даже в браке), не служащих этой цели; характер брака как таинства; наконец, особое соотношение милосердия Божия и греха, то есть плотской похоти, которое представляет специфическую особенность учений *Августина*.

Самым дурным последствием учения *Августина Гарнак* находит то, что «христианская религия в католицизме поставлена в особенно тесную связь с половой сферой. Сочетание милосердия и греха (причем последний является преимущественно в виде первородного греха, полового инстинкта с его эксцессами) сделалось законным основанием для того ужасного, отврати-

тельного перебирания человеческой грязи, которое составляло — как это видно из нравоучительных католических книг — излюбленное занятие принимающих исповедь священников, и притом священников безбрачных, монахов! Догматики средних веков и новейшего времени под именем «греха» дают лишь бледную картину того, что собственно считается «грехом» и чем непрерывно занимается фантазия простых христиан, священников и, к сожалению, также многих «святых». Нужно изучить зеркало исповеди, нравоучительные книги и легенды о святых, подслушать скрытую жизнь, чтобы понять, к какому пункту главным образом относится религиозное утешение католицизма. Поистине, прославленная педагогическая мудрость этой церкви здесь потерпела печальное крушение! Она и здесь также хочет бороться с грехом, но, вместо того чтобы успокоить фантазию, принимающую в нем особенное участие, она все продолжает глубоко возбуждать ее и, например, в догмах о Марии без стыда выносит на свет наиболее скрытое и позволяет себе публично говорить о вещах, о которых никто вообще не осмеливается говорить.

Античный натурализм менее опасен, во всяком случае, для тысяч людей менее ядовит, чем это ангельское созерцание девственности и постоянное внимание к половой сфере. Августин дал здесь теорию, а Иероним музыку».

Как ни справедливо многое в этих словах знаменитого протестантского теолога и как мы ни подчеркивали сами связь между аскетизмом и половыми фантазиями, мы не должны, однако, забывать, что половая жизнь в своих разнообразных проявлениях может быть источником тяжелых душевных и физических страданий для отдельного, часто неопытного лица и что бывают моменты, когда человек испытывает потребность освободиться путем исповеди и от своих половых тягостей.

В настоящее время, когда существуют серьезные научные исследования в этой области, когда часть врачей, к счастью, уже не считает ниже своего достоинства отвечать самим на вопросы половой жизни, вместо того чтобы всецело предоставлять их теологам, когда началось изучение и обоснование науки, которую я назвал «наукой о половой жизни», — в настоящее время врач является наиболее призванным заместителем теолога, чтобы заботиться об индивидуальной и социальной гигиене половой жизни. Если со времени *Августина* половая жизнь как «первородный грех» тяготеет тяжелым бременем над человечеством, то когда-нибудь — я не сомневаюсь в этом — науке о половой жизни предоставлено будет освободить человечество от этого тяжелого бремени и привести его к естественному биологическому взгляду на половую жизнь, осветив в то же время присущее ей куль-

турное значение, чтобы облагородить, наконец, и сделать гармоничным инстинкт, который будет действовать как могущественнейший двигатель в телесном и духовном развитии человечества до скончания мира.

Что касается позиции *Августина* в вопросе о проституции, то она совершенно совпадает с воззрениями античного рабского государства и его двойственной половой моралью. С другой стороны, она связана с учением *Августина* о первородном грехе, по которому человек вечно остается погруженным в пороки и извращения полового инстинкта, с которыми тесно связано существование проституции. Таким образом, проституция является для *Августина* функцией первородного греха и так же неискоренима, как и самый этот грех. Мало того, по *Августину*, если бы даже сделана была попытка искоренить ее, то половой инстинкт со всей своей разрушительной силой ворвался бы в человеческое общество и разрушил все социальные и семейные узы — совершенно античный взгляд на вещи. Отсюда следует, что даже такой благочестивый человек, как *Августин*, должен одобрять и защищать бордели — факт, который новейшие теологи справедливо называют «поражительным», но факт сам по себе понятный, если вспомнить, что *Августин* был еще проникнут античным взглядом на проституцию как на необходимое зло и что его поддерживало в этом взгляде представление о неблагоприятно и постоянно действующей силе неискоренимого первородного греха.

Таким образом, могущественное влияние, которое оказал на церковь средних веков и нового времени *Августин*, соединившись с не менее сильным влиянием античного мира, вызвало продолжительное и упорное признание античного взгляда на проституцию и на необходимость борделей — признание, которое еще и до наших дней встречается как в светских, так и в церковных кругах.

Изложив христианскую половую этику, выросшую на античной почве и коренящуюся в античной культуре, и ознакомившись с ее отношением к проституции, мы должны еще вкратце рассмотреть некоторые специфически христианские средневековые явления.

Христианские средние века породили, как народное движение, как последствие массового внушения, глубоко затрагивающие и современную европейскую культуру садо-мазохистские явления: женоненавистническую ведьмоманию и веру в ведьм, сатанизм, религиозный флагеллянтизм и аскетический культ женщины, доставив тем самым проституции новые питающие ее источники и сферы применения.

Все названные социально-психологические явления средних веков могут быть объяснены как доведенные до крайности христианские воззрения и их последствия. Так, вера в ведьм коренится во взгляде на дурную, нечистую природу женщины: флагеллянтизм — в первобытном христианском аскетизме; сатанизм — в представлении о сатане и дьяволе-искусителе; культ женщины — в культе *Марии*.

Учение церкви видело в женщине нечистый элемент и половой соблазн и вообще придерживалось ложного взгляда на половую жизнь как на греховное начало, имевшее последствием первородный грех — взгляд, которого продолжают придерживаться до сих пор и в протестантских кругах. Мизогиния эта должна была привести не только к презрению индивидуальной любви, но также к истинному страху перед женщиной, который заставлял убежать от нее. Египетский отец *Павел* бежал при виде женщины, а один аббат преподавал монахам следующее жизненное правило: монах должен так же тщательно избегать всякого соприкосновения с женщиной, как тщательно охраняют соль от воды, в которой она неизбежно растворяется. Во многих мужских монастырях доступ женщинам был запрещен, а в Афонских монастырях большинство монахов проявляло прямо смехотворный страх перед женщинами даже до недавнего времени.

Этим клеймением женщины как носительницы полового начала и страхом перед ней объясняются своеобразные черты христианской ведьмomanии и преследования ведьм. Древнему миру, хотя и знавшему веру в ведьм, было совершенно неизвестно систематическое их преследование и массовые процессы, существовавшие в христианскую эпоху почти до нашего времени (в последний раз ведьмы сожжены были живыми 20 августа 1877 года в Мексике).

Такое же специфически христианское и средневековое явление представляет вера в сатану и дьявола. Вера в ведьм и сатану, представляющая, вообще говоря, проявление суеверия, тем не менее имеет в своей основе очевидную действительность. Это насквозь пропитанная половыми идеями фантазия народа, инспирируемая церковью и кристаллизующаяся в садистских и мазохистских представлениях самого развратного характера.

Вера в демонов и ересь составляют две исходные точки средневекового религиозно-полового безумия. Обе приобрели свой специфически христианский характер в первые века Римской империи, когда, с одной стороны, процветала вера в одержимых бесом, а с другой — ересь гностиков и манихеев, и когда была еще в полной силе идея о борьбе между *Иисусом* и сатаной.

В вере в дьявола и в ереси на первый план рано стали выступать половые представления. Первые зачатки сатанизма скажутся во взгляде на дьявола как на обезьяну Бога, которая подражает божественному. Уже *Тертуллиан* полагает, что сатана во время служения идолам подражает таинствам, крестит своих верующих и отмечает их, а когда в заключение происходит оргия, принимает участие в половом разврате.

Вера в любовную связь с дьяволом, то есть в половые сношения дьявола с мужчинами и женщинами, коренится в первобытном веровании в соитие демонов и духов с людьми, например, *Емпузы* в греческих народных верованиях и *Лилит* в иудейских.

Описания сатанинской мессы в большинстве своем очень наглядны и верны, но недостаточно ясно подчеркивают центральный пункт черной мессы, половой элемент, особенно садизм и мазохизм, и полную разнузданность диких дионисиевских инстинктов. Это сделал раньше других *Йозеф фон Геррес*, который в своей «Христианской мистике» посвятил очень обстоятельное описание вере в ведьм и в колдовство с католической точки зрения. Он показывает, что при шабаше ведьм речь идет о дьявольской пародии на христианскую мессу, что «дьявол пристроил свою ризницу к церковному собору» и в ней справляет «обезьяний культ», причем святой водой служит его моча, которой окропляют всю общину, и вся эта развратная сцена освещается черными свечами, а черные гости употребляют в грязном виде.

Дьявол выступает в виде козла и требует присяги на верность: все присутствующие мужчины и женщины должны целовать ему при этом *anteriora* и *posteriora*. Геррес справедливо находит, что такая форма поклонения характерна для половой фантазии, имеющей ясно выраженный копролагнический характер — для формы полового самоуничужения и смирения, «погружения в глубину царства ночи» и «вечного рабства под абсолютизмом зла».

Что касается форм половой деятельности во время сатанинских месс, то по воскресеньям справлялись орган противоположных страстей, по четвергам и субботам — оргии скотоложества и греха Содомы, по средам и пятницам — богохульство и акты удовлетворения чувства мести, по понедельникам и субботам — шабаш обыкновенных страстей. При этом ясно, обнаруживалась бисексуальность злого духа. Все товарищество, принимающее участие в шабаше, как мужчины, так и женщины, равно служит его похоти, его фавориты становятся «королями» и «королевами» данной оргии.

Дикий характер такой сатанинской оргии Геррес описывает следующим образом: «Все, что развратнейшее безумие может придумать в сфере похоти, что жгучая чувственность может вытолкнуть из глубины своей на поверхность, все злое, перед чем пугается даже сама природа, — все это совершалось и практиковалось там как служение новому богу... Как проявляют свою любовь тигры и леопарды, так разрывают друг друга в мрачном сладострастии взбесившиеся, и только кровь потушит это пламя... Ненависть священников, посещающих шабаш, заставляет их иногда читать мессу над большими гостиями, затем вырезать их середину, обклеивать пергаментом и позорным образом употреблять для своей похоти... Во время мессы совершается тысяча бесчинств: одни высовывают язык, другие ругаются, третьи обнажают тело и т. д.

Делом милосердия считается не давать еды, питья и одежды бедным, не принимать чужестранцев, оставлять на произвол судьбы слабого и заключенного, выкапывать для шабаша погребенных детей, придерживаться лжеучений и ереси, умножать сомнения и беспокойство, впавших в грех заставлять пасть еще глубже. Все добродетели считаются пороками. Разврат заменяет скромность, кутеж — умеренность, зависть — любовь к ближним и т. д.»

Характерная черта безумной веры в колдовство, ведьм и в сатану, представляющая для нас особый интерес, заключается в центральной роли в ней женщины и в тесной связи этих явлений с проституцией.

Тайные чары женщины, врожденное сладострастие и чувственность происходят от дьявола. Женщину как вызывающую похоть соблазнительницу и как объект безграничной похоти, следовательно, как проститутку, считают существом, имеющим связь с магией, колдовством и со всякой вообще дьявольщиной и ересью. Сводницы и проститутки издавна славились умением готовить и преподносить различные любовные и антилюбовные средства, волшебные напитки и применять чары любви путем заговора и колдовства; им приписывалось также искусство превращать честных молодых девушек в жадных к деньгам проституток. Согласно средневековым представлениям, в этих делах всегда принимал участие дьявол. «Дух, с которым связывается менада, должен служить советом и помощью; подобно тому, как он прежде был мастером в приготовлении кушанья, он теперь становится сводником», а сама ведьма является «хитрой, ловкой, смелой и опытной посредницей».

Связь эта сохранилась и до настоящего времени: проститутка и теперь еще полна всевозможных суеверных и волшебных представлений и в пожилом возрасте часто прибегает к ма-

гическим средствам для любовных целей. В Лиссабоне среди проституток и теперь еще держится средневековый предрассудок, что бордельные кварталы представляют настоящие «гнезда ведьм». Их посещают женщины и молодые девушки, чтобы там, в узких и грязных улицах, в трущобах, поручить проституткам и сводницам варить для них оказывающие желанное действие любовные напитки. Квартиры этих мегер, совершенно как при черной мессе, украшены скелетами, черепами, жаровнями и другими страшными орудиями колдовства, сами же они применяют все средства средневековых ведьм. Так, в 1901 году некая *Казильда* завлекала в свой дом маленьких детей и острым ножом вскрывала у них на руках кровеносные сосуды, чтобы собрать их кровь, обладающую, согласно старому поверью, особенно волшебной силой.

Исследователь, стремящийся найти конечные причины обоих явлений, находит и другую связь между верой в ведьм и проституцией; присущий обоим дионисьевский элемент.

Многие историки указывали на внешнюю и внутреннюю связь шабаша ведьм с теми старинными празднествами и культурами, для которых особенно характерны чрезвычайное участие элементов проституции и, как следствие этого, необузданные половые сношения и самоотречение участвующих. Так, во время египетских дионисьевских празднеств в честь козла в Мендесе, козел играл такую же роль, как впоследствии в черной мессе. Солдан обратил внимание на тождественность вальпургиевой ночи и ее праздника ведьм с отличавшимися полной необузданностью весенними праздниками, которые частью тоже происходили в первую майскую ночь. Это флоралии, во время которых голые проститутки при свете факелов всю ночь предавались безумнейшему разврату; праздник Доброй Богини с его демоническими привидениями и гомосексуальными орудиями. Проституция является здесь формой примитивной необузданной половой жизни, проститутка шабаша ведьм представляет собою, по *Мишле**, «искупление проклятой христианством Евы»; она есть в одно и то же время «священник, алтарь, гостия, которую весь народ потребляет во время причастия»; как воплощение ничем не ограниченного природного сладострастия, она составляет центральный пункт всего праздника. Она пробуждает, питает и усиливает дикое дионисьевское опьянение.

Наряду с верой в ведьм и в сатану, мы должны еще слегка коснуться религиозного флагеллянтства, который лишь в средние века развился в форме аскетического покаяния в настоящую

* Мишле Жюль (1798–1874) — французский историк.

систему, благодаря массовому внушению достиг всеобщего распространения и, несомненно, до такой чрезвычайной степени возбуждал фантазию народа, что не мог не коснуться и проституции. Если в настоящее время всякая проститутка имеет свою розгу, как это изобразил в XVIII веке *Хогарт** на третьей из своих картин, носящих название «Путь проститутки», то средневековая религиозная флагелляция как массовое явление сыграла в распространении флагелломании в светских кругах по меньшей мере косвенную роль. Дело в том, что монахи не только вскоре перешли от самобичевания и бичевания друг друга к флагелляции исповедовавшихся у них, воспитывая таким образом бесчисленных активных и пассивных любителей розги и бича, но во время флагеллянтского «массового бреда» (выражение Ницше) они, кроме того, распространяли флагелломанию полового характера в широких кругах.

Религиозный флагеллянтизм всецело покоится на христианской идее о греховности плоти, которую до известной степени нужно изгонять побоями.

Развитие флагелляции в систему, начавшееся в XI веке, связано с именем бенедиктинского патера Пьера Дамиани, отца и учителя флагеллянтов, который первый ввел так называемую «покаянную дисциплину». Благодаря францисканцам и доминиканцам, она вскоре нашла доступ к народу. Людей охватила истинная эпидемия бешеного бичевания, и оставалось сделать еще один только шаг, чтобы перейти от частных бичеваний к публичным и общим, к процессиям бичующих себя братьев.

Первая такая процессия организована была, как говорят, Антонием из Падуи (ум. в 1231 году), но исторически достоверна процессия, начавшаяся в 1261 году и прошедшая по Германии, Австрии, Венгрии и Польше. В 1261 году 200 бичующих себя братьев явились в Страсбург, где к ним присоединились еще 1500 жителей. Уже тогда в полчищах братьев бывали грубые половые эксцессы, они стали центром проституции и сводничества. То же относится и к паломничествам от 1334 и 1340 годов в Средней и Верхней Италии. «Черная смерть»** подавала повод к новым походам флагеллянтов, которые отправились из Венгрии в Германию, Польшу, Богемию, Фландрию, Голландию и Англию и вскоре прославились своей безнравственностью, так что церковь запретила эти шествия.

* Хогарт Уильям (1697–1764) — английский график и живописец.

** «Черная смерть» — эпидемия чумы в Европе в 1347–1353 годах, во время которой погибло около 24 миллионов человек.

Кроме этих публичных флагеллянтов, в XIV и XV веках существовали многочисленные тайные секты бичевавших себя: братцы, бегарды и другие, у которых флагелляция постепенно приняла форму изощренного чувственного разврата и обнаруживала известные отношения к сатанизму. Впоследствии флагелляция скрывалась, главным образом, внутри монастырей, но отсюда распространялась и в светские круги, где проституция начиная с XVII века выработала из нее специальную систему, по многим своим деталям представляющую простое подражание монастырской «дисциплине».

Другое удивительное явление средних веков — культ женщины, сыгравший большую и несомненную роль в развитии и распространении мазохизма среди мужчин, особенно в высших классах общества, — имеет религиозное происхождение. Он является последствием тех крайних средневековых взглядов на женщину, которые заставляли видеть в ней либо воплощение первородного греха, греховной половой похоти, либо идеализировать ее как образ незапятнанной девственницы, Христовой невесты. Средневековая женщина никогда не является мудрой супругой или матерью семьи, она либо святая, либо проститутка, небо или ад, Мария или дева сатаны.

Но олицетворением небесной, или святой, женщины является не плодovitая, благословенная детьми мать, а святая дева, бесплодная Беатриче, монахиня, мадонна, духовную красоту которой мужчина религиозно обожает, как Данте свою Беатриче:

«Взгляни, о Беатриче, дивным взором

На верного, — звучала песня та, —

Пришедшего по крачам и просторам!

Даруй нам милость и твои уста

Разоблачи, чтобы твоя вторая

Ему была открыта красота!»

О, света вечного краса живая,

Кто так исчах и побледнел без сна

В тени Парнаса, струй его вкушая,

Чтобы мысль его и речь была властна

Изобразить, какую ты явилась,

Гармонией небес осенена,

Когда в свободном воздухе открылась?

(Божественная комедия. Чистилище. Пер. М.Лозинского)

Такой взгляд на женщину привел в средние века, с одной стороны, к культу *Марии*, а с другой — к тесно связанному с ним романтическому культу женщины. Поклонение женщине было здесь весьма односторонне и относилось только к возлюбленной и к *Марии*, но не к женщине вообще, так что наряду с ним в полной мере проявлялась также мизогиния. Зато поклонение жен-

щине в культе *Марии* и в рыцарском отношении к ней скоро приняло форму весьма земного характера и обогатило половую жизнь как того, так и позднейшего времени новыми и своеобразными чувственными моментами. Уже культ *Марии* коренился в телесно-реалистическом взгляде на отдельные красоты девы *Марии*, и в нем можно доказать мазохистские элементы, с которыми мы встречаемся также в известном поклонении женщинам со стороны рыцарей (например, братья-марианиты для умерщвления плоти пожирали отбросы и помои и облизывали пораженные сыпью части тела, чтобы таким образом доказать свое поклонение и преданность *Марии*).

Далее, если рассматривать светское поклонение женщине в средние века, то бросается в глаза сходство с нашими современными мазохистами. Происхождение рыцарского поклонения женщине, согласно новейшим исследованиям, не только в культе *Марии* и в «божественной любви», но и вообще объясняется тем чувством сладкого блаженства и эротического томления, которое в XI–XII веках появлялось у духовных лиц в отношениях с женщинами. Это мечтательное религиозное чувство перешло затем и в светские круги и впервые обнаружилось в любовных песнях провансальских трубадуров. Они систематически развили поклонение женщине и строго расчленили «культ любви» на четыре ступени: робкого, просящего, услышанного и действительного возлюбленного. Отсюда видно, что «услышанию» предшествовал строгий период испытания, который и составляет центральный пункт культа женщины по отношению к даме сердца.

Как и в современном мазохизме, фантазия играет в этом средневековом любовном рабстве не меньшую роль, чем действительность, хотя желанной наградой была в большинстве случаев действительная отдача себя со стороны «повелительницы». Тем не менее, предварительный период до достижения этой конечной цели (часто, впрочем, недостижимой) был обыкновенно для рыцаря-почитателя мученичеством, цепью мазохистских страданий и всякого рода унижений.

Мазохистский характер рыцарской любви обнаруживается частью в относительно безобидных актах, например, в ношении рубашки возлюбленной или в собирании ее волос (даже с лобка), в прислуживании любимой даме, когда она ложилась в постель и раздевалась, или же в так называемой «пробной ночи» воздержания во время совместного сна с ней, или, наконец, в типичном мученичестве, когда влюбленные рыцари по приказанию своих повелительниц давали вырывать себе ногти или бегали в честь них на четвереньках, переодетые волками, воя поволчьи. В Провансе существовал целый цех таких рабов жен-

щин. Их целью было «показать высокие страдания любви посредством еще более высокого постоянства в терпении». Они налагали на себя величайшие мучения и истязания, чтобы удовлетворить своих повелительниц, некоторые даже замучивали себя до смерти.

Понятно, что такой мазохистский культ женщины не ограничивался кругом рыцарей. Несомненно, что многие рабы любви в конце концов искали удовлетворения, в котором им отказывали благородные повелительницы, у проституток и в борделях.

В средневековых «покаянных книгах» упоминаются многочисленные мазохистские, в частности копролагнические, процедуры мужчин и женщин, покоящиеся в большинстве случаев на старинных языческих суевериях, но в то же время показывающие нам, как широко распространен был в любовной жизни того времени мазохистский элемент.

Краткого указания на неслыханные ужасы, которые чинила во имя христианской веры и христианской любви инквизиция, и на преследования евреев, продолжающиеся в России еще и по сей день, достаточно, чтобы вскрыть два главных источника средневекового садизма, рядом с которым бичевания и сатанинские фантазии могут считаться сравнительно безобидными явлениями.

Ознакомившись с отдельными факторами христианской половой этики, мы можем формулировать как результат вышешлоложенного следующее положение. Христианская половая этика, влиянию которой и теперь еще подчиняется вся государственная и общественная жизнь европейского и англоамериканского культурного мира, решительно сохранила античный принцип двойственной морали и в некоторых пунктах даже обострила его, так что проституция по-прежнему осталась (и должна была остаться) интегрирующей частью всей этой системы.

Последствия двойственной половой морали очень ясно проявляются уже в средние века. С одной стороны, мы видим чрезвычайно строгий взгляд на брак как таинство, но брак, в котором запрещена была самая существенная его сторона, индивидуальная любовь*, хотя проявление любви вне брака строго наказывалось как нарушение супружеской верности, так что существовал даже формальный надзор за нравственностью состоявших в браке мужчин и женщин — разумеется, без существенного успеха. С другой стороны, в то время, напротив, решительно защищали и одобряли сношения с проститутками, след-

ствием чего было участие проституции в городской жизни и допущение ее представительниц на празднества и приемы коронованных особ.

Вместе с тем, проститутки глубоко презирали и клеймили, что выразилось не только в лишении их некоторых прав, но и в предписании носить известную одежду. Средневековая проститутка принадлежала к «бесчестным» людям. Ничто до такой степени не характеризует лживость и внутреннюю неправду средневековой этики, как клеймо бесчестия, которое накладывало на проститутку то самое государство и то самое общество, которые, с другой стороны, признавали их необходимыми и полезными сочленами общегития, легализовали их и даже позволяли выступать публично! Что за безнравственное законодательство, которое, с одной стороны, принуждало обитательниц борделей, состоявших под городским надзором и экономически эксплуатируемых городом, отдаваться всякому посетителю без различия, а с другой стороны — клеймило жертвы такого принуждения и выражало им общественное презрение! Средневековая проститутка есть официальное лицо и пария общества в одно и то же время.

Менее ясно, чем в христианстве, влияние религиозной среды на проституцию и на половую этику сказывается в исламе, этом втором могущественном факторе культуры средневекового и нового мира. Мы постараемся, однако, отметить здесь наиболее существенные моменты.

В исламе мы наблюдаем то же самое, что и в христианстве: воспринятые им взгляды и нравы античной жизни, первоначально более благородные этико-половые воззрения подверглись видоизменению в смысле развития неуважения к женщине, аскетизма, а следовательно, и в смысле поощрения проституции, хотя женоненавистничество и аскетизм в исламе никогда не достигали такой высокой степени, как в христианстве.

Личность пророка Магомета, отличавшегося жгучей чувственностью и утверждавшего половую жизнь, так же далека от асексуального еврейского основателя христианства, как

* Церковь признавала только четыре законных основания для вступления в брак: «Чтобы произвести на свет детей, чтобы избежать греховной страсти, чтобы давать друг другу совет и помощь и, наконец, чтобы заключить мир, так как великие мира сего часто отдавали своих дочерей худшим врагам своим, чтобы заключить с ними мир». Брак, заключенный ради любви, то есть ради «плотского вожделения», представляет, согласно учению церкви, святотатство по отношению к таинству. Супруги не должны также слишком горячо любить друг друга — не более того, что нужно для исполнения супружеских обязанностей и произведения на свет детей.

небо от земли. Но дело в том, что специфическая половая этика обеих религий (как ислама, так и христианства) сложилась не столько под влиянием личностей их основателей, сколько, благодаря одновременным и позднейшим культурным влияниям.

Ислам впервые познакомил арабов с антично-христианскими элементами жизни и взглядами на жизнь, которые им раньше не были известны и которые, рассматриваемые в целом, должны были способствовать порабощению женщины, женоненавистничеству и проституции. Все знатоки и исследователи истории арабской культуры и ислама согласны в том, что положение женщины у арабов до Магомета было очень высокое и свободное, а потому проституция не имела и не могла иметь такого объема, какого она достигла впоследствии. По-видимому, до ислама проституция у арабов была, главным образом, храмовая. В одной старой надписи упоминается о посвящении 15 женщин для этой цели.

Половая этика Корана всецело отражает взгляды и характер пророка. Магомет был чувственной натурой, прототипом полигамиста, страсть которого умножать свой гарем возрастает по мере того, как он старится, и потребность которого в половых вариациях прямо изумительна. Магомет сам наивно говорит в начале 66 главы: «О, пророк, зачем запрещаешь ты себе то, что разрешил тебе Господь, быть ласковым с женами своими?».

Любовь Магомета к женщинам носит исключительно чувственный характер, в ней отсутствует всякий высший взгляд и высшая оценка женского существа. Внешняя привлекательность женщины и половое удовлетворение, которое она дает, кажутся Магомету единственно существенными, а половые наслаждения — божественной необходимостью жизни. Он рассматривает жену как «поле» для мужа: «Ваши жены — ваше поле, ходите на ваше поле, как хотите» (гл.2); магометанам разрешается обрабатывать «женское поле», подобно «полю для посева», каким угодно способом, то есть совершать coitus в каком угодно положении. Магомет так высоко ценит половые наслаждения, что разрешает их даже во время поста: «Приближаться к женам вашим разрешается вам и в ночь поста. Они ваше утешение, а вы их»... Истинному последователю ислама недостаточно одной жены, а потому он должен брать себе нескольких жен или искать удовлетворения вне брака, у рабынь, ибо главное — получить половое удовлетворение. Поэтому, не получая его, верующий имеет право перейти к другой женщине, у которой он находит удовлетворение: «Если вы уверены, что не поступаете несправедливо по отношению к сиротам, берите себе, смотря по желанию вашему, две, три или четыре жены; но если вы уверены, что таким множественным браком поступаете

неправильно, то возьмите в жены только одну женщину или живите с рабынями, составляющими вашу собственность. Одной из них (из своих жен, если пришла ее очередь спать с тобой), по своему выбору, ты можешь пренебречь, а другую взять к себе, к которой ты чувствуешь влечение, даже и ту, которую ты уже раньше отверг. И тебе не будет поставлено в вину, если ты так поступишь». Поэтому при известных обстоятельствах разрешается обмен жен, хотя для обыкновенных случаев разрешение это ограничивается рабынями.

В противоположность приведенным выше еврейским и христианским представлениям, по понятиям магометан, люди и на том свете, в раю, сохраняют свой пол; мало того, именно здесь-то они и наслаждаются высшим сладострастием, без страданий и последствий дефлорации и родов. Райские девы, гурии, служат здесь для вечного наслаждения благочестивых мужчин, никогда не теряя своей девственности: «И будут они отдыхать на высоких ложах — мы создали красавиц рая, сохранив их девственность, и они всегда равно привлекательны. Люди благочестивые будут в месте безопасном, в садах и у источников улады. Одетые в атлас и шелк, они разместятся друг против друга. Мы женим их на красивых девушках с глазами лани, и они будут пользоваться превосходными плодами».

Такое суждение о женщине как объекте любовных наслаждений исключало всякую высшую индивидуальную ее оценку и отводило ей низшее положение по сравнению с мужчиной, которое выразилось, например, в наследственном праве, так как мужским наследникам полагалось каждому столько, сколько двум наследницам (гл. 4). Но, несмотря на свой характер как объекта наслаждений, женщина все же является для мусульманина источником нечистоты, после прикосновения к ней верующие должны мыться так же, как уходя из уборной. Магометане признают связь женщины с сатаной и с адом.

Несвободное положение и половое рабство магометанской женщины видно из того, что только она одна наказывается за нарушение супружеской верности, а также из строгих предписаний относительно обособления женщин от мужчин. Коран содержит следующее достопримечательное место относительно ношения покрывала женщинами: «Внушай женщинам из верующих опускать глаза долу и соблюдать воздержание, выставлять на вид только наружные украшения (то есть голову, лицо, руки, ноги), а не внутренние (то есть голое тело), завешивать перси покрывалом, показывать наряды только своим мужьям или отцам, или свекрам, сыновьям, или пасынкам, братьям, или сыновьям братьев, сыновьям сестер, или женам этих последних (и остальным женщинам гарема, кормилицам, акушеркам), или

своим рабыням и мужским помощникам, не принадлежащим к слугам мужского пола (то есть врачам и другим мужчинам, оказывающим услуги), или детям, не различающим еще половых особенностей женщины. Пусть женщины не поднимают также слишком высоко своих ног, чтобы не обнаруживались их скрытые прелести».

Здесь мы имеем перед собой начало того гаремного плена, который оказал такое развращающее влияние на всю женскую половину магометанского мира (а вместе с ней и на мужскую) и который унизил положение женщины аналогично тому, как это имело место в Греции. Напротив, выраженное в Коране запрещение проституции и опорочивание проститутток принесли мало пользы, потому что в конце концов арабские мужчины, как когда-то греки, искали развлечений, которых не могли им дать порабощенные женщины гарема, у проститутток, единственных «публичных» женщин. С течением времени противоположение это все обострялось, главным образом под влиянием теологических учений, которые до известной степени напоминают учение христианских отцов церкви.

Полное развитие гарема, с одной стороны, и обширного гетеризма — с другой — совершилось в промежутке времени между концом господства *Омейядов** до *Гарун аль-Рашида***, то есть в VIII веке. Развитию проституции содействовал также заимствованный шиитами из эпохи, предшествующей *Магомету*, обычай временного брака, который в Коране получил от пророка своего рода религиозную санкцию: «Если мужчина и женщина составляют друг с другом одно, то пусть их совместное пребывание продолжается три ночи. Если они желают, они вольны продолжать потом свои отношения, но могут прервать их».

Исламу не были чужды и аскетические тенденции. Особенно они выразились в «суфизме». У «суфи» замечается такая же реакция на половую жизнь, как и у христианских аскетов, с той лишь разницей, что здесь преобладали гомосексуальные отношения, так что существенное значение имела, главным образом, гомосексуальная проституция.

* Омейяды — династия арабских халифов в 661–750 гг., происходившая из рода омейя племени курейш.

** Гарун аль-Рашид (763 или 766–809) — халиф из династии Аббасидов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ПРОСТИТУЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА. СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА

Социальные различия между Востоком и Западом. — Вольная проституция на Востоке и бордельная проституция на Западе. — Женский вопрос в средние века. — Избыток женщин. — Связь между женскими профессиями и проституцией. — Большое число холостяков. — «Вредные люди» и ваганты и их отношение к проституции. — Значение ярмарок и месс для развития проституции. — Турниры. — Имперские сеймы и соборы. — Паломничества и богомолья. — Крестовые походы. — Отношение христианства и средневековой церкви к рабству. — Средневековая торговля рабами и ее значение для проституции. — Сводничество и сутенерство.

Религиозный элемент имел определяющее влияние на развитие половой этики средних веков, а вместе с тем на отношение государства и частных лиц к проституции и на ее организацию. Ибо подчинение религии и церкви, как на Востоке, так и на Западе, вообще было в то время равнозначно развитию жизни соответственно требованиям разума. Но жизнь развивалась в определенной социальной среде, а Восток и Запад обнаруживают в этом отношении как сходные черты, так и своеобразные отличия. Эти последние обусловили отличные условия происхождения и различные формы проявления средневековой проституции, а также различные отношения ее к так называемому «социальному вопросу», то есть к экономической и общественной жизни (в самом широком смысле этого слова).

Прежде всего необходимо подчеркнуть поразительную разницу между Востоком и Западом в форме хозяйства и характере городов. Тогда как типично денежное хозяйство Римской империи продолжало существовать в империи византийской, откуда перешло в области с арабской культурой, в Западной Европе до XIII века преобладало натуральное хозяйство, характеризующееся сельскохозяйственными промыслами, крупным землевладением и ленной системой. Лишь с крестовыми походами здесь начинается развитие капиталистического хозяйства, и притом в форме экономической революции.

Так как характер городов изменяется параллельно развитию денежного хозяйства, то соответственно позднему развитию капитализма на Западе, в христианской Европе замечается почти полное отсутствие больших городов, между тем как на Востоке и на магометанском Западе (Испания) существуют многочисленные большие города со всеми их типичными особенно-

стями. В этом фундаментальное различие между восточными и западными странами, имеющее также величайшее значение для развития проституции.

В центрах изысканной антично-восточной культуры и утонченных наслаждений, сохранивших античный характер, проституция отличается той же чрезвычайной дифференциацией и теми же противоположностями, которые мы уже видели в древности. Лишь в Византии и на магометанском Востоке продолжал процветать столь характерный для античного мира свободный гетеризм, между тем как в Западной Европе он совершенно отсутствовал и снова нашел туда доступ уже во времена Ренессанса. Таким образом, между восточными и западными странами получается следующее различие: там господствует свободная проституция в облагороженной форме института гетер и певиц; здесь — более или менее несвободная проституция в форме института борделей. Средние века в Европе представляют период расцвета борделей. Ни раньше, ни позже бордели не были абсолютно и относительно так многочисленны, как тогда. Разве мыслимо теперь, по крайней мере в Германии и в германских странах, чтобы небольшие города с 500–2000 жителей имели профессиональную проституцию, тем более бордель? А между тем в средние века это имело место. Почти каждый небольшой город имел тогда свой бордель с несколькими проститутками.

Мы не ошибемся, если причиной этого явления сочтем прежде всего глубокое убеждение, почти догматически господствовавшее в средневековой половой этике, — убеждение в «необходимости» проституции как защиты от худшего зла, от нарушения супружеской верности и от соблазнения приличных девушек.

К этому присоединяются и социальные условия, специальные условия спроса и предложения. Значительную роль здесь играет состав средневекового населения, обнаруживающий некоторые благоприятные для проституции моменты, на которые впервые указал *Карл Бюхер**. В средневековых городах избыток женщин, по сравнению с мужчинами, был значительно больше, чем теперь, потому что мужской полот самого рождения подвержен гораздо большим опасностям, чем женский (большая неумеренность во всякого рода наслаждениях, опасность для

* Бюхер Карл (1847–1930) — немецкий экономист, статистик. Его работы содержат обширный фактический материал по численности населения средневековых городов, организации ремесел и др.

жизни вследствие постоянных междоусобиц, гражданских раздоров и опасных торговых путешествий, у духовенства и ремесленных подмастерьев — еще принудительное безбрачие).

Социальные бедствия женщин обуславливались не одним только громадным избытком их по сравнению с мужчинами; прежде всего они были последствием ложной и бессмысленной половой этики и двойственной морали, господство которых вызвало «нравственное унижение и унижение женщины, грубее которого едва ли можно себе представить» (Бюхер). Лишь Ренессанс и реформация положили начало новой оценке женщины и борьбе с гибельной двойственной моралью.

Благодаря численному преобладанию женщин в средние века и получавшемуся вследствие этого излишку незамужних женская конкуренция должна была давать себя чувствовать во многих областях, например, исключение женщин из цеховых промыслов. Но тенденция к вытеснению женского труда могла осуществиться лишь в XVII столетии. До того железная необходимость всех жизненных условий вынуждала женщин принимать ревностное участие в работе в промыслах и индустрии.

В то время преобладали наемные работницы, самостоятельное ведение промысла женщинами встречалось крайне редко. Женщины работали в качестве портних, белошвеек, прачек, плетельщиц корзин, работниц, изготовлявших свечи и веники, торговок яйцами, плодами, сыром и т. д. Плата работниц была очень низка. Нужда гнала женщин к занятиям и в таких профессиях, которые по всему своему характеру уже имели известное отношение к проституции. Это банщицы, женщины-цирюльницы и служащие в кабаках.

Достоин внимания — ввиду существующей еще и теперь причинной связи между профессией прислуги и проституцией — большое число женской прислуги в средние века.

Наконец, на весьма бедственное состояние женщин средних веков указывают также многочисленные учреждения для призрения беднейших одиноких женщин, «Божьи дома» и «Учреждения Бегин». Почти все они основаны между 1250 и 1350 годами, и в них находила приют значительная часть женского населения. В XV веке организация Бегинских общин сильно изменилась к худшему, так что сестры поставляли немалый контингент проституток, и в официальных актах их ставят на одну доску с публичными женщинами.

В средние века относительно больше, чем теперь, было и число безбрачных мужчин, что при строгих наказаниях за внебрачные половые сношения с честными женщинами должно

было чрезвычайно усиливать спрос на проституцию. Здесь нужно иметь в виду три категории мужчин: цеховых подмастерьев, духовенство и, в меньшей степени, студенчество.

Так как ремесленное население связано было в средние века при вступлении в брак необходимостью доказать, что мужчина имеет самостоятельный заработок, то подмастерья вообще не могли жениться. Вследствие закрытия многих цехов и ограничения числа мастерских и лавок, в XIV и XV веках образовалось особое сословие подмастерьев, которые не имели шансов на самостоятельность и на основание семьи. Если подмастерья, несмотря на это, все же вступали в брак, то это бывало не так часто, как теперь среди фабричных рабочих.

В то время как эта категория холостого населения влияла на усиление спроса на проституцию лишь в последние два столетия средних веков, большое число безбрачных священников уже начиная с XI века составляли главную часть клиентов проституции. Строгий закон Григория VII от 1074 года о целибате направлен был не только против браков священников, но в такой же степени и против полового разврата духовных лиц, в то время как раз очень усилившегося. Но желанная цель не была достигнута. Напротив, со времени введения всеобщего безбрачия духовенства в XII веке число холостых мужчин в городах увеличилось до крайне ненормальных пределов, а спрос на проституцию значительно возрос.

Тот факт, что в большинстве уставов средневековых борделей имеется пункт, запрещающий допускать в бордель священников и вообще духовных лиц, показывает, как часты были такие явления. Где монастырская дисциплина мешала монахам свободно выходить из монастыря и иметь сношения с внешним миром, так что посещение борделя было невозможно, там, наоборот, проститутки находили средства и случай, чтобы прокрасться в монастырь и сохранить для себя этих платежеспособных клиентов.

Как третью категорию холостых мужчин, разумеется, только в университетских городах, мы назовем студентов высших школ Италии, Франции, Германии, Англии и Испании, составлявших там главную клиентуру проституции. Среди студентов дурной славой охотников за женским полом пользовались, главным образом, клерики и «писцы», то есть юристы. «Красивые женщины и виноградный сок — возлюбленные всех писцов», — гласит изречение того времени.

Наиболее опороченными благодаря пьянству и развратной жизни студентов считались Париж, Падуя, Саламанка, Кельн, Лейпциг и Вена. Уже в начале XIII века *Жак де Витри** рассказывает о Париже, что проститутки постоянно шатались

там по улицам недалеко от школьных зданий, чтоб завлекать студентов. Часто в одном и том же доме можно было найти наверху школу, а внизу бордель. В верхнем этаже профессора читали лекции, а в партере проститутки занимались своим гнусным ремеслом; наверху раздавался шум от ученых диспутов, а внизу слышалась отвратительная брань проституток. В итальянских университетах также ревностно предавались страсти к вину и любви, но итальянский студент не так легко погружался в грубое пьянство, господствовавшее в немецких университетах. Венера влекла его больше, чем Вакх, вино служило только для того, чтобы усилить радости любви и сделать их более пикантными.

Кельнские студенты много занимались уличными и бордельными проститутками и мало — изучением книг. Проститутки иногда временно изгоняли из подозрительных домов и приютов поблизости от студенческих бурс (пансионов), но они вскоре возвращались обратно. Университетское начальство принимало меры против сношения студентов с проститутками. По университетским статусам от 1392 года, всем магистрам и студентам под страхом наказания запрещено было «шататься по ночам», «предаваться разврату» и часто посещать кабаки и «другие запрещенные места». Управляющий бурсой должен был также следить за тем, чтобы никто из студентов не выходил ночной порой из бурсы без разрешения своего магистра, летом позже 10, а осенью и зимой позже 9 часов вечера. Иногда предававшиеся ночному разгулу студенты не допускались также к экзаменам.

На студенческих диспутах, которые устраивались в некоторых немецких университетах и в Париже, рассматривались иногда и более легкие, шутливые темы, в том числе — отношение проститутки к своим клиентам. Так, например, в 90-х годах XV столетия в Гейдельберге, под председательством *Иоганна Хильта*, магистр *Якоб Гартбил* произнес на диспуте шутливую речь, которая является предостережением против коварства и хитрости проститутки. Речь изложена в форме академического диспута, с многочисленными цитатами из римских поэтов, в особенности *Овидия* и *Вергилия*, а также из римского и канонического права, и снабжена всевозможными немецкими и переводными поговорками. Она важна для нас прежде всего в том смысле, что указывает на тесные отношения между студенчеством и

* Жак де Витри (сер. XII в. — 1244) — французский историк и богослов. Рукоположен папой Иннокентием III в епископы и послан в качестве легата в Германию и Фландрию проповедовать крестовый поход против альбигойцев. Папа Григорий IX назначил Витри кардиналом.

проституцией, выразившиеся в выработке общего жаргона. В вышедших впоследствии словарях студенческого языка, например, в вышедшем в 1781 году «Студенческом лексиконе» Христиана Вильгельма Киндлебена, мы видим своеобразный бордельный жаргон чисто студенческого происхождения.

Регулярные оргии устраивались студентами в борделях каждый раз, когда начинали свое студенчество вновь прибывающие, причем новички должны были нести все расходы на угощение, пьянство и пирушки с проститутками.

Изложенное приводит нас к заключению, что число безбрачных мужчин и женщин в средние века было значительно больше, чем теперь.

Но безбрачие как благоприятный момент для развития в средние века проституции уступает в своем значении весьма распространенным тогда во всех странах бесчинствам так называемых «вредных» людей, то есть людей без определенных средств к жизни, существование которых было возможно только благодаря нищенству, всякого рода непозволительным уловкам, воровству и другим преступным актам, а также благодаря проституции.

Число таких антисоциальных элементов населения в средневековых городах, если принять во внимание относительно небольшое число жителей, было довольно велико, что объясняется постоянной текучестью этих элементов, непрерывным притоком и оттоком их. Громадное возрастание их числа составляет характерную черту средних веков, потому что находится в прямой связи со средневековой системой наказания, с проскрипцией* и изгнанием.

Действие этой системы само по себе должно было приводить в движение громадные массы людей и делать опасных людей еще более опасными. Если при проскрипции и изгнании слово бывало иной раз хуже самого дела, если многие вскоре снова могли вернуться на родину и на это смотрели сквозь пальцы, то в первую минуту они все попадали в водоворот и подвергались самому худшему соблазну. Для людей неимущих, оторванных таким образом от своей профессии и круга знакомых, а быть может, еще и заклеянных или отмеченных каким-нибудь изуродованием, вырваться из этого водоворота было почти невозможно. Нужда вызывала новые проступки и новые преступления, что опять-таки приводило к необходимости переменить место, и так далее.

* Проскрипции — публичное объявление об опале. Впервые введена Суллой.

Бесспорно, очень удобно было избавиться от преступника, просто прогнав его: это не требовало денег, а еще меньше размышлений. Тем не менее, это была крайне близорукая политика, которая в конце концов сама себя наказывала, как и всякий вообще бездушный эгоизм. Таким образом из оседлых первоначально людей искусственно создавалась в средние века толпа бродяг по наклонностям и призванию (игроки, пилигримы, бродячие школяры, цыгане, распутные женщины). Хотя нельзя не признать, что категория бродяг, порожденная стремлением к странствиям, также была в то время гораздо больше, чем во все другие времена (таковы пилигримы, религиозные мечтатели, бичующие себя братья). На Востоке аналогичное явление представляли пилигримы, направлявшиеся в Мекку.

Удивительная любовь к странствиям не ограничивалась (как теперь) преимущественно мужчинами, но в равной мере охватывала женщин и девушек. В списках лиц, подлежащих обложению налогами, часто значится: «ушла», «убежала», «никто не знает, куда девалась». Это странное психическое состояние людей средних веков — непреодолимое стремление вдаль — должно учитываться при оценке социальных условий проституции того времени.

Бродячие люди служат неистощимым источником для проституции. Это видно из того, что в отдельных городах профессиональной проституцией занимались почти исключительно не местные жительницы. С другой стороны, и мужчины из среды бродячих людей составляют значительную часть либо клиентуры, либо эксплуататоров проституции. Наряду с проститутками, они заклеены были печатью общественного презрения, бесчестия и позора.

Тут были нищие, игроки, паяцы, фокусники, певцы, танцовщицы, лирницы и арфистки, цыгане, евреи, прокаженные, искатели приключений, бродячие школяры, учителя и клерики, наемные солдаты, чужие подмастерья и слуги. Они странствовали по Европе и массами появлялись всюду, где бывало большое стечение народа: на мессах и ярмарках, освящениях церквей и других общественных и частных праздниках, турнирах, духовных соборах, в паломничествах, крестовых и других военных походах...

В раннюю эпоху средних веков значение ярмарок и месс было очень велико. В большинстве случаев ярмарки бывали поблизости от церквей и монастырей, и притом большею частью в связи с празднествами в память мучеников. Здесь можно было встретить и всевозможные формы проституции. «Многие христиане, — говорит строгий аскет, *монах Шенуте*, — как мужчины, так и женщины, только затем являются на праздне-

ства в память мучеников, чтобы заниматься развратом, сходясь в какой-нибудь гробнице или другом укромном уголке». После праздника, как сообщает *св.Хризостом*, все устремлялись в увеселительные кабаčky и бордели. Танцовщицы и танцоры всю ночь напролет веселили толпу.

Годичные ярмарки всюду бывали связаны с праздниками главнейших мучеников, и впоследствии в день имени этих святых совершались паломничества к их чудотворным иконам. Скопление большого количества людей часто в совсем маленьких местечках или поблизости от уединенных монастырей и церквей, особенно на несколько дней, было возможно лишь в том случае, если не прекращался подвоз жизненных средств. А потому сюда прежде всего являлись продавцы съестных припасов, за ними следовали другие купцы и, наконец, неизбежная бродячая публика для всякого рода представлений и увеселений. Ярмарки высшего стиля назывались «мессами», потому что открывались по окончании богослужения.

Странствующую толпу привлекали также церковные мессы и праздники стрелков, Иванова дня, масленицы и др. Сопровождавшее их веселье всегда кончалось разгулом и развратом, а потому начальство привлекало на праздники побольше проституток, чтобы предупредить соблазнения и насилия над честными женщинами. Масленицу, а также апрельские и майские праздники можно назвать своего рода «женскими сатурналиями», по той неограниченной свободе, которая предоставлялась и честным женщинам, не возражавшим в этих случаях против присутствия проституток.

Другой народный праздник, в котором принимали большое участие проститутки, был праздник Иванова дня и Ивана Купала. Вечером перед Ивановым днем, как только начинало смеркаться, на площадях Вены зажигались большие костры. Члены ратуши верхом на лошадях, украшенные цветами и лентами, с бюргермейстером во главе и в сопровождении барабанщиков и флейтистов, объезжали вокруг ярко пылавших костров, а затем начинались танцы подмастерьев с проститутками, которые украшали себя в этот день венками. В заключение проститутки, большею частью полунагие, устраивали веселые танцы и одаривали ликующую толпу цветами и венками, получая взамен угощение пивом. Бюргермейстер и совет города присылали проституткам угощение за счет города, главным образом, пиво.

Аналогичным праздником проституток в Вене были бега по случаю двух больших годовых ярмарок, когда мужчины и проститутки устраивали бега до куска ярко-красного бархата (плиса). Обычай этот возник в 1382 году и существовал полных 150 лет. «Вольные дочери будут бегать к бархату, и которая

прибежит раньше, та получит этот бархат». На этом празднике проституция, конечно, играла главную роль; по обилию цветов, которыми украшали себя проститутки, он похож на римские флоралии. Эти бега напоминают состязание, которое устроил Каструкцио Кастракани, командир города Лука, после победы над флорентинцами в битве при Сервалье. На виду у неприятеля он велел голым проституткам состязаться в бегах вокруг куска дорогой материи.

Проститутки часто присутствовали на частных праздниках: не только на свадьбах живодера или палача — на которых они танцевали, как сообщает хроникер того времени, «красивый грациозный танец, так что многие люди из города Нюрнберга приходили смотреть на такое приятное зрелище», — но и на свадьбах знатных людей.

Из восточных праздников такого рода заслуживает упоминания Навруз — типичный весенний праздник ислама, персидского происхождения, перенятый халифами и распространившийся из Азии в Африку. Певцы и певицы, проституированные лица мужского и женского пола, принимали участие в этом восточном народном празднике.

К праздникам, на которых в большом числе собирались проститутки, принадлежали также рыцарские турниры. Рыцари часто появлялись в сопровождении распутных женщин. Так, например, *Вальтман фон Зетельштедт*, тюрингский рыцарь, отправился с ландграфом *Людовиком IV* на турнир в Мерзебурге в сопровождении «красивой женщины», которая всегда имела при себе ястреба и хорошую охотничью собаку. Она заработала в Мерзебурге столько колец, сколько было у нее пальцев, и одарила ими по возвращении домой других «красивых женщин». На магдебургском турнире в 1279 году наградой победителям была назначена распутная женщина.

Поездки короля и имперские сеймы всегда сопровождались наплывом громадного количества проституток; то же бывало и на духовных соборах. Когда король *Альбрехт* прибыл в 1298 году в Страсбург, за ним следовали не менее 800 продажных женщин.

Проституции и увеличению числа бродячих женщин благоприятствовали многочисленные паломничества и пилигримства средних веков, которые начиная с VIII столетия непрерывно тянулись к святым местам, особенно в Рим, затем в Сантьяго-де-Компостела в Испании, в Иерусалим, Лорето, Эйнзидельн, Аахен и Трир. Из правдивой, жизненной характеристики этих пилигримств, сделанной *Фердинандом Грегоровиусом**, мы приведем выдержку, касающуюся их отношения к проституции: «Многочисленные пилигримства — переселения народов —

непрерывно подымались в Альпы, садились на суда и устремлялись в Рим, влекомые моральными побуждениями. Но страждущая или робкая добродетель пилигрима слишком часто осуждена была на то, чтобы выступать вместе с наглым пороком или хитрым обманом, и приходя в соприкосновение на пути к спасению с заразой, и самой также становиться нечестивой. Развращающее общение с людьми, свободными от всех уз семьи и государства, приключения и искушения, представлявшиеся на пути, искусный соблазн богатых городов юга были причиной потери чести многочисленными девушками, и многие, покинувшие отечество, чтобы укрепить свой священный обет у гроба Петра, как скромные девушки, вдовы и монахини, возвращались домой падшими или оставались в прекрасной Италии в качестве прелестниц какого-нибудь веселого рыцаря».

Уже в 744 году миланский архиепископ Сан-Бонифацио просит в письме к Кунберту Кентерберийскому, чтобы синод запретил женщинам, в том числе и монахиням, паломничества в Рим, потому что они, большей частью, имеют печальные результаты и почти все женщины-паломницы кончают существование проститутками ломбардских и французских борделей. Фриульский синод действительно запретил монахиням совершать паломничества в Рим*.

С другой стороны, мужчины-пилигримы были клиентами проституции. Чтобы помешать сношениям христианских пилигримов с магометанскими проститутками, палестинское начальство запрещало пилигриму «следовать приглашению женщины». Церковь со Св.Гробом в Иерусалиме «оскверняли иногда, унижая ее до борделя».

В магометанском мире мы находим те же условия. Наиболее известным примером связи между паломничеством и проституцией уже в раннюю эпоху средних веков служила Мекка. Ввиду колоссального паломничества в Мекку, здесь господствовала настоящая столичная жизнь, со всеми ее светлыми и теневыми сторонами.

Во дворе мечети в Мекке никогда не было недостатка в проститутках, и издавна «по вечерам в слабо освещенных галереях заключались договоры, не имеющие никакого отношения

* Фердинанд Грегоровиус (1821–1891) — немецкий историк.

* Связь между паломничествами и проституцией выражена даже в пословицах: «Богомолье не придает святости», «Ушла богомолкой, а вернулась проституткой», «Паломничества вызываются не столько благочестием, сколько сладострастием».

к паломничеству». Эти жрицы чувственной любви приводят *Юлия Брауна** к ошибочному сравнению каабы в Мекке с храмом Астарты, или Афродиты.

Особый вид паломничества представляют крестовые походы. Громадные толпы бродячих женщин сопровождали крестовосцев в Азию. За французским войском в 1180 году следовали, как говорят, не менее 1500 женщин. Еще *Людовик Святой* во время крестового похода нашел палатку с проститутками в непосредственной близости от своей собственной. Даже к крестовому походу детей в 1212 году присоединилась большая толпа бродячих сестер, так что не достигшие зрелого возраста дети пришли в соприкосновение с проституцией, а многие девушки вернулись из этого похода проститутками.

Средневековая военная организация также обнаруживала тесную связь с проституцией. «Полковая проститутка» представляла всем известный тип уже в XIV и XV веках, и указания, будто она появилась лишь вместе с организацией полков ландскнехтов, ошибочны. Уже *Фридрих I Барбаросса*** в своих мирных законах, изданных в 1158 году во время первого похода в Италию, под страхом тяжелого наказания запретил военным людям иметь в своей квартире проституток. Пойманным на месте проституткам отрезали носы.

При осаде Нейса (1474–1475) *Карлом Смелым**** в войсках находилось не менее 4000 распутных женщин. По приказанию герцога они даже привлечены были профосом к фортификационным работам, получили маленькое знамя, на котором нарисована была женщина, и ежедневно выходили на работу под звуки барабанов и флейт.

Связь проституции с банями мы уже рассмотрели подробно выше и здесь укажем только на ежегодные поездки проститутток на купания. В начале сезона они целыми толпами отправлялись на известные купания, например, в Цюрих в Швейцарии.

Крупными центрами проституции, подобно тому, как это было в древности и как это имеет место в настоящее время, служили большие морские гавани. Но и в городах с гаванями, расположенных на берегу больших рек — Париже, Майнце, Кельне, Лондоне, и т. д., — оживленное судоходство влекло за собой

* Браун Юлий (1825–1869) — автор многих сочинений по истории искусств и культуры.

** Фридрих I Барбаросса (ок.1125–1190) — германский король с 1152 года, император «Священной Римской империи» с 1155 года.

*** Карл Смелый (1433–1477) — герцог Бургундии с 1467 года.

большой спрос на проституцию и посещение борделей. Тогда главными клиентами проституток были путешествующие купцы.

Чрезвычайно благоприятную почву для развития и процветания проституции составляли, с одной стороны, странники, а с другой — большие толпы несвободных людей. Мы встречаемся здесь частью с теми же условиями, которые так характерны для античного рабства. Христианство и в этом случае переняло наследство античного мира и в течение всех средних веков терпимо относилось к рабству. Мало того, церковь даже напоминала рабам о верности своим господам, вероятно, по тем же соображениям, по которым бедность и теперь еще толкуется католицизмом как часть божественной программы мира. Иезуит Майер из Марии-Лаах выражает эту мысль в следующих словах: «Бедность как таковая, то есть как относительно неблагоприятная доля участия во внешних благах на земле, является со времени грехопадения положительным и неизменным фактором божественной программы развития общества».

Число крепостных в VII–X веках составляло половину населения, а впоследствии неоднократно увеличивалось до $\frac{4}{5}$ его. Разумеется, что с античными рабами можно сравнивать лишь низших крепостных, между тем как более значительная их часть представляла уже своего рода среднее сословие. Тем не менее, и число низших крепостных достигало ужасающих размеров; во всяком случае, оно было настолько велико, что в течение всего средневековья велась оживленная торговля рабами между Западом и Востоком, а также между отдельными странами христианского Запада — торговля, которая имела величайшее значение для рекрутирования проституции.

Здесь также можно доказать непрерывность исторического процесса между древним миром и средними веками. В Западной Европе уже очень рано появился римский торговец людьми. Он привозит римские безделушки, украшения и предметы потребления и вывозит человеческий товар, во многих случаях служивший целям проституции. На Востоке носителями древнегреческой торговли рабами остались византийцы. Они доставляли главным образом человеческий материал для евнухов. Торговля девушками велась также арабскими торговцами. В средние века в торговле рабами принимали участие венецианцы, византийцы, евреи и арабы. Напрасно императрица Теодора предписывала строгие меры против опасного класса торговцев девушками, освобождала многих девушек из их рук и возвращала семьям — Византия вскоре снова стала центром работорговли.

На Западе соответственное место занимала Венеция, где торговля человеческим мясом в обширных размерах велась уже, начиная с VIII столетия. Во время папы Захария (741–752) многие венецианские крупные торговцы приезжали в Рим, созывали ярмарку и покупали массу рабов, как мужчин, так и женщин, чтобы сбывать их в Африку сарацинам. В 778 году, ввиду упрека франкского короля Карла, что римляне продают рабов сарацинам, папа Адриан I указывает на лонгобардов как на настоящих работорговцев. Венеция была центром итальянской торговли девушками, против которой там безуспешно изданы были законы в 876, 943 и 960 годах (главным образом запрещена была продажа христианских рабов арабам).

Венецианцы и греки соперничали между собой в этой выгодной торговле, посредниками в которой им иногда служили евреи. Греки и венецианцы разъезжали по берегам Адриатического и Этрусского моря, сбывали свой товар и в то же время закупали рабов и оскопленных мальчиков.

В этой торговле людьми принимали участие славянские народы Балканского полуострова, вывозившие рабов из Албании и Далматии в Италию вплоть до 1459 года.

В Богемии мы находим торговлю женщинами и девушками в XI и XII веках, а в Германии — еще в XV веке. Хозяйева многих итальянских борделей ежегодно посылали своих людей в Германию, особенно в Швабию, для покупки девушек для борделей. В немецких борделях также излюбленными проститутками были швабки. Существовала даже поговорка: «Швабия одна может в избытке снабжать всю Германию проститутками, как франки — разбойниками и нищими, Богемия — еретиками, Бавария — ворами, Швейцария — палачами и сводниками, Саксония — пьяницами, Фрисландия и Вестфалия — клятвоступниками, Рейнланд — обжорами».

Рыночную цену того времени на женщин мы узнаем из акта о продаже от 1333 года, принадлежащего рыцарю Конраду фон Ураху. Приблизительно за 4 марки можно было купить двух женщин (ценность денег была тогда, конечно, выше, чем теперь).

Особый вид торговцев девушками представляли во Франции «*godeurs de filles*», упоминаемые в XV веке. Они уводили девушек, сначала пользовались ими сами, а затем продавали их. Торговля девушками уже и тогда привела к типичному бордельному рабству, аналогично тому, что мы видим теперь.

Колоссальных размеров торговля рабами, в том числе и для целей проституции, достигла на магометанском Востоке. Черные и белые рабы ежегодно привозились туда тысячами. Первые прибывали из Завилы, тогдашней столицы Фецана, где находился главный рынок работорговли, из Египта, с восточного

африканского побережья; вторые — из Центральной Азии (Туркестан, Фергана) или из Европы — с севера (славянские народы) и из греческих и франкских земель, в частности из Италии и Испании. Рабы испанского происхождения ценились особенно высоко. Рабыни ввозились еще, кроме того, из Сирии и Персии, а с северо-восточной границы привозили женщин тюркских племен, отличавшихся физической красотой, — многие из них отправлялись в Багдад.

Большое распространение и обилие странников и чрезвычайно обширная торговля рабами в средние века должны были также способствовать проституции в форме сводничества и сутенерства. Оба эти вида косвенной проституции достигли в средневековую эпоху большого развития как на Востоке, так и на Западе, причем сутенерство на Западе выражено было в большей степени, чем на Востоке.

Развитие сводничества как профессии исходит из больших центров работорговли, то есть главным образом из Италии и магометанских культурных стран Востока и Запада.

На магометанском Востоке дома работорговцев были естественными центрами сводничества. Но, кроме того, существовали еще профессиональные сводники, организованные в особые гильдии. Эти агенты проституции способствовали свиданиям мужчин с проститутками и честными женщинами в особых домах для свиданий, часто (совершенно как теперь) под видом посредников для устройства браков.

В Германии преступная деятельность сводниц не ограничивалась эксплуатацией уже проституированных женщин, но простиралась также на соблазнение честных девушек. В Кельне, например, изданы были строгие законы против сводниц, склонявших девушек к разврату, доставлявших их духовенству, устраивавших свидания монашкам, женатым мужчинам с чужими женами и так далее.

Нередко женщин и девушек помещали в бордель за долги мужей и родителей — это считалось дозволенным, если девушка давала на то свое согласие. В Шпейере один негодяй поместил в бордель за незначительную плату свою возлюбленную. В нюрнбергском бордельном уставе такие вещи строго запрещались. Сводница пользовалась еще большим презрением общественного мнения, чем сама проститутка.

В Италии, в частности в Венеции, сводничество достигло в средние века колоссальных размеров. Занятием этой профессией унижали себя даже многочисленные дворяне и духовные лица. Нота Таддео Вимеркати от 25 июня 1492 года миланскому послу в Венеции содержит почти невероятное сообщение, что среди изгнанных недавно из страны имеется 111 дворян, со-

державших у себя женщин, а также несколько монахов и священников, занимавшихся сводничеством. Их выслали, чтобы отвлечь от этой позорной торговли.

В Неаполе профессиональным сводничеством занимались главным образом хозяева кабаков и владельцы таверн, причем в качестве кредиторов проституток они держали их в постоянной зависимости и жили на их доходы. В 1470 году издан был указ против этого.

Особым видом сводника должен считаться сутенер, так называемый «милый дружок», уже в средние века обнаруживающий все существенные черты современного сутенера. В средние века сутенер свободной проститутки встречался столь же часто, как и сутенер свободной проститутки, являющийся в настоящее время почти исключительным типом сутенера. Это зависит, вероятно, от преобладания вообще бордельной проституции в то время. Такой сутенер, даже живущий вместе с проституткой в борделе, описан в знаменитой «Балладе о Толстухе Марго» Франсуа Вийона*.

*Толстуху люблю, ей служу от души!
Вы скажете, глуп иль собою урод?
Пойди-ка, такую найди за гроши!
И грудь, и живот хоть кого завлечет, —
Недаром к нам валит гулящий народ,
И мчусь я с кувшином — вина подзаять,
И хлеба, и сыра спешу им подать,
А сам в уголке напиваюсь потом...
Марго вам по нраву? Мы ждем вас опять
В притоне, где стол наш и дом.
Но наши дела не всегда хороши,
Коль денег от гостя Марго не берет,
Не смотрят глаза и воротит с души!
Снимаю рубаху с нее за расход,
Клянусь, что и юбку пуцую в оборот...
Да разве антихриста этим унять?
Костит меня в бога и в господу мать,
Вопит! Но тогда ей пишу кулаком
Расписку под носом, чтоб не забывать:
В притоне и стол наш и дом.
А после — в постель! Копошимся в тиши,
...
...
...*

* Вийон Франсуа (1431 или 1432 — после 1463) — французский поэт.

...
...
...
...

*Раздавлен, молчу и не смею кричать
В притоне, где стол наш и дом.
Вой ветер, лей дождь, — мне на все наплевать:
Истоплена печь и согрета кровать,
Любовник возлюбленной даме под стать,
Лисице жить с лисом, а кошке — с котом!
Отребью — отрепья, — о чем же вздыхать?
Нет чести в бесчестье — ее не сыскать
В притоне, где стол наш и дом.
(Пер. Ф.Мендельсона)*

В Испании поведение сутенеров в середине XV века приняло такие опасные формы, что Генрих IV в 1469 году особым законом запретил проституткам иметь любовников и кормить их.

Говоря о социальной среде средневековой проституции, не надо упускать из виду ту роль, которую играл алкоголизм как условие, благоприятствующее спросу и предложению проституции. Число винниц и кабаков в средневековых городах, быть может, даже превосходило их число в городах современных. Многие кабаки и таверны были настоящими увеселительными заведениями, потому что хозяева их и даже назначаемые начальством городские сидельцы содержали девушек для привлечения гостей. А с другой стороны, бордели имели концессии на кабаки. Во многих случаях трудно было определить первоначальный характер (бордель или кабак) такого места для проституции.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ПРОСТИТУЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА. ФОРМЫ ПРОСТИТУЦИИ

Государственный характер проституции в средние века в западных странах. — Публичные дома. — Происхождение средневековых борделей. — Систематическая организация борделей в XIV и XV веках. — Внутреннее устройство. — Доходы с борделей. — Налоги на проституток. — Уставы борделей. — Отношение проституток к церкви. — Святые заступники проституток. — Различные категории проституток. — Проституция и моды. — Гетеризм на Востоке. — Гомосексуальная проституция. — Совпадение явлений средневекового гомосексуализма с современным. — Лесбийская проституция в средние века в западных и восточных странах.

Выше мы уже указывали, что в средние века на Западе преобладала бордельная, а на Востоке — вольная проституция. Публичный дом типичен для Запада, а гетеризм — для Востока. Можно даже сказать, что гетера представляла явление, совершенно чуждое христианскому средневековью. Очевидно, под греко-арабским влиянием она приобретает значение в христианских культурных странах Запада лишь в эпоху Ренессанса. До тех же пор здесь всюду сказывалось стремление не допускать вольной или домашней проституции и по возможности помещать всех проституток в публичные дома, пользовавшиеся цеховыми привилегиями и потому не терпевшие конкуренции. Нигде и ни в какую другую эпоху характер проституции как государственного учреждения не подчеркивался так резко, как в средние века в странах Запада.

Средневековый бордель представляет государственное здание, состоящее во владении и содержащееся за счет городского совета или государя. Все меры и предписания законодательства и полиции нравов направлены на сохранение характера проституции, как пользующегося привилегиями и надзором со стороны государства, строго локализованного учреждения с цеховой организацией, и на радикальное искоренение так называемой вольной проституции.

Рассмотрим формы средневековой проституции.

В организации европейских средневековых борделей можно доказать преемственность между античной и средневековой проституцией. Нередко здесь замечается прямое подражание римским образцам, иногда же просто продолжали существовать бордели, первоначально заложенные в некоторых городах римлянами.

С другой стороны, публичные дома в Западной Европе могут быть прослежены до аналогичных учреждений во времена каролингов, когда начальное развитие городов связано было с наместничествами и главными дворами королей и епископов и когда города сделались центрами сношений и промышленной жизни. Так, на почве старого франкского государства существует большое число городов, носящих названия Кольмар, Коломб, Коломбет, Коломбье и т. д., происходящие от латинского «columbaria» — голубятня. Таково было неприличное название так называемого *genicium* (от «*gynaeseum*») — дома служанок в имениях знатных вельмож, который уже в VI и VII веках считался форменным борделем и в котором служанки протитуировались сами или их протитуировали господа.

Периодом расцвета этих домов для проституции в имениях, виллах и усадьбах франкских вельмож и королей считается IX столетие, как это видно из указа императора Лотаря. Оба наиболее популярных названия — «*frauenhaus*» (перевод слова «*gynaeseum*») и «*bordell*» — относятся еще к этим франкским лупанариям.

Таким образом, несомненно, что под римским, а впоследствии под франкским влиянием уже задолго до XIV–XV веков существовали различные формы публичных домов. Но последние два столетия средних веков являются временем систематической организации и наиболее планомерного поощрения борделей, развитие которых идет параллельно построению и укреплению городов. Уже в XIII веке начинается планомерный переход в руки государства существующих домов терпимости, к которым в XIV и XV веках присоединяется еще учреждение многочисленных новых домов в городских областях или в областях владетельных князей, когда, наконец, и во многих небольших городах допускается учреждение «вольных» или публичных домов, считавшихся государственной необходимостью.

В романских странах организация публичных домов началась, по-видимому, несколько раньше, чем в германских, хотя и в последних она достигла в конце концов тех же результатов: не только более значительные, но и довольно бедные, небольшие города имели хотя бы по одному борделю.

Что касается расположения средневековых публичных домов, то оно соответствовало постановлениям об иммиграции нечестивых людей, которых начиная с XIV века всюду выселяли на окраину города, перед воротами. Поэтому большинство домов терпимости расположено было поблизости или по ту сторону городских ворот, у городской стены, у рва или на берегу реки вне черты города. Бордели, расположенные поблизости от рынка и больших проезжих улиц, возникли, вероятно, в прежние време-

на, как мы их видели в древности. Но они встречаются в средние века сравнительно редко, так как в то время строго наблюдали за тем, чтобы дома терпимости не учреждались поблизости от проезжих улиц и церквей, а устраивались в уединенных и отдаленных местах.

Хотя в большей части городов дома терпимости упоминаются лишь как отдельные здания, тем не менее и в средние века (как в древности) существовали целые бордельные улицы и кварталы (например, в Страсбурге, Париже, Гамбурге, Нарбонне, Неаполе, Валенсии).

На мусульманском Востоке и в Индии проститутки также жили в определенных, отведенных им начальством улицах.

Отдельные бордели часто носили определенные приметы и названия, обыкновенно по именам животных, цветов и других служивших эмблемами предметов, что особенно характерно для английских, в частности лондонских борделей.

Особыми признаками борделей считаются зловещий фонарь, горящий перед дверью, — обычай, перешедший из классической древности, — и пестрая решетка на окнах, тогда большей частью красного (теперь — зеленого) цвета.

Что касается внутреннего устройства средневекового борделя, то он содержал обыкновенно спальни для проституток, комнаты для общих собраний и попоек, кухни и ваннные комнаты.

Об одном франкфуртском публичном доме мы узнаем, что он состоит из 6 комнат и имеет одно большое и 19 небольших окон. Некоторые бордели были особенно роскошно устроены, как, например, публичный дом в Монпелье, обладавший превосходными банями. Городские счета многих средневековых городов содержат указания о ежегодном ремонте и ежегодных расходах на новые приобретения для домов терпимости.

Как мы уже неоднократно упоминали, публичные дома в течение средних веков всюду перешли в ведение государства или, вернее, города. Публичные дома повсюду были собственностью города или владетельного князя и ими управляли в интересах владельца городские служащие или арендаторы. Частные бордели составляли исключение и, подобно вольным и тайным проституткам, не пользовались расположением со стороны начальства. В лучшем случае их только терпели, чаще же преследовали и боролись с ними.

Все полицейские меры городов и государей были направлены на строгую локализацию и казарменную организацию проституции в принадлежащих государству домах терпимости, надзор за которыми, содержание в надлежащем виде и экономическое использование считалось важной задачей городского начальства. Это видно из счетов архитекторов, из арендных до-

говоров с хозяевами домов и из бордельных уставов. Бордель и его обитательницы считались ценным имуществом города. Поэтому «прелестные женщины» пользовались со стороны начальства особой заботливостью и внимательным отношением, а при их ранениях и убийствах город сам выступал в качестве жалобщика из чисто экономических соображений. Если же какая-нибудь бордельная проститутка хотела нанести ущерб экономическим интересам города, например, бескорыстной и бездоговорной любовной связью, то начальство принимало против нее соответствующие меры*.

Доходы с публичных ломов нередко отдавались городом или князьями в аренду отдельным предпринимателям. Арендный контракт с арендаторами борделя заключался обычно сроком на 1–4 года, с обязательством отказа за 4 недели до окончания этого срока.

Где публичные дома не находились во владении города, там их доход составлял регалии государя или лен духовных и светских династий. Так, аббатство Зелигенштадт-на-Майне получало 8 динарий процентных денег с борделя. Собственностью государей вначале были венские дома терпимости, но затем они перешли в ведение города.

Во многих местах профессиональный налог должны были платить также вольные проститутки, не жившие в домах терпимости, и так называемые бродячие женщины. Во Франкфурте-на-Майне, например, местные проститутки-одиночки должны были платить во время ярмарки один шиллинг, а приезжие — один гульден в неделю, если жили в квартале для проституток. Если они жили в другой части города, то должны были платить больше за более далекое расстояние от дома тюремщика, которому они вносили налог. В некоторых французских уездных городах проститутка должна была либо уплачивать известную сумму, либо отдаться хозяину города. Так было в Сулуаре и Пу-азаке.

В некоторых городах часть дохода с проституток снова обращалась в их пользу, так как употреблялась на лечение больных обитательниц борделя.

Руководство и управление борделями находилось в руках либо городских чиновников, либо частного предпринимателя, бордельного хозяина или хозяйки, под наблюдением городского

* Так, в Аугсбурге в 1344 году сапожница Грета была изгнана на 10 лет и не должна была приближаться к городу на расстояние в 5 миль. При нарушении этого запрещения, ей должны были без суда выколоть глаза; а все это за то, что она имела дело с молодым Варфоломеем против желания его друзей и уехала с ним из города.

начальства. В большинстве случаев надзор поручался служителю магистрата, часто также — палачу или тюремщику. Они получали от бордельных хозяев и проституток еженедельный взнос, в то время как высший надзор лежал обыкновенно на бюргермейстере или на представителях совета, пользовавшихся в этом случае неограниченной властью.

Непосредственное управление большей частью средневековых борделей находилось в руках хозяина или хозяйки, которые, вступая в должность, должны были принимать присягу. Они обязывались честно содержать дом, снабжать женщин пищей, одеждой и всеми другими предметами в подобающем количестве; при уходе из борделя возвратить весь домовый инвентарь, особенно кровати; не допускать в борделе азартных игр и вообще не предпринимать ничего нового без одобрения, вельможа и желания бюргермейстера и городского совета.

За нарушение присяги хозяева борделя подвергались строгому наказанию. К удивлению, оно чаще наблюдалось у хозяек, чем у хозяев. Не имея хорошей рекомендации, невозможно было получить место хозяина борделя. Такое рекомендательное письмо выдал, например, в 1481 году Лауренц Гутмахер своему слуге Ошвальтеру из Нердлингена к городскому совету Винтертура. Он свидетельствует в письме, что в констанцском борделе Ошвальтер всегда был прекрасного поведения и что честность его вне всякого сомнения.

Должность бордельного хозяина иногда переходит по наследству от отца к сыну, например, в Монпелье некий Пане завещал двум своим сыновьям управлять борделем.

Строгий надзор городского совета во многих городах привел к изданию бордельных уставов, служивших путеводной нитью хозяевам при управлении борделем. Почти все эти уставы возникли в XV веке, и в них заметно гуманное стремление защитить интересы несчастных обитательниц борделей.

Главные правила уставов следующие: строгое запрещение доступа в бордель состоящим в браке лицам, будут ли то проститутки или клиенты борделя; запрещение доступа для клериков, нехристиан и детей; предпочтение иногородних девушек при приеме в бордель; запрещение слишком большого ограничения свободы и обсчитывания проституток со стороны хозяина или хозяйки; обязанность считаться со здоровьем девушек и их клиентов путем запрещения сношения во время беременности, менструации и болезней; закрытие борделей во время воскресных и праздничных дней, вечером накануне этих дней и на страстной неделе; забота о порядке и покое в доме; по возможности облегчение возврата к честной жизни.

Наиболее известны бордельные уставы Нюрнберга, Страсбурга, Мюнхена, Констанца, Нима, Авиньона, Нердлингена, Ульма.

Приведем содержание ульмского устава. Согласно присяге, хозяин борделя должен был прилично содержать его, в достаточной степени снабжать подходящими, опрятными и здоровыми девушками в количестве не менее 14. Каждой женщине, живущей в его доме, он должен был давать обед за 6 пфеннигов и не имел права брать с нее больше. Если к обеду было мясо, то она имела право требовать два блюда: суп, мясо и морковь, или капусту и мясо — смотря по тому, что можно было достать; если же мяса не было, то что-нибудь жареное или печеное. Когда не ели мяса, например, во время поста, хозяин должен был давать к обеду каждой девушке селедку и две приправы к ней, а вне поста два яйца или какое-нибудь печенье с двумя приправами. Если какая-нибудь из женщин не хотела брать обеда, хозяин должен был дать ей что-нибудь другое за 6 пфеннигов. Он должен был также покупать ей на ее деньги вино, когда и сколько она пожелает. Если женщина беременела, он должен был удалить ее из дома.

В борделе имелся сундук, предназначенный для общественных целей, и ящик, служивший для точного расчета между хозяевами и проститутками. Каждая женщина, у которой оставался на ночь мужчина, должна была платить хозяину 1 крейцер за ночевку, а все, что она получала от мужчины сверх того, составляло ее собственность. Кроме того, каждая проститутка должна была платить ночью геллер за свечку, и мужчина должен был прибавлять к нему 1 пфенниг. А все, что женщина зарабатывала в течение дня, она должна была класть в сундук. Каждый третий пфенниг из этих денег выплачивался вперед хозяину, из остального же делался вычет к концу недели, в счет долга хозяину.

В борделе существовала собственная расценщица, которая должна была назначать плату за ночевку. Чтобы предупредить обман, сундук имел три ключа. Один из них находился у хозяйина, второй у расценщицы, а третий у избранной самими проститутками женщины. По субботам сундук открывался в присутствии двух проститутток, которые вместе с хозяином и расценщицей должны были следить за тем, чтобы хозяин не брал в свою пользу больше одного из трех пфеннигов и чтобы каждой проститутке из недельного заработка сделан был вычет за долги хозяину. Если женщина получала от своего «милого друга» или вообще от какого-нибудь приятеля подарок, например, платье, вуаль и т. п., то эти вещи принадлежали лично ей.

Хозяин должен был держать для своих женщин кухарку или повариху, но не за счет женщин.

За долги бордельному хозяину родители и мужья могли помещать в бордель своих дочерей и жен, если они были на то согласны. Если же к нему помещали жену или девушку против их согласия и друзья хотели их взять оттуда или они сами хотели уйти из борделя, то хозяин обязан был беспрепятственно отпустить их, не имея права требовать тех денег, за которые они были помещены к нему.

Если женщина, скопив собственные деньги, желала бросить греховную жизнь и уйти из публичного дома, она должна была выплатить хозяину доход, который он получал с нее, а затем уйти в той одежде, в которой поступила в дом; если же этой последней уже не было, то в одежде, которую она обыкновенно носила по понедельникам. Но если она после ухода снова поступала в дом терпимости, то хозяин мог с нее требовать и некоторые другие долги.

Каждая проститутка должна была по понедельникам класть в ящик 1 пфенниг, а хозяин — 2. На эти деньги ставили в соборе по воскресным вечерам свечку Деве Марии. Если какая-нибудь из проституток заболела, то содержимое ящика употреблялось, чтобы обеспечить ей необходимый уход.

Каждая проститутка обязана была ежедневно прясть для хозяина определенное количество шерстяной пряжи, а если она этого не желала, то уплачивать взамен по 6 геллеров в день.

Если хозяин нарушал какой-нибудь из этих пунктов, совет имел право во всякое время отказать ему от должности. Согласно присяге, заведовавшие общественным презрением должны были каждые 3 месяца производить основательную ревизию борделей, прочитывать проституткам устав и, если они находили какие-нибудь беспорядки, докладывать о них совету.

В большинстве публичных домов хозяйки сами были проститутками и продавали себя по требованию посетителей, подобно тому, как «мадам» борделя и теперь еще выступает в качестве проститутки. То же нужно сказать и о расценщице. Поэтому и хозяйка, и расценщица всегда причислялись к проституткам дома.

При рекрутировании проституток в бордели старались принимать только иногородних девушек, местным же доступ туда затрудняли. Запрещено было также допущение замужних женщин и нехристианок. Число проституток в отдельных домах колебалось между 1 и 15, увеличивалось во время больших праздников, ярмарок, соборов и т. д. до 30 и более и достигало в больших домах до 100 человек.

Имена средневековых проституток производились в большинстве случаев от их родины и происхождения, реже в связи с вероисповеданием. Прозвища, noms de guerre, ласкательные и шуточные имена, часто выражали физические или умственные качества и особенности проституток, последствия наказаний и т. п.

Обыкновенно проституток, в большинстве иногородних, называли по их родине, например: Эльза из Регенсбурга, Катерина из Гельбрунна, Базельская проститутка, Та из Ботцена. На происхождение и на другие вообще отношения указывают такие имена, как Агнесса, сестра Лоренца, Шанен, девушка погонщика скота.

Чрезвычайно характерны прозвища проституток, весьма похожие на современные и употреблявшиеся даже начальством в официальных бумагах. Так, в Лейпциге нам известны Жирная Редвига, Разрисованная Анна, Маленькая Анхен. Прозвища обозначают также подвергнутых телесному наказанию, например: безносая Метц из Ульма или Безносая Анна.

Что касается возраста проституток, то запрещено было принимать в бордель несовершеннолетних, как это прямо сказано в страсбургском предписании от 1493 года. В Нюрнберге запрещено было принимать в бордель девственниц. С другой стороны, упоминаются также проститутки пожилого возраста. В записи майнцских бордельных проституток от 20 июня 1402 года упоминаются не менее трех пожилых проституток, 41, 60 и 70 лет.

Если в борделях только одного такого города, как Майнц, и в одном только году было так много старых проституток, занимавшихся своим ремеслом 30–40 лет и более, то отсюда можно заключить, что жизнь в публичных домах, во всяком случае, была более благоприятна для здоровья, чем жизнь бродячих проституток. Уставы средневековых борделей показывают, что гигиенические условия в борделе были в то время безусловно благоприятнее, чем теперь. Тогда старались избежать настоящего рабства и физической эксплуатации сил проституток, и в отношении пищи, питья, пользования свежим воздухом существовали самые либеральные предписания. Проституткам было обеспечено право посещения церкви. Терпимость и сострадание существовали не только на бумаге, но проявлялись и в отношениях чиновников при посещении борделей. Когда члены ратуши осматривали бордель, они выражали дружелюбие его обитательницам и даже выдавали им из городской кассы на чай. Такое отношение, составляющее странный контраст с общественным презрением к проститутке, является результатом приведенного

уже выше взгляда, что проститутки являются необходимыми и полезными сочленами общества и играют известную официальную роль.

Замечательны отношения проституции к церковной жизни в средние века. Хозяин борделя должен был беспрепятственно отпускать проституток на богослужения (в церкви им отведены были особые места). Благочестивая вера, которую исповедовали проститутки, указывала им на бывших кающихся проституток старого времени как на их святых заступниц и патронесс, поминальные дни которых они праздновали и которым молились во время нужды и болезни. Этот патронат средневекового происхождения сохранил свою силу до сих пор. Приведем краткий обзор таких святых:

Мария Магдалина. Название Магдалина получила от своего замка Магдалон, в котором провела чрезвычайно грешную жизнь. Ее отождествляют с великой грешницей из Евангелия (Лука, 7; 36). После смерти Иисуса она бежала от евреев в Марсель и много лет предавалась покаянию в пещере. Ее атрибуты: книга, Христос, ангел, сосуд, волосы, пещера, крест, склянка с миром, мертвая голова. Местная патронесса Шатодюна, Марселя, Неаполя (королевства), Прованса (графства), Темплена, Везеле. Поминальный день — 22 июля. XIV век.

Мария Египетская. Невидимая сила удержала ее от вступления в Иерусалимский храм, после чего Мария изменила свой образ жизни — она была проституткой и сама говорила о себе: «Я делала все, что было позорного». С тех пор она жила в глубоком покаянии, в одиночестве, в пустыне. Ее атрибуты: хлеб, волосы, морковь. Местная патронесса Парижа. Поминальный день — 9 апреля 431 года.

Лючия. Знатная девушка из Сиракуз. Ее хотели насильно потащить в бордель, но даже воли не могли сдвинуть ее с места. Местная патронесса Сиракуз, Толедо. Поминальный день — 13 декабря 303 года.

Маргарита из Кортонь. После жизни, полной греха, публично покаялась в церкви в Альвиано. Ее образумил вид изъеденного червями трупа товарища ее сладострастия. Атрибуты: крест, орудия пытки. Местная патронесса Кортонь. Поминальный день — 22 февраля 1297 года.

Так называемые «дома для кающихся грешниц» и «дома магдалин» нередко связаны с почитанием одной из этих святых покаявшихся грешниц.

Наряду с благочестием, немаловажную роль играет также обязательный труд. Так, в ульмском борделе проституток приучали к ежедневной работе; в Риме они должны были помогать при тушении пожаров. Но, судя по немногим имеющимся документам, принудительная работа существовала не везде.

Круг клиентов публичных домов составлялся в средние века из самых различных слоев населения. Среди посетителей борделя называют императоров и князей, дворян, членов ратуши, бюргеров, студентов, писателей, священников, ремесленников, низших городских служащих, преступников и сутенеров и даже ищущих гетеро- и гомосексуальных сношений женщин.

Несмотря на стремления властей ограничить и сконцентрировать всю проституцию в борделях, находящихся под государственным надзором, невозможно было воспрепятствовать увеличению числа тех, которые «не желали быть публично проститутками». В противоположность вольным (или тайным), бордельные проститутки назывались публичными (или явными).

Вольную проституцию средних веков нужно различать по тому, концентрируется ли она больше в известных улицах и домах (в частных квартирах, тайных борделях и квартирах для встреч, в трактирах и танцклассах, тавернах и увеселительных заведениях, банях, цирюльнях, мельницах и погребях), или же предпочитает открытую улицу.

Наконец, средневековые проститутки разделяются еще на оседлых и бродячих, а на греко-магометанском Востоке еще на гетер и низших проституток.

О трактирах, тавернах и харчевнях, как местах для проституции мы уже говорили выше. Аналогичным характером отличались на Западе многие танцклассы, а на Востоке — увеселительные заведения с музыкой и пением. Время расцвета домов для танцев относится к XV веку. В танцевальных залах собирались ремесленники и студенты, а хозяин доставлял публичных женщин.

На магометанском Востоке музыкально-вокальное увеселительное заведение работорговца представляло нечто аналогичное нашему современному кафе-шантану. Это было главное место для проституции. Сохранилось описание такого борделя с музыкой, в котором богатый работорговец из Куфы по имени Ибн Замин, очевидно, перс или индеец, живший во время халифа Мансура, вместе со своими продажными девушками принимал покупателей и любовников. Их посещения всегда кончались тем, что девушки проституировали и собирали богатую жатву золотом. Его рабыни, одна красивее другой, совершенно свободно обращались с гостями, показывали им свое искусство в пении и

музыке... Эти бордели с музыкой играли на мусульманском Востоке значительную роль и служили главным образом для завязывания свободных половых отношений.

Средневековые бани, служившие местом проституции, постепенно превратились в кабаки с женской прислужгой, в банные бордели. Их развитие относится к XII–XIII векам. Так, например, баня у Pont Troucat в Авиньоне в 1435 году имела не менее 16 спален, кухню, большой купальный зал, сад. Все комнаты в изобилии снабжены были перинами. Составленный в 1446 году список инвентаря бани у La Pierre в Авиньоне перечисляет многочисленные кровати, каменные и медные ванны. Весьма замечателен также венецианский документ от 30 марта 1490 года, в котором в ответе на прошение арендатора бани Энрико Сквამико прямо сказано, что его банное заведение должно отныне считаться явным борделем, в котором могут находиться и жить все явные проститутки.

В некоторых городах, например, в Париже, с борделями постоянно конкурировали цирюльни. Предписание от 1311 года запрещает парижским цирюльникам держать у себя проститутку и эксплуатировать их экономически.

Мы встречаемся также с проституцией на мельницах, известной нам из древних времен, и с проституцией в погребках и других подземных помещениях, где проститутки оставались только днем и в определенные часы, а с наступлением ночи уходили оттуда, чтобы избежать преступлений, возможных в этих темных углах.

На основании многочисленных источников мы можем заключить, что в средние века существовала обширная уличная проституция. Часто встречаются жалобы на уличные скандалы со стороны проститутки. В 1458 году Гедвиг из Силезии и Грета-француженка были высланы из Лейпцига за скандал и драку на улице. В 1459 году Маленькая Анхен и Кет из Виденгайна, вольные женщины, напали на честную женщину, хотели потащить ее к себе и совершили над ней насилие. Чаще всего ссоры и драки происходили между бордельными и вольными проститутками.

Отношение бродячих проститутки к оседлым — по крайней мере, в северных странах Европы — можно охарактеризовать в следующих словах: первоначально бродячие, пришлые проститутки занимались своим ремеслом, переходя из города в город, из деревни в деревню, а потом уже были учреждены публичные дома, для которых проститутки рекрутировались и из местных девушек.

В более позднюю эпоху средних веков бродячие проститутки все еще играли значительную роль наряду с оседлыми и в известных случаях (празднества, имперские сеймы, мессы и т. п.) составляли большинство. Столь же распространенный тип представляла бродячая проститутка на магометанском Востоке.

Хотя в Европе в средние века не было гетер и мы встречаем вполне развитые формы гетеризма только на Востоке, тем не менее и в западных странах существовали различные категории проституток. Обитательницы публичных домов и тайные проститутки стремились изображать элегантных дам и применять всевозможные косметические средства, чтобы привлечь мужчин.

Институт собственно гетер мы находим в средние века только на Востоке. В Византии, в Багдаде, в индийских городах красивые, умные, художественно образованные гетеры были славой страны. Пикантная певица ценилась больше честной женщины. Выдающаяся куртизанка какого-нибудь города была предметом зависти для других городов. Украшением каждой пирушки была арабская певица. Замечательно, что вначале певицами были византийские гетеры, которые пели на греческом языке, и только впоследствии возникла настоящая арабская школа пения в Мекке.

Большое и без того число клиентов проституции увеличивалось благодаря мужчинам, которых завлекали и соблазняли сами проститутки. Параграф 14 авиньонского устава от 1458 года строго запрещает проституткам всякое насильственное принуждение мужчин путем потягивания их за платье, отнятия шапки и т. п.

Из интересного неаполитанского манускрипта Парижской Национальной библиотеки мы узнаем, что и средневековая проститутка стремилась получить плату вперед, затем внезапно изменяла свое обращение с посетителем и старалась грубыми словами как можно скорее избавиться от него. Как употребительное обращение проституток к клиентам там приводится следующее: «Скорей, скорей, и вставай! Черт тебя возьми!»

Плата проститутке за одно посещение была довольно незначительна, особенно в домах терпимости — настолько, что это вошло в поговорку и даже мужчины низшего сословия могли себе позволять регулярное посещение борделя. (Согласно хронике декана Сен-Тьебо, в 1420 году сношения с четырьмя проститутками стоили столько же, сколько одно яйцо.)

Сказанное об институте гетер относится также к гомосексуальной мужской проституции средних веков, которая на Востоке была развита сильнее, чем на Западе. Из этого, однако, не следует, что на христианском Западе она была менее

распространена — на Востоке, под влиянием греко-византийского народного обычая, она только пользовалась большей свободой и терпимостью, чем в Европе, где гомосексуальные сношения подвергались строгому преследованию и нередко наказывались смертью как ужаснейшее преступление.

Однако гомосексуализм распространен был тогда, вероятно, в таком же процентном отношении, как теперь, и поэтому можно допустить существование гомосексуальной проституции и в тех европейских городах, в которых случайно не сохранилось источников по этому вопросу. В некоторых городах (как, например, в Венеции и Париже) гомосексуальная проституция достигла даже такого объема, который напоминает о положении вещей на Востоке. Уже в средние века встречаются свои гомосексуальные скандалы и скандальные процессы. Мы напомним только о знаменитом процессе тамплиеров, в котором обвинение в гомосексуализме составляет центральный пункт всего обвинения.

Здесь, конечно, не место подробно описывать гомосексуализм средних веков, история которого до сих пор еще недостаточно разработана. Мы ограничимся лишь указанием на главные пункты, имеющие значение для понимания гомосексуальной проституции.

Так, не подлежит сомнению, что среди проституированных мужчин и их клиентов было много гомосексуалистов от природы — факт, который бросился в глаза уже великому арабскому врачу средних веков, знаменитому Ибн Сине (Авиценне) (ок.980–1037), и заставил его высказать замечательный взгляд, что педерастия есть «физический недостаток».

Положение, что прирожденный гомосексуализм представляет общераспространенное антропологическое явление, не зависящее от времени, места и народности, доказано мною статистическим путем для Кельна. Из кельнских процессуальных актов за 1484 год я добыл поразительное доказательство того, что процент гомосексуалистов в Кельне в это время почти совпадает с тем, который установила для города ценная анкета Гиршфельда о распространении гомосексуализма в Германии. Согласно заявлению одного пастора, в 1484 году в Кельне было около 200 гомосексуалистов, известных ему лично или со слов других лиц, что при общем числе жителей в 20–25 тысяч человек составляет около 1%, то есть лишь немногим менее цифры, полученной по статистике Гиршфельда (1–1,5%). Одного этого было бы достаточно, чтобы усомниться в предполагаемом «возрастании» гомосексуализма в наше время, если бы даже не было других фактов,

решительно говорящих против такого мнения, в особенности факта полного совпадения всех явлений средневекового гомосексуализма с современным.

Тогда, как и теперь, он существовал среди всех сословий, среди богатых и бедных, среди мужчин и женщин. Тогда, как и теперь, существовали мужская проституция, известные места для встреч и собраний гомосексуалистов и, вероятно, известные организации.

Капитулярии* Каролингов и каноническое право говорят о гомосексуализме как общеизвестном и распространенном виде половых сношений в такой форме, которая скрывает в себе существование гомосексуальной проституции. По внешним своим проявлениям, последняя в древнейшие времена еще обнаруживает подражание римскому кинедизму. Италия в этом отношении приняла наследство от Рима. Уже Данте и Боккаччо упоминают о большом распространении гомосексуальных наклонностей и о возможности легкого им удовлетворения. В XIV и XV веках более значительные итальянские города, особенно Венеция и Рим, были центрами обширной и вполне организованной мужской проституции.

Известны замечательные документы, касающиеся средневековой гомосексуальной проституции в Венеции, из которых мы укажем в хронологическом порядке на следующие: 30 августа 1443 года запрещено было мужчинам под страхом денежного штрафа и тюремного заключения публично появляться в женском платье. В акте от 2 марта 1455 года указывается на большое распространение педерасти в городах, и для каждой части города назначаются два пожилых дворянина для наблюдения за местами гомосексуальной проституции и за тем, как она применяется. В 1459 году грек-гомосексуалист Иоанн Гиерахос приговорен был к смерти через обезглавливание, между тем как проституированный мальчик Франческо Бардеро отделался годом тюремного заключения.

В высшей степени характерно предписание от 16 мая 1461 года, согласно которому врачи и цирюльники обязаны доносить о всяком поражении или повреждении заднего прохода у женщины или мужчины, вызванном педикацией. Законом от 25 августа 1464 года за педерастию назначается смертная казнь через сожжение. Предписание от 7 января 1468 года указывает на то, что многие женщины и мальчики предаются профессиональной проституции и педикации.

* Капитулярии — королевские указы.

Существование в Венеции обширной гомосексуальной проституции подтверждает, кроме того, следующее описание поведения сводников: «Но так как сводники и сводницы, сводящие с мальчиками и с женщинами для педерастических целей, своими советами, обещаниями и вознаграждением, соблазняют и распространяют это отвратительное преступление, то постановлено, чтобы сводники и сводницы подвергались такому же наказанию, как и сами педерасты, если сводничество их послужило причиной педикации мальчика или женщины».

Число проституированных мужчин в Венеции в XV веке было так велико, а выступление их на улице так свободно и непринужденно, что они составляли серьезную конкуренцию для женщин-проституток. Поэтому правительство было вынуждено прибегнуть к удивительной мере, о которой и теперь еще напоминает название *Ponte e fondamente delle Tette* в городе Сан-Кассиано: жившие в бордельном квартале Карампане проститутки должны были доходить до этого моста и, стоя с обнаженной грудью (*tette*), завлекать прохожих. Обычай этот объясняется законом Совета Десяти, который повелевал женщинам-проституткам стоять с обнаженной грудью у открытого окна или на улице, чтобы завлекать мужчин и удерживать их таким образом от увлечения педерастией. Поистине своеобразный способ борьбы с гомосексуальной проституцией, отнюдь не достигший, однако, своей цели.

Суровые наказания, которым подвергали даже несовершеннолетних проституированных мальчиков, также остались совершенно бесплодными. Так, например, 7 июля 1462 года приговорены были к суровым телесным наказаниям (обрезанию носа, кастрации, клеймению) проституированный греческий мальчик *Теодор* и мальчики *Франческо Раваньяно* и *Гаспаре Калегарио*.

Особенно любимым местом для «прогулок» проституированных мужчин были окрестности монастыря крестоносцев и темные углы во дворцах, принадлежавших герцогам Моденскому и Феррарскому в Венеции. Для встреч с кинедами, по видимому, пользовались также гондолами. Но излюбленными местами для мужской проституции — судя по чрезвычайно многочисленным сообщениям — служили цирюльни, владельцы или служащие которых давали значительно больший процент гомосексуалистов и проституированных мужчин, чем другие профессии. Кроме того, для целей мужской проституции пользовались тавернами, борделями и частными квартирами женщин-проститутки.

В Риме гомосексуальная проституция достигла еще больших размеров, чем в Венеции. Кинедизм широко развивался также в университетских городах, например, в Болонье. Произведения *Боккаччо*, *Петрарки* (1304–1374), *Мазуччо* (ок. 1415 — ок. 1475) и многих других авторов полны намеков на существование педерастики.

О Париже *Жак де Витри* рассказывает, что гомосексуализм до такой степени господствовал там среди духовенства, что если кто-либо из них отвергал проститутку, пристававшую на улице, то она из мести кричала ему вслед: «Содомит!» Мало того, мужчины, следовавшие приглашению проститутки или имевшие наложниц, считались добродетельными.

Тем не менее, вряд ли можно было бы говорить в средние века об «итальянском пороке» или «пороке французском» (вроде того, как французы называют теперь педерастию «немецким пороком»), если рассматривать, например, условия, существовавшие в средние века в Кельне. Для этого можно воспользоваться процессуальными актами, из которых видно, что в конце XV века деятельность гомосексуалистов и протитуированных мужчин была до такой степени публична и заметна, что совет вынужден был опросить пасторов и исповедников, чтобы выяснить положение вещей и, если возможно, помочь делу. Мы укажем на следующие замечательные детали из заявлений, сделанных различными пасторами. Пастор церкви Св.Апостолов рассказывает о бедняке, который на смертном одре признался ему во время исповеди о своих половых отношениях с одним богатым господином из высших слоев общества. Хотя у последнего были жена и дети, он был, по-видимому, типичным гомосексуалистом, так как часто прибегал к сношениям с названным бедняком и каждый раз платил ему гульден.

Из заявления пастора в Ст.Колумбане мы узнаем подробности о существовании мужской проституции в Кельне. Он сообщает, что несколько лет тому назад один мужчина продавал себя другим за деньги.

Чиновник из Ст.Куниберта сообщает, что он, к сожалению, довольно часто встречал таких субъектов, прежде еще больше, чем теперь — каждый год по два или три человека, «предававшихся греху», как среди «распутных и непросвещенных людей», так и среди людей, живших при хороших условиях.

Пастор из Ст.Мартина делает еще, кроме того, интересные указания относительно части города, особенно посещаемой гомосексуалистами — у Сенного рынка. (Один кельнский господин сообщает, что в Кельне у Сенного рынка и теперь еще есть старый кабачок, посещаемый почти исключительно гомосексу-

алистами и проституированными мужчинами.) Лишь немногим священникам даже на исповеди не пришлось ничего узнать об этих вещах.

Научного исследования гомосексуализма в то время еще не было, и сообщения католических священников и исповедников — людей, единственно призванных и действительно сведущих в этой области — обнаруживают довольно обстоятельное знакомство с кельнскими гомосексуалистами и их организацией. До сих пор мы не имеем столь полных сведений о каком бы то ни было другом немецком городе, хотя и относительно других городов есть указания на «ересь», как называли тогда педерастию.

В Голландии высший чиновник страны, президент Гоосвин де Вильде был даже обезглавлен в 1446 году за этот грех.

На Востоке с его гигантскими городами гомосексуальная проституция могла развиваться до более значительных размеров, тем более, что здесь всюду можно доказать греческое влияние, продолжавшее действовать через Византию и вызвавшее, например, у арабов, организацию типичного кинедизма, первоначально им чуждого. Греческих проституированных мальчиков можно было найти в средние века во многих городах Востока и в странах, прилегавших к Средиземному морю. Распутную деятельность профессиональных соблазнительей мальчиков в самой Византии описывает уже Прокопий. Она была так распространена и в более позднюю эпоху средних веков, что за нее присуждали к самым суровым наказаниям, даже к сожжению на костре.

Впервые тип проституированного мужчины укоренился среди арабских завоевателей благодаря бродившим на Востоке греческим мимам. До ислама настоящая гомосексуальная проституция не могла развиваться из-за отсутствия больших городов и соответственного спроса. Она появляется только в империи халифов, в больших городах, выросших отчасти на почве греческой культуры. Противоположность в этом отношении между эпохой бедуинов и временем больших городов отмечают уже средневековые арабские писатели.

Публичному распространению гомосексуальных наклонностей способствовали также учения магометанских гностиков, не только превративших греческую любовь чуть ли не в догму, но и предававшихся ей на практике, между тем как учение пророка в чистом виде подвергало любовь между мужчинами проклятию. Впрочем, первая организация гомосексуальной проституции исходит именно из священных городов Мекки и Медины как рассадников музыкального и вокального искусства, мужские представители которого, моханнат, образовали цех

профессиональных кинедов. Отсюда выписывал своих артистов-музыкантов дамасский двор, а впоследствии моханнат были типичными представителями мужской проституции и в других арабских городах, в Багдаде, Бассоре, Куфе, Каире. В конце концов, мужская проституция развилась до таких размеров, которые напоминают положение вещей во время римских императоров.

Моханнат, всегда окруженные большим числом поклонявшихся им мужчин, за плату предлагали свои услуги лицам обоих полов. Костюмом и внешним видом они подражали женщинам: красили руки хной, носили широкие пестрые женские одежды и причесанные, заплетенные косы, пели под аккомпанемент ручного барабана и кастаньет, танцуя, надо полагать, известные развратные танцы, еще и теперь употребительные на Востоке. Подобно сводникам и женщинам-проституткам, они составляли собственный цех.

Благодаря деятельности моханнат, сильно пострадала репутация певцов и музыкантов, которые неоднократно подвергались строгому преследованию. Во время халифа Сулеймана, например, в Медине оскотлены были все моханнат, в том числе и знаменитый певец Ибн Даллал.

Наряду с моханнат, существовали проституированные мальчики. Они носили желтую одежду в пестрых цветах и, расхаживая попарно, открыто и самым бесстыдным образом предлагали себя на улице мужчинам, как это описывает Абу Нувас (762–813), знаменитый «поэт кинедов»:

Я встретил несравненную безбородую пару и воскликнул:

— Клянусь, я люблю вас обоих!

— Есть ли у тебя деньги? — спросил один. Я сказал:

— И щедрая рука.

— Это именно то, что нам нужно! — воскликнула красивая пара.

В другом стихотворении Абу Нувас описывает медленную, мягкую походку проституированного мальчика и его женственность.

Какого громадного объема достигла гомосексуальная проституция в некоторых городах, видно, например, из того характерного факта, что любимец халифа Мамуна, кади* Ягиа Ибн Актан из Бассоры, закоренелый педераст, мог в самое короткое

* Кади — в мусульманских странах судья, единолично осуществляющий судопроизводство на основе шариата — свода правовых и теологических нормативов.

время собрать не менее 400 проституированных мальчиков для составления фельдъегерского полка и для удовлетворения собственной похоти.

Спрос соответствовал громадному числу проституированных мужчин, клиентура которых обнимала прежде всего высшие сословия. При знаменитом халифе Гарун аль-Рашиде, при котором гомосексуализм воспет был придворным поэтом Абу Нувасом, достигла своего расцвета и гомосексуальная проституция. Сам Амин, сын Гарун аль-Рашида и его кузины Зобаиды, был страстным педерастом и подчинялся красивым пажам. Чтобы отвлечь сына от опасной страсти, Зобаида придумала следующее: она велела одеть наиболее красивых своих рабынь в костюмы пажей, чтобы дать таким образом другое направление вкусам сына, что ей вполне удалось. Девушки-пажи чрезвычайно понравились ему и с тех пор вошли в моду в домах богатых людей.

Как мы уже упоминали, любовь к мальчикам нашла тогда своего поэта в лице Абу Нуваса, который, будучи бисексуальным, предпочитал в поэзии и в жизни гомосексуализм и считался поэтом кинедов. Таким он представлен в одной из историй «1001 ночи» (381–383 ночи). Кроме него, как поэты, воспевшие любовь к мальчикам, упоминаются Абу Таммам, аль-Гапири и другие. С ними соперничали персидские поэты, и прежде всего Саади (между 1203 и 1210–1292) в его «Гулистане» (1258) и Хафиз (1325–1389 или 1390). Характерно, что оба они жили в Ширазе — городе, который и теперь еще служит центром педерастии и мужской проституции, согласно старой поговорке:

*Исфоган производит много художников и ученых,
но танцоров, певцов и пьяниц ты можешь найти в Ширазе.*

Местом для завязывания сношений и для практики гомосексуализма служили здесь преимущественно винные погреба, а типом проституированного мальчика был саки, юный виноторговец.

На магометанском Востоке все презрение издавна сосредоточено было на патике и проституированном мужчине (аль-мафуль), между тем как гражданская честь активного педераста (аль-файль) несколько не страдала.

Сведения о женском гомосексуализме и лесбийской проституции в средние века довольно скудны, хотя существование их в больших городах несомненно.

В предписании Совета Десяти в Венеции от 15 марта 1480 года некоторым женщинам запрещается выходить на улицу в мужской прическе и говорится, что эта мода усвоена в особенности проститутками. Тут же высказывается предположение, что женщины эти желают своим мужским костюмом завлекать

мужчин для противоестественных сношений. Вероятно, речь здесь идет о лесбийских проститутках, которые мужскими аллюрами старались возбудить внимание гомосексуальных женщин. Во всяком случае, из актов от 19 сентября 1481 года и 28 августа 1500 года видно, что в Венеции существовали сводницы и посредницы между женщинами и проститутками для пособничества в гомосексуальных отношениях

Ясное высказывание о трибадии находится в упомянутых уже кельнских процессуальных актах от 1484 года. Пастор из Ст.Мартина заявляет там, что дело, к несчастью, дошло до того, что мужчина развратничает с мужчиной и женщина с женщиной. Ему часто приходилось наказывать своих прихожан за гомосексуальные сношения, как между мужчинами, так и между женщинами. Ему присылали письма, которые он желал бы порвать и сжечь, — в них сообщались имена этих людей.

На магометанском Востоке трибада уже в средние века была общеизвестным типом. Действия и поведение трибад весьма ярко описаны, например, в лице старой Цат аль-Даваги в «1001 ночи» (93 ночь). В некоторых городах существовали форменные организации лесбийской проституции.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ПРОСТИТУЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА. НАДЗОР И БОРЬБА С НЕЮ

Общая точка зрения на надзор и регламентацию проституции в средние века. — Общегосударственные законы. — Специальные учреждения и органы полиции нравов. — Позорящие честь и телесные наказания проститутток. — Костюмы проститутток, установленные законом. — Гигиена проституции в средние века. — Дома кающихся магдалин. — Браки с проститутками. — Ложные магдалины.

В средние века государственная регламентация и контроль над публичными домами развились в систему, урегулированную до малейших подробностей, в своего рода бухгалтерию о каждом публичном доме и о каждой отдельной проститутке во всем, что касалось возраста, здоровья, жилища, доходов и т. д. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до сих пор списки налогов, например, Безансона, и подробные записи проститутток Майнца и Страсбурга. Кроме того, контроль старались облегчить строгими предписаниями относительно одежды проститутток и, наконец, систематическими обысками, которые устраивались время от времени во всех частях города, чтобы отыскивать проститутток и сводников, живущих вне отведенных для них районах.

Все эти меры проводились на основании законов. Таковы: 1) общие законы отдельных государей и 2) специальные законы и предписания различных стран и городов.

В большей части городов исполнением законов и охраной их заведовали специальные учреждения и органы полиции нравов.

В некоторых городах для надзора за низшей полицией нравов существовало подведомственное Совету высшее учреждение, которое должно было контролировать действия полиции нравов как своего исполнительного органа, что довольно часто бывало необходимо. Дело в том, что низшие чиновники, на многое готовые смотреть сквозь пальцы, поддавались подкупу со стороны хозяев и проститутток.

В противоположность современным условиям, контроль полиции нравов простирался в средние века не только на женщин, но и на мужчин. Женатым мужчинам и духовным лицам вход в публичные дома был строго воспрещен, и постоянный надзор за обеими этими группами мужчин составлял вторую важную задачу средневековой полиции нравов. Она должна была следить и за недопущением нехристиан (евреев, турок,

мавров) к общению с проститутками. Интересные сведения дают в этом отношении аугсбургские записи вредных людей, в которых с особенной добросовестностью приводятся имена сводниц, особой профессией которых было сводить с проститутками именно женатых мужчин, священников и евреев.

Упомянем здесь к стати удивительную сельскую полицию нравов в средние века, так называемые «Knabenschaften» (союзы мальчиков) в области Ретии (особенно в романских долинах Граубюндена, в Энгадине). Это союз молодых людей, который обязан был наблюдать в деревнях за нравственным поведением жителей. Члены союза должны были регулярно собираться для обсуждения дел, устраивать судебные заседания и составлять протоколы.

За нарушение предписания полиции нравов в средние века грозили позорящие честь и телесные наказания. Особенно строго поступали со сводницами, а также с проститутками, учинявшими публичный соблазн.

Из наказаний, позорящих честь, мы упомянем прежде всего публичное выставление у позорного столба, обыкновенно в так называемом «ошейнике», причем осужденные все время подвергались осмеянию черни (Франкфурт-на-Майне). В некоторых местах, особенно в южной Германии, подвергавшиеся наказанию должны были публично проехать по городу в «экипаже проституток»*. В Вене они должны были нести через весь город, до конца городского округа, тяжелый камень. В Ниме и Аббевилле виновная проститутка должна была проехать через весь город верхом на осле или лошади, лицом к хвосту. В Венеции сутенер своей жены должен был проехать верхом на осле через весь город в желтом платье, с рогами на голове.

О странном обычае сообщают из Тулузы. Там виновной проститутке связывали руки и надевали на голову украшенную перьями сахарную голову, на которой сзади был описан ее проступок. Затем ее запирали в железную клетку и с находившейся на реке скалы три раза погружали в воду.

Все эти позорящие честь наказания часто были связаны с денежными штрафами**, тюремным заключением или весьма излюбленным в таких случаях изгнанием. В средневековых источниках существуют многочисленные тому примеры.

* В Англии впереди повозки проститутток шли два музыканта, а шумная толпа забрасывала проститутток грязью.

** Штрафные деньги обыкновенно употреблялись городами для приличного содержания борделей, а часть из них получали чиновники полиции нравов. В Страсбурге, например, они получали четвертый пфенниг из штрафных денег.

Весьма разнообразен также список телесных наказаний, грозивших проституткам, сводницам и сутенерам за их проступки. Чаще всего применялось наказание кнутом (например, в Байонне, Авиньоне, Женеве), клеймение (в Бордо, Неаполе), отрезание носа (в Аугсбурге, Неаполе), затем отрезание рук и ног (Авиньон, Ним), отрезание ушей (Париж) и пр. При особенно тяжелых проступках — в случаях тяжелого сводничества — применялась смертная казнь через повешение (в Аугсбурге) или даже сожжение (в Венеции).

Наиболее резким знаком общественного презрения к проститутке и потому, быть может, даже более чувствительным, чем некоторые из указанных выше наказаний, было введенное повсюду законодательное предписание относительно определенного костюма, связанного с профессией проститутки, и известного, заметного издалека, значка на платье. Главнейшим основанием для этого предписания была создаваемая им возможность отличия проститутки от честной женщины — мотив, заимствованный средними веками у древних. Поэтому определенные костюмы для проституток существовали уже задолго до устройства публичных домов. С уверенностью это можно доказать уже для XI и XII веков. Проститутки носили тогда в Германии и Англии верхнее платье с разрезом почти до верхней части бедра, так что видны были ноги с тесно облегающими их панталонами.

Вторым основанием было то обстоятельство, что предписанием определенного, по возможности простого, костюма ограничивалась чрезмерная страсть проституток к нарядам, которую ярко описывают великие средневековые проповедники нравственности. Таким путем возникли многочисленные касающиеся костюма предписания различных городов, которые при строгом проведении составляли еще, кроме того, немаловажное вспомогательное средство для регламентации и надзора за отдельными проститутками.

Средневековые костюмы проституток в XIV и XV веках характеризуются тем, что обыкновенно одна какая-нибудь часть костюма, а иногда и несколько, бывали бросающегося в глаза цвета и заметны были уже издалека.

Аугсбург — вуаль с зеленой полосой, шириной в два пальца.

Берн и Цюрих — красная шапочка.

Вена — желтый шарф на плече, шириной в ладонь, длиною в один шаг.

Лейпциг — желтый кусок материи; домовые проститутки должны были носить колпак на голове.

Франкфурт — желтый убор. Запрещено носить золотые цепи, бархат, атлас и дамаск.

Страсбург — черная с белым шляпа.

Авиньон — черный бант при светлом платье и белый бант при темном платье на левой руке, между локтем и плечом.

Ним — рукава другого цвета, чем платье.

Безансон — красный бант на рукаве.

Фаэнца — желтая вуаль, корзинка на правой руке.

Болонья — капор с погремучками.

Пьемонт — большой неуклюжий чепчик, с двумя рогами снаружи, длиной около полуфута.

В некоторых городах меры средневековой полиции нравов распространялись также и на гигиену проституции. Хотя предписания полиции почти совершенно не касаются вопроса о распространении венерических болезней путем сношений с проститутками, тем не менее явно пораженные болезнью проститутки удалялись из борделя, а здоровым девушкам вменялась в обязанность педантичная чистота. Такие предписания известны для Констанца, Ульма, Нюрнберга, Франкфурта-на-Майне. Речь здесь идет, конечно, не о настоящем и регулярном врачебном обследовании, которое вошло в обиход лишь со времени появления сифилиса, а только об общих указаниях хозяину или хозяйке борделя.

Так, в бордельном уставе города Констанца сказано: «Женщину, пораженную болезнью или имеющую месячные очищения, мы должны отделить от здоровых, а в борделе будем оставлять только здоровых девушек». Ульмский устав предписывает хозяину, чтобы он держал в своем доме только «чистых и здоровых» женщин и не допускал туда беременных. Проститутки имели также свою собственную баню поблизости от собора. Нюрнбергский бордельный устав содержит специальные гигиенические предписания, согласно которым хозяин обязан устраивать проституткам по крайней мере одну ванну в неделю, и притом в самом борделе, за свой счет.

Собственные бани в борделях упоминаются довольно часто, например, в Авиньоне и Монпелье, а из сочинений средневековых врачей мы знаем, что проститутки уделяли вообще много внимания гигиене половых органов. Так, в «Хирургии» Генриха Мондевилля (XIV век) сказано: «Половые органы женщин требуют двойного ухода: наружного и внутреннего. Внутренний уход необходим проституткам, испытанным в своем деле, — особенно тем, у которых от природы или вследствие частых сношений вялая и мягкая вульва, — чтобы казаться девушками или, по крайней мере, не казаться публичными женщинами».

Всеобщий страх перед проказой заставлял в средние века прибегать к особым мерам предосторожности при посещении борделей, чтобы предупредить дальнейшее распространение болезни. Парижское предписание от 1268 года решительно запрещает допускать прокаженных в бани. В Лондоне городские чиновники обязаны были еженедельно посещать бордель, чтобы удалять оттуда прокаженных. В Провансе городская администрация прежде всего обязана была наблюдать в этом отношении за публичными домами. В 1445 году «аббатисса» борделя в Оранже заподозрена была в заболевании проказой. Городской совет поручил тогда четверем врачам, цирюльнику и хирургу осмотреть ее с головы до ног, тщательно исследовав. Результат получился отрицательный. О таком же исследовании проститутки, подозрительной в смысле заболевания проказой, сообщают из Франкфурта в 1354 году, причем девушка действительно оказалась больной.

Мы должны, впрочем, оговориться: изданное в некоторых местах (например, в Авиньоне и каталонских городах) запрещение проституткам прикасаться к находящимся в продаже предметам или целовать частных лиц имело в основе не страх заражения, а чувство отвращения к прикосновению таких презренных женщин, как проститутки. Это видно из того, что такое же запрещение существовало и для евреев.

Поразительный контраст с таким общественным презрением к проституткам составляет, с одной стороны, социальное признание их церковью и государством как необходимого зла, а с другой — так называемое спасение несчастных падших женщин той же церковью, что считалось великой задачей христианской любви, а брак с обращенной проституткой, по каноническому праву, признавался даже благочестивым делом.

Основание домов для кающихся грешниц, или домов магдалинок, связанное главным образом с именем Марии Магдалины, было результатом такого воззрения. История этих учреждений теряется еще в древней эпохе. Уже Василий Великий, епископ Кесарийский (ок.330–379), в числе крупных благотворительных учреждений устроил также убежища для падших девушек. А потом аналогичное учреждение для приема 500 проституток основала византийская императрица Теодора, как мы уже говорили об этом подробнее выше.

Основание средневековых домов Св.Магдалины можно проследить до начала XII века, но систематически их стали вводить лишь с первой четверти XIII столетия.

В первые годы XII века Роберт Арбриссель, великий проповедник, основал в Фонтевро в Пуатье орден, поставивший себе целью обращение незамужних женщин, а следовательно, и

проституток. Своими покаянными проповедями он подымал целые бордели и наставлял их обитательниц в «духовном соревновании». В 1198 году проповеди двух священников, Фюлькона и Пьера де Россиака, имели в Париже такой успех, что проститутки обращались толпами, так что можно было открыть для них монастырь Св.Антония близ Парижа.

В широких кругах заметное движение с целью обращения проституток и основания домов Св.Магдалины началось лишь около 1220 года в Германии и Франции. Впоследствии оно перешло и на другие христианские страны. Тогда возник орден кающихся грешниц Св.Марии Магдалины, или магдалинисток, первоначально заседавший в Германии и имевший там многочисленные монастыри.

Из конституции ордена видно, что правила его не были чрезмерно строги, но всюду большое значение придавалось труду, и строго соблюдалось отшельничество. Преподавали только чтение и пение, грамматику не изучали. Сестры старше 24 лет, не знавшие псалтыря, не обязаны были изучать его. Если существовала опасность для спасения души, то во время приема монахини можно было вообще отказаться от обычных требований. Испытательного года не было. Монастырь, очевидно, должен был предлагать падшим приют, чтобы обезопасить их от дальнейших искушений и чтобы они искупили совершенные грехи покаянием, но он не имел в виду воспитание проституток для честной жизни в миру. Поступавшие в монастырь становились и оставались монахинями. Впоследствии монастыри магдалинисток принимали также честных девушек.

Наряду с монастырями для кающихся грешниц, в XIV веке возникли, особенно в Германии, дома для покаянных сестер, или обращенных женщин, которые не носили характера монастыря, а стремились скорее быть настоящими убежищами и исправительными заведениями, вроде нынешних домов для раскаявшихся проституток. Несколько мужчин в южной Германии объединили проституток и пользовавшихся столь же дурной славой актрис в общества и поместили их в предназначенные для того здания, где их одевали, кормили, приучали к работе и где они находились под надзором.

Первое такое учреждение основал в 1302 году богатый купец в Шпейере. За ним последовал в 1303 году молодой ученый в Кольмарей, Генрих фон Гогенберг, который учредил такого рода убежища не только в своем родном городе, но и в других городах. В каждом помещал 10–20 девушек и покрывал расходы сборами щедрых пожертвований.

Известен основанный в 1384 году тремя бюргерами в Вене дом Св.Иеронима, получивший в том же году от герцога Альбрехта III льготную грамоту. Во главе его стояла честная, благочестивая женщина, которая, опираясь на многих помощниц, руководила исправлением поступающих. Они давали не постоянный, а только временный обет. Им разрешалось заниматься всяким делом, кроме устройства трактиров, кабаков или занятия торговлей. Герцог не только освободил дом от налогов, но предписал даже, чтобы лица, вступающие в брак с обитательницей дома, не теряли своей чести и цеховых прав. Если какая-нибудь из поступивших покидала дом, ее наказывали тюремным заключением и затем высылали. Если же она возвращалась снова к прежней грешной жизни, ее топили в Дунае. Заведение это продолжало существовать до середины XVI столетия.

Особенно благим делом, большой заслугой, со средневековой точки зрения, считалось вступление в брак с проституткой. *Иннокентий III** в 1198 году объявил всем мужчинам, вступившим в такой брак, полное отпущение грехов. Каноническое право объявило такой шаг делом любви. Существовали даже учреждения, облегчавшие заключение подобных браков, например, учреждения в Галле «для благочестивых людей, из любви к Богу вступивших в брак с бедной грешницей».

Результаты, которых достигали дома Магдалин, не были прочны. Часто приходилось слышать о возвращении проститутки к старому образу жизни. Так, из Нюрнбергского дома покаяния сообщают, что обитательницы его редко исправлялись, некоторые даже скорее впадали в «сумасбродство». Дома эти, напротив, часто благоприятствовали развитию разврата, с которым они хотели бороться. Это видно из статусов, основанного в 1497 году Парижского дома кающихся грешниц, составленных самим епископом Симоном де Шампиньи. По этим статусам, в дом могли поступать лишь девушки моложе 30 лет, относительно которых можно было доказать, что они в течение известного времени вели развратную жизнь. «Чтобы предупредить возможность того, что молодые особы сделаются развратными с целью получить здесь после место, те, которым уже однажды было отказано, навсегда должны быть исключены из дома. Кроме того, те, которые были приняты, должны дать клятву своему исповеднику, что они предавались разврату не с намерением со временем поступить в это общество. Нужно им также сказать, что если бы узнали, что они с этой именно целью позволили соблазнить

* Иннокентий III (1160 или 1161–1216) — римский папа с 1198 года. Боролся за верховенство пап над светской властью. Инициатор IV крестового похода и похода против альбигойцев.

себя, они сию же минуту будут удалены из монастыря, если бы они уже даже были пострижены и дали обет». Отсюда видно, что такое явление, вероятно, наблюдалось довольно часто.

К этой же категории относится и ложная Магдалина, характерный тип XV столетия. Эти проститутки бродили по стране под предлогом, будто желают покаяться в своей греховной жизни, и просили милостыню именем Марии Магдалины.

Описанием домов святой Марии Магдалины доктор Иоганн Блох заканчивает свой капитальный труд «История проституции», который в целом так и не был завершен.